Мишель

ЗЕВАКО

Нострадамус

Нострадамус
Мишель Зевако

Аннотация
Мишель Зевако. Нострадамус
Часть первая. КОЛДУНЬЯ
  I. Влюбленные
  II. Доносчица
  III. Два профиля демонов
  IV. Костер на Гревской площади
  V. Пепел костра
Часть вторая. БРАКОСОЧЕТАНИЕ
  I. Два королевских сына
  II. Будет ли свадьба?
  III. Записка
Часть третья. СЫН НОСТРАДАМУСА
  I. Темницы тюрьмы Тампль
  II. Приговоренная
  III. Тюремщик и его жена
Часть четвертая. НАЕМНЫЙ УБИЙЦА
  I. Ребенок растет…
  II. Что пришло в голову принцу
  III. Могила Мари
  IV. Брабан-Брабантец
Часть пятая. ИСЦЕЛИТЕЛЬ

I. Чудо исцеления парализованной
II. Игнатий Лойола
III. Спаситель
Часть шестая. ПУТЬ К ТАЙНЕ
I. И тогда он позвал Мари…
II. Исповедь
III. Четыре стражника
IV. Воля покойного
V. В самом сердце тайны
Часть седьмая. РУАЯЛЬ ДЕ БОРЕВЕР
I. Почему «Руаяль» и почему «Боревер»?
II. Два всадника напали на незнакомца — и что же?
III. Харчевня «Три журавля»
IV. Еще один неизвестный
V. Дочь великого прево
Часть восьмая. МАГ
I. Екатерина Медичи
II. Магический круг
III. Клятва Нострадамуса
IV. Призрак Франсуа
Часть девятая. ПРЕСТУПНИКИ
I. Лагард и Монтгомери
II. Неизвестная женщина говорит с Боревером
III. «Угорь под камнем»
Часть десятая. ДВОР КОРОЛЯ ГЕНРИХА

I. Почему от Екатерины так пахнет смертью…
II. А что и как происходит при дворе?
III. Колдун
IV. Флориза стала невестой
V. Предсказание
Часть одиннадцатая. ФЛОРИЗА
I. Волки выходят из леса
II. Страсть Роншероля
III. Железный эскадрон
IV. Веревочная лестница
V. Лицом к лицу
Часть двенадцатая. БОЛЬШАЯ ОХОТА
I. Кабанье логово
II. Загнанный зверь
III. На этот раз удалось!
Часть тринадцатая. ДАМА БЕЗ ИМЕНИ
I. Дом на улице Тиссерандери
II. Старые друзья
III. Призрак
IV. Мари де Круамар
Часть
четырнадцатая. НОВЕНЬКИЙ В ЭСКАДРОНЕ
I. Телохранители
II. Невидимый советчик
III. Строиться!
IV. Летучий эскадрон в действии

Часть пятнадцатая. ПЕРВЫЙ УДАР ГРОМА
I. Укротитель
II. Ворота Сен-Дени
Часть шестнадцатая. ИГРЫ СУДЬБЫ
I. ...И правила этикета
II. Жизнь и смерть
III. Роншероль
Часть семнадцатая. ПЬЕРФОН
I. Побег
II. Где был Боревер
III. После битвы
Часть восемнадцатая. СХВАТКА
I. Жилье для Флоризы
II. Месть Нострадамуса
III. 29 июня
IV. Руаяль де Боревер
Часть девятнадцатая. МОГИЛА МАРИ
I. Цареубийство?
II. Дворяне королевы
III. Мать
IV. Своего рода продолжение сцены в Турноне
V. Перед могилой
Часть двадцатая. ЭШАФОТ
I. Накануне казни
II. Невеста приговоренного
III. Сен-Жермен-л'Оссерруа

IV. Телохранители маленького Анри
V. Первый указ короля Франциска II
Эпилог

Аннотация

Французский писатель Мишель Зевако (1860–1918) — автор многочисленных исторических и приключенческих романов. Героем одного из своих произведений Зевако выбрал яркую личность, человека, чьи предсказания, сделанные века назад, во многом сбылись и до сих пор волнуют человечество.

Мишель Нострадамус знал медицину и алхимию, каббалистику и астрологию, математику и владел несколькими языками. Он был наделен даром пророчества, но плата за этот дар оказалась непомерно высокой, Нострадамус потерял все, что так любил и чем дорожил больше жизни…

Мишель Зевако
Нострадамус

Часть первая
КОЛДУНЬЯ

I. Влюбленные

Воскресное теплое утро осени 1536 года. Старый Париж Франциска I дышит радостью жизни, раскинувшись под сияющими голубыми небесами. Мы на Гревской площади. В это воскресное утро здесь все искрится весельем. Воздух колышется от звона колоколов, Париж потягивается на солнце, смеется… Но что это? Почему посреди этой площади, под этим приветливым солнышком, между двумя виселицами сооружена такая страшная, такая гнусная штука? Это костер…

Для кого этот костер? Для кого эти виселицы? Может быть, беззаботной толпе и хочется узнать для кого, потому что вот… вот: люди прислушиваются к стону трубы, перекрывающему веселый утренний шум.

«Именем короля! Мы, Жером Жерлен, присяжный герольд Его Величества, назначенный монсеньором де Круамаром, главным превотальным судьей, хотим сообщить всем присутствующим:

В полном соответствии с королевской волей, вышеупомянутый барон Жерфо, сеньор де Круамар, должен преследовать, задерживать и примерно наказывать без суда и следствия всех

колдунов, колдуний, прорицателей, ясновидцев, бесноватых, всех отродий Сатаны, которые дерзко проникают в столицу королевства.

Всякий верный Его Величеству и законопослушный житель нашей столицы обязан, если не хочет быть приговоренным к галерам, выдавать правосудию этих исчадий ада, и для того, чтобы в точности исполнить королевское повеление, монсеньор де Круамар приказал соорудить костры в следующих местах: на площади Марше-о-Пурсо, на паперти собора Парижской Богоматери и на Гревской площади.

Ибо такова воля Его Величества».

Толпа парижан, только что так весело и беззаботно гулявших по площади, быстро растаяла. Герольд отправился дальше, чтобы и в других людных местах провозгласить волю Его Величества. И вот уже из уст в уста по всему большому городу понесся ропот ужаса, и среди проклятий, среди угроз, среди признаний в ненависти чаще всего повторялось имя главного превотального судьи, сеньора де Круамара.

А по дальнему краю Гревской площади, там, где под высокими тополями протекали неспешные воды реки, медленно-медленно шли молодой человек и девушка.

Она была легкой и хрупкой, похожей на те удивительные, ускользающие от взора создания, какими восхищаешься в сновидениях.

На лице юноши — а он был из тех, кого, раз встретив, уже нельзя забыть, — словно лежала видимая печать невидимого рока.

За парой неотступно следовала похожая на дуэнью женщина. В конце концов она приблизилась к своим подопечным и сказала:

— Мари, месса закончилась, пора возвращаться домой.

— Ну, пожалуйста, дама Бертранда, еще одну минуточку, только минуту! — со вздохом попросила девушка.

— Уже расстаться! — с жаром воскликнул молодой человек. — Мари, моя обожаемая Мари, неужели мне придется уехать из Парижа надолго, и — кто знает? — может быть, и навсегда, так и не узнав, кто ты? Ты приказала мне набраться терпения, ты приказала уважать тайну, которой окружила себя, и я повиновался… Но все-таки… Мне так скоро нужно будет уехать к отцу — моему лучшему другу, моему учителю, моему земному божеству. Ты же знаешь: мой отец был вынужден бежать и скрывается в Монпелье. Его обвинил в колдовстве, ему грозил сожжением, его — как

загнанного зверя — преследует Круамар…

— Круамар! — будто в забытьи пробормотала девушка.

Молодой человек сделал было угрожающий жест, но быстро успокоился и продолжил:

— Моя матушка торопит меня, она не может понять, почему я медлю, почему колеблюсь, почему не хочу поскорее проводить ее в Монпелье. Но ведь она не знает, что я встретил тебя!

— Рено! Завтра ты узнаешь все, что должен знать обо мне. Потому что сегодня я пойду к одной женщине, которая наверняка подскажет мне, как поступить. Я уже решилась.

— Пойдемте, Мари, — настаивала дуэнья. — Время позднее!

Но Мари не слушала.

— Рено, мой Рено, я так люблю тебя за твою покорность! Ты бы узнал все, ты ведь можешь все, если только захочешь. Но ты согласился на испытание: ты сам захотел, чтобы я до времени оставалась для тебя незнакомкой. Но завтра, завтра здесь же, под тополями, ты узнаешь, почему я дрожу от одной только мысли о том, что должна назвать тебе имя своего отца. Хотя, дорогой мой возлюбленный, ты же знаешь, что меня зовут Мари и что я обожаю тебя. Я бы могла прокричать

об этом перед всем Парижем. А когда я вспоминаю, что всего месяц назад я тебя не знала, когда думаю о той таинственной и чудесной силе, о могучей силе, которой невозможно сопротивляться и которая буквально за одну минуту наполнила мое сердце любовью, у меня начинает кружиться голова…

Она, волнуясь, сжала руку того, кого звали или кто называл себя Рено.

— Как это странно, — продолжала она все тем же мечтательным тоном, — как это странно: я просто шла по улице… И вдруг почувствовала волнение, меня охватила дрожь — такая, какую просто невозможно забыть до конца жизни. И — против собственной воли — обернулась. И поняла, что это волнение, эта дрожь, сотрясавшая все мое существо, порождены одним лишь твоим взглядом. Да-да, я сразу же поняла, что ты обладаешь совершенно магической властью надо мной!

— Магической? — Молодой человек, казалось, вздрогнул.

— Я не нахожу иного слова. Ты тогда подошел ко мне и сказал: «Успокойтесь. Я не стану вас удерживать против воли, только потому, что сам этого жажду. Я запретил себе следовать за

вами. Через минуту я уже не буду знать, где вы, никогда не узнаю, кто вы. Но если вы полюбили меня, скажите мне это завтра под тополями на Гревской площади». Сказав все это, ты ушел, даже не обернувшись. А я… Придя домой, я плакала, я пыталась молиться, встав на колени… Но сразу же поняла, что не с Богом, а с тобой говорю, думая, что обращаюсь к Богу, с тобой — всего час назад мне совсем не знакомым…

— Любимая моя, дорогая! — воскликнул Рено.

— А назавтра, уже решив забыть тебя, позабыть все случившееся, я отправилась к мессе. Но вместо того, чтобы прийти в Сен-Жермен-л'Оссерруа, я оказалась на берегу Сены… под тополями, перед тобой. И с тех пор каждое утро, выходя из дома, чтобы пойти в храм, я прихожу на свидание к тебе. Мой храм — здесь.

Рено задумчиво склонил на грудь свою благородную голову.

— Да, — прошептал он, — я очень хочу удержать тебя, но только по твоей доброй воле. Я еще подожду…

— Завтра, Рено, говорю тебе, завтра! Завтра ты узнаешь, у кого должен просить моей руки.

В этот момент по Гревской площади пронесся ропот: люди стали шептаться, повторяя угрозы и

проклятия. Окруженный лучниками, показался величественного вида мужчина.

— Дорогу монсеньору де Круамару! — громко прокричал начальник отряда лучников.

Мари стала белой как мел. Рено сжал кулаки. Но высокая фигура главного превотального судьи, барона де Жерфо, сеньора де Круамара, уже скрылась из виду, он отправился на охоту за новыми жертвами.

II. Доносчица

— Мадемуазель, — повторяла встревоженная дама Бертранда. — Да куда же вы идете? Вот же где ваш дом!

Рено, в последний раз сжав в объятиях свою возлюбленную, только что удалился. Мари, все еще очень бледная, пересекла площадь, повернулась спиной к роскошному зданию, на которое ей указывала дуэнья, и внезапно спросила:

— Дама Бертранда, а где живет та женщина, которая смотрит в прошлое и в будущее?

— Господи! Неужели вы и впрямь хотите пойти к колдунье?

— А кому мне довериться? — печально вздохнула девушка. — Ведь у меня нет матери. И я до сих пор не знаю, решусь ли завтра признаться Рено… Боже мой, эти проклятия со всех сторон, которые я сейчас слышала… А какая обжигающая ненависть сверкала в его взгляде! Дама Бертранда, мне необходимо повидаться с этой женщиной. Разве не ты сама говорила, что она дает бесценные советы тем, кто к ней обращается?

— Да, конечно. И она помогла своими советами многим горожанам, и она так милосердна к бед-

ным людям, которые прозвали ее за это Добрым Гением… Но если эту женщину выдадут, ее, разумеется, сожгут вот на этом костре… Что же до того, где она живет, так мы совсем рядом…

Мари, не дослушав, толкнула дверь, та отворилась.

Девушка вошла в дом, хозяйка которого при ее появлении встала, помогла трепещущей от волнения гостье усесться, потом протянула ей руку и сказала нежным печальным голосом:

— Успокойтесь, дитя мое, и расскажите мне, что вас так мучает. Если я смогу помочь вам или хотя бы утешить, я сделаю это от чистого сердца.

— Да, правда, — прошептала Мари, — вы действительно великая утешительница, и вот что странно: ваш голос успокаивает и убаюкивает меня в точности как тот, другой, который так дорог мне… Сейчас я расскажу вам, что меня тревожит: имя, которое я ношу, ненавидимо всеми. Когда кто-то произносит это имя, вокруг слышатся проклятия. Но это еще не все. Главное, он ненавидит это имя, понимаете: он! Тот, кого я люблю, всей душой ненавидит это имя, и ненависть его беспощадна! А я, — продолжала девушка, уже не сдерживая слез, — я обожаю моего жениха, но я люблю и отца. Люблю всем сердцем и почитаю,

как должно почитать человека, которому обязана своим появлением на свет. Вот в чем моя беда, вот какое горе раздирает мою душу. Если я назову любимому свое имя, которого он еще не знает, но которое так ненавидит, если я завтра ему его назову, как обещала, он ведь может отвернуться от меня! Сделает он это или нет — вот что я хочу узнать.

Дама с седыми волосами с минуту смотрела исполненным нежности и сочувствия взглядом на свою юную гостью, по щекам которой одна за другой катились слезы.

— Так вы любите своего отца? — наконец вымолвила она.

— Я отдам жизнь, если понадобится, только бы ничто не причиняло ему горя! Чем чаще люди приходят в ужас от его имени, чем больше боятся его самого, тем сильнее мне хочется заставить его забыть об этих проклятиях, о всеобщей ненависти, создающей ту страшную губительную атмосферу, в которой ему приходится жить.

— Ну, хорошо, дитя мое… Но прежде всего вам придется назвать мне имя вашего отца.

Мари покраснела, потом побледнела. Она колебалась, опасливо оглядываясь и не решаясь произнести фамилию вслух. Но вдруг решилась и,

склонившись к уху дамы, на одном дыхании пробормотала имя — то самое грозное имя, которое всегда сопровождалось ужасными проклятиями. Потрясенная хозяйка дома на шаг отступила от девушки. Тоже побледнела. И бросила на Мари взгляд, в котором светилось страшное подозрение.

Но очень скоро она взяла себя в руки, и на черты ее прекрасного лица вновь легло выражение светлой печали.

— Нет, — прошептала дама, покачав головой. — Нет, не может быть, чтобы эта чистая девочка явилась ко мне, желая выследить и выдать меня палачам. Дитя мое, — сказала она громче, взяв Мари за руку, — я ведь тоже пострадала по вине того человека, которого вы называете вашим отцом. Однажды… в один ужасный день… мне пришлось предстать перед ним, и я выкрикнула ему в лицо родившееся в самом моем сердце проклятие… Я предсказала ему несчастье… Да, и на самом деле, я понимаю, как это ужасно для вас — быть дочерью поставщика палачей. Смерть идет бок о бок с этим человеком!

Девушка протянула руки к хозяйке дома, умоляя сжалиться над ней.

— Сам Господь прислал вас ко мне, — торже-

ственно продолжила дама. — Сама не понимаю, что привлекает меня в вас, но, может быть, если вы действительно любите вашего отца, он и будет спасен…

— Спасен? — удивилась девушка.

— Да, дитя мое. Но теперь мне надо знать имя того, кого вы любите.

— Сейчас скажу, — дрожа от страха, прошептала гостья. — Но прежде… прежде скажите вы мне: какая опасность угрожает моему отцу? Смилуйтесь! О, господи, я чувствую, что вы увидели в будущем моего отца какую-то страшную угрозу!

— Это верно: страшную, чудовищную угрозу.

— Спасите же его! — воскликнула Мари, безумно взволнованная тоном женщины, которая, вполне возможно, была колдуньей.

Дама задумалась. На ее лице появилось выражение неукротимой силы, прекрасные черные глаза сверкнули пламенем, при виде которого хотелось зажмуриться.

— Спасти его? — спросила она, помолчав. — Хорошо. Когда вы увидите вашего отца, дитя мое, скажите ему, чтобы он три дня не выходил на улицу. Иначе он погибнет.

Мари вскочила, не удержав вырвавшегося из груди слабого крика.

— Скажите ему, — добавила колдунья, — что в течение этих трех дней ему необходимо отказаться от возложенных на него обязанностей… Но главное: пусть остается дома, пусть не появляется среди людей — его разорвут на части… Как собачья свора — оленя…

Мари не стала слушать дальше. Она бегом устремилась к двери. О боже, надо поскорее предупредить отца! Прежде всего — отец! А с любовью можно и подождать… Она вернется позже, чтобы узнать, что же ей следует сказать Рено. Дама не успела и пальцем пошевелить, удерживая девушку, а та уже была за дверью.

— До чего же поспешно она ушла… — прошептала колдунья, которую охватило ужасное подозрение. — Нет, не ушла, это было похоже на бегство… Неужели она все-таки шпионка? Как знать? Этот человек способен на любую хитрость, как и на любое злодейство. Он — сама Смерть, и он — сама Ложь. Нам необходимо завтра же уехать из Парижа…

Мари, не глядя по сторонам, пробежала через площадь и пулей ворвалась в заполненный людьми двор роскошного здания. Здесь были стражники, офицеры, воины, вооруженные луками и алебардами, — словом, не меньше солдат,

чем в какой-нибудь королевской крепости. Вся дрожа от волнения, девушка приблизилась к высокому широкоплечему всаднику с суровым лицом. Он в это время как раз поставил ногу на землю, спускаясь с седла.

— Мари? — нахмурив брови, удивленно спросил человек с суровым лицом. — Почему вы так поздно возвращаетесь с мессы? Что могло произойти?

— Батюшка, мне непременно нужно поговорить с вами! — задыхаясь, сказала Мари. — Речь идет о вашей жизни!

— Моя жизнь! Ее прекрасно охраняют, и никакой другой защиты не требуется. Горе тому, кто осмелится… Ну, хорошо: идите и подождите меня на моей половине.

Мари удалилась, а он, сделав несколько шагов, остановился и, вздрогнув, произнес:

— Впрочем… Та женщина с седыми волосами прокляла меня… Она предсказала, что меня разорвут в клочья, как раздирает оленя свора собак… О господи! Надо сейчас же найти эту женщину! Стража! Пусть запрут ворота, пусть удвоят караулы!

Отдав приказ, важный сеньор двинулся к лестнице, ведущей в его комнаты.

Дом, где происходили все эти события, принадлежал главному превотальному судье. Этому самому сеньору, этому человеку, одно только имя которого вызывало проклятия со всех сторон. Мари, бедная Мари! Она была дочерью барона де Жерфо, сеньора де Круамара!

Войдя к себе и оказавшись в комнате, обставленной с поистине королевским великолепием, Круамар увидел свою дочь коленопреклоненной перед небольшим алтарем в молельне. Минуту он молча смотрел на девушку, потом, сжав кулаки, прошептал:

— Что станется с ней, если меня убьют? Та женщина кричала, что я буду проклят и в потомстве!

Он яростно тряхнул головой, подошел ближе к алтарю, тронул дочь за плечо. Мари поднялась с колен, такая бледная, что суровый сеньор разволновался:

— Что с вами, дочь моя?

— Отец, умоляю вас, никуда не выходите из дома трое суток! — попросила Мари, молитвенно сложив руки у груди. — Обещайте мне не выходить три дня!

— Что еще за капризы? Я слишком избаловал вас, Мари… Холил, лелеял… Правда, у меня больше нет никого на свете, кроме тебя, дочка… Да,

только ты… и моя страсть к порядку в обществе… Но всю мою нежность я отдал одной тебе. Зато все мое отвращение, вся неприязнь — к тем, кто нарушает этот порядок: к еретикам, к колдунам…

— Батюшка, — снова взмолилась Мари с искаженным от ужаса лицом. — Батюшка, вам сегодня же нужно отказаться от ваших обязанностей главного судьи превотства!

Грозный барон расхохотался.

— Сегодня же! — повторил он, и зловещие огоньки блеснули в его глазах. — Отказаться! Да вы обезумели, дитя мое!

Мари по-прежнему дрожала, но эта дрожь уже и впрямь напоминала припадок.

— Отец! Отец! Если вы сегодня выйдете на улицу, вас растерзают, вас разорвут на куски!

Лицо Жерфо побагровело, потом кровь отлила от него, и судья стал смертельно бледным. Растерзают! Разорвут на куски! Слова той женщины, которая его прокляла!

— Отец! Отец! Я в этом уверена! — рыдала Мари, бросившись на колени перед бароном, как только что перед алтарем. — Женщина, которая мне об этом сказала, знает все! Она читает будущее как открытую книгу! Она никогда не ошибается!

На этот раз барон почувствовал, как ледяная

струя ужаса пробежала по его позвоночнику. Но он не позволил себе поддаться страху. Его охватило холодное бешенство. Он наклонился к дочери. Взгляд его сверкал коварством.

— Ах так, — сказал он, — если женщина, которая тебе это сказала, и на самом деле знает все…

— Да-да, это так! — захлебываясь слезами, кричала Мари. — Она знает!

— Тогда совсем другое дело. Я подумаю о том, чтобы подать в отставку. И с сегодняшнего дня не выхожу из дома.

Мари, радостно вскрикнув, поднялась и обвила руками шею отца.

— Какое счастье, батюшка! Вы спасены!

— Да, — отвечал тот. — Но то, что ты сказала, очень серьезно. Мне нужно самому порасспросить эту женщину, да к тому же она заслуживает вознаграждения. Пожалуй, пошлю за ней даму Бертранду. Где она живет?

— Вот там! — подбежав к окну, показала Мари.

— Там? Вот в том доме на углу площади?

— Да, батюшка. Да, пожалуйста, вознаградите ее, ведь она спасла вам жизнь!

Реакция грозного барона на слова дочери оказалась неожиданной. Он оттолкнул дочь, которая от удивления и растерянности не могла вымол-

вить ни слова, выпрямился во весь свой могучий рост, большими шагами подошел к двери, распахнул ее и прокричал громовым голосом:

— Эй, пажи, мой шлем! Мою кирасу! Мой меч! Офицер, соберите двадцать крепких солдат: мы идем арестовывать женщину, обвиняемую в колдовстве. Пусть предупредят палача, чтобы он немедленно приготовил костер на Гревской площади. Я поймал ее! — проворчал он с ужасающим вздохом облегчения. — Она у меня в руках — эта старуха, которая осмелилась проклинать меня перед всеми! Что ж, посмотрим, буду ли я растерзан и разорван в клочья, как олень сворой собак!

Мари была потрясена, она едва не теряла сознание от ужаса, но, собрав последние силы, чтобы не упасть без чувств, подошла к отцу и сказала твердо:

— Сударь, вы этого не сделаете! Не вынуждайте меня стать предательницей, доносчицей! Меня — поставщицей живого товара для палача! Вы затеяли гнусное дело, отец. Сжальтесь хотя бы над собственной дочерью: подумайте о ее чести, о ее покое! Несчастная женщина! Она пожалела меня, она так старалась меня утешить! О боже, как чудовищно то, что вы задумали! Нет, это невозможно! Вы не сделаете этого! Вы…

— Хватит! — прервал девушку отец.

Он резким движением оттолкнул цеплявшуюся за него Мари и вышел в коридор. Дверь захлопнулась. Девушка кинулась к ней, попыталась открыть, но та уже была заперта на ключ. Вне себя от стыда и отчаяния, Мари металась по комнате и не могла найти себе места. Глаза ее затуманились, голова закружилась.

— Боже мой, что я сказала! — горячо шептала она. — Что я наделала! Несчастная! Что подумает, что скажет Рено, когда узнает, как я послала на костер невинного человека! Дочь Круамара! Предательница! Доносчица! И это я! Дочь, достойная своего отца! Рено, Рено, ради всего святого, только не бросай меня, не отказывайся от меня!

Девушка с белокурыми косами снова бросилась на колени перед распятием и начала исступленно молиться. И только тогда в душе этого полуребенка поднялась волна чувства, до тех пор Мари незнакомого. До сегодняшнего дня она обожала отца. Теперь она его ненавидела. Теперь и она проклинала имя Круамара. Она проклинала собственное имя! Нет, больше она не станет его носить! Нет, не станет, никогда не станет!

III. Два профиля демонов

Верный своему обещанию не пытаться узнать, кто его возлюбленная, Рено уходил с Гревской площади, сопротивляясь искушению в последний раз обернуться и хотя бы прощально помахать рукой Мари. Он опьянел от радости, обещанной на завтра, он позабыл о Круамаре, он позабыл даже о собственном отце, позабыл обо всем на свете… Легкими шагами, то и дело поглядывая в высокое чистое небо, он приближался к мосту Нотр-Дам, где стояли два молодых человека — два знатных сеньора, казалось, дожидавшихся именно его. А пока они беседовали между собой. Один — светловолосый, сероглазый, с тонкими губами, одетый необычайно изысканно, — был графом Жаком д'Альбоном де Сент-Андре, другой — брюнет сумрачного вида с напряженным выражением лица, одетый куда беднее, — бароном Гаэтаном де Роншеролем. На лицах обоих явственно читалась зависть. Только у первого это была зависть со слащавой, но недоброжелательной улыбкой, а у второго — зависть черная, с усмешкой, от которой веяло смертельным холодом.

— Ну, и вот тебе, дорогой, последние дворцовые

новости, — сказал д'Альбон де Сент-Андре, продолжая начатый разговор. — Постарайся, если сможешь, извлечь из них выгоду для себя.

— Хорошо тебе так говорить: тебя-то принцы принимают по-свойски, — проворчал Роншероль, злобно вздохнув. — Надо набраться терпения, наступит и мой черед! Так, значит, оба королевских сына влюбились?

— Еще как влюбились — просто до безумия! И действительно оба сразу: и принц Франсуа, и принц Анри. И действительно в одну и ту же девицу. Они оспаривают право на нее и готовы начать войну друг с другом ради ее прекрасных глазок. А она… Она вроде бы пренебрегает ими обоими, потому что, как говорят, сия благородная девица каждое утро прогуливается под тополями на краю Гревской площади с одним… А! Вот и наш дорогой и преданный друг Рено! Он уже подходит к нам, — прервал собственные излияния Сент-Андре, как-то нехорошо усмехнувшись.

Гаэтан де Роншероль вздрогнул. Лицо его еще больше помрачнело. Кулаки сжались. Что до Альбона де Сент-Андре, то в его и без того холодном взгляде сверкнул отблеск стали. Дух ненависти распростер крылья над двумя мужчинами и навеял им зараженные злом мысли.

— Да, — скрипнул зубами Роншероль, — этот красавчик и богатей Рено! Интересно, откуда у него столько золота, чтобы швырять его направо и налево? И имеет ли он вообще право носить шпагу? Кто он такой, в конце концов?

— Что, ненавидишь его? — свистящим шепотом спросил Сент-Андре.

— Еще как ненавижу! — пробормотал Роншероль. — Ненавижу, потому что он щедр и великодушен, ненавижу за то, что он богаче меня, красивее меня, удачливее меня… Ненавижу за то, что он счастливчик и обладает могуществом, которое меня ужасает. Потому что я боюсь! Да я просто содрогаюсь, видя его! А ты?

— Тихо! Он уже здесь.

Действительно, Рено подошел, раскрыв объятия. Он буквально излучал счастье. Он смеялся, пожимая руки двум своим друзьям, радость лилась через край.

— Истинно Божий день, как любит говорить наш государь Франциск Первый! До чего же радостное воскресенье! Какое солнце — ну, просто праздник! Друзья мои, дорогие мои друзья, я хочу сегодня устроить пирушку. Пойдемте к Ландри Грегуару, я приглашаю вас в его знаменитый кабачок «У ворожеи»!

— Да ты чуть ли не поешь от радости! — воскликнул Сент-Андре и поморщился.

— Ты благоухаешь радостью! — поддакнул Роншероль и побледнел.

— Пошли, пошли! Завтра будет совсем другое дело! Завтра! О, это благословенное счастливое завтра!

Молодые люди взялись под руки и, болтая, смеясь, перекидываясь шуточками, отправились на улицу Сен-Дени, где находился прославленный кабачок «У ворожеи» — прославленный своим прекрасным анжуйским, которое привез туда Франсуа Рабле, и тысячью лакомых блюд, изобретенных гениальным Ландри Грегуаром.

Прошло два часа. Рено, Сент-Андре и Роншероль, выйдя из кабачка, прощались на улице и уславливались о завтрашней встрече.

— Вот это да! — воскликнул Сент-Андре. — Вот это обед! Чудо да и только! Знатно ты нас угостил! Слушай, ты столько рассказывал нам о своей красавице, говорил, как волшебно она хороша собой, сказал даже, что завтра идешь к ее матушке просить руки возлюбленной и уверен в успехе, но ты забыл одну очень важную вещь: открыть нам имя своего божества. Или оно настолько священно для тебя, что ты не можешь произнести

его вслух?

— Нет, просто она запретила мне интересоваться им, — ответил Рено. — Да я и сам… Единственное, что я по-настоящему хочу знать, это то, что я люблю ее, обожаю, что каждое утро — вот уже целый месяц — купаюсь в счастье, когда она удостаивает меня свидания под тополями на Гревской площади, что любовь…

Оба друга Рено вздрогнули, услышав его слова. Каждый из них улыбнулся, и человек, менее сосредоточенный на себе и собственных чувствах, чем Рено, не преминул бы заметить, что улыбка была одинаковой: исполненной скрытого торжества и зловещей. «Под тополями на Гревской площади», — сказал Рено. А ведь это значит, что его божественная возлюбленная — та самая девушка, за которой охотятся королевские сыновья. Именно ее они оспаривают друг у друга, именно ее хотят похитить у незнакомца, с которым она прогуливается каждое утро! А незнакомец — это Рено! Что ж, на этот раз они, похоже, не промахнутся. Только надо торопиться. Наскоро простившись с тем, кого они называли своим другом, молодые люди со всех ног бросились к Лувру.

— Ты куда? — тяжело дыша и стараясь не от-

стать, спросил Роншероль.

— Испросить аудиенции у его высочества Франсуа и у его высочества Анри! — процедил сквозь зубы Аль-бон де Сент-Андре, лицо его стало необычно суровым, губы сжались в тонкую ниточку.

— Поделим прибыль?

— Ладно. Для такого дела нашей двойной ненависти только-только хватит!

IV. Костер на Гревской площади

Рено тоже пустился в дорогу. Но он шел медленно, словно боясь спугнуть стоявший перед его глазами образ возлюбленной, с которым никак не желал расстаться. А куда же шел Рено? Вот он добрался до Гревской площади… Вот он направляется к дому на углу площади, куда незадолго до него приходила Мари… Вот он поднимается по той самой лестнице, по которой поднималась она… Вот входит в комнату, откуда она так недавно выбежала… и — точно так же, как она, — приближается к даме с серебряными волосами! К той, что предвидит будущее! К колдунье! К несчастной, которую Мари только что выдала своему отцу. К той самой женщине, против которой в этот самый момент главный судья превотства Круамар собирается выступить с целым войском…

Да-да, Рено идет к приговоренной, и она улыбается ему, и в улыбке ее светится радость. А когда он подходит, и наклоняется, и нежно целует ее серебряные волосы, он шепчет только одно слово, но сейчас, когда над ее головой собрались черные тучи неотвратимой беды, это слово звучит грозно

и трагически.

— Матушка!

Вот что он прошептал, вот оно, это роковое слово!

Так, значит, возлюбленный Мари де Круамар — сын колдуньи? А там, в доме по другую сторону площади, главный судья Круамар, отец Мари, только что произнес не оставляющую никакой надежды фразу:

— Скажите присяжному палачу, пусть зажжет костер!

— Я ждала тебя, сын мой, — медленно проговорила дама.

— Матушка, дорогая, простите меня! — ответил молодой человек, и в тоне его звучало глубокое чувство. — Я знаю и сам, каких суровых упреков заслуживаю. Вот уже три дня, как мы с вами не виделись, и, конечно, ваше сердце растревожено. И вот уже целый месяц, как мы должны были покинуть Париж, потому что отец издалека призывает нас… Пусть пройдет еще несколько дней, высокочтимая матушка, и мы отправимся в Монпелье. И, может быть, узнав причину отсрочки, вы — сама нежность — простите меня, потому что поймете: силе, которая удерживает меня в Париже, невозможно сопротивляться. Столкнув-

шись с этой силой, разбивается в прах всякая человеческая воля, она управляет как людьми, так и всей Вселенной, и имя ее — Любовь!

Дама долго смотрела на сына, и во взгляде ее ясно читалась тревога. Она колебалась.

— Нет, не через несколько дней нам нужно уехать из Парижа, — наконец вымолвила она. — Не через несколько дней. Завтра. Сегодня вечером. Сию минуту!

Рено внезапно побледнел. Дрожь сотрясла все его тело от головы до пят.

— Матушка, — с тяжелым вздохом отозвался он, — дайте мне хотя бы еще два дня! Зачем нам так торопиться? Мой отец крепок и силен. Тот флакончик, который я искал для него и нашел в далекой германской глуши, может понадобиться ему только через несколько месяцев… Матушка, я прошу у вас всего лишь два дня! Если бы вы знали…

— Я знаю, что дочь Круамара приходила сюда два часа назад!

— Дочь Круамара?! И вы ее приняли? Какая ужасная неосторожность с вашей стороны, матушка!

— Я сделала лучше, — медленно произнесла дама. — Я поговорила с ней о ее отце. Я сообщила

ей, что с ним намерены сделать нищие и бродяги, собирающиеся во Дворе Чудес. Я предсказала смерть главного судьи. Наконец, я открылась перед ней как человек, способный предвидеть будущее… Да, это была ужасная неосторожность… Но это дитя, это невинное дитя мгновенно покорило мое сердце… Я даже и сама не знаю, что заставило меня так говорить с ней, так, будто это моя собственная дочь, будто я произвела ее на свет… Но, едва она выбежала из комнаты, я все поняла.

— Вы думаете, ее подослали к вам?

— Может быть… Кто знает? Но, как бы там ни было, эта девушка может дать показания против меня, у нее есть доказательства моей вины. Сын мой, если со мной случится несчастье, помни: это дочь Круамара убила меня!

— Матушка! — вскричал растерявшийся Рено. — Вы пугаете меня!

— Возможно все, — продолжала она. — Ах, если бы я могла знать… Если бы я могла увидеть… Я попробую…

В этот момент лицо женщины стало очень странным. Глаза словно затуманились, черты застыли. Рено смотрел на мать, скованный ужасом, не способный и пальцем пошевелить. А она все

так же медленно продолжала говорить.

— Очень может быть, что этот ангел окажется демоном… Очень может быть, что чистая юная девушка — просто подлая шпионка… Тихо… Тихо… Слушай… Я вижу… Я слышу…

— Матушка! Матушка! — закричал Рено, протягивая к ней руки. — Матушка! Придите в себя, и поскорее уедем!

— О, что ты сделал… — прошептала дама. — Что ты сделал… Ты помешал мне услышать!

Лицо ее снова обрело нормальное выражение, разгладилось, стало спокойным, безмятежным. Но она схватилась за протянутые руки сына и, прямо глядя ему в глаза, потребовала:

— Поклянись мне, что, если эта девушка и на самом деле выдала меня, ты не будешь знать ни сна, ни отдыха, пока не заставишь ее искупить свое преступление, что отомстишь за отца и за мать разом…

— Клянусь! — ответил Рено, и голос его прозвучал так, словно рядом ударили в большой колокол.

И тогда уста дамы с серебряными волосами произнесли совсем уж непостижимые слова:

— Ты поклялся, сын мой. И ты не можешь нарушить эту клятву. Потому что ты ведь помнишь,

что родился в семье, в которой мертвецы выходят из могилы, чтобы говорить с живыми. Потому что ты помнишь, что носишь имя, начертанное на звездах, и имя это — символ связи с потусторонними силами…

— Молчите, матушка! Пойдемте! Я вернусь сюда сразу же, как спрячу вас в безопасном месте. Обопритесь на меня… Идемте… Бежим…

В это время под окнами дома забряцало оружие, зазвучали грубые голоса. Почти сразу же раздались глухие удары в дверь. Кто-то произнес угрожающе:

— Именем короля…

— Слишком поздно! — сказала колдунья.

И, обращаясь к сраженному всеми этими событиями сыну, добавила, выговаривая слова с торжественностью, в которой могло почудиться нечто сверхчеловеческое:

— Помни всегда! Помни всегда, какое имя ты носишь! Помни, что это имя — НОСТРАДАМУС!

Дверь в комнату распахнулась под ударом сапога. Лестница за ней была заполнена вооруженными луками и алебардами людьми. На пороге показался высокий мужчина, с головы до ног закованный в сталь. Он бросил на колдунью кровожадный взгляд, сделал знак стражникам

и прорычал:

— Уведите эту женщину! Я, Жерфо, сеньор де Круамар, заявляю всем присутствующим, что у меня есть доказательства причастности этой женщины к колдовству. Потому что мне об этом сообщила моя собственная дочь.

— Ангел оказался демоном! — прошептала хозяйка дома.

— Следовательно, — продолжал барон, — в соответствии со специальными приказаниями, отданными мне моим господином — королем Франции, я сужу ее и приговариваю к аресту и сожжению на костре. Ведите ее на площадь!

— Помни о своей клятве! — воскликнула колдунья, оборачиваясь к сыну.

— Прощайте, отец и мать, прощай, жизнь! — прошептал Рено. — Прощай, любовь! Прощай, возлюбленная Мари! Моя последняя мысль — о тебе…

С этими словами юноша молниеносно выхватывает тяжелую шпагу из висевших на боку ножен. Мгновение — и один из десятка солдат, которые направлялись к колдунье, лежит мертвым, другой с воплем отступает. Комната наполняется людьми. Эта толпа бушует. Настоящий водоворот. Звенит сталь клинков. Стальных доспехов. Раз-

даются крики. Брань. Проклятия. Оскорбления. Богохульства. Удары сыплются направо и налево. Кто-то наступает, кто-то отступает. Царят ужас и бешенство. Запутанный, совершенно нереальный клубок из людей свивается и развивается, а в центре его — сверхъестественное существо с распахнутыми навстречу опасности глазами, пылающим, кровоточащим, изрубленным острыми клинками лицом. Атака, удар, еще удар. Он наскакивает, на шаг отступает, снова идет вперед, весь красный, он наводит ужас, он потрясает своей величественностью… Это Рено, который защищает свою мать…

Наконец стражникам удается вывести колдунью из комнаты. Ужасное побоище продолжается на лестнице. Проклятия звучат все громче и громче, шпаги и мечи, сшибаясь, ломаются, летят искры, стоны раненых затопляют дом, служат каким-то неслыханным, невероятным фоном всему происходящему… И никому не удается схватить молодого человека! Никто не способен нанести ему смертельный удар!

Десяток трупов — здесь и там. Он — с окровавленной грудью, залитый кровью с головы до ног. Он не произносит ни слова. Только хриплый крик время от времени вырывается из его глотки.

Кошмарный, фантастический клубок выкатывается на площадь… Адская битва продолжается… Собирается огромная толпа. Из улиц текут людские потоки… К костру приближается группа вооруженных людей. Они ведут колдунью — спокойную, наводящую ужас этим спокойствием. Рено еще сражается, атакует, размахивает шпагой, кажется, он везде в этой толпе бушующего народа, он подобен тигру, он рычит, он наскакивает на солдат, как зверь…

Но внезапно рука одетого в красное гиганта обрушивается на колдунью. Это палач. Одно движение — и несчастная вознесена на верхушку костра.

Она привязана к столбу! К костру поднесен факел! Жуткий вопль вырывается из двадцати тысяч глоток… Но его перекрывает другой крик — нечеловеческий, страшный, пронзительный крик: крик сына.

— Матушка! Матушка! Мама-а-а!

В это мгновение распахивается одно из окон дома Круамара. В окне — белая фигура… Юная девушка с белокурыми косами… Девушка с окаменевшим лицом, с блуждающим взглядом… Это Мари!

Она видит в этой бушующей толпе, в этих стру-

ящихся вокруг костра людских потоках только два лица. Колдунья! Эта женщина, окруженная языками пламени, — колдунья, которую она предала, на которую она донесла отцу! А этот юноша со шпагой, этот весь окровавленный, этот неузнаваемый молодой человек — она узнает его! Это он! Ее жених! Ее Рено! Он протягивает руки к костру… Он кричит, и его чудовищный крик звенит в ее ушах:

— Матушка! Матушка! Мама-а-а!

— Мама? — повторяет она. — Матушка? Что он говорит? Я сплю?

Странно неподвижный в бурлящей толпе, окруженный своими стражниками и солдатами сеньор де Круамар внезапно отдает какой-то приказ.

Лучники устремляются в сторону Рено. Мари до онемения сжимает руками виски, она бормочет:

— Его мать? Та, кого я послала на костер? Это… это… его… мать?

В толпе рыдают женщины, матери, которых до глубины души потряс вопль сына. Сеньор де Круамар понимает, что сейчас может произойти что-то ужасное, непоправимое. Лучники тщетно пытаются пробиться сквозь толпу к Рено. Их не пускают.

Внезапно на площади возникает настоящий шквал ропота и криков. Волнение толпы усугубляется. Неизвестно откуда, словно из-под земли, бьет, как вулканическая лава, поток оборванцев, свирепых и ожесточенных существ, похожих на демонов. И в момент, когда лучники Круамара, расшвыряв направо-налево людей, пытаются наконец схватить Рено, обессиленного, упавшего на колени, полумертвого, они отбивают его у стражей порядка. Юноша чувствует, как поток уносит его, слышит, как грубые голоса повторяют:

— Мужайся! Сейчас мы отомстим за нашего Доброго Гения!

— Проклятие! — шепчет Рено. — Будь проклята доносчица! Горе дочери Круамара!

Но в это ужасное мгновение, когда он почти перестал замечать окружающее, словно луч света на миг коснулся его воспаленного лба… И, произнося про себя благословенное имя Мари, юноша потерял сознание…

Его унесли. Костер еще горел, потрескивая. Мари — обезумевшая, потерянная — смотрела и повторяла, сама не осознавая смысла своих слов:

— Эта женщина… там… на костре… его мать… Это его мать!

Вдруг к небу вознесся вопль ужаса и состра-

дания: столб рухнул в пламя. Тело, бедное тело колдуньи исчезло в его языках. Чудовищная казнь свершилась.

Умерла. Эта дама с серебряными волосами умерла. Добрый Гений покинул землю. Мать Рено больше не страдает.

Поняв это, Мари сделала над собой страшное усилие, оторвалась от окна и с трудом повернулась. Она не плакала. Ее лицо поразило бы любого сумрачной неподвижностью.

— Все кончено, — тихо сказала она.

А что было кончено? Она и сама не знала. Пытка? Казнь? Или ее любовь? Да, все, все кончилось разом, весь мир перестал существовать для нее, потому что главным в этом мире была Любовь, а между нею и Рено навеки легли проклятие и труп. Куда ей идти? Чего она хочет? Бежать! Ей больше ничего не надо: бегство, одно только бегство. Всего остального больше нет и не будет. Бежать из этого дома. Уйти куда глаза глядят и умереть. О, только бы поскорее умереть, не увидев Рено! Кто эта женщина, которая стоит на коленях в углу комнаты, закрыв лицо руками? Она испугана, она рыдает… Бертранда…

— Бертранда, я хочу уйти отсюда. Пойдешь со мной?

— Да-да. Это так ужасно. Уйдем отсюда.

— Вставай! Быстро вставай! Уходим, — приказала Мари.

— А ваш отец? Как же ваш отец?

— У меня нет отца, Бертранда. Хочешь, чтобы я ушла одна?

— Нет-нет! Я пойду с вами! Господи, но там, на площади, настоящее побоище!

— Так ты идешь? — не слыша ее, продолжала настаивать девушка.

Несмотря на охвативший ее ужас, дама Бертранда не потеряла предусмотрительности: она быстро собрала золото, драгоценные украшения, бриллианты, жемчуга — целое состояние… И побежала по лестнице вслед за молодой хозяйкой. Не прошло и минуты, как Мари, даже не посмотрев в последний раз на отчий дом, скорым шагом удалилась от него.

На площади волнение достигло предела. Буря возгласов и проклятий неслась над Парижем, сливаясь в протяжный рев. Две сотни трупов вокруг костра, сотни раненых…

И — как довершение всего, как финал охоты, в которой люди превращаются в собак и добычей становится человек, — еще одно тело. Тело, растерзанное, разорванное на куски, разодран-

ное в клочья… Тело главного судьи Круамара. ПРЕДСКАЗАНИЕ КОЛДУНЬИ ИСПОЛНИЛОСЬ В ТОЧНОСТИ!

А его голова… Эта еще горделивая голова, это мертвенно-бледное лицо, эта шея, из которой струится кровь… Как она ужасна — со своими остановившимися глазами, эта голова барона Жерфо, которая возвышается над толпой, надетая на острие копья. Голова сеньора де Круамара, голова главного превотального судьи… Справедливость восторжествовала, правосудие свершилось! И за несколько минут Гревская площадь опустела, все умолкло, двери и окна закрылись. Париж, Париж, страшный в своем внезапном спокойствии, наслаждался победой. Мертвая тишина обрушилась на большой город. Справедливость восторжествовала, правосудие свершилось…

V. Пепел костра

Наступил вечер. Ночь постепенно окутывала своим бескрайним покрывалом пустынную площадь, погасший костер… Давящая тревога, какая всегда следует за ударами грома, еще висела над потрясенным Парижем. И на пустой Гревской площади, где еще совсем недавно бушевали мятежники с обагренными кровью руками, одиночество казалось еще более пугающим. А этот человек был совсем один. Над остывающим костром слабо светился огонек фонаря. Человек, склонившись над кучей головешек и пепла, рылся в ней — обыскивал ее терпеливо, дрожащими от волнения руками. Он был очень бледен, иногда слеза скатывалась по его щеке и падала в пепел.

Время от времени это странное занятие прерывалось: человек быстро наклонялся, трагически-набожным жестом вынимал из пепла белую косточку и нежно, бережно укладывал ее в дубовую шкатулку. Потом вытирал пот со лба тыльной стороной руки и снова принимался за свою скорбную работу. Текли минуты, часы… И вдруг он замер, потом бросился на колени: в очередной груде пепла ему открылась… голова

казненной, голова, которая в мерцающем свете фонарика казалась странно живой, голова, которую едва затронуло пламя костра, хотя тело было полностью обуглено. Рыдание сотрясло плечи ночного труженика, он молитвенно сложил руки и прошептал:

— Мама… Матушка…

В эту минуту на углу Гревской площади показалась Мари де Круамар. Очень медленно она двинулась к куче пепла, которая прежде была костром. Девушка была в глубоком трауре — как полагалось в ту эпоху, в черно-белой одежде. Она носила этот траур по матери Рено — об ужасной кончине отца она даже и не знала. Дама Бертранда, которой преданность подсказала спасительную, как ей казалось, ложь, еще вечером сказала ей, что барон Жерфо стал изгнанником и бежал, поскольку, по мнению короля Франциска I, нес ответственность за побоище на площади и мятеж нищих. Так что Круамар якобы удалился в свой замок, находившийся неподалеку, в Иль-де-Франс…

Но что же делает в такой час Мари де Круамар здесь, на площади, совсем одна? Она подходит к пепелищу, поднимает голову и видит молодого человека.

— Рено, — шепчет она едва дыша. — Рено! Вот почему какая-то неведомая сила, сила, похожая на ту, что влекла меня под тополя, привела меня сюда! Господи! Господи! Значит, Тебе было угодно, чтобы дочь Круамара услышала проклятие из уст сына казненной по ее вине.

Еле слышно вымолвив эти слова, Мари де Круамар содрогнулась с головы до ног. Содрогание боли и ужаса напоминало последнее содрогание умирающего. Рено поднял глаза… И увидел ее!

Мари окаменела. Но Рено, не дав ей прийти в себя, заговорил, и голос его был исполнен странной нежности:

— Я звал вас, Мари, и вот вы пришли мне на помощь… О, Мари, дорогая моя невеста, я благословляю вас!

Тщетно пытаясь овладеть своими выплескивающимися через край чувствами, заглушить ужас, порожденный встречей с любимым после такого страшного преступления, Мари пробормотала:

— Вы меня звали… Вы говорите, что звали меня…

— Да, Мари, — просто ответил юноша, подходя к ней и дотрагиваясь до ее руки. — Я звал тебя. И ты меня услышала, раз ты здесь. Прости меня, — охрипшим от рыданий голосом продолжал

он. — Когда я пришел сюда, чтобы отыскать в грудах пепла останки моей матери, я испугался, что не смогу этого сделать, я почувствовал, как кружится голова, как меня одолевает дрожь… И тогда, Мари, я подумал о тебе. Я подумал, что твоя любовь поможет мне справиться с болью, сделает меня сильнее. И я позвал тебя… Я позвал тебя в надежде, что ты, которая стала моим ангелом-хранителем, может быть, не допустишь, чтобы горе и отчаяние, которые поселили в моем сердце Круамар и его дочь, раздавили меня…

Душа Мари запела от ужасающей радости… Запела душа, но она сама не издала даже легкого вскрика, только до крови искусала губы.

«Всемогущее Небо! — пела душа молчащей девушки, нервы которой были натянуты, как струны. — Рено не проклинает меня! Рено не знает о том, что я дочь Круамара! Рено сегодня не заметил меня в окне! Господи, боже мой, сделай так, чтобы он никогда, никогда не узнал…»

Ей ни на секунду не пришла в голову мысль о том, что нужно признаться, нужно попытаться объяснить роковое стечение обстоятельств, объяснить, что она не доносила, что никого не хотела предать, а если и сделала это, то — невольно, не сознавая, что делает. Мари не сказала ни слова.

И молча принесла себе самой нерушимую клятву: прожить всю жизнь рядом с Рено, не сказав ему, кто она на самом деле. Что это? Ложь? Нет! Лицемерие? Нет! В любви эти слова теряют свой привычный смысл. Нет на свете женщины, которая не поймет: если бы девушка призналась в своем преступлении, в своей *лжи*, в своем лицемерии, она не только навеки утратила бы любовь Рено — объявив, что она дочь убийцы и доносчица, Мари смертельно ранила бы возлюбленного, умерла бы для него сама.

И в течение нескольких секунд несчастная во всех подробностях сочинила всю свою жизнь, жизнь девушки без имени, нашла ответы на все вопросы Рено, сумела представить себе существование, построенное на *лжи*, но *лжи*, обращенной в высшую истину.

— Рено, — спокойно сказала она, и голос ее чуть-чуть дрожал только от прилива чистой любви, только от безграничной нежности, — Рено, возлюбленный мой, я принадлежу тебе вся, целиком. Мое сердце, моя душа, мое мужество — для тебя одного. Я готова. Хочешь, я помогу тебе?

— Мне помогает одно твое присутствие, — прошептал Рено, опьяненный невыразимой музыкой, прозвучавшей в ее словах. — Я уже

закончил, посмотри…

Подняв фонарик, он осветил его лучом внутренность шкатулки, напоминавшей гробик для новорожденного младенца. Мари справилась со слабостью. Она подошла ближе, склонилась к бедным косточкам — какие-то из них остались белыми, другие обуглились и почернели, — осенила себя крестным знамением и принялась молиться. А потом обвила руками шею Рено.

— Мой жених, мой супруг, раньше я просто любила тебя. Но только теперь поняла, что значат эти слова: «Я люблю тебя». Твоя боль, мой Рено, это моя боль. Никогда в жизни я так не страдала, потому что до сих пор страдала только за себя, только сама по себе. Но это сегодняшнее страдание, Рено, не скрепляет ли оно наш союз?

— Союз, да, — трепеща от волнения, отвечал Рено. — Союз навеки. Судьба соединила нас, и ничто не сможет нас разлучить.

— Ничто? — выдохнула она.

— Ничто и никто, Мари. Никогда. Даже смерть, поверь мне!

— Я тебе верю, — сказала девушка.

Тогда Рено склонился к голове, которую откопал в груде пепла, и очень нежно обтер ее куском заранее приготовленной белой ткани. Мари, чув-

ствуя, что вот-вот потеряет сознание, попыталась закрыть глаза. Но веки не хотели опускаться. Рено еле держался на ногах и дрожал, словно его била лихорадка. Дважды он пытался поднять с земли легкую ношу, и дважды силы изменяли ему. Наконец он справился с собой, взял в руки мертвую голову и, все еще пошатываясь, простоял так несколько минут.

Мари опустилась на колени. Она думала, что не выдержит этого зрелища, что сейчас умрет сама. Рене плакал. Мари, слушая его надтреснутый голос, тоже обливалась слезами.

— Матушка моя, моя бедная старенькая мама, простите! Простите меня и простите этого ангела, который явился на ваше погребение…

Испуганная Мари с трудом сдержала тяжкий вздох, похожий на мучительный стон.

— Правда, матушка, вы ее простите? — захлебываясь рыданиями, продолжал молодой человек. — Это же не ее вина, что я остался в Париже и вам пришлось ждать! Она же не знала, матушка! Если бы она знала, что дочь Круамара расставляет вам сети, она бы сама уговорила меня бежать, настояла на том, что надо спасти вас. Разве не так, Мари, моя обожаемая невеста?

— Так, — ответила Мари, впиваясь ногтями в

собственные ладони, чтобы не закричать.

— Поэтому простите, простите ее, матушка! — словно в бреду, повторял и повторял Рено.

И в эту минуту голова… мертвая голова… обескровленная голова открыла глаза[1]. Мари слабо вскрикнула, охваченная беспредельным ужасом. Рено, словно от внезапно обрушившегося на него удара какой-то таинственной силы, снова пошатнулся и стал едва ли не таким же бледным, как голова, которую он все еще бережно держал в руках. Но почти сразу же опомнился и произнес с мрачной торжественностью:

— Мертвые слышат…

Воцарилась глубокая тишина, такая, будто с незапамятных времен над Парижем не раздавалось никакого шума, ни одного звука. Гревская площадь уплывала во тьму. Мари дрожала, словно холод склепа пробирал ее до костей. Ей казалось, что она — вне реальности, вне настоящей жизни, что с этого мгновения и навсегда она погружается в мир снов.

— Видишь, — сказал Рено с экзальтацией, гра-

---

[1] Примечания: 1

Мы не можем задерживаться здесь ради дискуссии на тему о том, проявился ли в этом случае, по странному совпадению — одновременно со словами Нострадамуса, рефлекторный феномен, который иногда отмечается после смерти. (*Примеч. авт.*)

ничившей с безумием, — видишь, она простила нас, Мари! Значит, мы можем спокойно жить и любить друг друга… Моя мать благословила нашу любовь.

Душераздирающий вздох Мари стал ему ответом.

— А вы, матушка, — продолжал между тем Рено, — спите спокойно. Я сдержу свое обещание. Я снова повторяю клятву, которую произнес, когда вы открыли мне имя доносчицы. Я говорю: матушка, вы будете отомщены! Дочь Круамара умрет той же смертью, что умерли вы: в пламени!

Мари изнемогала, ее словно раздавил тяжкий груз вины. Она оперлась руками о землю, боясь упасть, и больно закусила язык, чтобы не закричать во весь голос: «Пощадите! Смилуйтесь! Смилуйтесь над Мари де Круамар! Смилуйтесь надо мной! Смилуйтесь над моей любовью!»

Стук молотка, бившего по железным шляпкам гвоздей, вернул ее к реальности. Девушка с трудом поднялась. Рено уже положил мертвую голову матери в дубовый гробик, накрыл останки припасенной для этого материей, а теперь заколачивал крышку. Он сказал просто:

— Мари, постарайтесь быть храброй до конца.

Посветите мне.

Девушка, которой казалось, что она сходит с ума, едва понимая, что, собственно, она делает, взяла фонарь и встала рядом с Рено. Он вбивал гвозди. В эту минуту тяжелые размеренные шаги нескольких человек раздались где-то в ночи неподалеку от них. Шаги отдавались эхом по спящей Гревской площади.

Это был патруль лучников королевской охраны, которым командовал офицер из Лувра. Рядом с офицером шли двое мужчин, на вид — дворянского происхождения. Может быть, они настояли на том, чтобы их взяли с собой патрулировать улицы ночного Парижа, потому что были друзьями офицера, руководившего небольшой группой, а может быть, наоборот, патруль был предоставлен в их распоряжение для поисков кого-то, кого знали только они… Вооруженные люди резко остановились, заметив Рено и Мари, они замерли в суеверном страхе. Кто это стоит на коленях, забивая гвозди в маленький гробик, — человек или призрак? А что за фигура застыла рядом с ним — это женщина под черной вуалью или статуя? Странная сцена, свидетелями которой они оказались, сцена, слабо освещенная фонариком, мерцавшим в руке женщины-статуи (или она

тоже была призраком?), повергла солдат в ужас. Они попятились, наталкиваясь друг на друга и бряцая доспехами. Один из двух сопровождавших патруль дворян, напротив, подошел поближе, присмотрелся к непонятным созданиям, глухим голосом выругался со злобной радостью и вернулся к своим спутникам.

— Ну что? — спросил офицер. — Вы поняли, что тут делают эти два посланца Сатаны? Неужели заколачивают в свой ящик душу колдуньи, чтобы отнести ее своему хозяину? И…

Офицер не шутил. Но дворянин, не дав ему договорить, схватил его за руку и прошептал в самое ухо:

— Тихо! Молчите, сударь! Ваш обход закончен. Возвращайтесь во дворец и, пожалуйста, без шума. И дайте знать обоим сыновьям короля, что им больше не о чем беспокоиться…

Офицер без лишних слов и с явным удовольствием повиновался. По его знаку патруль повернулся кругом и бесшумно удалился, исчезнув в ночи. А дворяне остались у пепелища. Спрятавшись в густой тени навеса одного из ближайших домов, они жадно следили за всем, что происходило в мерцании маленькой погребальной звездочки. Мы уже видели прежде этих дворян:

один из них — граф Жак д'Альбон де Сент-Андре, другой — барон Гаэтан де Роншероль.

Но ни Мари, ни Рено не заметили присутствия посторонних. Когда последний гвоздь по шляпку погрузился в дерево крышки, оба они словно пробудились от наставшей внезапно тишины. Их охватила дрожь. Рено, справившись с волнением, поднялся с колен и взял дубовый гробик в руки. Сделал Мари знак следовать за ним. Вскоре они достигли ограды, и молодой человек открыл калитку, запертую на простую задвижку. Они вошли. И Мари увидела вокруг себя беспорядочное нагромождение могильных камней и высоких каменных крестов. Они оказались на Кладбище Невинных.

Рено зашел в хижину, где хранились инструменты могильщиков, и вынес оттуда заступ. Принялся копать. Когда вырыл яму, поднял голову и взглянул на Мари. Бледная, в своих траурных одеждах, она при этом неровном свете фонарика напоминала призрак скорби.

Она выглядела такой печальной, такой окаменевшей в отчаянии, что ему показалось: ее образ отныне и навсегда врезался в его память как символ горя.

Он взял невесту за руку и задержал ее ладонь в

своей — может быть, затем, чтобы придать себе мужества, потом, вернувшись к своим заботам, бережно уложил маленький гробик на дно могилы и засыпал ее землей.

— Покойтесь с миром, дорогая матушка, — произнес он. — Прощайте. А я, я приложу все силы, чтобы выполнить то, что я вам обещал. Я найду дочь Круамара, где бы она ни скрывалась, я…

Рыдания не дали ему договорить. Мари изнемогала.

Рено снова подошел к ней, снова взял ее руку и звучным и мелодичным голосом, какой бывал у него всегда, когда гнев и жажда мести не делали его резким, хриплым и жестким, не придавали ему металлического оттенка, спросил:

— Мари, дорогая моя, вы меня любите?

— Ах! — воскликнула она, и этот возглас исходил из всего ее существа. — Боже мой, как вы можете об этом спрашивать?!

— Так вот, возлюбленная моя невеста, скажите же мне перед этой свежей могилой то, что обещали сказать вчера. Пусть матушка станет свидетельницей нашей помолвки.

— Что сказать? — пробормотала Мари, трепещущая от волнения и страха.

— Назовите имена ваших родителей, вашего

отца, вашей матери, — напомнил Рено.

Мари последним усилием заставила себя выпрямиться. Она уже выстроила во всех деталях здание своей лжи, лжи, которая спасет их обоих от отчаяния, спасет и его и ее, но прежде всего — Рено.

Она медленно обвила руками шею человека, которого любила в эту минуту, как никогда прежде, любила самой чистой и искренней любовью, она положила белокурую головку в траурной вуали ему на плечо и прошептала:

— Послушай, Рено, тебе надо знать, почему я так колебалась, прежде чем сказать тебе правду… У меня нет ни отца, ни матери, у меня нет никакой семьи… Я — ничье дитя, я девушка без имени…

Рено вздрогнул и еще крепче прижал к себе возлюбленную.

— Но если у тебя нет семьи, нет ни отца, ни матери, значит, я заменю тебе их всех, я один стану твоей семьей…

— Да-да, — повторяла она, судорожно прижимаясь к нему.

— А что до имени, то скоро оно у тебя будет: я дам тебе свое!

И тут последовала масса вопросов — и это было чудовищно, это было самое страшное испыта-

ние, — но Мари справилась с ним, потому что на каждый вопрос она находила единственно верный, абсолютно точный ответ, так, словно всю жизнь только и готовилась к этому «экзамену», словно всю жизнь пыталась как-то изловчиться, что-то изобрести, подобрать самые убедительные подробности.

Из ее рассказа вытекала следующая история. Сразу после рождения ее подбросили на паперть собора Парижской Богоматери. Совсем простая женщина взяла ее к себе. Этой женщиной была Бертранда. Назавтра после этого события кто-то таинственным образом прислал Бертранде очень большую сумму денег, приложив к ним документы, удостоверяющие, что взятая ею под свою опеку девочка владеет домом на улице Тиссерандери[2]. Бертранда, к тому времени ставшая вдовой, воспитала подкидыша как родную дочь. Из того, что девочка явно была из богатой семьи, Бертранда сделала вывод, что ее родители — знатные дворяне, называла ее «мадемуазель», словно Мари была дочерью какого-нибудь герцога или графа, и обращалась с ней так, будто была не приемной матерью, а верной и преданной

[2] Примечания: 2

Улица Тиссерандери — в дословном переводе: улица Ткачества, Ткацкого дела. (*Примеч. пер.*)

служанкой. Мари с Бертрандой поселились в доме на улице Тиссерандери, девочка выросла там и не знала никакого другого дома вплоть до дня, когда встретилась с Рено…

Вот что рассказала Мари де Круамар сыну Колдуньи. Но это не был связный рассказ. Это был ряд вопросов и ответов, причем исчерпывающие ответы следовали за вопросами, продиктованными страстно влюбленному юноше благородным любопытством, без секундного колебания.

— Скажи, теперь, когда ты узнал все, ты меня не бросишь? Не оттолкнешь? — спросила Мари.

Рено еще крепче сжал девушку в объятиях и приподнял ее над землей так, словно держал в руках прекрасную драгоценную лилию.

— Ты — моя ненаглядная невеста!

— Я — твоя жена! — взволнованно прошептала Мари.

— Да-да, моя возлюбленная! Ты должна ею стать. Завтра же я схожу в Сен-Жермен-л'Оссерруа к одному старому священнику, моему другу, и мы отпразднуем нашу свадьбу.

Мари снова задрожала, но уже не от любви — от ужаса.

Она почувствовала, как когти злого рока впиваются в ее ослабевшую душу. Потому что свадьба…

О боже! Брак по закону! Событие, которого никак нельзя избежать! А ведь что это означает?

Либо ей придется самым законным образом поставить свою подпись, то есть — написав фамилию, признаться, чья она дочь на самом деле, либо солгать, написать в божьих книгах только имя, а значит — обмануть самого Господа Бога.

Эта свадьба, приводящая ее в такой ужас свадьба может привести только к одному из двух последствий.

Или к катастрофе!

Или к святотатству!

И в том, и в другом случае ее подстерегает смерть![3]

[3] Примечания: 3

Само слово «святотатство» сохранило в наши дни только свой этический, нравственный смысл. Однако в ту эпоху, когда происходит действие романа, когда церковь и религия обладали поистине безграничной властью, понятие «святотатство» включало в себя куда более грозные последствия. Тот, кто его совершал, не только в соответствии со Священным Писанием обрекал свою душу на вечные муки. Это было еще не всё. Его еще и приговаривали к смерти, подвергая тело пыткам, самой безобидной из которых казалось повешение. (*Примеч. авт.*)

Часть вторая
БРАКОСОЧЕТАНИЕ

I. Два королевских сына

Для того чтобы ты, читатель, смог лучше представить себя ту ужасную сцену, которую мы собираемся тебе описать, и место, которое она занимает в излагаемой нами драматической истории, тебе придется перенестись в королевский дворец, в Лувр. Мы пройдем мимо шумной толпы придворных и задержимся ненадолго в удаленной от царящей во дворце суматохи гостиной, чтобы взглянуть на то, что там происходит, и услышать то, о чем говорят собравшиеся в ней люди.

Их четверо. С одной стороны, два королевских сына, Франсуа и Анри, с другой — Роншероль и Сент-Андре, которые только что явились в Лувр. Сыновья Франциска I, прикованные друг к другу ненавистью, соединившей их так же прочно, как других братьев связывает любовь, были неразлучны. Никогда ни один тюремщик не следил так пристально за поведением заключенного, как Франсуа за поведением Анри. Никогда ни один инквизитор не искал с таким рвением следы тайных мыслей на лбу еретика, с каким Анри пытался прочесть их по лицу Франсуа.

Дело в том, что любовь порождала жгучую ненависть. Оба брата одновременно влюбились до безумия, до беспамятства в одну и ту же женщину. Они были вместе, когда впервые увидели ее под тополями на берегу Сены. Они вместе испытали потрясение, предшествовавшее любви. И ими обоими в одно и то же время овладела не желающая знать никаких препятствий на своем пути страсть.

Они с равным и огромным нетерпением ожидали появления в Лувре Роншероля и Сент-Андре, посланных ими в ночной дозор, и, когда те вошли в комнату, обернулись к ним с одинаковым тревожно-вопросительным выражением на лицах.

— Ваше Высочество, Монсеньор! — сказал граф де Сент-Андре. — Теперь мы знаем, кто ее возлюбленный.

— Ваше Высочество, Монсеньор! — добавил барон де Роншероль. — Теперь мы знаем, кто та молодая девушка, которую вы удостоили чести…

— Кто же она? — в один голос, не дав ему договорить, воскликнули принцы.

— Дочь сеньора де Круамара!

— А он, тот мужчина, которого она любит? — злобно спросили принцы.

— Его зовут Рено, — ответил Роншероль. — И я

должен сказать вам, господа, это очень опасный человек.

Франсуа пожал плечами. Анри улыбнулся.

— Этой ночью, — подтверждая слова спутника, вступил в разговор Сент-Андре, — мы своими глазами видели, как он делал что-то очень странное… Будьте очень осторожны и предусмотрительны. Можно отравить или любым способом отправить на тот свет существо, тебе подобное, но кто знает, какие силы покровительствуют посланцу ада и защищают его…

На этот раз оба принца дрогнули.

— Так что же вы видели? — прошептали они.

— Мы видели такое, — поспешил ответить Роншероль, — что заставило отступить военный патруль, который мы сопровождали! Офицер и лучники были свидетелями и могут подтвердить наши слова. Выйдя на Гревскую площадь, мы увидели там этого человека, этого Рено. Он стоял на коленях посреди пепелища — там, где днем разжигали костер, где сожгли колдунью. Рядом с ним находился черный призрак. И что же он делал, господа? Он вынимал из пепла кости колдуньи!

Принцы содрогнулись. А Роншероль продолжил свой рассказ:

— Да, именно кости, Ваше Высочество, именно кости, Монсеньор, и эти кости наверняка предназначались для какой-то ворожбы, для наведения порчи… Поэтому, кем бы он ни был, человеком или дьяволом, Рено — преступник. Остается только отдать приказ: поймать его, арестовать и сжечь, как сожгли ту колдунью.

— Правда! Правда! — закричал Анри. — Я сейчас же бегу к королю. Я выдам ему преступника и прикажу арестовать этого Рено!

— Вот уж нет, — проворчал Франсуа. — Это мне надо идти к королю. Я — старший!

Взбешенные братья уставились друг на друга так, словно впервые увидели один другого. Речи, которыми они при этом обменивались, были похожи скорее на рычание тигров, оказавшихся лицом к лицу, вернее, мордой к морде над убитой добычей, на которую каждый уже положил свою когтистую лапу. В этот момент за дверью раздался шум, и граф д'Альбон де Сент-Андре воскликнул:

— Сюда идет король!

— Король! — в один голос прошептали братья, перестав мерить друг друга взглядами и повернувшись к двери.

— Клянусь Богом! — радостно сказал Франциск I, направляясь к сыновьям. — Опять они спорят

из-за юбки! Не возражайте, я все слышал. И прекратите эти споры: сейчас же поцелуйтесь, и да будет мир!

Франсуа и Анри послушались отца и обнялись под его бдительным взглядом. Но братский поцелуй даже со стороны, наверное, больше всего напоминал укус ненависти, потому что король-отец, слегка побледнев, покачал головой.

— Дети! Мальчишки! — воскликнул он, силясь улыбнуться. — Настоящие мальчишки, вот вы кто! И из-за чего все это! Два брата воспылали друг к другу смертельной ненавистью из-за какой-то девицы! Черт побери, если вы не можете договориться, бросьте жребий — добавил он, внезапно расхохотавшись.

Принцы вздрогнули и переглянулись.

— Она хотя бы хорошенькая? — продолжал веселиться король. Видя, что братья перестали спорить, он успокоился, и лицо его, сиявшее счастьем и радостью, снова приобрело привычное беззаботное, хотя и чуть скептическое выражение.

— Ах, сир! Только представьте себе восхитительное существо, настоящую белокурую мадонну с роскошными волосами, алыми, словно раскрытый гранат, какие я видел только под

солнцем Испании, губками и…

Франциск I, не слушая, легкой походкой направился к двери, за которой слышалось жужжание огромной толпы придворных. Гаэтан де Ронше-роль бросился к дофину и прошептал ему на ухо:

— А арест, Ваше Высочество? Если вы не арестуете этого человека, красотка ускользнет от вас!

Альбон де Сент-Андре, кусая губы, побледнел: опять его опередили!

— Сир, — сказал дофин, устремляясь вслед за королем. — Сир, здесь находятся два верных слуги Вашего Величества: граф де Сент-Андре и барон де Роншероль. После вчерашнего мятежа черни они ночью ходили с дозором и на Гревской площади заметили человека, некоего Рено, который занимался там каким-то дьявольским и — уж наверняка! — преступным делом!

— Ну и что?

— Как это «ну и что», сир? Этого человека надо арестовать, судить, приговорить! Одно ваше слово, сир, ваш приказ — и он умрет!

Франциск I нахмурился, помрачнел.

— Опять эти истории с колдовством! — проворчал король. — Клянусь Богом, что-то слишком часто они повторяются! Круамар мог бы кое-что рассказать насчет этого…

— Сир, ради бога! — вскричал Анри, не давая брату сказать больше ни слова. — Все же видели, как этот человек собирал в пепелище, оставшемся от костра, кости сожженной накануне колдуньи!

— Ну и что? — снова спросил король, куда более сурово.

— Сир, но ведь его обязательно надо арестовать, этого Рено, и судить!

— Вот уж нет, клянусь Богом! Вот уж чего я не хочу! — недовольно буркнул король. — Хватит с нас судов над колдунами. Вчера мы вызвали этим возмущение, которое едва не переросло в бунт. Поверьте мне, дети мои, когда вы станете царствовать, нужно прежде всего научиться улыбаться льву, чтобы наверняка укротить его, подавить его волю. Париж вчера ясно показал нам, что не хочет, чтобы продолжали сжигать его колдунов и ведьм. И я не хочу, чтобы трогали этого человека!

Франсуа и Анри, потрясенные и подавленные услышанным, переглянулись. В углу комнаты послышались тяжелые вздохи: это Роншероль и Сент-Андре по-своему переживали случившееся. Король, не обращая ни на кого внимания, снова двинулся к двери.

— Все пропало! — с неописуемым бешенством воскликнул Анри, едва отец вышел из комнаты. — Девушка опять ускользнула!

Франсуа сжал кулаки. Глаза его налились кровью. Было совершенно очевидно, что оба молодых человека испытывают к незнакомке ту чудовищную страсть, которая способна превратить мужчину в дикого зверя.

— Ничего еще не потеряно, — спокойно отозвался Роншероль.

— Без всяких сомнений! — поторопился добавить Сент-Андре. — Поскольку король отказался арестовать этого негодяя…

— И отлично! — перебил его Роншероль. — Значит, мы заставим его исчезнуть!

— Неужели вы займетесь этим? — в один голос, одинаково тяжело дыша, спросили оба принца.

— Конечно же, займемся!

Два царственных шалопая наконец успокоились: девушка никуда от них не денется. Но сразу же в обоих взыграла ревность, они злобно уставились один на другого, и у каждого с губ готовы были сорваться проклятия и оскорбления.

— Так что же, последуем совету короля? — опомнившись первым, спросил Франсуа.

— Я только что хотел это предложить! — вос-

кликнул Анри, не скрывая бешенства из-за того, что брат опять обогнал его.

— Подайте кости! — крикнул Франсуа.

— Вот они, — откликнулся Сент-Андре, выходя из тени.

— Кто начнет? — поинтересовался Анри.

— Я! — рявкнул его брат. — По праву старшего!

— Ну, ладно, — недовольно буркнул Анри. Франсуа схватил кости, бросил их в кожаный стаканчик.

— Минутку, — схватил его за руку младший брат. — Сначала договоримся о правилах игры. Этого требует закон чести.

— Да, правда, — неохотно проворчал дофин.

— Тот, кто проиграет, должен будет с сегодняшнего же вечера во всем добровольно помогать выигравшему. Согласны?

— Я это и сам имел в виду.

— Поклянитесь!

— Клянусь…

Братья несколько секунд хранили молчание, все так же тяжело дыша и утирая платками лбы. Потом Франсуа стал трясти стаканчик с костями. Но Анри снова схватил его за руку.

— Погодите минутку, — сказал он. — Тот, кто проиграет, должен навсегда отказаться от этой

девушки и, что бы ни произошло, ничего не предпринимать в отношении нашей красавицы. Клянитесь!

— Я-то клянусь, — проворчал Франсуа, — но вы тоже должны поклясться.

Анри произнес клятву помогать старшему брату овладеть девушкой, если Фортуна улыбнется ему, а также не пытаться как-то повредить ей в случае успеха дофина.

И только тогда Франсуа дрожащей рукой снова встряхнул кожаный стаканчик: игральные кости, гремя, покатились на стол.

— Три! — закричал Сент-Андре.

Франсуа чуть не лопнул от бешенства: ему выпали единица и двойка, то есть появились все шансы проиграть: ведь если на каждой грани кубика выбито от одного до шести углублений и выбрасывается сразу пара, почти невероятно, чтобы брат выбросил меньше трех.

— Отлично, — сказал дофин, пытаясь сохранять спокойствие. — Думаю, я проиграл. Но я сдержу свое слово, Анри, и буду помогать вам.

Анри, в свою очередь, встряхнул стаканчик, выбросил на стол кости и, не удосужившись взглянуть на них, повернулся к брату с торжествующей, злорадной усмешкой. В ту же секунду

оба принца услышали голос потрясенного Роншероля:

— Два! Две единицы! Ах, Монсеньор, до чего же неудачно получилось: только два!

Франсуа испустил радостный вопль. Анри некоторое время тупо смотрел на две единицы, которые он только что сам, своей рукой выбросил на стол, больно укусил эту руку и прохрипел только одно слово:

— Проклятие!

II. Будет ли свадьба?

Дом на улице Тиссерандери, где укрылась Мари де Круамар, был совсем небольшим, с виду скромным, но прекрасно отделанным изнутри. Мари унаследовала этот дом от матери вместе с двумя другими: на улице Сен-Мартен и на улице Лавандьер, напротив кабачка с загадочным названием «Угорь под камнем»[4].

В то утро, спустя неделю после событий, о которых мы попытались подробно рассказать нашему читателю, дама Бертранда усердно наводила порядок на первом этаже дома на улице Тиссерандери. А в отделанной с безупречным вкусом комнате — сразу было видно, что ее хозяйка, которой, конечно же, была Мари, обладает врожденным чувством красоты, — находился, как, впрочем, и каждый день, Рено. Его благородное лицо, одновременно сияющее и сумрачное, выражало сразу и сыновнее горе, и пылкую любовь.

Влюбленные сидели рядышком, держась за ру-

---

[4] Примечания: 4

«Anguille-sous-Roche»; выражение «ilya (quelque) anguille sous roche» означает «здесь что-то неладно» или «тут что-то кроется». (*Примеч. пер.*)

ки, — эта привычка переросла в необходимость еще с тех пор, как они встречались на скамейке под тополями у берега Сены. Что до Мари, то в ее улыбке отражалась вся трагедия, которую пришлось переживать этой отважной девушке. Потому что в то время, когда она улыбалась, когда она приказывала своему телу не дрожать, когда подавляла эту предательскую дрожь, чудовищное волнение терзало ее душу, а сердце порой переставало биться. «Катастрофа! Она вот-вот произойдет! Она уже на подходе! И ничто не может помешать! Ничто!» — вертелись у нее в голове неотступные мысли.

— Мари, — продолжал между тем Рено. — Вот и прошла та неделя отсрочки, которую ты у меня попросила. И ты была права, душенька моя. Если бы мы поженились на следующий же день после такой огромной беды, наша свадьба свершилась бы не в счастливый час. Прошедшая с тех пор неделя, твоя нежность, твое очарование позволили моему сердцу хоть немного успокоиться, тяжелые воспоминания словно заволоклись дымкой… Ужасные, отвратительные видения отступили от меня…

— Милый мой возлюбленный, — отвечала Мари с величайшим спокойствием, — давай по-

дождем еще немного. Разве ты не уверен в моей любви? А потом, знаешь, о чем я думаю? Если бы мы уехали вдвоем из Парижа и отправились в Монпелье, там мы могли бы заключить наш союз, получив благословение твоего достопочтенного отца, у него на глазах…

Рено покачал головой.

«Катастрофа! — отозвалась на это движение душа Мари. — Ничто не помешает! Ничто!»

— Ты забываешь, обожаемая моя, ты совсем забыла о том, о чем я и сам не вспоминал в эти дни: мне надо найти доносчицу! Нужно, чтобы дочь Круамара расплатилась за свое предательство, за свое двойное преступление… Во-первых, она отправила мою мать на костер, а во-вторых… во-вторых, она — дочь своего отца! Потому что — послушай, Мари! — моя мать прокляла этого человека и в потомстве его! И только я могу и должен осуществить это проклятие!

— Как ты ее ненавидишь! — прошептала Мари.

— Что до моего отца, ты была права, напомнив мне о нем. Бедный старик с нетерпением ждет меня: ведь уже больше месяца назад я должен был приехать в Монпелье. А он ждет, что я привезу ему чудодейственный эликсир…

— Эликсир? — удивилась Мари. — Приворотное зелье?

— Можно сказать и так, — ответил Рено, улыбаясь. — Я ездил за ним в Лейпциг, в Германию, где его изготовил старый друг отца, маг и волшебник. Это зелье приворожит ему долголетие… Продлит ему жизнь, или, по крайней мере, придаст его дряхлеющему телу новые силы, необходимые для работы… Я вижу, тебя все это очень удивляет, дорогая возлюбленная? Подожди немножко, и ты узнаешь всю правду о гении моего отца, о моей бедной матери и обо мне самом.

— Боже! — сказала Мари, и любопытство ее на этот раз было вполне искренним. — Но когда же это случится?

— Когда ты станешь моей женой. А это будет очень скоро: завтра мы обвенчаемся. К свадьбе уже все готово. Со священником я договорился. Два моих друга, можно сказать, брата, Роншероль и Сент-Андре, о которых я столько тебе рассказывал, станут свидетелями нашего бракосочетания. Понимаешь, обожаемая моя Мари, я не хочу ехать в Монпелье раньше, чем дам тебе свое имя… А главное, — прибавил он пылко, — прежде, чем мы обменяемся теми поцелуями, которые сделают тебя навсегда моей. Завтра, Мари, уже завтра

ты станешь моей навеки!

«Вот она, катастрофа, уже на пороге! — клокотала душа Мари. — Ничто не помешает! Никакой отсрочки! Ничто и никогда! Ничто? О, какая мысль! Всемогущий Господь, это Ты, Ты послал мне мысль, которая только что поразила меня! Это Ты приказываешь мне попрать честь, добродетель, стыд! Я стану его женой до венчания, тогда церковный брак ничего не будет значить… ОН НИЧЕГО НЕ БУДЕТ ЗНАЧИТЬ, ПОТОМУ ЧТО Я ОТДАМСЯ РЕНО ДО СВАДЬБЫ!»

Один взмах крыльев — и этот ангел чистоты поднялся над условностями вечных истин, туда, где уже не существует ни стыда, ни бесстыдства, ни добродетели, ни порока. «Может быть, я и буду наказана за это, но Рено не умрет от отчаяния, что полюбил дочь Круамара!»

Рено тем временем встал со словами:

— Мне пора идти… Мы договорились с Ронше-ролем и Сент-Андре, что они придут ко мне в это самое время. До свидания, моя дорогая, до завтра, сердце мое…

— Останься! — пролепетала Мари, обвивая руками шею возлюбленного. — Ах, останься, хоть ненадолго, не уходи так сразу…

— Ты хочешь, чтобы я остался? — спросил опья-

ненный ее нежностью Рено.

— Но разве ты не видишь, что я умираю от любви? Останься… пусть ненадолго… хоть чуть-чуть… Не уходи!

— Ты хочешь, чтобы я остался? — повторил молодой человек, чувствуя, как его всего охватывает трепет и как кровь в его жилах превращается в потоки вулканической лавы.

Она не отвечала. Только еще крепче обняла возлюбленного. Грудь ее волновалась… Глаза закрылись… Дрожащими губами, впав в полуобморочное состояние, Мари искала губ юноши… А когда она очнулась от этого доходящего до экстаза восторга, жертвоприношение любви состоялось: Мари стала женой Рено.

«Теперь, — повторяла себе девушка, когда потрясенная всем, что случилось, ослабевшая, она осталась одна в своей комнате, — о, теперь это венчание ни к чему!»

В этот самый момент Рено, который, исполненный райского блаженства, несся на встречу с друзьями, пылко признался себе:

«Теперь, о, теперь особенно необходимо, чтобы мы обвенчались завтра же, иначе — позор мне!»

Когда Рено подходил к своему дому, было около девяти часов вечера. Граф де Сент-Андре и барон

де Роншероль терпеливо ждали, пока он появится, и это терпеливое ожидание было вдохновлено не чем иным, как самой жгучей ненавистью.

— Простите, простите меня, друзья мои! — принялся извиняться Рено, едва показавшись на пороге. — Если бы вы только знали… Но раз уж мы собрались здесь все, давайте сразу условимся, что и как будем делать завтра, в этот великий и незабываемый день.

— Погоди, дорогой мой, — ответил ему Роншероль, — не мы одни томимся в ожидании. На кухне подкрепляется один бедный малый, который сидит здесь и ждет тебя с двух часов пополудни.

— Что это за человек? — спросил Рено со смутным беспокойством, предвещавшим беду, которая могла вот-вот случиться.

— Чей-то посланец, — внимательно вглядываясь в него, сказал Сент-Андре.

— Посланец из Монпелье, — уточнил Роншероль, также пожирая глазами молодого человека.

Услышав последние слова, Рено сорвался с места, как сумасшедший. Не прошло и двух секунд, как он уже беседовал с курьером.

— Вы прибыли из Монпелье?

— За одиннадцать дней, сударь. Я делал почти по восемнадцать лье в сутки, загнал в дороге двух лошадей, и вот я уже с полудня в Париже!

Рено протянул посланцу отца кошелек, полный золотых монет.

— Где он берет столько золота? — прошептал Роншероль.

— Тихо! — зашипел на него Сент-Андре. — Посмотрим. Послушаем.

Приезжий радостно схватил кошелек и в обмен протянул Рено письмо. Молодой человек резким жестом сорвал печать и — побледнев, тяжело переведя дух — принялся читать. В послании было написано:

«Если в течение двадцати дней я не получу эликсира, который мой ученый брат Экзаэль наверняка передал тебе для меня, я умру. Двадцать дней — все, что мне осталось. Поторопись, сын мой! Но если ты приедешь слишком поздно, вот моя последняя воля: ты разроешь мою могилу и прочтешь пергамент, который найдешь спрятанным в одежде, надетой на меня перед похоронами. Обнимаю тебя, дорогое мое дитя, посылаю тебе мое благословение. Утешь свою матушку, вели ей не плакать, скажи ей, что моя последняя мысль была о ней и о тебе и что я жду вас обоих в прибежище астральных душ.

Н.

Поторопись! Поторопись! Может быть, еще есть время...»

Когда Рено поднял глаза от письма, он был смертельно бледен. Нахмурив брови, юноша некоторое время что-то сосредоточенно в уме подсчитывал, видимо, пытаясь охватить всю ситуацию в целом и решить мучающую его про-

блему. Потом твердым шагом подошел к огню и сжег присланное отцом письмо. Только после этого он обратился к курьеру:

— Тебе знаком человек, прославший тебя?

— Нет, мессир. Но я пообещал ему добраться сюда за двенадцать дней. Ваша милость видит, что я сдержал слово, даже управился всего за одиннадцать!

— Хорошо. Но мне нужно проделать весь путь за девять дней. Это возможно?

— Да, если загнать полдюжины добрых лошадок…

— Я загоню десяток и потрачу на дорогу неделю. Что ж, можете идти, друг мой.

Посланец поклонился до земли и исчез.

— Что, плохие новости? — спросил Роншероль.

— Очень, — процедил Рено сквозь зубы.

— Какое несчастье, друг мой! — воскликнул Сент-Андре. — Тебя словно преследуют беды! Потому что — только не отрицай, Рено, а то я перестану верить в твою дружбу! — вот уже неделю я вижу, что ты подавлен каким-то страшным горем. Твои возгласы, твое поведение, твой голос, рыдания, которых порой ты не в силах сдержать, — все, все говорит об этом!

— Да, — подтвердил Роншероль, — и началось

это… Когда же? Погоди-погоди… Ах да, в тот самый день, когда происходил этот мятеж нищих на Гревской площади! Когда сожгли колдунью…

Рено опустил голову. Сердце его будто сжимали тиски. Он переживал одну из тех минут, когда человек, каким бы сильным и мужественным ни был, может просто умереть, если не услышит слова утешения, одну из тех минут, когда человек забывает об осторожности, об угрожающей опасности, обо всем на свете, когда он способен отдать все за самую малость дружеского участия.

— Эта колдунья… — начал он шепотом.

— Ну? В чем дело? Говори же! Эта колдунья?

— Она моя мать!

— Твоя мать! — хрипло повторил за ним Роншероль, и несчастному юноше показалось, будто он слышит в голосе друга жалость и сочувствие.

— Да… Моя матушка! — горестно повторил он и, рыдая, бросился в раскрытые ему навстречу объятия барона де Роншероля.

А барон, крепко прижимая его к себе и шепча слова утешения, думал:

«Он у меня в руках! Ему конец! Это была его мать! Господи помилуй! Я же это подозревал… Ай-ай-ай! Он у меня в руках! Сын колдуньи задумал жениться на дочери Круамара! Вот это да!»

Как ни странно, Рено довольно быстро удалось взять себя в руки, подавить волнение, и его так называемым «братьям» почудилось, будто он обладает какой-то загадочной таинственной силой воздействия на собственные чувства.

— Друзья мои! — абсолютно спокойным голосом сказал он. — Известия, которые я только что получил, вынуждают меня нынешней же ночью покинуть Париж. Роншероль, ты найдешь для меня хорошую лошадь. А у тебя, Сент-Андре, при дворе большие связи. Ты поможешь мне получить пропуск через Адовы ворота[5].

— Нет ничего проще! — отозвался Сент-Андре.

— Пропуск понадобится мне к часу ночи.

— Отлично, дорогой друг. Но как же твоя свадьба? Ты отложишь венчание до времени, когда вернешься в Париж?

— Нет, — ответил Рено решительно и непреклонно. — Вы познакомитесь с моей нареченной сегодня, вместо того чтобы познакомиться завтра. В Сен-Жермен-л'Оссерруа через час после полуночи начинается месса. Вот во время этой

---

[5] Примечания: 5

Ворота, ведущие в Париж, в те времена закрывались с вечера, и никто не мог въехать в столицу Франции или выехать из нее без специального приказа. Адовы ворота выходили на дорогу, ведущую в Орлеан и на юг страны. (*Примеч. авт.*)

мессы мы и обвенчаемся с Мари. Вы же придете туда, братья мои?

— Конечно! — обрадовался Сент-Андре. — Значит, увидимся в половине первого?

— Значит, в Сен-Жермен-л'Оссерруа, — уточнил Роншероль. — Но лучше мы там будем к полуночи.

— Прекрасно, — сказал Рено. — Так действительно лучше. Встречаемся в полночь. У меня хватит времени представить вас моей невесте.

Молодые люди вышли все вместе из дома Рено и разошлись по сторонам. Рено побежал к священнику, который должен был служить мессу, Роншероль и Сент-Андре отправились заниматься своими делами.

В этот момент было около десяти часов вечера.

— Давай-ка зайдем сюда, — предложил Роншероль спутнику, указывая на еще открытый в этот поздний час кабачок. Они зашли, уселись за столик, к ним приблизился слуга с хитроватой физиономией.

— Бутылку испанского вина, — потребовал Роншероль. — Перья. Бумагу. Чернила. Воск.

Сообщники обменялись взглядами, честно говоря, они побаивались друг друга.

— Ну, наконец-то! — вздохнул Сент-Андре, и

вздох этот мог бы показаться стороннему наблюдателю мучительным, настолько теснила грудь мерзавца нечаянно выпавшая на его долю радость.

— Неплохо получилось, да? На этот раз — он пропал! То, что мы тщетно пытались узнать целую неделю, он сам преподнес нам на блюдечке!

— Да. И Его Высочеству дофину не на что будет пожаловаться сегодня ночью…

Роншероль склонился к уху Сент-Андре и прошептал:

— Но для этого нужно, чтобы бракосочетание не состоялось.

— Ба! — отмахнулся тот. — Какое имеет значение это венчание, если сразу после него новобрачный отправится по своим делам?

— Это было бы верно, если бы мы имели дело с какой-нибудь другой девушкой, не с Мари де Круамар. Послушай, может быть, и даже наверное, она уступила бы принцу, останься она незамужней. Но обвенчавшись! Она же при этом поклянется в верности мужу перед Богом, и хоть ты ее убивай, но она эту клятву не нарушит, понимаешь?

— Мда… — промычал вместо ответа Сент-Андре.

Тем временем слуга принес то, что от него требовалось, и теперь раскладывал и расставлял все эти предметы на столе.

— Черт побери! Так что же нам теперь делать? — взволнованно спросил граф, едва слуга отошел. — Нет никакого средства помешать этой свадьбе, если только, — добавил он едва слышно, — не вернуться к моей первой мысли и не прирезать парня!

Роншероль пожал плечами и улыбнулся. От этой улыбки его собутыльника бросило в дрожь.

— Я знаю средство, — буркнул Роншероль с налитыми кровью глазами. — И оно будет получше твоего кинжала!

— Ей-богу, я начинаю тебя бояться!

— Между тем это совсем не страшно и очень просто. Гляди!

И Роншероль принялся быстро писать. Когда он закончил, то подсунул листок бумаги Сент-Андре, который, прочитав написанное, крепко выругался и воскликнул:

— Вот это да! Просто чудо! Ты свое дело знаешь! Не иначе, далеко пойдешь!

— Я на это и рассчитываю! — усмехнулся Роншероль, складывая листок бумаги вчетверо и прикладывая к воску свой перстень с печаткой

без герба.

Вот что написал Роншероль:

«Господин Рено!

Девушку, на которой вы собираетесь жениться, зовут

МАРИ ДЕ КРУАМАР».

— Жерве! — крикнул Роншероль. Подбежал слуга.

— Жерве, хочешь заработать десять золотых экю за пустяковую работу?

— О, господин барон! — пробормотал слуга, явно оглушенный такой огромной суммой.

— Так ты хочешь их заработать, негодяй, или не хочешь? — загремел Сент-Андре, изнемогая от нетерпения.

— Да я бы ради таких денег, не задумываясь, в огонь бросился!

— Отлично, — сказал Роншероль. — Возьми это письмо. Приходи в половине первого ночи в Сен-Жер-мен-л'Оссерруа. Там передашь его молодому человеку, с которым я буду беседовать у входа в храм. И получишь свои десять экю. Да, что еще важно: молодого человека зовут господином Рено. А теперь — держи и помни: я распотрошу тебя, если забудешь сделать так, как я сказал!

За несколько минут до полуночи Роншероль и Сент-Андре подошли ко входу в церковь. Они дрожали. Они смеялись.

В этот момент в десяти шагах от них возникли две тесно прижавшиеся одна к другой тени: это Рено, обнимая подругу за талию и поддерживая ее своей мужественной рукой, вел Мари к алтарю.

Она пришла!

Нет, не бракосочетание оказалось ни к чему, оказалась ни к чему жертва, которую она принесла во имя любви! Ей пришлось все-таки идти в храм! Она тщетно пыталась воспротивиться железной воле жениха.

И она пришла, она сейчас пойдет под венец с человеком, которого любит больше своей жизни, больше своей души, да, она идет на этот брак по любви, любви чистой, любви вечной, но идет так, как спускались в ад осужденные на вечную погибель из легенд и мифов о мятежном ангеле, восставшем против Бога…

Рено увидел Сент-Андре и Роншероля и бросился к ним со словами признательности, не скрывая радости. Пылко пожимая им руки, он спросил:

— А что с пропуском?

— Вот он, — ответил Сент-Андре, протягивая ему сложенный листок бумаги, который Рено

немедленно спрятал в карман своего камзола.

— А лошадь? — снова спросил он.

— Привязана к решетке ограды и ждет тебя там. Сможешь вскочить в седло, едва отойдя от алтаря.

— Отлично. Пойдемте.

— Куда? Еще слишком рано! — забеспокоился Роншероль, с нетерпением ожидавший появления Жерве. — Только пробило двенадцать, а месса начнется в час.

— Нет, месса начинается в полночь, — просто сказал Рено. — Я добился этого, чтобы выиграть час времени.

Сент-Андре, стоявший в тени, кусал кулаки, чтобы не закричать от досады. Роншероль застыл на месте как громом пораженный.

— Дорогие мои друзья, — продолжал между тем Рено, чей голос дрожал от избытка чувств, от избытка нежности к любимым им людям. — Братья мои, вот перед вами Мари — та, которую я обожаю, та, которая через несколько минут станет моей женой. Мари, эти господа — мои самые близкие друзья, самые дорогие мне люди на свете после отца и тебя. Это граф Жак д'Альбон де Сент-Андре, а это — барон Гаэтан де Роншероль…

III. Записка

Теперь действие переносится в церковь Сен-Жермен-л'Оссерруа, во второй придел слева, выделяющийся в темноте храма неясным островком света. Четыре свечи озаряют старика священника, который слабым голосом, с медленными и неверными движениями, читает молитву перед коленопреклоненными Мари и Рено. Немного позади, теряясь в полумраке, скрестив руки на груди, стоят Альбон де Сент-Андре и Гаэтан де Роншероль. Они бледны, в уголках их губ застыла сардоническая усмешка, они пожирают глазами молодоженов — таких юных, таких красивых, не причинивших им никакого зла…

И вот, наконец, спустившись по ступенькам с алтаря, старик подходит к Рено и Мари и передает им кольца. В момент, когда они обмениваются этими символами вечной любви, священник простирает руки над их головами и торжественно произносит слова, скрепляющие перед Богом и людьми союз любящих сердец. Мари бледна как смерть. Рено трепещет. Наступает великий момент: на аналое, между открытым Евангелием и дарохранительницей, раскрывается церковная

книга, где должна быть сделана запись о совершившемся таинстве. Рено делает шаг вперед, твердой походкой приближается к аналою и вписывает свое имя:

«Рено-Мишель де Нотрдам».

Нет никаких сомнений, у этого имени есть какое-то таинственное и грозное значение. И нет никаких сомнений в том, что старенькому священнику, другу Рено, это известно, и он явно получил и с честью выполнил точные указания молодого человека. Потому что, жестом указывая Мари, где ей следует поставить свою подпись, он прикрывает рукой только что написанную строчку. И продолжает прикрывать эту строчку, когда к аналою подходят записать свои имена оба свидетеля. Но это чуть позже, а пока…

— Напишите вот здесь ваши имя и фамилию, дитя мое! — говорит старик.

Мари каким-то неловким жестом хватает перо и — ни секунды не раздумывая, без остановки, одной линией — выводит:

«Мари, сирота, не знающая никакого другого имени…»

Затем она отступает и, разом ослабев, почти падает на руки Рено, а тем временем Сент-Андре, Роншероль и сам священник, в свою очередь, расписываются в книге.

— Жена моя! Моя обожаемая супруга! Моя на все времена! — шепчет Рено на ухо любимой, которую, поддерживая крепкой рукой, уводит от алтаря.

В тишине храма раздается глухой удар, мощный гул потревоженной бронзы. В голове новобрачной звон отдается дьявольским шумом, ей чудится, что толпа демонов собралась вокруг нее, что все они бешено хохочут, кривляются и кричат мерзкими голосами:

— Святотатство! Святотатство!

«Господи! Господи! — начинает молиться про себя несчастная. — Возьми меня к себе! Убей меня! Только об одном прошу: спаси его! О, Господи, сделай так, чтобы он никогда не узнал этого проклятого имени, имени его жены, никогда!»

А удар? А отзвуки колышущегося металла? Что это было? Просто-напросто колокольный звон, обозначавший, что после полуночи прошло полчаса… Свечи погасли… Рено, Мари, Сент-Андре и Роншероль вышли из церкви и подошли к ограде.

— Роншероль, — сказал Рено, — веди коня в поводу. Дорогие мои друзья, проводите меня до дома моей возлюбленной, моей жены. Потому что мне нужно еще попросить вас об огромной услуге…

Все двинулись вперед. Мари шла, как автомат, плохо соображая, что с ней происходит.

— Эй! Кто здесь? — вдруг воскликнул Сент-Андре.

— Кто из вас господин Рено? — спросил голос из темноты.

— Это я, — откликнулся Рено. — Что вам нужно?

— Только передать вам вот это и просьбу прочесть это немедленно.

Жерве протянул молодому человеку письмо и исчез, словно тень, слившись с сумраком ночи.

— Немедленно прочесть… — повторил Рено глухим шепотом, исполненным недоверия. — Прочесть сразу? В темноте? Что же такое там написано? Надо узнать это как можно скорее! Прочесть! В темноте! Но я должен, должен это узнать!

Он обеими руками сжал ледяные руки жены и минуты две простоял так — неподвижный, безмолвный, тяжело дыша, словно простое

движение потребовало от него каких-то необычайных усилий.

— Что он там делает? — пробормотал Сент-Андре.

— Молчи! — буркнул Роншероль.

Если бы было не так темно, они бы увидели, как закатились и словно остекленели глаза Мари, они бы увидели, как выпрямилось и напряглось ее тело, увидели бы, как в экстатической улыбке застыли ее губы… Но они смогли только услышать голос Рено, в котором звучали одновременно берущая за сердце нежность и власть, которой невозможно сопротивляться. Вот что говорил этот голос:

— Мари, дорогая моя Мари, ты меня слышишь?

— Да, возлюбленный мой, — отвечала молодая женщина, и казалось, будто ее голос доносится издалека, будто он пробивается сквозь пелену тумана.

— Возьми эту записку, обожаемая Мари…

— Я взяла ее, дорогой супруг…

— Хорошо… ТЕПЕРЬ ПРОЧТИ ЕЕ МНЕ!

Роншероль и Сент-Андре, пораженные тем, что происходило перед ними, попятились.

— Так как же, — продолжал Рено, — можешь ты прочесть письмо?

— Сейчас попробую, любимый, — ответила Мари с какой-то сверхчеловеческой нежностью. — Я думаю, мне это удастся… Вот первые буквы, они уже вырисовываются… Одно слово, два слова… Да! Вот эти два слова: «Господин Рено!»…

Мари замолкла. Роншероль и Сент-Андре задрожали от охватившего их ужаса. Мари читала записку в полной темноте! Мало того. Мари читала ее, не раскрывая, не развернув листок, даже не сняв восковой печати!

— Очень хорошо, моя дорогая, — ласково сказал Рено. — Но надо продолжать… Попробуй… Постарайся…

И тогда снова раздался голос Мари, он все еще был полон глубокой нежности, но стал более слабым, неуверенным, будто она, как ребенок, читала по складам.

— Погоди минутку… О! — воскликнула она с любопытством. — Тут дальше написано обо мне! Тут… девушку… на которой… вы… собираетесь жениться…

Роншероль застучал зубами. Сент-Андре дотронулся до аналава[6], который хранил на груди, и

[6] Примечания: 6

Аналав (с греч.) — четырехугольный плат с изображением Креста и других символов страдания Христа, который носили под платьем истинно верующие. (*Примеч. пер.*)

принялся бормотать молитвы… Вдруг раздался пронзительный нестерпимый крик.

— Нет! Нет! Нет! — кричала Мари. — Это ужасно! Нет, только не я! Я НЕ МОГУ ПРОЧЕСТЬ ЭТОГО!

Рено пошатнулся, словно его поразила чудовищная мысль. На его лбу выступил холодный пот. Губы побледнели. И он жестко, властно сказал:

— Так как же, Мари? Нужно прочесть то, что там написано! Читай!

Она ломала руки.

— Господи! Он хочет, чтобы я ЭТО прочла! Господи, возьми меня к себе! Убей меня! Только не заставляй читать дальше! Читать ЭТО! МНЕ! МНЕ!

— Мари! — буквально взревел Рено. — Ты должна прочесть!.

— Нет! Нет! О, нет! Сжалься, Рено! Убей меня! Но не заставляй это читать… Прочесть ЭТО! МНЕ! МНЕ!

Внезапно судорожными жестами, выражавшими полное отчаяние, со слабым стоном, выдававшим страшную боль, она стала комкать, а потом и рвать в клочки так испугавший ее листок бумаги. Она скатала клочки в шарик и швырнула

этот шарик с такой силой, будто хотела, чтобы он улетел за пределы Парижа, за пределы мира божьего… Комочек упал в ручей, вода унесла его… Рено и пальцем не пошевельнул…

— Вот теперь я не могу читать! — с жуткой радостью вскричала она. — Как хорошо! Любимый мой, это было так ужасно! Понимаешь, ты не должен был заставлять меня читать это… Меня…

Рено снова схватил свою молодую жену за руки. Дрожь пробежала по всему ее телу.

— Мари! — сурово сказал он. — Ищите записку. Вы ее видите?

— Да… Да… Ручей уносит ее… Он уносит ее в Сену… Ах! Слава Тебе, Господи! Она упала в Сену!

— Следите за ней, Мари, следите за ней! Не теряйте ее из виду!

— Я вижу ее, я ее вижу…

— Ну и прекрасно, читайте.

— Нет! Нет… Только не я! О, пожалуйста, только не я!

— Читайте!

— Пощадите! Рено, сжалься над своей женой!

— Читайте!

Она была побеждена. Задыхаясь, трепеща, едва держась на ногах, она произнесла голосом, полным чудовищного отчаяния:

— «Господин Рено… девушку… на которой… вы… собираетесь жениться… зовут…»

— Зовут?! — загремел Рено.

— Зовут… Мари… де…

Из груди новобрачной вырвался стон, напоминающий рыдания, выражающий бесконечную боль.

— «Зовут… Мари… Мари де Круамар…»

Мари упала на колени. Она беззвучно плакала, едва слышно стонала. Она обвивала руками колени Рено, прижималась к ним головой и заливалась слезами. Рено стоял неподвижно, словно громом пораженный. Но это продолжалось недолго. Медленно-медленно он воздел к небу руки, сжал кулаки, и на его пылающем лице появилось такое выражение, будто он хотел увидеть Бога на троне его и послать Ему проклятие.

Все это выглядело так печально и так страшно, эти двое излучали такую невыносимую боль, что даже невольным свидетелям сцены, Роншеролю и Сент-Андре, даже им показалось, что они переступили грань, проведенную чистой ненавистью, сделали что-то, непонятно что, еще более ужасающее, чем собирались, — и им захотелось стать маленькими, незаметными, затеряться в темноте…

— О, матушка моя, — произнес наконец Рено тихим, монотонным, бесцветным голосом, в котором не было ни гнева, ни возмущения. — О, моя бедная матушка! Я видел, как твое тело корчилось в пламени… Я помню неизбывное страдание на твоем лице… Ты слышала, да? Вот она, доносчица, — она у моих ног! Вот она — дочь Круамара!

Рено резко бросил вниз кулаки, словно желая раздавить несчастную, вбить ее в землю. Но не дотронулся до нее. И чем ниже опускались его руки, тем медленнее становилось движение, человек словно превратился в машину, способную раздробить в песок, но не спешащую доказать свое могущество. Он не дотронулся до Мари. Он снова заговорил:

— Нет? Ты этого не хочешь, мать-мученица? Ты не хочешь, чтобы я убил ее? Это было бы слишком просто, да? Чего стоит такая мгновенная казнь по сравнению с твоими страданиями? С моими страданиями… Что ты прикажешь мне сделать, матушка?

— Боже! Боже! — повторял не помнящий себя от испуга Сент-Андре. — Вот теперь он говорит с мертвой колдуньей! А что, если она появится здесь и увидит нас? Что, если она укажет на нас?

Еле видный в темноте, бледный как призрак

Роншероль вытащил из ножен кинжал и крепко сжал его в руке. Рено, будто он и впрямь говорил с потусторонними силами, прислушался, потом ответил все тем же тусклым голосом:

— Но ты же знаешь, мне надо уехать! Мне надо уехать немедленно… Значит, я должен оставить ее безнаказанной? Да-да, я тебя слышу… Я понимаю, что ты говоришь… Ты хочешь, чтобы я уехал? Я должен решить, как наказать ее, только тогда, когда вернусь? А сейчас я должен приказать ей забыть все! Я и сам должен забыть! Но ровно через двадцать дней нужно снова все вспомнить и начать судить ее снова — с той минуты, с того слова, на которых все остановится этой ночью!

Рено наклонился к Мари, по-прежнему обнимавшей его колени, взял ее руки в свои и произнес:

— Забудьте!

— Забыть… мне?

— Да. Забудьте все. Письмо. То, что вы сказали. Что-то осталось в памяти?

— Нет, мой возлюбленный…

Рено взял жену на руки и сказал свидетелям страшной сцены:

— Пойдемте!

И двинулся в путь. Больше он не произнес ни

слова. Он шел от церкви до дома на улице Тиссерандери, ни на секунду не останавливаясь, чтобы перевести дыхание, не зная устали. Он шел — сердце его терзало отчаяние, дух был смущен бешенством, ему казалось, он идет среди руин.

Мари, положив голову ему на плечо, спала. Сон ее был мирным, спокойным, рука нежно обвивала шею мужа.

— Господи Иисусе! — воскликнула дама Бертранда, увидев странную компанию. — Господин Рено, да вы похожи на призрак!

Молодой человек прошел в дом, даже не взглянув на женщину, может быть, не заметив ее, не услышав ее слов. Он поднялся по лестнице, вошел в спальню, уложил Мари на постель. Вслед за ним в комнату вошли два его друга. Внизу испуганная и встревоженная дама Бертранда, бросившись на колени, принялась молиться.

— Слушайте меня внимательно, — сказал Рено жестко. — Сейчас я уеду. Мне понадобится восемь дней на дорогу туда, восемь на обратную, два дня я пробуду на месте, еще два могут потребоваться, если возникнут какие-то непредвиденные обстоятельства. Итого — двадцать дней. Ровно через двадцать дней я вернусь. Поклянитесь, что будете заботиться о ней.

— Клянусь! — рявкнул Роншероль.

— Клянусь! — пролепетал Сент-Андре.

— Я доверяю ее вам. Поклянитесь мне, что через двадцать дней я найду ее там, где оставляю под вашим присмотром. Поклянитесь мне в этом, и моя жизнь, как и моя смерть, окажутся в вашей власти!

— Клянемся! — в один голос сказали они.

Рено кивнул в доказательство того, что принимает клятву.

— Эта девушка, — снова заговорил он, — проспит два часа. Вы не расскажете ей о том, что произошло на ваших глазах. Вы скажете ей только, что ровно через двадцать суток, час в час, я буду здесь.

Он повернулся к Мари… Его сотрясала дрожь. Он судорожно сжимал губы, как будто старался не дать воли прорывавшимся помимо его воли рыданиям. Но, видимо, предприняв громадное усилие духа, взял себя в руки настолько, что стал казаться окружающим совершенно спокойным, подошел к кровати, наклонился и спросил, глядя на спящую молодую женщину:

— Мари, вы меня слышите?

— Да, любимый, слышу… — не размыкая век, ответила она.

— Вы все забыли?

— Все! Ты же мне приказал…

— Хорошо. Помните только одно: ровно через двадцать суток, час в час, я вернусь. Запомнили?

— О да, мой любимый…

Казалось, в уме, а может быть, в сердце Рено идет битва не на жизнь, а на смерть. Он отвернулся от постели и снова обратился к друзьям, которые, увидев его сломленным, каким-то увядшим, с искаженными болью чертами, внутренне содрогнулись перед последствиями своего злодеяния.

— Прощайте, — сказал он. — Я уношу с собой вашу клятву.

Им не хватило мужества ответить, они не произнесли ни слова и отступили, пропуская его к двери. Он спокойно, размеренным шагом спустился по лестнице. Несколько мгновений спустя съежившиеся от страха друзья-предатели услышали цокот копыт на улице. Рено умчался. Только убедившись в том, что он уже далеко, они распрямились, переглянулись, оба протяжно вздохнули, и Роншероль проворчал:

— Беги в Лувр. А я останусь здесь, чтобы приглядывать за ней… Мы же поклялись!

Сент-Андре удалился. Мари спала мирным,

ангельским сном...

Часть третья
СЫН НОСТРАДАМУСА

I. Темницы тюрьмы Тампль

Прошло несколько месяцев. Если читателю угодно, мы, легко взмахнув крыльями, преодолеем пространство и время и смиренно попросим его проникнуть вместе с нами в одну из королевских крепостей, чья массивная тяжелая башня хранит столько кровавых воспоминаний. Название этой крепости — Тампль. Это тюрьма.

Итак, после той ночи, когда Мари обвенчалась с Рено, прошли месяцы, и теперь, вместе с тюремным смотрителем, безразличным ко всему мужланом, насвистывающим сквозь зубы охотничий мотив, мы спускаемся по лестнице, сложенной из огромных камней, вниз, в подземелье. Там, наверху, сияет июньское солнце. Здесь царит ледяная ночь, пахнет нечистотами, носятся по земляному полу бесчисленные мерзкие твари… Тюремщик, освещая себе путь фонарем, идет вдоль длинного коридора, останавливается у одной из дверей, бранит замок, который поначалу никак не хочет отпираться, ставит в угол камеры кувшин воды, кладет краюшку хлеба, потом уходит, унося с собой пустой кувшин. Хлеб и вода, которые он только что принес, — все, что

полагается узнице на два дня. А узница — Мари.

Это она — с застывшими от отчаяния глазами. Это она — с изможденным, исхудавшим лицом, с высохшим телом. Она съежилась в самом дальнем углу камеры и с бесконечной печалью думает о чем-то. Но порой ее сотрясает дрожь, и тогда она, на минуту позабыв о своих страданиях, удивленно и радостно вслушивается в себя. Лицо ее в такие минуты озаряет надежда… Надежда, свойственная женщинам, которые ждут прихода в этот мир нового существа, существа, уже дорогого их сердцу, хотя его еще и нет на свете… И тогда она встает и, пошатываясь, делает несколько шагов по своей темнице.

Потом, когда эти удивление и радость покидают ее, она возвращается в свой угол и снова погружается в мрачные мысли. Она постоянно перебирает в памяти бесконечную цепочку похожих друг на друга дней, пережитых ею за эти семь месяцев, которые представляются ей как будто отодвинувшимися от нее, словно погрузившимися во мрак времен. Неужели это ее когда-то привели в таинственный дом, где в течение десяти дней, то в один час, то в другой, то при свете дня, то в полутьме, ей приходилось отражать внезапные атаки одного или другого из

двух хищников? Какой она тогда была храброй! Какой отважной была ее душа, и каким крепким, сильным тело! Как одним словом, а порой и одним жестом она умела убрать со своей дороги нападающего на нее мужчину, который иногда вел себя подобно дикому зверю, а иногда рыдал и валялся у нее в ногах! Потому что тогда она еще надеялась… Потому что тогда она еще ждала, что ее супруг, ее возлюбленный вернется. Рено так сказал. Рено повторял ей каждую минуту в те давно прошедшие времена: «Через двадцать суток, час в час, ты увидишь меня снова…»

Два принца так и не договорились друг с другом. В конце концов, после бурной сцены, они решили не думать больше об игральных костях, которые бросали когда-то, не думать о том, кому тогда улыбнулась Фортуна, а снова бороться каждый за себя самого, используя в этой борьбе все мыслимые и немыслимые средства.

Перепробовав все: хитрость, силу, коварство, обещания, угрозы, — на исходе десятого дня братья предстали перед ней вместе. И Франсуа сказал так:

— Вы обвиняетесь в колдовстве. Вы обвиняетесь в том, что читали некое письмо, не открыв его, в полной темноте. Вы обвиняетесь в том, что

говорили с невидимым существом, скорее всего с существом демонического происхождения. Вас препроводят в Тампль, и начнется судебный процесс против вас. А потом вас приговорят к смерти и сожгут живьем.

А Анри добавил:

— Если только вы не согласитесь уступить. Тогда вам будет предоставлена свобода, вы станете богаты и счастливы. Вас окружит роскошь. Вы превратитесь в знатную даму, и самые именитые из придворных склонятся перед вами.

— Отведите меня в Тампль! — просто сказала Мари. Принцы ушли. Часом позже в ее комнату вошли двое в черном, сопровождаемые солдатами, и ее стали допрашивать. Потом ее отвели в тюрьму, она шла пешком через весь Париж, люди бранились ей вслед и кричали: «Смерть колдунье!»

Мари отправилась в свое подземелье без тревоги, без всякого страха. Она подсчитала: он приедет в воскресенье, — и принялась спокойно ждать. Только в субботу немного занервничала. Но, когда почувствовала, как тоска подступает к ее сердцу, закрыла глаза и прислушалась к звучавшему в ней голосу Рено. Он говорил: через двадцать суток, час в час…

Наступило воскресное утро, она поняла это по тому, что за пределами камеры раздался отдаленный шум. Она подошла к двери и, вся трепеща от волнения, стала ждать. Потянулись часы. Сначала она ждала спокойно. Потом ею стало овладевать нетерпение… Вечером явился тюремщик и принес ей еды и питья на два дня. Она не обратила внимания на этого человека, она понимала единственное: это не он, не ее муж, не Рено. Есть она не стала. Продолжала неподвижно стоять у двери, только иногда шептала:

— Как же долго длится это воскресенье! Что же, этот день никогда не кончится?

Иногда на нее наваливалась страшная, невыносимая усталость, и тогда она вынуждена была укладываться на холодный пол в своем углу. Но очень скоро она снова набиралась сил, вставала и бежала на свой наблюдательный пост, к двери. К хлебу она так и не притронулась, но, когда ее стала в очередной раз мучить жажда и она взяла в руки кувшин, оказалось, что там нет ни капли воды.

— Как это мне удалось так быстро выпить целый кувшин воды? — удивилась Мари.

В момент, когда она задумалась об этом, дверь отворилась и на пороге появился тюремный

смотритель с фонарем в руке. Он принес полный кувшин воды и краюху хлеба: двухдневный рацион. Ее это поразило. До тех пор она никогда не разговаривала с этим человеком, но сейчас не смогла удержаться и не спросить:

— Почему вы второй раз за день приносите мне пищу и воду?

— Как это второй? — вылупил глаза тюремщик.

— Да точно же: второй. Вы сегодня утром принесли мне кувшин воды и хлеб.

— Ага, — буркнул себе под нос смотритель, — вот и эта свихнулась! Они тут все этим кончают.

Он отошел к двери и, перед тем как закрыть ее за собой, проворчал:

— Я приносил вам еду и питье в последний раз в воскресенье вечером.

— В воскресенье вечером? Ну и что же?

— А то, — сообщил тюремщик, — что сейчас наступил ВЕЧЕР ВТОРНИКА!

Дверь с грохотом захлопнулась. Мари, не издав ни звука, упала навзничь. Силы ее оставили. Совершенно напрасно она простояла здесь, за дверью, больше двух суток, тогда начиналось воскресное утро, сейчас заканчивался вечер вторника. Она стояла, как часовой, — без еды, без

сна, без отдыха…

II. Приговоренная

И потекли дни… Мари, скорчившись, сидела в своем углу. Она не кричала. Она не плакала. Она потеряла всякое ощущение жизни. Ее преследовала единственная мысль: он не придет.

Несколько раз возникали какие-то смутные видения — ей казалось, что перед ней стоят Франсуа и Анри: они появлялись то вместе, то поодиночке. Что они говорили ей? Она не слушала, она не слышала. Потом однажды вдруг поняла, что они ей угрожают. И в этот раз, когда они исчезли, вошли тюремщики и заставили ее покинуть камеру. Она поднялась по лестнице, она впервые за долгое время увидела дневной свет, с двух сторон от нее шли вооруженные до зубов люди, она не понимала, куда ее ведут, а привели ее в темный зал, где уже собрались мужчины, с головы до ног одетые в черное…

Один из них стал задавать ей разные вопросы, и среди прочего ее спрашивали о том, давно ли она вступила в связь с дьяволом и подписывала ли она договор с ним. Мари не ответила ни на один вопрос, она только качала головой. Наверное, допрос длился очень долго, потому что ближе

к концу в зал принесли горящие светильники. Потом двое солдат с алебардами схватили ее за руки и заставили встать на колени, а один из людей в черном стал быстро-быстро читать что-то написанное на пергаменте. Она не понимала, что происходит, да, впрочем, и видела плохо: перед глазами мелькали смутные тени, фигуры были расплывчатыми, все будто ускользало от взгляда…

А ведь это был церковный трибунал! А то, что читал человек в черном, был вынесенный ей приговор!

Мари приговорили к сожжению живьем на Гревской площади на костре, зажженном палачом, а предварительно — к дознанию, во время которого она должна будет объяснить природу своего взаимодействия с потусторонними силами.

Огласив приговор, судьи отправили молодую женщину обратно в ее темницу в Тампле.

Опять дни, дни и ночи, текут и текут без конца… Часы, похожие один на другой, минуты, длящиеся вечность… И долгие-долгие месяцы, минувшие с той ночи, когда Рено уехал в Монпелье, чтобы не вернуться…

В одну из таких минут, когда она неверными

шагами мерила свою камеру, дверь открылась, тюремный смотритель пропустил в камеру двух мужчин, поставил принесенный с собой фонарь в угол, поклонился так, что чуть не стукнулся лбом об пол, и только после этого удалился.

Удивленная Мари вгляделась в вошедших, но, сразу же узнав их, потеряла к «гостям» всякий интерес.

Вероятно, то, что собрались сказать ей королевские сыновья, было ужасно, потому что оба они, явно колеблясь, долго молчали. Франсуа первым решился приступить к делу. Он подошел к Мари и взял ее за руку. Анри, которым, видимо, овладел приступ бешеной ревности, тут же подскочил к узнице и схватил ее вторую руку.

— Выслушайте нас, Мари, — начал Франсуа. — Здесь, перед вами, два брата, которые ненавидят друг друга, потому что нам обоим вы внушили одинаковую страсть. Как странно, Мари, что два брата одновременно воспылали к вам любовью…

Голос его осип, он остановился, может быть, потому, что в его душу внезапно просочились какие-то сомнения. Его брат, его соперник Анри тут же перехватил инициативу и, воспользовавшись колебаниями дофина, пошел в атаку:

— Да, это очень странно, и одного этого достаточно, чтобы убедиться в вашей связи с силами ада. Вот почему король настаивает на том, чтобы вас допросили…

— Допросили? — пробормотала Мари, высвобождая свои руки.

— Да! — поторопился ответить Франсуа. — А ведь допрос — это пытка!

— Пытка! — повторила несчастная.

Анри и Франсуа задыхались. Но на их физиономиях застыло дикое упрямство, упрямство безжалостное, убийственное упрямство страсти, доведенной до пароксизма.

— Мари, — снова заговорил Франсуа, — мы решили избавить вас для начала от пыток, а потом и от казни, от костра. Если вы захотите, вы сможете сейчас же выйти на свободу!

Молодая женщина медленно подняла голову, страдая от невыносимой боли. Братья задрожали под ее взглядом.

— Вы будете не просто свободны, вы будете богаты, всеми почитаемы, — вмешался Анри. — И, чтобы переменить вашу участь, вам достаточно сказать одно только слово. Затем с вами останется лишь один из нас. Потому что мы договорились решить свой спор оружием, и только победитель

будет иметь право сделать вас счастливой.

— Отвечайте, Мари! — потребовал Франсуа.

III. Тюремщик и его жена

Внезапно в подземелье раздался жуткий вопль. Братья-принцы, вздрогнув, отступили, охваченные неясным ужасом. Кто это так кричал? Мари? Но почему она так кричала? Неужели этот пронзительный вопль исходил из ее груди? Что он означает? Она наконец поддалась страху? Она готова уступить?

— Пора кончать, — торопливо прошептал Анри. — Мари, отвечайте на вопрос.

— Стража! — крикнул Франсуа. — Отведите узницу в камеру пыток!

И снова в страшном крике искривились губы Мари. Потом она так же внезапно умолкла. Дверь камеры распахнулась настежь, в уходящей вдаль черной трубе коридора Мари увидела стоящих вдоль темной стены освещенных неясным рассеянным светом четырех мужчин, по-видимому, ожидавших приказа. Она с ужасом посмотрела на них: инстинкт подсказал ей, что это палач и три его помощника. Она упала на колени.

— Она уступит! — на одном дыхании прошептал Франсуа.

— Она — наша! — прорычал Анри.

— Берите узницу! — хором выкрикнули принцы. Палач приблизился. Помощники следовали за ним…

Они склонились над стоявшей на коленях женщиной. В этот момент она упала на грязный пол и опять — три или четыре раза подряд — испустила душераздирающие вопли.

Но почти сразу же замолчала — распростертая на голых камнях, раздавленная болью, почти бесчувственная… Несколько секунд в этом адском подземелье царила мертвая тишина. И вдруг ужасающее безмолвие было нарушено: раздался голос… Слабенький голосок, трепещущий, как мерцающий огонь только что затеплившейся свечи… Дрожащий, непонятный, едва слышный… Первый крик существа, появившегося на свет… Писк новорожденного младенца!

Сын Нострадамуса!

Франсуа и Анри, смертельно бледные, с всклокоченными волосами, попятились к двери.

— Ведьма разродилась! — буркнул палач.

— Это сын самого Сатаны! Дьявольское отродье! — перешептывались его помощники, охваченные религиозным ужасом.

— Так вести ее все-таки в камеру пыток или нет? — спросил, распрямляясь, палач.

— Оставьте ее! Не трогайте! — пролепетал Франсуа, клацая зубами.

— Оставьте! Не трогайте! — повторил за ним Анри, дрожа как осиновый лист.

И оба принца исчезли — как не бывало… Палач пожал плечами и тоже ушел из камеры, уводя за собой помощников. И только тогда к узнице вошел тюремщик, присел на корточки и осветил фонарем жалкую кучку тряпья, истерзанную плоть, в которой шла жестокая борьба жизни со смертью. Тюремщик побледнел. Он долго раздумывал, глядя на несчастную и удивляясь тому, что в его груди расцветает непонятное, незнакомое чувство. Что-то там дрогнуло… Нежданная слеза покатилась по щеке человека, который до сих пор никогда не плакал… Он встал, выбежал из камеры и помчался по лестнице, бормоча вперемешку ругательства и слова сочувствия…

Пять минут спустя он вернулся к узнице в сопровождении еще довольно молодой женщины с неприметным лицом, но с жесткими чертами и бестрепетным взглядом человека, привыкшего к виду чужих страданий. Это была жена тюремного смотрителя. Они оба склонились к роженице. Писк ребенка становился все слабее, лицо матери приобрело мертвенно-бледный оттенок. Над-

зиратель переглянулся с женой, оба покачали головами.

— Скажи-ка, Жиль, — спросила женщина, — если я позабочусь о ней, я буду проклята?

— Очень может быть, Марготт. И, наверное, меня выгонят.

— Тоже очень может быть, Жиль. Но ведь этот бедный крошка так хочет жить!

— Да и эта несчастная тоже не хотела бы помереть, — рассудил тюремщик.

Марготт перекрестилась, прошептала молитву и, встав на колени, принялась ухаживать за матерью и новорожденным. Тюремщик Жиль тупо смотрел. Младенец кричал. Мать молчала. Когда дело было сделано, тюремщик выругался и сказал:

— Очень может быть, что сначала мы будем прокляты, а потом нас еще к тому же и выгонят!

Марготт держала ребенка на руках. Она взглянула на мужа и приказала:

— Сбегай за молоком!

— Сию минуту! — отозвался, бросаясь к двери, тюремщик.

В этот момент Мари приоткрыла глаза. И сразу посмотрела на свое дитя. Ребенок, крича, с силой выворачивался из рук жены тюремщика.

Счастливая улыбка озарила изможденное лицо роженицы. С невыразимой лаской она протянула руки к мальчику. Марготт так же ласково передала ей младенца, и мать с какой-то дикой страстью, но и с удивительной нежностью, так, что и у розы не помялся бы ни один лепесток, прижала дитя к груди… Когда тюремный надзиратель Жиль вернулся в подземелье, он обнаружил, что его жена плачет горючими слезами, а узница Мари, несчастная жертва, подозреваемая в колдовстве, приговоренная к сожжению, улыбается с таким восторгом, будто счастливее ее нет женщины на свете…

Часть четвертая
НАЕМНЫЙ УБИЙЦА

I. Ребенок растет…

Прошло еще немало времени. Может быть, два может быть, три месяца. В глубинах подземелья тюрьмы Тампль, в вечных потемках рос ребенок Мари. Продолжением событий, описанных нами в предыдущей главе, стала отсрочка исполнения приговора, вынесенного «ведьме»: судьи отложили и пытки, и сожжение на костре.

В течение этих месяцев младший сын короля Анри изредка спускался в подземелье. Он проводил в камере Мари несколько минут, но не произносил ни слова. Только молча наблюдал за узницей с каким-то ожесточенным вниманием, словно хотел понять, как изменила ее сердце проснувшаяся в нем материнская любовь. Затем его взгляд со странным выражением останавливался на личике ребенка. И тогда Мари испуганно прижимала к себе сына и старалась спрятаться вместе с ним в самом темном углу камеры.

Жуткие мысли рождались в уме принца. Он любил Мари, как никого и никогда в жизни. Но всеми силами своей уязвленной души ненавидел ее сына, этого ребенка, ставшего живым доказательством любви, которую эта молодая женщина

испытывала к другому. Да, принц Анри изредка бывал в темнице, но в эти же самые месяцы он проводил долгие часы в конфиденциальных беседах с графом д'Альбоном де Сент-Андре и бароном де Роншеролем, которые стали теперь его фаворитами.

Надо сказать, что однажды — все в те же месяцы — Сент-Андре и Роншероль навестили ту церковь в Сен-Жермен-л'Оссерруа, где в памятную ночь бракосочетания поставили свои подписи в регистрационной книге под именем Рено — его настоящим именем! Они хотели украсть эту церковную книгу. Но странное дело — ничего и никого не нашли: как священник, так и книга бесследно исчезли!

А что стало с самим Рено? Им это также было неизвестно. Сначала друзья-предатели ожидали его возвращения, готовые достойным образом довершить преследовавшие его несчастья. Роншероль даже съездил в Монпелье, но и там ничего не узнал о человеке, за которым, если бы понадобилось, он отправился бы на край света. В конце концов они решили, что Рено, должно быть, убили где-то на большой дороге.

А Франсуа? Он за все это время ни разу не посетил узницу в ее подземелье. С тех пор как

происходили описанные нами в предыдущей главе события, привычки дофина Франции самым существенным образом переменились. До этого, как и его отец, как и его брат, как и все знатные люди, принадлежавшие к блестящему, но страшно развращенному двору Его Величества, он был склонен только к удовольствиям и развлечениям. Теперь он с точно такой же всепожирающей страстью накинулся на государственные дела и стал признанным руководителем военной партии, подталкивавшей короля поскорее предпринять что-то против его вечного врага Карла V. Момент был выбран как нельзя более благоприятный, потому что, судя по донесениям шпионов, император в это самое время готовился к походу на Прованс.

Ответное наступление французской армии, которое было несколько месяцев назад остановлено королем и коннетаблем Франции, возобновилось. Франсуа и Анри было поручено заняться формированием группировки войск между Авиньоном и Балансом. Оттуда под командованием коннетабля Монморанси армия должна была двинуться на Прованс и создать для войск Карла V непреодолимый барьер. Когда это будет сделано, король возьмет командование на себя, он

станет руководить всей операцией, готовый еще раз перейти в рукопашную со своим грозным противником.

Так что же, выходит, Франсуа совсем забыл о своей любви к узнице Тампля? Что же, выходит, он на самом деле отказался от Мари? Может быть, его сердцем овладели угрызения совести? Да простая жалость, в конце концов? Время покажет, так ли это.

Однажды Мари в своей подземной темнице, как обычно, играла с ребенком, щекоча быстрыми и легкими поцелуями его подбородок и заставляя весело смеяться. Она давно привыкла к жизни во мраке и хорошо видела сына. Она разговаривала с ним — это были долгие-долгие бессвязные речи, но ребенок серьезно выслушивал их, а мать, казалось, на какое-то время превращалась в ребячливое, беззаботное существо. Рядом с ними была Марготт; жена тюремщика смотрела и слушала. Она уже привыкла каждый день спускаться в камеру и проводить там час-два, помогая, чем могла, женщине и младенцу. Она больше совсем не боялась.

Можно ли сказать, что Мари еще думала о Рено, о своем муже? Нет, это было бы неправдой. Она совсем не думала о нем, просто он постоянно

был рядом, он не покидал ее души, он стал частью ее существования. Она не думала о Рено, как человек не думает о том, что он дышит, и все-таки дыхание его ни на минуту не замирает. Ведь не дышать — значит умереть. Точно так же отсутствие мыслей о Рено, потеря ощущения, что он тут, рядом, означали бы смерть для Мари. Вот только все меньше и меньше ее заботило его реальное отсутствие, потому что ее все больше и больше поглощали заботы о его сыне. Мальчик, которого в честь отца она назвала Рено, стал для нее целым миром, где концентрировалось абсолютно все, что еще жило в ней. Она пьянела от радости, ее переполняло счастье только от того, что она может прижимать ребенка к себе, дотрагиваться до него, ласкать его, покрывать поцелуями.

— Смотрите, смотрите, он меня царапает! — смеясь, говорила она. — Он будет очень сильным!

— Еще каким сильным! — подтверждала Марготт. — И красивым! Но неужели вы хорошо его видите?

— Что за вопрос! Да я могу совсем закрыть глаза — и то буду различать каждую черточку его чудного личика!

Вот так, весьма дружелюбно, они переговаривались в потемках. Ребенок лежал между ними на свежей соломе, а они, наклонившись к нему или присев на корточки рядом, очень серьезно и подробно обсуждали все неоспоримые достоинства младенца. И происходило все это в тридцати футах под землей, в глубинах чудовищной зловонной клоаки, в грязном, темном уголке земного ада, освещенного любовью так, что он стал похожим на райские кущи.

Вдруг издалека донесся звук свистка. Марготт быстро вскочила на ноги.

— Это Жиль зовет меня! — воскликнула она.

II. Что пришло в голову принцу

Марготт убежала, заперев за собой дверь на задвижку. Мари взяла ребенка на руки и забилась поглубже в свой угол, не сводя глаз с двери. Запоры снова взвизгнули. Камера осветилась желтоватым светом. Появился Анри. Мари крепче прижала малыша к груди. Принц подошел к ней и сказал:

— Вы свободны.

Мари задрожала. Свободна! Ведь это же означает свет и воздух для ее сына!

— Я свободна? — пролепетала она, не веря своим ушам.

Анри пристально всмотрелся в нее и повторил:

— Да, свободны. Я добился для вас помилования. Сейчас вы выйдете за эту дверь, поднимете по лестнице — и окажетесь на воле, на дороге, посреди цветущих палисадников…

Но она говорила все так же неуверенно, словно во сне:

— Монсеньор! Как я могла проклинать вас, вас, который только что подарил свет моему ребенку? Я отдала бы за вас жизнь, Монсеньор!

Она говорила, а по исхудалым побледневшим щекам ручьями катились слезы. Потом она замолчала и, будто опомнившись, быстрыми и неловкими движениями дрожащих рук принялась заворачивать младенца в пеленки. Она продолжала плакать, но плач то и дело переходил в смех, и она неустанно повторяла малышу, что он должен любить и почитать этого достойного сеньора, который… Наконец все было готово, и Мари с мальчиком, которого она судорожно прижимала к груди, пошатываясь, направилась к двери. Но Анри жестом остановил ее.

— Я еще не все сказал вам, — произнес он. — Ваш муж ждет вас наверху.

Она страшно закричала. Содрогнулась всем своим существом. Потом, упав на колени, прохрипела:

— Рено!

— Да, Рено, — повторил за ней Анри, жадно всматриваясь в ее лицо. — Я же сказал — ваш муж…

Мари сделала над собой отчаянное усилие, пытаясь встать на ноги, ей надо было идти, бежать, скорее, скорее… Но, не справившись с волнением, несчастная упала навзничь без чувств, сраженная неожиданной и почти непереносимой

радостью, успев только прошептать перед этим:

— Я благословляю вас, Монсеньор!

Обморок Мари, вызванный обещаниями принца, длился всего несколько минут. Очень скоро она очнулась, и сразу же — совершенно машинально — потянулась к ребенку, желая прижать его к себе. С бессознательным волнением, которое мгновенно подсказало ей единственно для нее важную в ту секунду мысль, она прошептала: «Хоть бы я ничего не повредила ему, когда упала…» И тут же она замерла, оглушенная удивлением. Глаза ее блуждали по камере, она силилась и не могла понять, что же произошло: в поисках ребенка руки ее хватали… пустоту! Ребенка не было! Она вскочила на ноги и вцепилась в руку Анри, пронзительно крича:

— Где мой сын? Где мой сын?

Анри холодно ответил:

— Я сказал, что вы свободны…

— Свободна? Боже! Свободна! Хорошо. Отдайте мне моего ребенка, и я уйду.

— Брабан! — крикнул Анри.

— Да, мой принц? — ответил неприятный хриплый голос.

На пороге камеры появился мужчина. Лицо, будто вырубленное топором из грубого камня,

черные, закрученные кверху усы, часто моргающие блестящие глаза… Типичная физиономия наемного убийцы, солдафон, готовый на все, лишь бы ему как следует заплатили…

— Брабан? — дрожащим голосом спросила Мари. — Зачем мне Брабан? Мне нужен мой ребенок, мой сын! Монсеньор, вы сказали, что я свободна. Разве сын короля может солгать?

— Вы свободны, — подтвердил Анри таким мрачным голосом, что несчастная застыла на месте в безмолвном отчаянии. — Брабан, где ребенок?

— В надежном месте, мой принц!

Мари очнулась и бросилась на наемника со страшным желанием вцепиться ногтями в его физиономию. Анри перехватил ее руку и отшвырнул молодую женщину в дальний угол. Она взмолилась:

— Смилуйтесь, Монсеньор! Послушайте, не надо выпускать меня, я останусь здесь! Я останусь здесь до конца своих дней! Можете даже заковать меня в цепи, если захотите… Только отдайте мне моего ребенка… Я уверяю вас, что…

— Брабан! — прервал рыдающую узницу Анри. — Я отдал тебе приказ. Повтори его, чтобы я мог убедиться в том, что ты хорошо все понял.

Наемник скорчил омерзительную гримасу, откашлялся, покосился в сторону подавленной, убитой горем Мари. Мари напряглась; если бы кто-то взглянул на нее со стороны, ему наверняка показалось бы, что она слушает с таким громадным вниманием, словно вся ее жизнь сосредоточилась сейчас в словах, которые вот-вот сорвутся с губ этого ужасного человека.

— Нелегкое дело, мой принц! — прозвучал хриплый голос наемника. — Но ведь я обещал. И исполню обещанное, не будь я Брабан-Брабантец! Значит, так… Сейчас девять часов вечера. В полночь вы лично явитесь ко мне домой и скажете: «Поскорее отнеси ребенка матери!» Тогда, мой принц, я возьму ребенка и отнесу его прямо к матери в то место, которое вы мне укажете. Вот…

— Отлично, — сказал Анри. — Но если ровно в полночь я не приду в твой дом?

— Ах-ах! Так прямо и не скажешь, мой принц!

— Не валяй дурака! Будешь говорить, скотина?

— Ладно-ладно… В таком случае мне следует подождать до часу ночи. То есть ровно один час. Если пройдет хоть на минуту больше, это будет означать, что ребенок покинут Богом и людьми. А поскольку известно, что своим рождением на свет он обязан сатанинским силам, я осуществ-

лю правосудие. Я окроплю святой водой голову маленького дьяволенка, а потом передам его палачу, который уберет его из этого мира. Вот!

— Отлично. Иди исполняй. И смотри за ребенком, глаз с него не спускай.

Наемный убийца исчез. Мари находилась в полной прострации. Она хрипела. Она бормотала какие-то нечленораздельные слова, прерывая бесконечный их поток пронзительными криками. Она подползала к принцу и валялась у него в ногах. В конце концов Анри резко наклонился, схватил несчастную за плечи, поставил перед собой и, еще более бледный, чем его жертва, прорычал:

— Я хочу, чтобы ты принадлежала мне. Слушай. Я жду тебя на улице де ла Аш[7], в доме Роншероля, до полуночи. Запомни это хорошенько. Понимаешь?

— Дом Роншероля, улица де ла Аш, да, понимаю, — еле выговорила Мари, перемежая свои слова судорожными всхлипами, напоминавшими предсмертный хрип.

— Отлично! Если ты придешь, я верну тебе твоего сына. Не придешь — правосудие свершится. А

---

[7] Примечания: 7

Улица де ла Аш — в дословном переводе: улица Топора. (*Примеч. пер.*)

теперь ты свободна…

Сказав это, принц удалился.

III. Могила Мари

В коридоре принц подозвал к себе тюремщика Жиля.

— Последуешь за ней, — приказал Анри. — А потом придешь ко мне и расскажешь, что она станет делать. И помни: ты отвечаешь мне за нее головой.

Минут десять несчастная женщина простояла там, где ее оставил принц, — без единого вздоха, без единого слова. Потом стала царапать пол ногтями, потом страшно захрипела, потом застонала, и, наконец, из ее груди полились душераздирающие, ужаснувшие бы самого дьявола крики — вопли, выражавшие не просто материнское горе, а катастрофу, бедствие, чудовищную боль, которую испытывает человек, у которого вырывают сердце, мозг, все внутренности… Она звала свое дитя, выкрикивала имя Рено, имя своего мужа так пронзительно, что тюремщиков, которым поручили вытолкать ее из камеры, охватила дрожь, и они в испуге бежали. Наконец она увидела открытую дверь и бросилась к выходу из тюрьмы. Ее поторопили пинками. Ее вытолкнули за пределы крепости — через подъемный мост.

Она долго шла прямо, никуда не сворачивая и рыча, как раненый зверь. Она шла по Парижу. Темная ночь спустилась на город.

Постепенно несчастная успокоилась. К полуночи она обнаружила, что находится поблизости от Гревской площади: инстинкт привел ее туда, где все началось. Она съежилась в уголке под навесом. И погрузилась в раздумья, хотя вряд ли можно было бы этим словом правильно определить ее состояние. Страшно волнуясь, она мало-помалу восстанавливала в памяти случившееся с ней. И внезапно ее обожгла мысль, всплывшая из самых глубин ее сознания: «В полночь я должна прийти на улицу де ла Аш в дом Роншероля, иначе моего ребенка убьет палач!»

И как раз в этот момент пробило полночь. Досчитав до последнего, двенадцатого удара, она содрогнулась. Теперь она вспомнила гнусное предложение, сделанное ей, с ослепительной ясностью. Она больше не говорила себе: «Я должна спасти свое дитя». Она думала: «Я должна отдаться этому человеку!»

И, дрожа от ужаса, направилась в сторону улицы де ла Аш. Зубы ее стучали. Она охрипшим голосом бормотала какие-то слова, обрывки слов, она старалась идти как можно скорее, почти

бежать… Но некая неведомая, таинственная сила словно пригвоздила ее к месту, а в следующее мгновение, слабо вскрикнув, она упала навзничь на дорогу: из темноты прямо перед ней внезапно возник закутанный в плащ мужчина, ударил ее кинжалом в грудь и сразу же исчез.

Тогда появился другой человек — тот, который следовал за ней по пятам от самой тюрьмы Тампль и потому присутствовал при страшной сцене. Он подошел к Мари, наклонился к ней. Потрогал рану.

— Боже мой, да она же мертва! — прошептал тюремный смотритель Жиль. — Мертва? Нет-нет, не может быть! Хотя, господом клянусь, лучше бы ей умереть! Но что же делать? Послушаться Марготт?

Озадаченный Жиль долго размышлял, стоя рядом с распростертой на земле женщиной, вытянувшейся в смертельной неподвижности вдоль бежавшего посреди улицы ручейка. Из-за темных облаков выглянула луна и осветила серебряным лучом бледное застывшее лицо. И тогда Жиль увидел, как из-под опущенных век, из закрытых — навеки? — глаз катятся одна за другой крупные слезы. И задрожал. Потом собрался с духом, пробормотав грубое ругательство, взвалил жертву

ночного нападения себе на плечо и быстрым шагом двинулся в сторону своего дома, расположенного на задворках тюрьмы Тампль.

Там он с помощью верной Марготт уложил молодую женщину на кровать, после чего тюремщик с женой стали совещаться, и Жиль, поначалу в страхе твердивший «нет», постепенно смягчался, подчинялся и в конце концов произнес «да». На этом совещание прекратилось, и тюремщик побежал на улицу де ла Аш, где и оказался незадолго до того, как пробило час ночи.

— Ну? Что? — нетерпеливо спросил его королевский сын.

— Монсеньор, — ответил тюремщик, — эта женщина умерла.

— Умерла?! — взревел Анри.

— Да, умерла, Монсеньор. И я пришел спросить вас, что делать с трупом.

Анри, выпучив глаза, попятился, словно увидел призрак. Потом, будто распятый на кресте, раскинул руки. Потом страшно закричал и, потеряв сознание, тяжело рухнул лицом вниз на устилающий пол ковер.

— Негодяй! — набросились на тюремщика Роншероль и Сент-Андре. — Ты убил Монсеньора!

— Господа, я всего-навсего в точности выпол-

нил его приказ, — твердо отвечал тюремщик.

— Черт с тобой! А теперь — убирайся!

Жиль поклонился и направился к выходу. В этот момент принц пришел, в себя.

— Стой! — крикнул тюремщику вслед Ронше-роль. — Погоди! Прежде чем уйти, расскажи, от чего она умерла, чтобы мы могли объяснить это Монсеньору.

— Ее убили, — сообщил Жиль.

— Убили?! Как убили?! — воскликнули одновременно оба дворянина, обменявшись тревожными взглядами.

— Ее убили, когда она как раз направлялась в сторону улицы де ла Аш, — пояснил тюремщик.

Анри испустил стон. Но Сент-Андре и Ронше-роль не обратили на это внимания, их слишком взволновали сведения, полученные от тюрем-щика. А Жиль тем временем продолжил свой рассказ:

— Согласно приказанию Монсеньора, я следо-вал за этой женщиной, находясь в десяти шагах позади нее. И, как я уже говорил, только она дви-нулась в сторону улицы де ла Аш, как какой-то господин, словно из-под земли выскочивший, оказался перед ней и поразил ее ударом кинжала прямо в сердце, говоря при этом: «Так, по крайней

мере, ты не достанешься никому!»

— А кто был этот господин? И каким образом ты вообще понял, что это знатный человек?

— Я увидел его лицо в свете луны, — объяснил тюремщик, — И узнал его. Но лучше подставлю голову под топор палача, чем выдам такую тайну.

«Это был мой брат! — в бешенстве подумал Анри. — Мой брат!»

И принц снова закрыл глаза, чтобы присутствующие не заметили, что он все слышал.

— Отлично, — минутку подумав, сказал Роншероль. — Подержи мертвое тело у себя в доме до завтра, потому что, может быть, Монсеньор захочет взглянуть на него. А потом похорони его на Кладбище Невинных.

Через две недели после событий, о которых мы только что рассказали, король, его сыновья и вся армия должны были отправиться в Прованс, чтобы защитить Францию от вторжения Карла V. То ли из суеверного страха, то ли от нестерпимого горя принц Анри не захотел увидеть труп девушки. Он явился в Тампль спустя два дня после ее смерти и приказал тюремщику Жилю следовать за собой. Тюремщик повиновался. Анри направился к Кладбищу Невинных. Жиль за ним. Когда

они оказались на территории кладбища, принц обратился к своему спутнику:

— Покажи мне место, где она похоронена.

Тюремный смотритель, не промолвив ни слова, проводил принца к месту, где тот увидел свежевскопанную землю. Принц знаком приказал Жилю удалиться. Потом один из работавших на кладбище могильщиков рассказывал, что Анри находился у могилы до глубокой ночи, что он сам слышал, как принц плакал и кричал от горя. В течение нескольких дней, оставшихся до отъезда в Прованс, по повелению принца в том месте, где, согласно утверждениям Жиля, погребли бедное тело Мари, было воздвигнуто надгробие: часовня, увенчанная крестом. На двери, также по приказанию Анри, выгравировали надпись:

ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ МАРИ
пусть она — с небесной высоты — простит тех, кто убил ее…
А живые за нее отомстят.

Бешенство и боль боролись в душе принца. Сначала побеждало бешенство, особенно — когда он думал о том, что Мари наконец собралась уступить ему и ее убили именно в этот момент. Потом боль заставила побеспокоиться о судьбе сына

женщины, к которой он пылал такой страстью. Он был слишком потрясен тем, что случилось с матерью, чтобы желать теперь, чтобы приказание относительно ребенка было исполнено. Но когда он спросил Брабана, где дитя, тот спокойно ответил:

— Дело сделано, Монсеньор.

И это известие не произвело на Анри слишком сильного впечатления. По существу, мальчик служил ему лишь инструментом для воздействия на мать, лишь способом заманить несчастную в ловушку. Мари погибла — какая теперь разница, сломался этот инструмент или остался в целости?

И вот наступил день, когда армия наконец выступила из Парижа — под звуки фанфар, с развевающимися на ветру знаменами, сопровождаемая приветствиями и возгласами «Виват! Виват!» собравшейся на проводы толпы. Анри, оказавшись на своем месте — позади брата-дофина, бросил на того странный взгляд, острый, как клинок кинжала. И еле слышно, но грозно прошептал, будто напоминая самому себе: «Живые отомстят за нее!»

Молодая жена принца Екатерина Медичи, которая как настоящая воительница гарцева-

ла рядом со своим супругом, перехватила этот исполненный смертельной ненависти взгляд… Ее очаровательное личико, дышащее юной беззаботностью, на мгновение осветила бледная улыбка, какая, по мнению внимательных наблюдателей, всегда говорит о глубоких и недоступных чужому взгляду тайнах человеческой души.

Но о чем же подумала в этот момент принцесса? «Неужели я и впрямь найду средство сделать моего мужа дофином Франции? Неужели теперь удастся сделать его наследником престола? А значит, и меня — королевой!».

IV. Брабан-Брабантец

Одновременно простодушная и жестокая, чуть ли не до самых глаз заросшая щетиной, насмешливая, но выдававшая бессознательный скептицизм физиономия этого человека говорила о том, что перед нами — один из тех в высшей степени воинственных, пылких нравом висельников и негодяев, которые всегда готовы продать собственную шкуру, предаться душой и телом тому, кто предложит больше денег, даст самую высокую цену. Он участвовал в последних кампаниях Франциска I, он раздавал и получал затрещины, ему были знакомы все поля сражений. Но он не был новичком и на дорогах Франции, точнее, он был завсегдатаем большой дороги: везде, где можно было поживиться, был ему и стол, и дом. Он — тайком, в глубине души — презирал принца Анри, но ему нравился туго набитый кошелек королевского сына, а также то, что тот, не торгуясь, оплачивал оказанные ему услуги.

Вот какому человеку была поручена важная миссия: передать ребенка Мари палачу вместе с приказом казнить безгрешное создание, винов-

ное лишь в том, что его посчитали дьявольским отродьем.

Как происходило дело? В момент, когда в подземелье тюрьмы Тампль Мари, потрясенная услышанным от принца, упала без чувств на каменный пол, Анри перехватил из ее рук младенца и отдал его наемнику, ожидавшему указаний. Мы слышали, какой приказ он получил. А теперь узнаем, как он исполнил этот приказ.

Брабан вынес из тюрьмы малыша, который кричал, сучил ножками и размахивал сжатыми кулачками. Ребенку было явно не по себе: во-первых, потому что его оторвали от материнской груди, а во-вторых, его ослеплял даже рассеянный вечерний свет, потому что с рождения он привык жить в потемках. Наемника не трогали ни крики, ни беспокойные движения младенца. Он хладнокровно отнес его в свою берлогу на улице Каландр — убогое жилище на чердаке с хромоногим столом, у которого стояла дрянная табуретка, и с грязной подстилкой в углу. Брабан уложил ребенка на эту подстилку, приговаривая:

— Ложись-ка сюда, волчонок, ложись, дьяволенок, успокойся, говорю тебе, исчадие ада, отродье Сатаны, тихо, тихо! Убей меня бог! Черт меня побери! Что за глотка, как он орет! А лапы-то, лапы!

Хоть ты и задохлик, а по всему видать: будешь ловкий малый… Если, конечно, тебя сегодня же не отправят туда, откуда пришел… Да замолчите же, сударь, а то я возьму святую воду!

Угроза не возымела никакого действия на маленького демона. Тогда Брабан с простодушной верой трижды осенил его крестом, убежденный, что уж от этого-то нечистый лишится силы, а его отродье — чувств.

Ничуть не бывало. Упрямец закричал еще громче. Вся причина была в том, что ему хотелось есть.

— Вот те на! — удивился наемник. — Я целых три раза перекрестил этого мальчугана, а он не унимается и продолжает вопить. Что такое? Если бы я знал хоть какую молитву, то заставил бы его замолчать!

И взял малыша на руки. Что за диво! Ребенок тут же умолк, открыл полные мольбы глаза и зачмокал губами, словно сосет. Увидев это, разбойник тоже замолчал, по спине его пробежали мурашки, и он впал в глубокую задумчивость. Наемный убийца, бродяга с большой дороги, разбойник, привыкший с легкостью совершать дурные дела, он вдруг почувствовал, как в его очерствелой душе зашевелилось незнакомое до

тех пор чувство, что-то очень сильное и очень нежное проникало в нее без спросу: это была жалость. Он никогда не знал ее. Никогда не жалел никого и ни о чем.

Внезапно глаза ребенка закрылись, он уснул. Но, несмотря на это, как нередко бывает с совсем маленькими детьми, когда их постигает большое горе, он продолжал плакать: слезы бесшумно катились по исхудалым щечкам. Бережно, очень бережно наемник уложил своего подопечного обратно на подстилку и, не отрывая от него взгляда, чуть отступил. Он стоял и смотрел на малыша, покачивая головой и вороша растопыренными пальцами свою буйную черную шевелюру, уже начинающую седеть на висках.

Потом Брабан-Брабантец вышел за дверь, спустился на улицу и впервые в жизни отправился покупать вместо вина с пряностями — молоко! Потом снова взобрался в свое логово, тщательно отмыл оловянный кубок, служивший непременным компаньоном его одиноких размышлений, и налил туда молока. Потом подошел к младенцу и приподнял его головку.

Тот сразу же проснулся. После нескольких неловких попыток приспособиться к сосуду, из которого лилась драгоценная влага, — а ему было

и на самом деле очень трудно, как было бы трудно всякому маленькому ребенку, не знавшему никакого источника пищи, кроме материнской груди, — сын Мари наконец-то зачмокал губами, втягивая в себя молоко из кубка… Насытившись, он посмотрел на наемника, с радостным смехом потянулся ручонками к его рейтарским усам и стал тянуть их к себе. Брабан-Брабантец, стоявший на коленях у подстилки, неподвижный и безмолвный, позволял младенцу делать что угодно — чем бы дитя ни тешилось… А малыш, наигравшись, вдруг снова заснул, и сон его на этот раз был спокойным и счастливым.

Наемный убийца долго не поднимался с колен, глядя на спящего ребенка. Он не пошевелился до тех пор, пока до его жилища не донесся гулкий звон: колокол собора Парижской Богоматери объявлял горожанам, что время течет, и эхо разносило отзвуки над спящим городом. Только тогда наемник встал с колен, прислушался и проворчал:

— Час ночи…

Это было время выполнения чудовищной миссии, возложенной на него принцем Анри: к ней следовало приступить в случае, если тот не появится в назначенный час и не прикажет

вернуть ребенка матери. Брабан встряхнулся, как потревоженный кабан, бросил долгий и злобный взгляд на развешенное вдоль стены оружие, выбрал там кинжал с широким клинком и вышел с ним на середину комнаты.

— Что ж, тем хуже для него, — проворчал наемник. — Если он придет и велит отправляться к палачу, я распорю ему брюхо, принц он там или не принц…

Мы слышали, что ответил Брабан, когда принц спросил его о ребенке. В день отбытия в Прованс Анри тщетно искал наемника среди солдат и сопровождавшей королевскую семью свиты: его нигде не было. Брабан-Брабантец исчез, и никто не мог сказать, что с ним и где он находится.

Часть пятая
ИСЦЕЛИТЕЛЬ

I. Чудо исцеления парализованной

Рено ураганом вырвался из Парижа. Сердце его сжимала такая жгучая тоска, какая способна убить обычного человека за несколько часов. Его буквально придавливала к земле мысль о том, что ему необходимо скакать во весь опор, побеждая пространство и время, тогда как все живые силы его души стремились в обратном направлении, приковывали его к Парижу. Рено, преодолевая самого себя, мчался как бешеный. И, взывая к своей могучей воле, пытался изгнать из памяти — или, по крайней мере, попробовать изгнать — страшную сцену в Сен-Жермен-л'Оссерруа. Он говорил себе:

«Поскольку через двадцать дней я все равно вернусь, поскольку я тогда буду абсолютно свободен, поскольку только тогда я смогу продолжить те удивительные, незабываемые переговоры, которые начались в церкви, я должен, я обязан думать только о том, чтобы скакать быстрее…»

Но разве человек может научиться так управлять собой? Разве он может вынудить себя думать о том или не думать об этом? Да, этот человек не только, как он считал, должен был, но и мог!

Потому что он представлял собой существо, организованное исключительным образом и в этом смысле чудесное. Да, он обладал сверхъестественной властью над собой и другими, и одна эта власть способна была заставить его мозг сохранять лишь те образы и мысли, которые он позволял себе сохранить в ту или иную минуту!

Перепрыгивая с загнанной лошади на свежую, дав себе за пятеро суток лишь двадцать часов отдыха в несколько приемов, Рено к вечеру пятого дня добрался до расположенного на берегу Роны города под названием Турнон.

Замедлив ход, он почувствовал смертельную усталость — усталость не тела, но духа.

«Так, — подумал он, — если я не смогу победить это несчастье, то умру через час, а значит, умрет и мой отец, и…»

Он почувствовал, как мыслями снова возвращается к Мари, покачал головой и спрыгнул с лошади. Подошел к двери трактира, служанка, которую он даже не заметил, принесла ему вина. Он облокотился на столик, пристально глядя на красный солнечный диск, опускающийся за лиловые горы на далеком горизонте. Внешне он выглядел очень спокойным, вот только рука, пробравшись под полу расстегнутого камзола,

ногтями терзала его грудь, там, где сердце, и это было ужасно.

Образ Мари! Этот образ снова стал преследовать его. Он видел ее такой, какой она была в ту ночь, когда они вместе совершали погребение на Кладбище Невинных: в траурном покрывале, высокую, с фонарем в руке… И он исходил молчаливым стоном:

«Я люблю ее! Я люблю ее! Мари, о, Мари, возлюбленная моя! Мари! Я люблю тебя! Я тебя обожаю! Мари, мы умрем вместе, потому что я должен тебя убить».

Решение, как мы видим, далось ему непросто, но, когда Рено принял его, кровоточащая душа обрела наконец спокойствие.

В этот момент двери находившейся прямо против него церкви отворились, и оттуда вышли человек двенадцать крестьян. Двое несли стул, на котором сидела девочка лет пятнадцати, бледная, с распущенными волосами. Она была такая красивая, что при взгляде на нее хотелось плакать, ведь глаза девочки, при всей ее красоте, выражали неизбывную, безграничную печаль. Рядом с ней, тщательно оберегая ее от случайного толчка, шла пожилая женщина. Голова этой женщины тряслась от горя, лицо распухло от

слез, она то забегала вперед, то возвращалась, все время просила идти потише, не трясти стул… Это, несомненно, была мать девочки. Рено не мог оторвать глаз от печального зрелища. Его быстрый и ясный взгляд прежде всего остановился на несчастной маленькой калеке, изучил ее с ног до головы. Рено охватило волнение, он задрожал. Мысли его заметались. Он вскочил, бормоча:

— А если я оставлю здесь после себя сияние чистой радости? Разве это не поможет заговорить боль? Надо попробовать! Скажите, ведь эта девочка парализована? — обратился молодой человек к трактирщику, и в голосе его прозвучала странная нежность.

— Да, мсье, — ответил трактирщик. — Монсеньор де Турнон сказал, что нужно отнести девочку в церковь, чтобы Пресвятая Дева исцелила ее.

— Монсеньор де Турнон?

— Ну да, кардинал де Турнон, архиепископ Эмбренский, тот, которого только что назначили генерал-лейтенантом господина коннетабля де Монморанси. Вон там — посмотрите! — его дворец, — добавил трактирщик, указывая на большой четырехугольный дом, защищенный зубчатыми стенами с бойницами и окруженный

рвами. — И сегодня как раз малышку Юберту отнесли в церковь, мсье, но, вы же видите, Пресвятая Дева не захотела исцелить ребенка…

— Она парализована около двух лет? — спросил Рено, пристально вглядываясь в лицо несчастной девочки.

— Точно, мсье, ровно два года. А откуда вы знаете?

Рено не ответил. Он подошел к стулу, который носильщики только что поставили на землю, обратив калеку лицом к церкви. Ему пришлось пробиваться сквозь толпу: народу на площади перед храмом с каждой минутой становилось все больше. Появился мэтр Пезенак, начальник королевской полиции в Турноне. Согнувшись в почтительном поклоне — впрочем, очень может быть, страха в этом поклоне было даже больше, чем почтения, — он что-то объяснял монаху, вышедшему из ворот кардинальского дома. Монах был высоким, сухощавым, с бледным лицом аскета и с горящими глазами. Его осанка выдавала благородное происхождение, манера держаться говорила о том, что в былые времена монах был крепким и искусным всадником…

Мать парализованной девочки опустилась на колени и, повернувшись лицом к церкви, приня-

лась горячо молиться. Женщины в толпе, как и большинство мужчин, последовали ее примеру. Наверное, несчастная хотела сделать последнюю попытку уговорить небесные силы сжалиться над ее дочерью и исцелить ее. Мертвая тишина нависла над толпой.

Красивая, как ангел, маленькая Юберта, белокурая Юберта с рассыпавшимися по плечам волосами была любимицей всего города: веселая и шаловливая хохотунья, она поспевала повсюду и везде была самой желанной гостьей. Юберта была для всего городка символом очарования просыпающейся женственности, символом радости, символом лучистого света. Но внезапно, сразу после того, как она навестила парализованную больную, которую все время старалась утешить и приободрить, девочка почувствовала странное недомогание. Болезненное любопытство заставило ее после этого еще чаще бывать у больной. После каждого визита малышке становилось все хуже и хуже.

И вот однажды утром она не смогла встать с постели: ноги отказались служить ей. Через несколько дней она уже не смогла пошевелить и пальцем: руки, как и ноги, парализовало, жизнь сохраняли одни лишь глаза. Сколько ни пыта-

лись лечить этот странный недуг, ничего не помогало, тело ребенка оставалось все таким же неподвижным, таким же напряженным. Для Турнона наступил долгий период траура. Несчастная мать чуть не сошла с ума. Вот о чем рассказывал надменно возвышавшемуся над толпой монаху с суровым лицом мэтр Пезенак, глава королевской полиции. Вот о чем мог бы рассказать Рено трактирщик.

В царящей на площади тишине звучал только прерываемый рыданиями дрожащий голос старухи-матери:

— О, госпожа моя, Пресвятая Дева! Это монсеньор де Турнон послал нас к Вам, чтобы я сказала: разве Вы не услышали моей молитвы, разве Вы не видели моих слез? Вам ведь достаточно только знак подать, госпожа моя, Пресвятая Дева, чтобы моя малышка Юберта снова смогла ходить! О, добрая Дева, владычица земли и неба, Вы — такая могущественная, помогите нам, спасите моего ребенка!

— Спасите ее! — взревела толпа. — Спасите Юберту!

Женщины плакали навзрыд, мужчины утирали слезы, горе бедной матери трогало все сердца. Глаза парализованной девочки были прикованы

к статуе Богоматери, стоящей в глубине церкви среди горящих свечей, и эти красивые голубые глаза выражали такую мольбу, такую муку, такую растерянность, что даже суровый монах, наблюдавший за этой сценой, не смог сдержать дрожи, хотя при виде этого человека никто бы не смог поверить, будто зрелище человеческих страданий способно его взволновать.

Люди, собравшиеся на площади, долго плакали и молились, слышен был только неясный шепот, потом снова воцарилась тишина. Все взгляды обратились к парализованной девочке. Но она как была, так и осталась неподвижной! Мать продолжала стоять на коленях, по лицу ее струились слезы. Но вот и она, горестно повесив голову, поднялась. Носильщики подняли стул и собрались нести Юберту домой. Толпа расступилась. Все было кончено. Надежды на чудо не оправдались: теперь малышка навсегда останется парализованной!

И вдруг случилось то, чего никто не ждал. Этот молодой человек, который, облокотясь на столик, казалось, отдыхал перед входом в трактир, этот чужак, который никому в городке не был известен, этот путешественник, с головы до пят покрытый дорожной пылью, подошел к носиль-

щикам и попросил их:

— Поставьте стул на землю.

Носильщики вздрогнули, когда в тишине прозвучал этот голос, в котором бесконечная нежность соединялась с непререкаемой властностью, так что сопротивляться было невозможно и бессмысленно. Они послушались. Люди, начавшие уже было расходиться, снова приблизились, движимые любопытством, неизбежным в тех случаях, когда все надеются на чудо и ожидают, что вот-вот случится что-то непредвиденное, сверхъестественное. Все взгляды устремились на путешественника, лицо которого в этот момент сияло таким светом, что от одного этого присутствовавших охватило смутное беспокойство. Старушка-мать тоже смотрела на юношу, и сердце ее мучительно билось. А Рено наклонился к малышке Юберте, взял ее за руку и сказал:

— Дитя мое, посмотрите на меня…

Парализованная девочка повиновалась. Наверное, целую минуту ее прекрасные голубые глаза безотрывно глядели в пылающие глаза незнакомца. И мало-помалу на бледном изможденном личике калеки стало появляться выражение безграничного доверия… Тогда Рено выпрямился, все еще держа девочку за руку. Стояла гнетущая

тишина, только тяжелое дыхание выдавало присутствие на площади стольких людей. И вдруг раздался голос, он звучал необычайно ласково, но властно, но повелительно. Это Рено приказал девочке:

— Встань и иди!

По толпе прокатился ропот, потом голоса стали громче, громче, наконец люди закричали. Недоумение сменилось восторгом, ужасом, радостью, волнение толпы выдавало все эти разнообразные чувства. И у всех этих чувств была одна-единственная причина. Люди не случайно восклицали: «Ноэль! Ноэль!»[8], не случайно некоторые женщины упали в обморок, а некоторые мужчины в ужасе бежали: все, да, все видели своими глазами потрясающую, поистине сказочную, немыслимую вещь — свершившееся чудо исцеления!

Парализованная девочка послушалась незнакомца! Маленькая Юберта встала! Она пошла! Она помогла матери подняться с колен. Она заговорила с ней, она улыбалась всем, и крики неистовой радости, крики безграничного восторга вознеслись к небу. Город Турнон ликовал…

---

[8] Примечания: 8

«Ноэль» — в дословном переводе «Рождество», крик радости у французов. (*Примеч. пер.*)

II. Игнатий Лойола

Монах еще побледнел. Он быстро прошептал несколько слов на ухо мэтру Пезенаку. Начальник королевской полиции Турнона сделал знак охране. В момент, когда Рено, вырвавшись из объятий счастливой матери и пробравшись сквозь охваченную энтузиазмом толпу, подошел к трактиру, его схватили сзади за руки и за ноги, ему не дали даже повернуть голову, его подняли над землей и унесли. Вся эта операция была в считанные секунды проделана дюжиной бравых парней, и некоторые из них угрожающе размахивали кинжалами. По толпе прокатился слушок, перешедший в ропот. То из одного конца толпы, то из другого доносилось:

— Кажется, это сам дьявол или, по крайней мере, колдун, продавший ему свою душу!

Рено, которого уволокли с площади подчиненные мэтра Пезенака, десять минут спустя оказался запертым в нижнем помещении дворца монсеньора де Турнона. Ему надели на щиколотки кандалы и приковали его цепями к двум грубым кольцам, вделанным в толстую стену. После этого в темницу вошел монах, и по его

знаку, проявляя почтительную торопливость, все, включая мэтра Пезенака, удалились. Монах остановился в двух шагах от узника, перекрестился и сказал:

— Молодой человек, если вы захотите быть искренним и объясните мне, при помощи какого колдовства вы заставили встать и пойти парализованную девочку, я обещаю вам использовать для вашего блага всю свою власть, а она, поверьте, очень велика.

Рено попытался собрать все свои силы, все таинственные ресурсы, которыми располагал, чтобы заставить себя избавиться от бесполезной боли, от черных мыслей. Он принялся рассматривать стоявшего перед ним человека. Главное в его жизни сейчас, самое главное в эту минуту заключалось в одном: выйти из этой тюрьмы — и выйти не завтра, даже не сегодня вечером, а немедленно, потому что и завтра, и сегодня вечером будет поздно…

— Мессир, — сказал он, и любой, кто взглянул бы на него со стороны, легко представил бы себе, как он горд тем, что ценой огромных усилий может думать, говорить, рассуждать в ту минуту, когда все внутри его рухнуло и весь мир вокруг него разваливался на части. — Мессир, не соизво-

лите ли сказать мне, кто вы?

— Не вижу в том никаких затруднений, — ответил монах. — Я Лойола.

Рено вздрогнул.

— Да, просто Лойола, — продолжал монах, — и если бы смог сказать о себе с еще большим смирением, то сделал бы это. Хотя когда-то я был дворянином и меня называли господином Лойолой. Из этого вы можете сделать вывод о том, что я многое пережил и что мне знакомы все человеческие слабости, потому можете говорить смело.

— Я слышал об Игнатии Лойоле, — сказал Рено, — и знаю, какой великий ум помогает ему все понимать. Поэтому я благословляю Небо, мессир, за то, что оно свело меня именно с вами, а не с каким-либо невежественным монахом. А теперь, прошу вас, откройте: каким образом вы сможете обратить свою власть мне во благо?

Он говорил с таким спокойствием, словно читал лекцию в Сорбонне. Его дошедший до полного истощения дух собирал последние силы, чтобы сохранять это ужасающее спокойствие. Лойола между тем размышлял: «Только ад может наградить человека подобной силой, потому что я сам никогда не получал от господа ничего похожего». А вслух он произнес:

— Если вы станете говорить со мной искренне, я смогу заступиться за вас перед королем и таким образом избавить от костра и от пыток. Я добьюсь, чтобы вас просто обезглавили или повесили.

Рено подумал: «Я должен быть свободен через несколько минут, больше ждать нельзя!» И сказал:

— Мессир, я не совершил никакого преступления. Вернуть жизнь несчастному ребенку, сделать счастливой старушку-мать этого ребенка, обрадовать множество людей — разве это грех?

— Нет, если бы Небо даровало вам эту силу. Да, если она — подарок ада. Признайтесь же, молодой человек, скажите мне откровенно, при помощи какого колдовства вы заставили ходить парализованную, то есть сотворили чудо.

Рено протяжно вздохнул.

«Если этот человек не так умен, как я предполагал, мне конец».

— Мессир, там не свершилось никакого чуда: на самом деле девочка никогда не была парализованной. Едва на нее посмотрев, я сразу же увидел, что она чрезвычайно впечатлительна и обладает развитым воображением. А такие люди способны невольно подражать больным, «присвоить» себе чужую болезнь, если вам так больше нравится.

Она никогда не была парализованной. Иначе она никогда не смогла бы ходить. Мне понадобилось всего лишь внушить ей доверие к себе и веру в меня. А когда она стала верить мне и поверила в себя, мне достаточно было приказать ей встать и идти: воображаемые, а не реальные путы, сковывавшие ее, разорвались сами собой.

Он казался спокойным, но чудовищная тоска теснила ему грудь. Лойола покачал головой.

— Неужели вы думаете, — спросил он, — что я приму за правду хоть один из вымыслов, которыми полны ваши слова? Значит, вы отказываетесь сказать мне, какой из способов колдовства вы использовали?

Рено опустил голову. Из глаз его покатились слезы. В вопросе, заданном монахом, во всем поведении Лойолы он ясно читал фанатичную веру, ослепляющую этого человека, величайшую и темную веру, которая перекрывала путь разуму. Рено плакал. Это длилось всего минуту, но это было ужасно. Но внезапно в аду, в котором он находился, мелькнул лучик света.

«Взывать к рассудку таких людей бессмысленно, — подумал Рено. — Но, быть может, я найду тропинку к его сердцу?»

Он бросился на колени. Его правая нога заце-

пилась за железное кольцо, запуталась в цепи, и это причинило ему жгучую боль. Любой другой человек на его месте не смог бы сдержать крика, но он этой боли даже не почувствовал. Он поднял голову и посмотрел в глаза Лойоле. Лицо юноши было так искажено, оно было таким взволнованным, что монах с трудом узнал его. Молодой человек заговорил, и в голосе его прозвучали такое страдание и такая мольба, что Лойола отступил, бормоча:

— Адские силы пытались воздействовать на мой разум, это им не удалось, и теперь они хотят воззвать к моему сердцу!

А Рено между тем говорил:

— Мессир, мой отец — несчастный старик, перенесший за свою долгую жизнь множество невзгод. Кроме меня, у него нет никого на свете. И вот теперь моему отцу угрожает смертельная опасность. У вас есть отец, мессир? Представьте себе, что вам достаточно пошевелить рукой, чтобы спасти своего отца от ужасной смерти. Откажетесь ли вы сделать для своего отца то, что сделали бы для собаки? Мессир, умоляю вас: сжальтесь! Дайте мне свободу всего-навсего на восемь дней, и клянусь Богом, клянусь своей преданной Христу душой, что вернусь сюда, как

только спасу моего отца!

Лойола непреклонно покачал головой и произнес:

— Покажите мне договор с дьяволом, подписанный вами, и сообщите колдовское заклинание, которое позволило вам заставить парализованную девочку ходить.

Рено, ломая руки, все больше и больше чернел лицом. Голос его стал хриплым:

— Мессир, умоляю вас, выслушайте меня! Я женат, моя жена очень молода. Есть ли у вас сердце? Любили ли вы когда-нибудь? Мессир, мессир! — добавил он со стоном отчаяния. — Будьте больше, чем Богом, будьте человеком!

Лойола, роняя слезы, попятился. Лойола, суровый Лойола, увидев, как этот крепкий, мужественный молодой человек катается по каменным плитам пола, бьется о них головой, как он унижается, пытается ползти вслед за ним, слыша его прерывающийся от рыданий, хриплый, тихий, какой-то жуткий голос, суровый Лойола заплакал! Но почти сразу же взял себя в руки, перекрестившись, медленно отступил еще дальше и вышел за дверь, прошептав:

— Все это уловки Сатаны, понапрасну ты пытаешься воспользоваться моей человеческой

слабостью!

А из глубин темницы, дверь которой он тщательно запер перед тем, как поспешно удалиться к себе, до него донесся страшный, похожий на предсмертный хрип голос, донеслись слова, заставившие его задрожать:

— Будь ты проклят! Будь проклят! Я выживу хотя бы для того, чтобы заставить тебя страдать так, как страдаю я!

III. Спаситель

Несколько месяцев спустя принцы и их придворные, прослушав утреннюю мессу и перейдя через Рону, спускались вдоль ее правого берега по широкой, залитой солнцем дороге, пока та не вывела их в Турнон. Вооруженные солдаты разбрелись по городку в поисках пищи и крова. Дворяне заняли дома знати и богатых горожан. Дофина и его брата Анри мэтр Пезенак поселил во дворце кардинала-архиепископа Эмбреннского.

На рассвете следующего дня все должны были снова пуститься в дорогу. Дофин Франсуа торопился соединиться с армией отца, а после этого перейти в находившиеся в авангарде части, которыми командовал коннетабль. Наступил вечер. Все сели ужинать. Как обычно, за столом все молчали, одна мадам Екатерина блистала красноречием и остроумием. Как обычно, Франсуа оставался мрачным и, не произнося ни слова, размышлял об ему одному известных вещах. Он очень рано покинул общество, отправился к себе и бросился в кресло.

Оставшись один, принц закрыл лицо руками и зарыдал.

— Забыть! — хрипло бормотал он сквозь неудержимо льющиеся слезы. — Забыть! Но как забыть эту проклятую Богом любовь? Мари, мертвая Мари, убитая моей рукой Мари все еще живет в моем сердце! О, как забыть эту страшную ночь, когда я преследовал ее от самых ворот Тампля и когда поверг ее к моим ногам?! Но главное, как забыть, — прибавил он, скрипнув зубами, — как забыть, что Мари уступила моему брату Анри, продолжая сопротивляться мне? Как забыть о том, что она родила от него сына?

Больше он не мог сказать ни слова, он захлебывался рыданиями. Что же, получается, дофина терзали вовсе не угрызения совести? И совсем не раскаяние мучило принца? Значит, его бешенство, его страдания объяснялись лишь вечно живой ревностью? Потому что, как он считал, сын Мари, этот ребенок, родившийся в подземелье, был ребенком его брата. Подозрение давно родилось в его воспаленном мозгу, со временем оно только укреплялось, и теперь дофин Франции просто умирал от ненависти и от ревности.

Еще не пробило и семи часов утра, когда солдаты собрались на площади перед дворцом архиепископа. Пели трубы, лошади приплясывали от нетерпения, били копытами о землю.

Рожок сзывал опоздавших. Войско выстроилось. Придворные заняли свои места. Не хватало только дофина. И принца Анри.

Но вдруг по радостной, пестрой толпе разряженных прекрасных дам и красавцев кавалеров, собравшихся на войну, как на бал, прокатился тревожный шумок. Страшный слух передавался из уст в уста, взрывы смеха сменились тревожным молчанием. Стало известно, что дофин тяжело болен.

Чем? Что за внезапная болезнь? Никто не знал. Одни говорили, что он простудился накануне, когда принимал ванну по приезде в Турнон. Другие предполагали, что черная меланхолия, которой принц, по всеобщему мнению, был одержим уже довольно долгое время, переросла в злокачественную лихорадку.

Прошел час. Потом два. Потом все увидели, как во весь опор скачут посланные принцем Анри к королю гонцы. Неподвижные солдаты в кирасах из буйволовой кожи стояли, опираясь на копья, и спокойно ждали, когда же отдадут приказ начать выступление. А в ожидании опустошали свои дорожные фляги, заботливо наполненные молоденькими хорошенькими горожанками. Всадники-дворяне спешились, один за другим

они уходили в кардинальский дворец, чтобы получить там свежие новости о здоровье дофина. Наконец около десяти утра на площади появился принц Анри, и, видя, как он бледен, все поняли: болезнь действительно очень серьезна. И, наблюдая за поведением молодого принца, оценили его привязанность к старшему брату: не случайно же, когда Анри заговорил, голос его оказался глухим, надтреснутым, а речь прерывалась слезами.

— Мой возлюбленный брат, — с трудом выговорил он, — страдает неизвестной болезнью, хотя, как считают врачи, она не слишком тяжела. Дофин приказал мне взять командование войском на себя и продолжать наш путь. Поэтому, господа, мы сейчас же выступаем — и да хранит Бог моего брата!

— Аминь! — сказала мадам Екатерина, осеняя себя крестом с выражением искренней набожности.

— Аминь! — повторила за ней вся толпа, склоняясь в поклоне.

Почти сразу же войско снова выстроилось в походном порядке. Рожки и трубы пропели сигнал к началу похода. Все сдвинулись с места, сталь-

ные каски и протазаны[9] засверкали на солнце, бросая тысячи отблесков. Сопровождаемые бряцанием оружия и цокотом копыт, солдаты и придворные двинулись к югу и вскоре исчезли в дорожной пыли, ослеплявшей взгляд белизной.

День для больного прошел без особых изменений в его состоянии. Временами наступало улучшение, принц настолько хорошо себя чувствовал, что принимался горько сожалеть: почему не преодолел утром свою слабость. Тогда он пытался оторвать голову от подушки, но тут же падал снова, и тело его сотрясала страшная дрожь.

В четыре часа пополудни болезнь внезапно обострилась. Началась лихорадка с сильными приступами тошноты. Кожа Франсуа пылала, язык стал сухим и обложенным, в горле горел адский огонь, а самое ужасное — живот надулся, как бурдюк. Не прошло и десяти минут с тех пор, как начались все эти осложнения, — и принц стал бредить. Два врача, склонившись над постелью, испуганно переглянулись: на лице несчастного дофина они ясно увидели признаки приближающейся семимильными шагами

---

[9] Примечания: 9
Протазан — копье с плоским наконечником. (*Примеч. пер.*)

смерти, неизбежной при столь быстром развитии так внезапно поразившего дофина тяжелого заболевания…

Приступ продолжался четыре часа, в течение которых весь город, собравшись в церкви и вокруг нее, возносил Небу молитвы о здравии принца, а колокола собора печальным звоном поддерживали глас народа. К десяти часам вечера метавшийся до тех пор в горячке Франсуа очнулся и перестал бредить. Он сразу же — инстинктивным, машинальным движением — попробовал подняться, но ничего не вышло: и на этот раз принц сразу же, задыхаясь, упал на подушки. Но на этот раз он испустил душераздирающий вопль:

— Я умираю!

— Сын мой, дорогой мой сеньор, — произнес рядом с ним голос, в котором явственно слышались слезы, — не хотите ли вы помолиться Всевышнему, чтобы Он помог избежать такого ужасного для короля и всего королевства несчастья? Но, если Господу угодно было назначить вам именно этот час, не хотите ли вы собраться с силами, чтобы помочь своей бессмертной душе отправиться в великое путешествие?

Франсуа посмотрел на говорившего и узнал в

нем священника.

— Значит, я правда умираю? — спросил он.

В этот момент, потревожив группу коленопреклоненных у дверей придворных, которые, шепча молитвы, готовились присутствовать при последнем соборовании дофина, в его спальню ворвался какой-то человек с криком:

— Ваше Высочество, вы не умрете, если соизволите выслушать меня!

— Кто вы? — жадно вглядываясь в новоприбывшего, спросил принц, для которого просиял лучик надежды.

— Ваше Высочество, меня зовут Ансельм Пезенак, я имею честь представлять в городе Турноне королевскую полицию, и я знаю средство спасти вас!

— Считай, что тебе повезло, счастье и богатство у тебя в руках, — ответил дофин. — Говори. И поскорее.

Священник, иподьякон, мальчики-певчие, придворные, лакеи, врачи — все, кто к этому времени находился в спальне дофина, затаив дыхание, всматривались в этого человека, так твердо пообещавшего спасти умирающего принца. Нимало не смутившись общим вниманием, мэтр Пезенак повторил про себя греющие его

сердце слова Франсуа: «Счастье и богатство у тебя в руках!» — и начал свой рассказ:

— Ваше Высочество, то, что я сейчас вам скажу, могут подтвердить и наш приходский священник, и все горожане. Несколько месяцев назад, по приказу святейшего и преподобнейшего отца Игнатия Лойолы, проезжавшего через Турнон, повторяю, по приказу этого весьма достойного монаха, обладателя королевских грамот, дающих ему полную власть, я арестовал одного молодого человека. Сейчас этот молодой человек содержится в подземной тюрьме дворца. Почему до сих пор его не судили? Не знаю. Может быть, преподобнейший отец Игнатий Лойола забыл о нем? Такое вполне возможно, и это не мое дело. Но поскольку я не получил никаких новых указаний насчет этого молодого человека, я продолжаю держать его в темнице.

— Ради бога, короче! — взмолился один из врачей.

— Но вот почему этот незнакомец был арестован, Ваше Высочество. У нас в Турноне проживает девочка по имени Юберта Шассань. В течение двух лет эта девочка была парализованной. И весь город был свидетелем тому, как молодой человек, о котором я вам рассказывал, подошел к

ней, сказал: «Встань и иди», — и малышка Юберта сразу же встала и пошла!

— Пусть его приведут! — прохрипел принц. — И поскорее! Я умираю…

Пять минут спустя придворным пришлось, стараясь скрыть испуг, посторониться, пропуская в комнату изможденного молодого человека со страшно бледными, ввалившимися щеками, с запавшими, окруженными чернотой, но сверкающими нестерпимым блеском глазами, с неуверенной походкой… Вошел Нострадамус!

— Пусть все выйдут отсюда! — попросил Нострадамус.

Присутствовавшие в растерянности переглянулись. Но принц, бросив на них ужасный взгляд, приказал, чтобы его немедленно оставили наедине с колдуном… с целителем! С тем, кто вернет ему жизнь! Комната сразу же опустела, и новоявленный лекарь позаботился о том, чтобы закрыть за ушедшими дверь. Потом он вернулся к больному и, когда шел к его постели, казался тому похожим на архангела-спасителя. Телесные и душевные страдания изменили облик прежнего Рено: он как будто уменьшился в размерах, если так можно выразиться, как будто усох. Про другого сказали бы, что он исхудал, но это про

другого: тело Нострадамуса словно испарилось, перестало быть материальным. Только глаза горели неистовым пламенем, и можно было подумать, что вся жизнь молодого человека, вся его сердечная боль, вся сила духа, одним словом, все, что составляло теперь его существо, сосредоточилось в этом пылающем взгляде.

Итак, Нострадамус подошел к кровати. К кровати, на которой умирал дофин Франсуа, один из двух мучителей Мари де Круамар!.

Нострадамус склонился над умирающим. Он долго и внимательно, с огромным терпением осматривал больного, выворачивал его губы, заглядывал под веки, рассматривал кончики ногтей. Франсуа в неизбывной печали качал головой.

Нострадамус… Рено… Он, человек, которого никто не захотел пожалеть, в этот миг забыл, что, подобно Христу, несшему крест на Голгофу, взвалил на себя тяжкий груз человеческого страдания… Для него наступила минута, когда он вознесся над своими страданиями, когда он прощал всему человечеству целый век преступлений… Он взял умирающего за руку и с доброжелательной улыбкой сказал ему:

— Смотрите на меня…

Дофин послушался.

— Доверьтесь мне…

— Я верю! — прохрипел дофин.

Нострадамус склонился еще ниже. Его улыбка излучала теперь поистине неземную доброту. И он произнес такие странные слова, что принц, до которого они долетали словно издалека, подумал, что ослышался:

— Какое счастье, что я появился вовремя! Вы можете успокоиться, Ваше Высочество…

— Я могу успокоиться? — не веря своим ушам, пролепетал дофин.

— Да. Благословите Небо за то, что фанатичный монах приказал бросить меня в подземелье этого дворца. Должно быть, этого пожелали всемогущие силы небесные, потому что, если бы меня не было здесь, никто не смог бы вас спасти.

— А теперь? — задыхаясь, прошептал больной.

— А теперь… Раз я здесь, то могу твердо сказать: ВЫ БУДЕТЕ ЖИТЬ!

Едва Нострадамус произнес эту фразу, лицо его обрело необычайно спокойное, даже безмятежное выражение. В момент, когда эта фраза была услышана, на лицо дофина легло выражение безграничного доверия. После тяжких мук на него вместе с пылким желанием выжить снизошла

убежденность в том, что он непременно выживет. Он поднял глаза на целителя и улыбнулся ему с бесконечной благодарностью, его переполняла опьяняющая радость человека, сумевшего отойти от края бездны, откуда другие уже никогда не возвращаются.

Нострадамус вынул из-за пазухи маленькую коробочку и, достав из нее какой-то грязно-белый шарик, протянул его принцу. Франсуа с жадностью проглотил снадобье. Почти в ту же минуту он ощутил, как к нему приливают силы, как он медленно, но верно поднимается с самого дна пропасти, в которую неведомо как свалился. Смерть отступила от него!

— Я спасен! — с жаром воскликнул Франсуа.

— Пока еще нет, — со спокойной улыбкой возразил Нострадамус. — Я просто дал вам лекарство, способное на время вернуть вас к жизни и заставить смерть подарить вам несколько часов.

— Как это так? — заволновался дофин. — А что будет через насколько часов?

— Да я же вам уже сказал: вы будете жить! Потому что мне с лихвой хватит этого времени, чтобы изготовить…

Нострадамус замолчал. Принц поднял на него полные тревоги глаза и спросил тихо:

— Изготовить что?

— Хорошо, я отвечу вам, — мрачно ответил Нострадамус. — Надо, чтобы вы знали: я должен изготовить противоядие!

— ПРОТИВОЯДИЕ! — загремел принц, забыв, что совсем еще недавно лежал обессиленным. — О боже мой! Значит, я…

— Да, ВЫ ОТРАВЛЕНЫ!

Часть шестая
ПУТЬ К ТАЙНЕ

I. И тогда он позвал Мари…

Дофин ужасно закричал. Услышав этот душераздирающий вопль, люди, стоявшие за дверью, распахнули ее и вбежали в комнату.

— Назад! — еще громче заорал дофин. — Убирайтесь отсюда все!

— Спасен! — не веря своим глазам, воскликнули придворные. — Его Высочество спасен! Ноэль! Ноэль! Чудо!

Взрыв искренней радости окружающих почему-то рассмешил принца. Присутствующие окружили целителя, который, усевшись за стол, принялся быстро писать. Поставив точку, поднялся. Кружок расступился. Ужас, восторг и удивление ясно читались на всех лицах: принц, которого несколько минут назад они видели агонизирующим, предстал перед ними живым и чуть ли не здоровым!

— Господа! — отсмеявшись, сказал дофин. — Уходите отсюда, если хотите, чтобы я и в самом деле был спасен. И, что бы вы ни услышали, не открывайте дверей, пока вас не позовут.

На сей раз все подчинились требованию принца, но, выходя, восклицаниями: «Ура! Ура! Ноэль!»

— и жестами продолжали демонстрировать бурную радость.

— Погодите, — сказал Нострадамус.

Несмотря на приказ королевского сына, все замерли на месте.

— Друг мой, — обратился Нострадамус к одному из присутствующих, — потрудитесь принести мне не позже чем через час все предметы, травы и жидкости, которые обозначены в этом списке. Идите и поторопитесь, речь идет о жизни дофина Франции!

Лакеи, врачи, придворные засуетились. Прошел не час, а только четверть часа, но все, чего потребовал целитель, уже стояло на столе.

— А вот теперь, — сказал Нострадамус, — всем действительно нужно выйти.

Минута — и спальня принца опустела. Тот, кто распоряжался здесь, не был королем, но он был больше чем король. Он был посланцем таинственных сил, которые распоряжаются и королями.

Нострадамус и Франсуа остались одни…

— Скажите мне еще раз, повторите, что я буду жить! — пылко взмолился дофин.

— Вы будете жить, — спокойно сказал Нострадамус, начиная работать с заказанными им

банками и склянками.

— Значит, вы настаиваете на том, что меня отравили?

— Да, вас отравили. Я еще прошлой ночью знал, что кого-то отравят, но не мог понять, кому суждена смерть…

— Вы знали… — пробормотал потрясенный Франсуа.

— Знал наверняка, — все так же спокойно отвечал Нострадамус. — Я даже пытался заставить отравителя отказаться от своего намерения… Но это мне не удалось.

— Но мне же сказали, что вы сидели в темнице!

— Да. И был прикован к стене цепями за лодыжки.

— Тем не менее вы пытались…

— Воспрепятствовать преступлению, да…

Дофин почувствовал, как холодок страха пробегает у него по спине, пробирая до самых костей. Он почти выскочил из постели. Он смертельно побледнел. У него стучали зубы. Он лепетал:

— Всемогущим Богом заклинаю вас, умоляю: скажите мне, какую сущность вы представляете: бесовскую или небесную?

— Человеческую, — печально ответил Ностра-

дамус. — Я плакал и плачу. Разве не по этому признаку можно узнать человека?

Он быстро толок порошки, размешивал их с жидкостями. Франсуа долго в молчании наблюдал за ним. Он дрожал. Нострадамус, не глядя в его сторону, слегка пожал плечами:

— Почему вы так боитесь? Не надо бояться…

В ту же минуту страх покинул душу дофина. Но зато — и это было куда хуже! — в нее вселилось любопытство: ему захотелось немедленно узнать имя того, кто покушался на убийство.

— Вы говорите, меня отравили?

— Я это понял сразу же, как только увидел ваше лицо, вашу шею, ваши веки, ваши губы… Я сразу же понял и то, каким ядом вы отравлены. Он подробно описан в очень редкой книге, она называется «Употребление ядов». Этот яд практически всегда убивает. Почти без исключений. Нас, знающих противоядие, способное справиться с ним, во всей Европе, может быть, человек десять. Но ведь достаточно мне одному из этого десятка оказаться здесь, правда? Как только вы выпьете микстуру, которую я сейчас составлю, вы будете спасены.

— И вы говорите, — не отставал принц, — что этой ночью пытались остановить отравителя.

Значит, вы знаете, кто он?

— Нет. Я знал о том, что готовится преступление. Я знал, меня предупредили о том, что кого-то попытаются отравить. И все. Но теперь я знаю и имя отравителя…

— Вы его знаете? — тихо спросил дофин, утирая кончиком простыни пот, катившийся по его лицу.

Нострадамус прекратил работу, подошел к принцу и сказал:

— Да, знаю. И понимаю, что вам тоже хочется узнать.

— Да! О, да!

— Вы уверены, что этого хотите?

— Клянусь душой, хочу!

Нострадамус помолчал, размышляя. Странная улыбка искривила его губы. И он прошептал:

— Да, это справедливо, что вы хотите услышать имя отравителя. Ну, так знайте. Этой ночью, узнав о том, что сегодня кого-то отравят, я бросил в пространство крик, надеясь этим криком остановить преступника. И я убежден, что до него донесся мой голос. И — это тоже вам надо знать — я назвал его Каином…

Франсуа так и подскочил на постели и стал еще бледнее, чем был только что, когда метался

в агонии…

— Каин!!! — взревел он. — Каин!!! Но ведь тогда это должен быть… должен быть… Ох!

— Я не знал, кого он собирается отравить. Я не знал имени отравителя. Но я знал, что убийца заслуживает того, чтобы его назвать Каином… и я так назвал его…

— Каином! Именем человека, убившего своего… своего брата!

— Это вы сказали, — заметил Нострадамус с величественной и ужасающей простотой.

И снова принялся усердно трудиться над составлением противоядия.

— Анри! — едва выговорил охваченный смертельным ужасом дофин. — Анри! Это мой брат пытался отравить меня! Каин…

Наконец он замолчал. Больше никто из двоих не сказал ни слова. Время шло. Часы дворца звонко пробили одиннадцать раз. Одиннадцатью глухими ударами им ответил церковный колокол. В этот момент Нострадамус подошел к дофину. Он держал в руке маленький флакончик с изумрудной жидкостью. Франсуа жадно потянулся к лекарству.

— Нет, пока нельзя, — ласково сказал Нострадамус. — Этой микстуре нужно еще охладиться и

настояться. На это уйдет не меньше часа.

— Значит, в полночь? — спросил дофин.

— Да, в полночь. Но что такое всего один час, если вы уже побывали на пороге вечности? Сейчас вы будете спать, так надо.

Нострадамус не отводил взгляда от принца, и тот, под воздействием этого внимательного взгляда, почувствовал, как на него волнами накатывает сон, как тяжелеют руки и ноги…

Внезапно глаза дофина закрылись. Нострадамус несколько минут прислушивался к его спокойному и ровному дыханию, потом вернулся к столу и сел, уронив голову на руки. Ученый в нем уступил место страдальцу… Бесконечно горестно, охрипшим от тоски голосом он тихо позвал:

— Мари!

Да-да, мы говорим только о том, что было на самом деле: он именно позвал! Черты его лица, казалось, окаменели. По лбу струился пот. Было видно, что он совершает нечеловеческое усилие. Он звал:

— Мари! Мари!

Перенесемся на минутку через пространство и окажемся в Париже.

Убогая и печальная лачужка неподалеку от

тюрьмы Тампль. Бедная постель. Нищенскую обстановку освещает смоляной факел. На кровати — молодая женщина мечется в лихорадке… Мужчина гигантского роста сидит в углу… Над кроватью склоняется женщина… Мужчина — это тюремный смотритель Жиль. Женщина — это Марготт.

Только что пробило одиннадцать часов вечера. Больная… Нет, вернее, раненая… Эта молодая женщина внезапно садится в постели. Взгляд ее блуждает. Черты лица окаменели. Кажется, что она прислушивается… Она слушает!

И вдруг она испускает пронзительный, страшный крик. Марготт что-то шепчет ей, пытается уложить. Напрасные усилия: тело раненой напрягается, застывает в неподвижности. Это больше не человеческое существо, это мраморная статуя. Руки молитвенно сжаты у груди, глаза смотрят в одну точку, они остекленели. Она слушает!

Потом резко падает обратно на тощую подушку, безмолвная, бездыханная. Теперь она похожа на труп. Марготт поворачивается к замершему в своему углу мужу.

— Умерла? — спрашивает колосс.

— Нет. Сердце бьется. Но…

— Но?

Марготт бледнеет, дрожит и глухим голосом отвечает:

— Но душа опять улетела…

В кардинальском дворце городка Турнона, в комнате, где мирным сном спит дофин Франции, Нострадамус, облокотившись на стол и спрятав лицо в ладонях, неподвижный, окаменевший, мысленно произносит какие-то слова. Вот что он говорит:

«Где ты? Почему уже столько месяцев подряд я ищу тебя и не могу найти? Моя мысль, унесенная на крыльях Неведомого, летит к тебе, тщетно обшаривая пространство… Значит, ты бежишь от меня? Мари! Мари! Разве ты не чувствуешь, разве ты не понимаешь, что в моем сердце восторжествовала любовь?»

Дрожь пробегает по телу молодого человека, но он продолжает немой разговор с отсутствующей:

«Послушай, Мари! В ту ночь, когда я простил тебя, в ту ночь, когда я, окровавленный и истерзанный, уткнувшись лицом в каменные плиты, взывал к тебе, кричал о любви и о прощении, моя мать не явилась мне. Она не вышла из могилы, чтобы напомнить сыну о данной им клятве! Она не пришла сказать, что я должен с неутихающей ненавистью преследовать дочь Круамара! Мари!

Мари! Тогда я все понял! Мари де Круамар, ты — невинная жертва собственного проклятого имени! Мари, ты была всего лишь бессознательным орудием в руках судьбы, слепым орудием рока, поразившего мою мать! Мари, я прощаю тебя! Мари, я люблю тебя! Послушай, послушай же! Мари, я умоляю, я заклинаю тебя! Мари! Мари! Где бы ты ни была, я хочу, чтобы ты услышала голос, который зовет тебя! Голос твоего возлюбленного… Твоего супруга… Мари, живая или мертвая, я хочу, чтобы ты пришла!»

«Живая или мертвая!»

Означали ли эти слова, что дерзкий и отважный дух молодого человека решился не только преодолеть пространство, но и победить саму Смерть? Или Нострадамус стал жертвой мимолетного безумия, порожденного отчаянием? Или, наконец, он на самом деле попытался проникнуть в тайные глубины, которые не дано постичь никакому человеку?

Тишина в комнате стала трагической. Медленно-медленно тянулся час, в конце которого должно было наступить назначенное время. Стрелки, которые невозмутимо двигались к своей цели, словно змея, подбирающаяся к жертве, потихоньку приближались к цели, намеченной

судьбой: к цифре XII… Полночь!

Незадолго до того как часы должны были пробить двенадцать, дофин Франсуа пробудился, судорожным движением приподнялся в постели, вытянул руки так, словно отталкивал что-то невидимое, и, снова упав на подушки, закричал — дико, истошно, ужасно.

Этот крик заставил очнуться и Нострадамуса: он силой оторвал молодого человека от мира непостижимой мечты и вернул в реальный, видимый, осязаемый мир. На лицо Рено… на лицо возлюбленного Мари легла печать невыразимой печали. Казалось, он переполнен отчаянием. Губы его дрожали. Он шептал:

— Она не пришла… Почему? Почему?! Неужели мы разлучены? Разлучены навеки? Чем? Кем?

Он встал пошатываясь. Его колени подгибались. Сердце сжимала тоска. Ему чудилось, что он умирает. Впервые в жизни — да, впервые с тех пор, как он встретил и полюбил Мари, — сомнение проникло в его душу… Он прохрипел, словно задыхаясь в агонии:

— Она не слышала меня! Она не пришла! А это значит… это значит… О! Может быть, это означает, что она больше не принадлежит мне! Может быть, она отдалась другому?!

Новый крик дофина заставил его подойти к кровати. В нем снова проснулся ученый. Посмотрев на Франсуа, он вернулся к столу и взял флакончик. Но в этот момент крики принца сменились бормотанием, и в этом лепете больного можно было ясно расслышать:

— Она здесь! Я говорю вам, она только что вошла, и вот она здесь! Она пришла ко мне! Не покидайте меня!

Одно резкое движение — и Нострадамус снова оказался у кровати. Он держал в руке спасительный флакончик с противоядием, которое с таким старанием приготовил.

«Он бредит?» — подумал Нострадамус, откупоривая бутылочку, чтобы вылить ее содержимое в рот дофина.

— Это бред? — сказал он вслух, и внезапная дрожь проникла до самых глубин его существа. — Бред? Или… или Видение?

Он снова заткнул пробкой флакончик. Лицо его стало смертельно бледным. Он схватил руку Франсуа и спросил этим странным, звучным, напоминающим отдаленный звон металла голосом, которым иногда начинал говорить:

— Кто здесь? Кто сюда вошел?

И Франсуа на одном дыхании, так похожем на

последний вздох умирающего, произнес:

— ТА, КОТОРУЮ ВЫ ЗВАЛИ!

II. Исповедь

Судорожный вздох вырвался из груди Нострадамуса. Он застыл, словно боясь, что неловким движением, да что там движением, даже — просто пошевелив пальцем, прогонит ту, которую он звал… и которая была здесь! Только его пылающий взгляд, его глаза, из которых будто сыпались искры, оставались прикованными к дофину. Мари пришла! Мари здесь! Но не он ее увидел! Не он ее услышал! Сомнения терзали его. Страшное подозрение подсказывало ему:

— Она предала меня!

Франсуа отчаянно метался по постели. С его губ срывались обрывки слов, и по ним можно было определить, какие бессвязные мысли одолевают принца. Нострадамус дожидался конца чудовищного сражения дофина с кем-то невидимым. Франсуа охрипшим голосом просил:

— Нет! Не ему! Я не хочу! Я ничего не скажу…

Это длилось несколько минут. Несколько минут шла борьба совести дофина Франции с неведомой сущностью, принуждавшей его говорить. Внезапно эта борьба закончилась. Франсуа, казалось, успокоился. Искаженные черты его

лица разглаживались. Мир снизошел на его душу. Мало-помалу к нему возвращалось сознание. Наконец он открыл глаза, удивленно огляделся по сторонам и — первым делом! — посмотрел на часы. Стрелки показывали полночь. Принц перевел взгляд на Нострадамуса, все еще молчаливого и неподвижного.

— Мне приснился ужасный сон, — прошептал дофин. — И одному Господу известно, сон ли это был… Эта микстура, которую вы должны дать мне… Смотрите, уже двенадцать! Пора… Вы говорили: в полночь…

Нострадамус покачал головой и тихо произнес:

— Не хотите ли сначала повиноваться той, которая отдала вам приказ в вашем сне?

Франсуа вздрогнул. Но предложение Нострадамуса его не удивило. Его дух, перенесшийся в мир, выходящий за пределы реальности, теперь допускал возможность невозможного. Этому человеку известен его сон? Что ж, наверное, он разговаривал во сне.

Он ответил:

— Да, я обещал сказать все. И, следовательно, все вам скажу. А если бы я не стал говорить, она вернулась бы?

— Наверняка, — сказал Нострадамус.

— Значит, я сейчас расскажу вам о преступлении.

— Преступлении? — глухо переспросил Нострадамус. — Вы совершили преступление? Вы — дофин Франции? Против кого?

— Против Мари, — просто ответил дофин.

Против Мари! Эти два слова прозвучали в мозгу Нострадамуса, как удар грома. Он пошатнулся. На миг ему показалось, будто он ослеп. Но, взяв себя в руки огромным усилием воли, он, несмотря на охватившее его отчаяние, спокойно сказал:

— Хорошо. Рассказывайте о вашем преступлении.

— Но почему вам, а не кому-то другому? — прохрипел Франсуа. — Священника! Я хочу священника! Нет! Оставайтесь здесь! Я чувствую, я знаю, что именно вам я должен, я обязан рассказать… Слушайте! Это было не просто ужасно, это было преступление, выходящее за пределы ужасного, и вы это поймете… Мы любили ее оба, мой брат Анри и я…

Нострадамус вскрикнул.

— Вы любили ее?

— Да, — хрипло продолжал принц. — Мы умирали от любви к ней!

— Вы и ваш брат?

— Я и мой брат! Мы любили ее так, что из-за этого смертельно возненавидели друг друга. И наконец ее передали нам в руки…

— Передали вам в руки?! — в ужасе переспросил Нострадамус. — Кто? Кто сделал это! Говори!

— Нам выдали ее два человека, которым мы за это щедро заплатили, два преданных нам человека…

— Назовите их имена! — взревел Нострадамус.

— Гаэтан де Роншероль и Жак д'Альбон де Сент-Андре.

Нострадамус поднял к небу пылающий взгляд. Ужасное проклятие зародилось в его душе и едва не сорвалось с губ.

— Продолжайте, — потребовал он. — Что вы сделали с ней, когда она попала к вам в руки?

— Поскольку она нам сопротивлялась, нам пришлось, обвинив ее в колдовстве, бросить в тюрьму Тампль.

Нострадамус стоял неподвижно. Он был похож на призрак. Вот только из глаз этого призрака беззвучно катились слезы. Франсуа в ужасе почувствовал, как эти слезы, падая ему на руку, обжигают кожу… И продолжил:

— Иногда я сам, а иногда мой брат… Мы спускались туда, в подземелье… Несколько раз мы

приходили вместе… И, поскольку она все еще продолжала сопротивляться, я приказал, чтобы ее подвергли пытке…

— Пытке! — рыдал Нострадамус, впиваясь ногтями себе в грудь, чтобы эта боль помогла умерить другую, внутреннюю. — Пытке! Боже мой! Мучить саму красоту, саму слабость! И вы говорите, что любили ее! Любили — и не сжалились над ней!

Франсуа с похоронным видом покачал головой. Нострадамус бросил на него кровожадный взгляд и хрипло, едва слышно прошептал:

— Продолжайте, и пусть Господь пошлет мне достаточно сил, чтобы я смог выслушать вас до конца!

— Микстуру! — задыхаясь, попросил Франсуа. — Я умираю…

— Продолжай! — не слушая его, выкрикнул Нострадамус.

Этот крик словно пробудил в дофине новые силы, он снова заговорил:

— Узницу не пытали…

Нострадамус вздохнул с облегчением, даже — с радостью. Его взгляд стал менее кровожадным. Инстинктивным движением он приблизил к губам больного склянку с противоядием. Но в

этот момент Франсуа заговорил снова:

— Ее не стали пытать, потому что в день, когда палач спустился к ней в подземелье, чтобы отвести в камеру пыток, да, именно в этот ужасный миг на свет появился ее ребенок…

Дикий крик раздался в спальне дофина. Нострадамус выпрямился, отступил от кровати. Ему показалось, что все, что у него внутри и что вне его, небо и земля, тело и душа — все, все с грохотом сотрясается и перемешивается в катаклизме. Страшное содрогание прошло по его телу от головы до пят. Судорожно сжатые губы исторгли жуткий стон. Франсуа в испуге смотрел на целителя.

— Кто вы? — бормотал он. — Я хочу знать, кто вы! Почему вы плакали? Почему кричите? Почему мой рассказ так сильно действует на вас?

— Вы сказали, — не отвечая, прошептал Нострадамус, — вы сказали, что ее ребенок родился на свет…

— Да, я так сказал.

— Ребенок Мари? Вы уверены? Вы говорите, что у Мари родился ребенок?

— Да. Он родился прямо в камере, в тот день, о котором я вам рассказывал. Сын…

— Сын, — машинально повторил за принцем

Нострадамус, и на этот раз голос его прозвучал так жалобно, что страх в сердце дофина уступил место сочувствию.

Но почти сразу же им овладело какое-то полусознательное опьянение, и, будто в бреду, с жутким, замогильным хохотом он сообщил:

— Сын моего брата Анри!

Хрип, вырвавшийся из груди Нострадамуса, услышавшего эти слова, напоминал последний вздох умирающего, недобитого зверя. А Франсуа все с тем же злорадным хохотом продолжил:

— Сын моего брата! Она, так долго сопротивлявшаяся мне, не устояла перед ним! Она отдалась ему!

— Отдалась… — еле слышно прошептал Нострадамус.

— Да! Да! Моему брату Анри! Тому, кто отравил меня! Теперь вы наконец понимаете, почему Анри приказал выпустить ее из Тампля? Свою любовницу…

— Он приказал выпустить ее, — с трудом ворочая языком, повторил Нострадамус.

— Да. Это естественно. Он хотел, чтобы его любовница и его ребенок находились рядом с ним.

Нострадамус покачал головой с трагическим спокойствием. А Франсуа говорил и говорил:

— Теперь вы понимаете, почему я совершил преступление? Вы понимаете, почему, когда она вышла из тюрьмы, я проследил за ней? Почему набросился на нее, когда она собиралась идти к моему брату? Почему я ударом кинжала поверг ее к своим ногам?

Нострадамус наклонился к больному.

— А ребенок? Его вы тоже убили?

— Ребенок? Какой ребенок?

— Сын Мари! Сын вашего брата!

— Нет! Нет! Этого я не убивал! Его передали в руки…

— В чьи? Чьи руки? Говорите же! Говорите! Я требую!

— Его отдали человеку… человеку, которого звали… Не помню… А! Человека, который унес ребенка, зовут Брабан-Брабантец…

Дофин был очень бледен. Его голова металась по подушке, смех перемежался с рыданиями, крики со стонами, жалобы с угрозами… Бред перешел в самую омерзительную форму: все смешалось — ненависть, страсть, ужас, жажда мести… И Нострадамус слушал стенания принца, которые странным образом перекликались со стенаниями его собственной души.

«Всемогущее Небо! — рыдала его душа. — Вот,

оказывается, почему прервалась связь между мной и ею! Она отдалась другому! Ее сын… Сын Анри! О господи, разве такое возможно? Господи, если бы я мог пасть здесь сраженным… Мари! Сын! Прощай, прощай, молодость, прощай, любовь, прощай, доверие! Вот как открылся для меня седьмой круг ада, вот как открылись огненные двери, на которых кровью пополам со слезами написаны роковые слова: ТЫ ВОЗНЕНАВИДИШЬ!»

— Ко мне! — вдруг отчетливо произнес Франсуа. — Я умираю! Скорее! Противоядие! Скорее, о, скорее!

Нострадамус скрипнул зубами. Весь пылающий, как ангел мести, он склонился к агонизирующему дофину и показал ему флакончик. Тот попытался дотянуться до склянки.

— Противоядие? — хрипло переспросил Нострадамус. — Да вот оно! И мне нужно только вылить несколько капель тебе в рот, чтобы ты был спасен!

— Да! Да! Да! Скорее! — тяжело дыша, умолял принц.

— Спасен! Понимаешь? Ты будешь жить! Ты станешь королем! Королем Франции! Самой прекрасной страны в мире! Вся слава, все могущество, все власть, все наслаждения — все это в

одном малюсеньком флакончике!

— Скорее! Дайте! — требовал дофин.

— Смотри! — произнес Нострадамус таким ужасным голосом, что дофин почувствовал, как страх снова затопляет его душу и леденит мозг.

Нострадамус отступил от кровати на несколько шагов, держа бутылочку с противоядием в зажатом кулаке.

— Боже! — заикаясь, пробормотал Франсуа. — Кто вы? Кто вы?

— Ты хочешь знать, кто я? Хорошо, я скажу тебе это. Я — супруг Мари. Той самой, которую ты приказал бросить в темницу Тампля, той самой, которую обесчестил твой брат, той самой, которую ты убил! Смотри!

— Супруг Мари… Ах… — лепетал дофин. — Я…

Больше он ничего не смог сказать. В это мгновение флакончик, сжатый могучей рукой, раскололся, со звоном упали осколки, драгоценная жидкость, смешавшись с кровью Нострадамуса, пролилась на ковер… Франсуа, задыхаясь, метался на постели. Нострадамус подошел к нему, протянул свою окровавленную руку, положил ладонь на лоб принца и, трепеща, страшным голосом, в котором звучала жгучая ненависть, произнес:

— Умри! Умри, проклятый! Умри первым и дожидайся в аду, пока за тобой туда последуют те, кто еще падет под ударами моей ненависти: Жак д'Альбон де Сент-Андре, Гаэтан де Роншероль и Анри, будущий король Франции!

Агонизирующий корчился в конвульсиях. На мгновение эти спазмы вроде бы даже оживили его. Но вот он успокоился, затих… Тогда Нострадамус подошел к двери, открыл ее и холодно сказал тем, кто томился ожиданием в прихожей:

— Господа! Его Высочество дофин Франции был приговорен к смерти самим Господом, поэтому я не спас его. Господа, Его Высочество дофин Франции мертв. Отведите меня в мою темницу.

III. Четыре стражника

Всем известно, как велико было горе короля Франциска I, узнавшего о смерти сына, который был наследником его престола, его надеждой. Так же велика и страшна была его жажда мести, когда ему донесли, что дофин Франции умер от яда. Через неделю после смерти Франсуа король получил письмо, в котором совершенно определенно в отравлении, а следовательно — в убийстве обвинялся виночерпий принца, некий Монтекукули. Неизвестный автор письма добавил, что виночерпий, совершивший это злодеяние, был подкуплен императором Карлом V.

Монтекукули схватили, бросили в тюрьму, допросили и осудили. Он защищался с невиданной энергией и отрицал свою вину до самого конца процесса: он был уверен, что ставший теперь дофином Анри в последний момент спасет его. А про себя решил: если Анри и Екатерина не придут ему на помощь, он их выдаст. Несмотря на то, что, как показалось Монтекукули сначала, показанное ему во время процесса и обвинявшее его в убийстве письмо было написано почерком, напоминавшим почерк Екатерины, он счел это

предположение настолько чудовищным, что сам же и отмел его, и больше к нему не возвращался. В результате Монтекукули был приговорен к казни: его должны были разорвать на части четыре лошади.

День накануне казни прошел без всяких намеков на то, что надежды приговоренного исполнятся. И тогда он заявил, что хочет сделать важные признания… Часом позже дверь его камеры открылась, и в темницу проскользнул изящный молодой дворянин, закутанный в темный плащ. Когда тюремный смотритель, оставив факел, удалился, а новоприбывший скинул с головы капюшон плаща, Монтекукули узнал в юноше… Екатерину Медичи. И надежда вспыхнула в нем с новой силой.

Жена нового дофина приблизилась к узнику и прошептала ему в самое ухо:

— Завтра утром иди на место казни совершенно спокойно. Пусть тебя привяжут. Пусть запрягут лошадей. Палачу хорошо заплатили. Лошади не сдвинутся с места. Когда это произойдет, начнется шум, волнение, люди на площади забеспокоятся. В эту минуту на тебя нападет сотня крепких молодых людей с криком: «Смерть ему!» Они сделают вид, что хотят тебя убить, но вместо

этого освободят и унесут с собой к берегу Роны, где будет ждать отличная барка. На ней ты спустишься к морю. Оттуда на корабле доберешься до Италии. При отплытии капитан корабля даст тебе триста тысяч ливров, которых тебе хватит, чтобы дождаться часа, когда мы вернем тебя ко двору. Анри станет королем Генрихом II, а ты займешь при нем место, которого достоин.

Узник низко поклонился, схватил руку Екатерины, пылко поцеловал ее и прошептал:

— Я знал, я знал, что вы спасете меня!

Екатерина приложила пальчик к губам и быстро вышла из камеры. Когда туда явился королевский комиссар, посланный взять у обвиняемого обещанные им показания, Монтекукули поклялся, что ему больше нечего сказать.

Утром следующего дня его отвели на место казни, и каждый, кто видел шествие, не мог не восхищаться удивительным спокойствием, с которым он шел к площади, где его должны были разорвать на части.

Палач уложил приговоренного на сделанный из досок крест, привязал за руки и за ноги…

Четыре помощника палача, вооруженные хлыстами, привели лошадей, запрягли их, прикрепили цепи… Цепи слегка натянулись… Мон-

текукули, до тех пор державшийся с ужасавшим всех, кто его видел, спокойствием, теперь, почувствовав, как цепи впиваются в его конечности, смертельно побледнел. Он попытался приподнять голову и всмотрелся в окружавших место казни, но старавшихся отойти от него подальше людей. Монах, присутствовавший при экзекуции, поднял распятие. Палач проводил глазами этот взметнувшийся к небу крест.

— Во имя живого Бога, — вскричал монах, — заклинаю тебя в последний раз: назови имена своих сообщников!

Все, кто наблюдал за казнью, могли заметить, как при этих словах зашевелились губы приговоренного, все заметили его колебания. Сейчас он заговорит!

Но в ту же секунду раздались крики: «Смерть ему! Смерть ему!» — и в толпе началось сильное волнение.

«Это пришли за мной! — подумал Монтекукули. — Я спасен!»

И крикнул громко:

— Мне нечего сказать!

Монах опустил распятие. Это был сигнал к началу казни. Четыре помощника палача принялись бешено стегать лошадей. К небу вознесся

ужасный крик, похожий на рев раненого зверя, и несколько минут спустя на скрещенных досках не осталось ничего, кроме клочьев кровоточащей трепещущей плоти…

— Теперь никто на свете не знает, отчего умер ваш брат Франсуа! — шепнула присутствовавшая при казни Екатерина Медичи на ухо дрожащему, задыхающемуся, смертельно бледному мужу.

Она ошибалась. Был еще один человек, знавший причину смерти дофина. И этим человеком был Нострадамус!

Несколько дней спустя после только что описанных нами событий Нострадамуса в его подземелье посетил мэтр Пезенак. И сказал узнику:

— Король хочет видеть вас. Вас проводят к Его Величеству.

Нострадамус даже головы не поднял. Его расковали. Его затолкали в какую-то крытую повозку вроде тюрьмы на колесах, где рядом с ним уселись четыре вооруженных аркебузами человека, оружие их было в полной готовности на случай, если преступник вздумает бежать, и каждый держал в руках по зажженному светильнику. Повозка, в которую была запряжена пара лошадей, двинулась в путь, и путь этот продолжался целый день.

К вечеру сопровождавшие узника стражники услышали шум, напоминающий шелест листьев леса, вот только если бы листья эти были из стали.

— Наконец-то! Наконец-то мы добрались до королевского лагеря, — радостно переговаривались стражники между собой.

Действительно, вскоре лошади остановились. Узника вывели из передвижной тюрьмы и отвели в просторную палатку, над которой развевалось знамя Франциска I. В палатке находились сам король, несколько офицеров из его штаба, коннетабль, принц Анри и его жена Екатерина. Франциск I долго рассматривал пленника, потом спросил его:

— Почему вас содержали в турнонской тюрьме?

— Потому что я спас девочку, которая должна была умереть, — ответил Нострадамус.

— Кто приказал арестовать вас?

— Мессир Игнатий Лойола.

Услышав это имя, король вздрогнул. Многие из присутствовавших почтительно сняли шляпы. Франциск I довольно долго молчал, было видно, что он раздумывает. Потом заговорил снова:

— Вы пытались спасти моего сына…

— Но не спас его, — уточнил Нострадамус.

— Да, — вздохнул король. — Но вы пытались. Наверное, было слишком поздно…

Король поднес руку к глазам и утер слезы, которых не сумел сдержать. Нострадамус ничего не ответил.

— Говорят, — вернулся к начатому разговору Франциск I, — что вы спасли парализованную девочку в Турноне только благодаря помощи сил ада. Достопочтенный Игнатий Лойола к тому же прислал нам письмо, которое свидетельствует, что, оставаясь в живых, вы представляете собой грозную опасность. Но вы пытались вернуть жизнь моему сыну. Молодой человек, во имя блага вашей жизни на земле и ради покоя вашей души, приказываю вам отказаться от дел, которыми вы занимаетесь! Идите. В другой раз у меня не будет возможности помиловать вас. А сегодня я хочу вернуть вам долг: заплатить признательностью за попытку спасти моего возлюбленного сына. Идите, вы свободны!

В этот момент Екатерина подала знак мужу. Анри сделал два шага вперед и сказал:

— Сир, пытался ли этот человек на самом деле спасти моего несчастного брата? Так утверждает только он сам. Единственное, что известно

остальным: он приказал всем выйти из спальни, где мучился в агонии бедный Франсуа… Он помешал работать врачам… И, наконец, он оставался один в комнате, когда смерть довершила свое черное дело… Для меня, сир, как и для множества других людей, он вовсе не спаситель. Наверняка он — самозванец… шарлатан… а может быть, и сообщник злодея!

Франциск I повернулся к Нострадамусу и проворчал:

— Так… А что вы можете сказать в свое оправдание? Отвечайте!

— Ничего.

— Вы говорите: ничего? Поосторожнее, молодой человек!

— Ничего, — повторил Нострадамус.

Екатерина улыбнулась. Этот юноша присутствовал при последних минутах жизни Франсуа. Поэтому ему может быть кое-что известно. Значит, он опасен. На всякий случай лучше от него избавиться. Что до Анри, то он, казалось, оставался равнодушным ко всему происходящему. Он всего лишь повиновался и делал то, что считала нужным делать жена.

— Поосторожнее, молодой человек! — снова сказал король. — Вы почти что обвинены в убий-

стве. Я велел привести вас сюда, чтобы спасти. Но, раз вы молчите, значит, соглашаетесь с предъявленными вам обвинениями…

Нострадамус по-прежнему ничего не отвечал.

— Уведите его! — в бешенстве закричал Франциск I. — Пусть его вернут в тюрьму! И пусть завтра же начнется процесс по обвинению его в колдовстве!

— Сир, — сказал тогда Анри, — если вам будет угодно, я сам возьму на себя руководство дознанием во время этого процесса. Мой несчастный брат должен быть отомщен. Я не отдам никому права утешить вас, уменьшить вашу боль и мою собственную справедливым наказанием преступника!

— Хорошо, сын мой, я согласен, — растроганно сказал король.

Анри гордо поднял голову, и его взгляд скрестился с взглядом Нострадамуса. Принц, побледнев, попятился. Что он прочитал в этом пылающем взгляде? Он отступал и отступал, протянув руки и бормоча:

— Уведите же его! Отныне этот человек принадлежит мне!

— Куда его отвести? — спросил один из стражников.

— В дворцовую[10] тюрьму! — ответил Анри. Королевский лагерь был разбит в двух часах езды от города. Нострадамуса вывели из палатки и снова втолкнули в тюрьму на колесах, которая тут же тронулась с места. Четыре стражника уселись рядом с узником, каждый — там, где ему положено.

Нострадамус преобразился. Встреча — перестрелка взглядами! — с Анри, с человеком, которому отдалась Мари, вернула ему силы. Дух мести воспламенил его мозг. Теперь он хотел жить! Он хотел выйти на свободу! Сопровождавшие его стражники расселись так: двое напротив него, один справа и один слева. Это были здоровенные грубые солдаты, аркебузиры, твердо знавшие единственное правило: если преступник сделает хоть одно движение, чтобы сбежать, его следует убить! А пока все было спокойно, они болтали между собой.

— Ох, не хватает нам Брабана-Брабантца! — вдруг сказал один из стражников.

Нострадамус содрогнулся. Его изумительная память немедленно подсказала ему — почти слово в слово! — то, что бормотал в полубреду агонии

---

[10] Примечания: 10

Речь идет о папском дворце. Описанная сцена происходит почти под стенами Авиньона. (*Примеч. авт.*)

дофин. Брабан-Брабантец! Это человек, который знает, куда делся сын Мари и… и принца!

— Вот уж всадник так всадник! А какой начальник караула! Сколько раз мы с ним попадали в переделки — и как выходили из них! А сколько доброго вина было выпито! Черт побери, куда он мог подеваться? Я думаю… мне кажется, что… Ох! Я…

Солдат, который произносил все эти речи, внезапно умолк, свесив голову на грудь.

— Эй, приятель! — окликнул его сосед, схватив за плечо и принимаясь трясти как грушу. — Эй, ты что? Где это видано: заснуть, выполняя королевское поручение! Если бы Брабан был здесь, он проткнул бы тебе брюхо своей шпагой! Эй, просыпайся!

Двое стражников, сидевших напротив, по обе стороны от Нострадамуса, дико хохотали. Тот, кто тряс уснувшего, бросил свои попытки разбудить его: слишком уж глубок оказался сон, — и уселся на место, ворча:

— Вот скотина! Небось нашел время надраться, как свинья, не поделившись с нами! Ах, мошенник, ах, разбойник, да я просто уверен в этом… Я… Господи, как хочется спать, ну, просто умираю… Я…

Внезапно он начал храпеть, и двое стражников, еще бодрствовавших, снова так и покатились со смеху. Те, что сидели справа и слева от узника.

— Сукины дети! — сказал тот, который сидел слева. — Счастье еще, что до города далеко: они успеют проспаться и переварить выпитое!

Нострадамус повернулся к этому человеку и посмотрел ему прямо в глаза. Его зрачки, как острия кинжалов, впились в зрачки стражника. Тот пошатнулся, провел рукой по лбу… Губы Нострадамуса зашевелились, взгляд стал еще более пронзительным. Аркебузир не выдержал: он отвалился назад с закрытыми глазами и раскрытым ртом.

Четвертый, и последний, стражник, сидевший по правую руку пленника, почувствовал, как его охватывает ужас. Этот внезапный сон, навалившийся на трех его спутников, показался ему дьявольским наваждением. Он отодвинулся подальше, несколько раз перекрестился и протянул руку к веревке, которая другим концом была привязана к руке возницы и позволяла в случае необходимости дать ему сигнал остановиться. Нострадамус на лету перехватил руку стражника и сжал ее в своей, даже не глядя на того.

— Спите! — глухо приказал он.

Стражник вытаращил глаза. Из его груди вырвался хриплый стон.

— Спите! — повторил Нострадамус.

Не больше секунды солдат еще мог сопротивляться накатывавшему на него волнами сну, потом, так же внезапно, как три его товарища, свалился и заснул вмертвую. Пролетело еще несколько мгновений, и Нострадамус, открыв дверцу кареты, сначала повис на ее задке, а затем упал на землю…

Около часа Нострадамус простоял неподвижно там, где выпал из повозки, на поросшей травой дороге. Стемнело. Со стороны могло показаться, что этот человек погрузился в мечты, что он размышляет… А он вглядывался в мерцавшие на небе звезды, и взгляд его пылал, как никогда прежде…

Пытался ли он прочесть свое будущее в этой огромной книге, в которой, как утверждают астрологи, сияющими, как бриллианты, буквами, движением светящихся миров написана вся история человечества? Кто смог бы ответить на этот вопрос? Он размышлял…

Друзья? Этот Роншероль и этот Сент-Андре, которых он считал братьями, которым безгранично доверял, оказались предателями. Они умерли для

него. Та, которую он любил всем сердцем? Умерла. И его матушка умерла. И, наверное, отец… При этой последней мысли по телу Нострадамуса пробежала дрожь. Он опустил голову. И зарыдал, не выдержав чудовищной тяжести груза, обрушившегося на его изболевшееся сердце… Он позволил себе заплакать…

IV. Воля покойного

Несколько дней спустя Нострадамус входил в Монпелье. Он проделал весь путь от Авиньона пешком, шел по ночам, прятался днем, пил воду из встречавшихся ему порой ручейков, иногда даже ел — когда угощали добрые люди из придорожных хижин.

Последнее испытание ожидало его в Монпелье. Еще одна боль. Выяснилось, что отец действительно, не дождавшись чудодейственного эликсира, скончался.

Он расспросил старого слугу, оставшегося охранять дом, сопоставил даты и понял, что прибыл бы вовремя и смог бы спасти отца, если бы монах-фанатик не приказал арестовать его в Турноне. Но Нострадамусу столько пришлось пережить за прошедшие месяцы, такого натерпеться, что это новое трагическое известие, казалось, не слишком потрясло его. Правда, в душе он поклялся не забыть имени Игнатия Лойолы. Потом попросил Симона (слугу отца) рассказать, как умер старик.

— Он звал и благословлял вас! — ответил Симон.

После чего подробно изложил все, что знал, о

последних минутах жизни старого Нострадамуса. Когда закончил, не смог сдержать слез, обильно хлынувших из глаз. А глаза молодого человека оставались сухими.

— Я похоронил его по христианскому обряду, — добавил Симон, утирая слезы.

— Хорошо, — сказал Нострадамус. — Проводишь меня на его могилу.

— Когда?

— Этой ночью.

«…Поторопись, сын мой! Но если ты приедешь слишком поздно, вот моя последняя воля: ты разроешь мою могилу и прочтешь пергамент, который найдешь спрятанным в одежде, надетой на меня перед похоронами…»

Эти слова из письма, полученного Рено от отца в Париже, отпечатались в его памяти. Старый Нострадамус унес с собой в могилу свое завещание. Теперь следовало его найти.

Глубокой ночью Нострадамус с Симоном отправились на кладбище. Они взяли с собой мотыги, заступы, фонари. Когда пришли туда, Симон дрожал как осиновый лист. Нострадамус, не теряя ни секунды, принялся за работу. К концу первого часа могильная плита была сдвинута. Показалась черная дыра, в глубине которой стоял гроб.

Нострадамус соскользнул на дно могилы. Симон, перегнувшись через ее край, светил фонарем, огонек которого плясал в его руке.

Дело, которое предстояло сыну старого Нострадамуса, было ужасным, но он не дрогнул. Не прошло и получаса, а Рено уже вылез наружу и сел на кладбищенскую траву. Симон, посмотрев на него, увидел, что молодой человек бледен так, словно он мертвец, вышедший из этой разверстой могилы. Старый слуга даже заглянул в нее на всякий случай, но увидел только тщательно закрытый гроб.

Дав себе несколько минут передышки, Рено снова взялся за работу: ему надо было засыпать могилу землей и вернуть на место каменную плиту. Когда они выходили с кладбища, небо уже начинало светлеть. Ни юноша, ни слуга его покойного отца не сказали за все это время ни слова. Вернулись домой. И молодой человек, который не позволил себе и минутной слабости, пока выполнял свою чудовищную задачу, едва войдя к себе в комнату, потерял сознание.

Когда Нострадамус благодаря заботам Симона пришел в себя, он сразу же заперся. И только после этого вынул из-под рубашки сохраняемый у сердца пергамент… Тот самый пергамент, ко-

торый он нашел под одеждой, надетой на отца в день его похорон.

Свиток был запечатан черным воском.

Нострадамус положил его перед собой на стол и часа два просидел без движения, глядя на пергамент и не решаясь даже сломать печать.

— Здесь ваша последняя воля, — шептал он. — Отец, отец, я подчинюсь вашей воле. Здесь ваш приказ. Я выполню его. Пусть даже за это придется отдать свою жизнь и свою душу.

После этого он еще довольно долго просидел молча, в раздумьях, и если бы кто-то увидел бы юношу в это время, то такая глубокая задумчивость могла бы и напугать стороннего человека. Наконец недрогнувшей рукой Нострадамус сломал печать… Развернул свиток и жадно впился к текст глазами… На пергаменте было начертано всего несколько строк. Вот они — воспроизведенные насколько можно точно:

> «Нострадамус, перед тобой — воля Нострадамуса, и пусть проклятие одиннадцати прошедших веков падет на тебя, если ты не исполнишь его так, как надо. Одиннадцать твоих первых попыток в течение веков оказались тщетными,

потому что тебе не хватало Воли. Если ты наконец станешь сильнее Смерти и Страха, двенадцатая попытка приведет тебя к триумфу. Для этого в тот самый день и тот самый час, когда тебе исполнится ровно двадцать четыре года, будь у Сфинкса и пройди сквозь его грудь. Когда ты станешь спускаться в недра земли, ты должен иметь железное сердце, пламенный дух и алмазную душу. Когда ты наконец окажешься перед Загадкой, подчини ее волю своей Воле. И Загадка откроет тебе самую великую тайну».

Строчки, подобно огненным змеям, плясали перед глазами молодого человека. Облокотившись на стол, подперев голову руками, Нострадамус читал и перечитывал начертанные рукой отца слова, и каждое из них отпечатывалось в его мозгу, чтобы остаться там навеки. Но смысл! Он неясен! Как же расшифровать тайный смысл этих роковых строк, за что ухватиться?

— Что же это за одиннадцать попыток, которые я сделал в течение веков? — шептал молодой человек, вглядываясь в черные буквы. — Я сделал их… Века… Значит, я жил в предшествовавшие

эпохи? Я?

А Сфинкс? Что это за Сфинкс, в грудь которого я должен проникнуть? Кто эта Загадка, которая должна открыть мне великую тайну, и где она находится? А ведь нужно, чтобы моя воля оказалась сильнее ее воли! В какой точке земного шара мне следует спуститься в недра земли? В тот день и в тот час, когда мне исполнится двадцать четыре года, я должен оказаться перед Сфинксом… Значит, у меня есть всего три месяца, чтобы понять, в чем состоит последняя воля отца, и спуститься в недра земли…

В течение месяца могучий ум бился над разрешением казавшейся на первый взгляд совершенно неразрешимой проблемы. Нострадамус проводил целые ночи на кладбище, перед могилой отца, а целые дни — запершись в лаборатории старого ученого. Это было похоже на затянувшуюся страшную битву. И вот однажды, впервые после того, как молодой человек узнал о смерти Мари, лучик радости коснулся его израненной души: ему показалось, что он нашел ответ!

В этот же самый день, не желая больше терять ни минуты, он пустился в дорогу, запасшись золотом. Он верхом добрался до Марселя и нанял там

легкую неаполитанскую тартану[11]. Когда фрахт был оплачен за два месяца вперед, когда корабль вышел из гавани и, расправив крылья-паруса, понесся вперед, подобно быстрой морской ласточке, когда с берега он уже мог показаться лишь черной точкой, висящей между лазурью моря и лазурью неба, капитан подошел к нанимателю и спросил:

— Так куда же мы идем, ваша милость?

— В Египет, — ответил Нострадамус.

[11] Примечания: 11

Тартана — небольшое одномачтовое судно. (*Примеч. пер.*)

V. В самом сердце тайны

Преодолевая обжигающие пески, по египетской пустыне размеренным шагом шел человек.

На горизонте показалась цель его пути. Человек ускорил шаг, походка его стала более твердой, лицо запылало от жары и волнения. Не только взглядом, но всем своим существом он был устремлен к невиданно огромному, чудовищному сооружению, фантастический силуэт которого уже вырисовывался на бледном небе.

Этим чудовищным сооружением был Сфинкс.

Этим человеком, идущим к Сфинксу, был Нострадамус.

Сфинкс стоял перед Великой Пирамидой в Гизе. Чудище улыбалось застывшими губами и глядело каменными глазами на смельчака-одиночку, идущего под яркими звездами в торжественной тишине, в величественном спокойствии громадного пространства.

Нострадамус подошел к Сфинксу за несколько минут до полуночи. Он обшарил колосса жадным взглядом и при свете звезд обнаружил бронзовую

дверь между передними лапами чудовища[12].

Несколько мгновений он простоял, потерявшись в головокружительных мечтах, одинокий в этот таинственнейший из таинственных часов, с беспредельностью позади себя и Сфинксом перед собой… Но быстро опомнился, подошел к двери и кулаком постучал. В мертвой тишине пустыни отчетливо прозвучали три удара: два сразу, один за другим, и один — чуть позже[13]. Дверь сразу же открылась.

Нострадамус почувствовал, что его пробирает дрожь, доходя до самых глубин души. Но тревога никак не отразилась на его лице. Он неторопливо вошел внутрь Сфинкса, и, едва он переступил порог, бронзовая дверь за его спиной с грохотом закрылась. Нострадамуса окутал мрак, потом внезапно откуда-то пролился ослепительный свет. Молодой человек огляделся и увидел, что находится в огромном зале, по всему периметру которого были расположены саркофаги из отполированного камня.

---

[12] Примечания: 12

Теперь этой двери не видно за поднимающимися год от года, век от века песками. (*Примеч. авт.*)

[13] Примечания: 13

В более поздние времена такой способ стучать в дверь был принят у франкмасонов. (*Примеч. авт.*)

Он быстро пересчитал их: двенадцать захоронений.

Он двинулся вперед и, когда подходил к центру зала, увидел, как гранитная крышка над одной из могил медленно-медленно поднимается. За ней — другая, третья… И вот уже все двенадцать саркофагов открылись. Огромные каменные плиты встали торчком, движимые неведомой силой. А когда это движение свершилось, из одного саркофага вышло нечто — человек? призрак? — потом то же произошло с соседним захоронением, и так из всех двенадцати разверстых могил медленно поднялись тени…

Нострадамус почувствовал, как холодный пот, выступив у корней волос, скатывается по его лицу. Но он стоял неподвижно, так неподвижно, будто сам превратился в каменного сфинкса. Двенадцать призраков двинулись к нему из разных концов огромного зала, окружили его.

— Нострадамус, — сказал один из них, — значит, ты все-таки пришел к нам в двенадцатый раз за двенадцать веков? Хватит ли у тебя сейчас душевных сил, которых тебе не хватало в течение одиннадцати прошедших веков?

Нострадамус ответил — без всякой дрожи в голосе:

— Надеюсь, что хватит. Но, прежде чем начать разговор с вами, я хочу, чтобы вы ответили мне на один вопрос, чтобы прояснили ту часть моей жизни, которая мне непонятна.

— Говори! — сказал призрак.

— Вы сказали, что я здесь двенадцатый раз за двенадцать веков. Следовательно, я прожил уже тысячу двести лет?

— Ночь ушедших времен заволокла твой разум. В твоей памяти существуют только образы, возникшие после твоей нынешней инкарнации. Слушай, Нострадамус. Соберись с волей и иди к цели без колебаний. Тогда семь духов Розы и Креста, хранителей священного ключа, который закрывает прошлое и открывает будущее, увенчают тебя короной Хозяина Времени. Ты готов?

— Готов! — ответил Нострадамус. — Но у меня есть еще один вопрос. Значит, вы меня ждали?

— Ты приходил сюда сто лет назад — день в день, час в час. И, поскольку тогда ты не понял, что принцип всякой мудрости и источник всякого могущества — в Знании и Воле, мы вернули тебя на землю… А теперь — следуй за нами!

Нострадамус отправился в путь… Но едва он сделал первый шаг, весь свет погас. Снова стало темно, воцарилась такая глубокая тьма, словно

юноша оказался в вечном мраке могилы… В то же самое время его лица коснулось чье-то ледяное дыхание и отвратительное зловоние распространилось в воздухе. Нострадамус почувствовал, как сжимается его горло, как перехватывает дыхание. Но его внутренний голос твердо сказал:

— Страх, ты мне неведом!

И тут же из-под гранитного свода проник слабый луч света, озаряя кружащиеся вокруг него призраки. В глубине зала появился скелет, который держал в своих костлявых бесплотных руках стальную косу. Скелет, размахивая косой, двинулся прямо на Нострадамуса.

Юноша скрестил руки на груди и застыл в ожидании.

Скелет все приближался. Вот коса уже совсем рядом, вот она почти дотрагивается до него! Смерть взмахнула ею еще раз — так, будто хотела скосить голову дерзкого пришельца. Он видел отблески света на холодной стали. Он видел, как острое лезвие поднимается, чтобы описать последний, самый быстрый полукруг… В этот момент угас всякий свет, наступила мертвая тишина…

Нострадамус стоял неподвижно.

И вновь, как в самом начале, вспыхнуло осле-

пительное сияние. Нострадамус увидел рядом с собой двенадцать старцев в белых одеждах. Они улыбались ему, они восхищались его мужеством, его отвагой. Они показали ему на лежащую на земле косу. И Нострадамус ступил ногой на холодную сталь.

— Кто вы? — сурово спросил он.

— Мы — двенадцать Магов, хранителей Загадки Сфинкса, — ответил один из старцев. — Твое сердце не дрогнуло перед Смертью. Сын Земли, ты можешь продолжать свой путь…

Сняв с крюка висевшую на нем лампу, старец протянул ее Нострадамусу со словами:

— Иди. Мы ничем не можем помешать тебе в настоящем, но ничем не сможем помочь в будущем. Ищи свою дорогу и иди по ней, если осмелишься.

После этого двенадцать Магов вернулись в свои двенадцать саркофагов, и тяжелые крышки опустились за ними.

Нострадамус вытер со лба холодный пот и оглянулся по сторонам.

В одном из углублений он, посветив себе лампой, обнаружил открытую дверь.

«Вот дорога к Тайне!» — подумал он и смело шагнул за порог.

Обернувшись, он увидел, что дверь, пропустив его, беззвучно захлопнулась. Он оказался в широком коридоре и быстро пошел по нему, освещая себе путь лампой. Вскоре он заметил, что коридор чем дальше, тем становится уже, что свод потолка постепенно опускается, что дорога идет вниз и спуск делается все круче и круче. Через несколько минут ему уже пришлось идти сгорбившись, потом — согнувшись, через четверть часа он вынужден был опуститься на колени, еще чуть позже — ползти… Коридор превратился в тесный подземный ход, причем ход этот, эта «кишка», все сужался… В конце концов Нострадамус решил, что ошибся дорогой, и хотел повернуть назад. И тут же почувствовал, как мурашки страха бегут по его спине, а душа опускается в пятки: он лежал во всю длину в этой кишке, вперед сдвинуться не мог, а пытаясь отступить, понял, что за ним — глухая стена! В этот момент далекий голос прокричал:

— Здесь гибнут безумцы, которые стремятся к Знанию и Могуществу!

— О боже! — прохрипел Нострадамус. — Значит, я проиграл! Погибнуть здесь, задохнувшись в ужасной агонии! Умереть! Умереть в то самое время, когда сын Франциска I наслаждается сча-

стьем! Когда Роншероль, Сент-Андре, Лойола и все остальные, те, которые убивали мою душу, живут, продолжают делать карьеру, богатеть!

Ему не хватало воздуха. Он задыхался… И тогда — в приступе безумия, порожденном агонией, — Нострадамус сделал отчаянное усилие и попытался протолкнуть свое тело вперед. Стены подземного хода сразу же расступились, и сердце молодого человека запело от радости.

Он снова двинулся вперед. «Кишка» продолжала расширяться и через несколько минут снова стала коридором, но спуск был по-прежнему крутым. Внезапно тропа оборвалась, и Нострадамус оказался у края большого колодца со светящимися стенками. Неужели пришел конец этому адскому путешествию в подземельях Великой Пирамиды? Нет! Нострадамус увидел железную лестницу, прикрепленную к стене колодца, и принялся спускаться по ней. Он насчитал семьдесят восемь ступеней. Добравшись до последней и наклонившись, он обнаружил, что лестница висит над бездной. Под ним простиралась бездонная пропасть.

Он подумал, что надо взобраться вверх. Но, подняв голову, заметил над собой лишь десяток ступенек: вся верхняя часть лестницы бесследно

исчезла!

Юноша исступленно помотал головой и все-таки попытался подняться. Собственное отчаяние приводило его в бешенство. Но внезапно его опять охватила радость, накатила торопливой, ужасающей волной: это была радость, которая порой способна убить скорее, чем отчаяние. Что же было причиной? Там, наверху, в стене зияла трещина!

Нострадамус сопротивлялся этой дикой радости точно с такой же силой, с какой минуту назад сопротивлялся отчаянию. Откуда взялась эта расселина, которой только что и в помине не было? Какая разница! Он нырнул в трещину и стал бегом подниматься по обнаруженной в самом ее начале винтовой лестнице, которая вела неизвестно куда. Вскарабкавшись по ней, он оказался в роскошно декорированном зале. В высеченном из мрамора кресле его ожидал какой-то человек…

— Кто ты? — дерзко спросил всклокоченный, растерзанный, смертельно бледный Нострадамус. — Уж не встретился ли я наконец с тем, кто охраняет Загадку?

— Нет, — ответил человек, сидевший в мраморном кресле, — я хранитель священных символов.

Мне не дозволено открыть тебе нечто такое, что заставило бы воспрянуть твое сердце и твой дух. Но раз уж ты смог избежать падения в пропасть, я должен открыть тебе путь к тайне…

Мужчина встал и открыл решетчатую дверь, в которую сразу же и прошел Нострадамус. Он решительно двинулся вперед по галерее. С каждой ее стороны сидели по двенадцать каменных сфинксов. На стенах были изображены семь духов планет, сорок восемь духов, управляющих годом, триста шестьдесят духов, отвечающих за сутки. Когда Нострадамус дошел до конца галереи, лампа внезапно погасла. Он снова очутился в кромешной мгле. Затем стало чуть-чуть светлее: полная тьма сменилась чем-то вроде сумерек, и это позволяло не плутать в поисках дороги.

Нострадамус с непонятным ему самому ужасом, со сжимающимся от тоски и тревоги сердцем увидел перед собой четыре статуи: фигуры женщины, быка, льва и орла[14]. И ужас, и тревога Нострадамуса оправдались: мраморные статуи

[14] Примечания: 14

Женщина в этом контексте олицетворяет человеческую мысль, предшествующую действию; бык символизирует тяжкий труд, которым человек пробивает себе дорогу к успеху; лев обозначает, что для достижения цели, намеченной разумом, недостаточно воли, нужна еще и решимость; орел намекает на то, что человек, желающий преуспеть в каком-либо деле, должен воспарить на крыльях дерзновения и отваги. (*Примеч. авт.*)

вдруг заговорили!

— Брат, — спросила женщина, — который час?

И таинственный голос ответил ей:

— Час познания.

— Брат, — спросил бык, — который час?

— Час труда, — ответил голос.

— Брат, — спросил лев, — который час?

— Час борьбы, — ответил голос.

— Брат, который час? — спросил орел.

— Час воли!

— Воля! — воскликнул Нострадамус. — Воля! Это воля властвует во Вселенной. Это воля приводит к победе! Это воля дает восторжествовать с миром в душе тому, кто жаждет справедливости и отмщения! Значит, вперед, и пусть мое сердце разорвется здесь, если я не послушаюсь воли, которая вела меня и привела в этот зал!

Голова его пухла от мыслей. Ему казалось, будто он переживает наяву какой-то странный, фантастический сон. Реальность отступила, здесь ей места не было. Он смутно ощущал, что нельзя позволить себе ослабеть: смерть поджидает за каждым поворотом дороги, по которой он движется вперед. И он шел — упрямый, своенравный, с натянутыми, как струны, мышцами и нервами, — он шел, а впереди него маячил воздушный,

неуловимый образ Мари…

Вдруг позади Нострадамуса вспыхнул яркий свет. Он обернулся и увидел, что галерея, только что покинутая им, вся в огне. Огонь этот разгорался все жарче, пожар гнался за ним по пятам, преследовал его с ревом и треском.

— Брат! — прокричал какой-то голос. — Который час?

— Час смерти! — оглушительно проревел другой. — Час смерти!

И эхо — как это было ужасно! — четко и ясно повторило вопрос и ответ.

Нострадамус не пытался бежать от пожара, он даже не ускорил шаг. Он продолжал идти все так же спокойно и размеренно, несмотря на то, что сзади разгоралось настоящее адское пекло. Продвинувшись вперед шагов на двадцать, он очутился на берегу озера… Нет, это был пруд со стоячей, черной и зловонной водой, пруд, на поверхности которого кишели бесчисленные мерзкие твари, жуткий кошмар, но не во сне, а наяву.

Юноша в ужасе отступил перед этой водой смерти… Он попятился, увидев этот черный, мрачный, зловещий пруд с безмолвно лопавшимися на пленке воды пузырями, из которых

вырывались ядовитые газы… Но сзади подступал огонь!

Тогда Нострадамус решился продолжить путь. Вошел в воду. Скоро отвратительная жижа дошла ему до колен, потом стала по грудь, еще чуть позже коснулась рта…

В последнем предсмертном усилии он рванулся вперед и снова, в третий раз, почувствовал необычайную радость, такую, словно достиг наконец источника жизни: дно пруда поднялось! Зловонная, омерзительная смертная вода больше не доставала ему даже до подбородка! Через несколько минут Нострадамус уже выходил на противоположный берег пруда…

Куда успел добраться Нострадамус с тех пор, как проник через дверь в груди Сфинкса под темные высокие своды Великой Пирамиды? Он не мог даже представить себе этого. Какой дорогой он шел? Не смог бы ответить. Но здесь, на берегу пруда, он увидел огромный бронзовый стол. У стола стоял одетый в белое человек. Он сделал юноше знак приблизиться. Нострадамус повиновался. Тогда человек показал ему на рельефные письмена, покрывавшие столешницу, и сказал:

— Если ты, Сын Земли, захочешь подчиниться законам бронзового стола, последуешь своей до-

рогой. Если откажешься, тебя вернут на землю.

В тот же самый момент откуда-то возникли двенадцать колоссов и окружили молодого человека. Все они были вооружены кинжалами. Нострадамус смерил их взглядом, одного за другим, и произнес:

— Я не боюсь вас!

Потом перевел глаза на бронзовый стол и стал медленно читать:

«Посвящение в высшее знание включает в себя девять уровней.

Первый уровень: Ревнитель. — Второй уровень: Теоретик. — Третий уровень: Практик. — Четвертый уровень: Философ. — Пятый уровень: Младший адепт. — Шестой уровень: Старший адепт. — Седьмой уровень: Вольный адепт. — Восьмой уровень: Магистр Храма. — Девятый уровень: Маг Розы и Креста.

Ни один Сын Земли, добравшийся до этого места и прошедший через предварительные испытания, не может перейти с одного уровня на другой без двух лет обучения на каждом.

Только тот, кто сможет достичь де-

вятого уровня, подвергается высшему испытанию и предстает перед Загадкой после трех дополнительных лет тяжелого труда.

Только тот, кому удастся подчинить волю Загадки своей воле, завладевает Тайной, то есть познанием Великого Творения».

Нострадамус подсчитал: два года на каждый уровень — это восемнадцать лет. Плюс три года дополнительных трудов — двадцать один год! Двадцать один год в подземелье, среди этих могил, вдали от жизни, вдали от света! Двадцать один год пройдет, прежде чем он сможет утолить пожирающую его жажду мести!

Он окинул мысленным взором бездну лет, которой предстоит отделить его от реальной жизни, и содрогнулся от ужаса. За это время те, кто убил его любовь, могут попросту умереть естественной смертью. Но он подумал и о том, на что станет способен, если ему удастся овладеть магическим секретом… Его размышления продолжались долго, может быть, несколько часов. И когда его сердце уже сжималось от тоски, когда отчаяние почти целиком поглотило, почти умертвило его

душу, он закричал, рыдая:

— Но если мне удастся завладеть Тайной, зачем она мне? Что я выиграю?

— Ты станешь властелином мира, — ответил ему голос.

Нострадамус содрогнулся. Он поднял отяжелевшую голову и увидел, что перед ним стоят три молодых человека — красивые, крепкие, мужественные, но в высшей степени изысканные и утонченные. И при этом они были так величественны, что казалось: от их лиц исходит сияние.

— Ты прочел? — спросил первый.

— Прочел! — ответил Нострадамус.

— Ты подумал? — спросил второй.

— Да, подумал…

— Ты решил? — спросил третий.

Нострадамус почувствовал, как его переполняют странная сила и гордость. Он посмотрел своими сверкающими глазами прямо в глаза того, кто задал ему главный вопрос, и ответил:

— Я решил!

И в ту же секунду ощутил, как трепещет его душа, как из самых глубин его существа рвется страшный крик: «Двадцать лет! Пусть даже пятьдесят лет, если понадобится! Потому что

Великая Тайна, Мари, — это познание Жизни и Смерти! Может быть, оно поможет мне заставить тебя встать из могилы, может быть, я найду тебя, скажу: „Встань, и начнем все с начала!“ — и наша любовь вспыхнет, она, как звезда, снова взойдет на том месте, где закатилась!»

Что за безумные, сверхчеловеческие построения возникали в этом могучем мозгу?

Но, как бы там ни было, едва он произнес слова, свидетельствующие о его решимости, один из трех магов взял Нострадамуса за руку и провел через кедровый лес, освещенный искусственным солнцем. Под деревьями земля была усеяна сверкающими цветами, — во время своей земной жизни юноша и понятия не имел, что такие могут существовать. От зарослей странных кустарников, каких он тоже никогда не видел во Франции, исходила музыка необычайной, бесконечной нежности.

— Куда вы ведете меня? — спокойно спросил Нострадамус.

— На ассамблею Магов Розы и Креста, которая включит тебя в число адептов, готовящихся к Великому Посвящению.

— А сколько таких адептов?

— Ты станешь пятнадцатым в этом веке и тре-

тьим среди тех, кто проходит обучение. Один из последних прибыл из Индии. Другой — из Греции. А ты, ты сам родом из древней Галлии, где мы когда-то посвящали юношей в барды…

— А те двое, они тоже, как я, хотят вступить в борьбу с Загадкой?

Маг покачал головой и ответил глухим голосом:

— Никто здесь уже в течение многих веков не простирал своих намерений дальше, чем стать магом. Ты первый, кому хватило дерзости на крыльях Орла подняться на эти головокружительные высоты…

Нострадамус улыбнулся. Одному Всевышнему известно, какой гордостью сияла эта улыбка… Несколько минут спустя он вошел в Храм и увидел сидящих на тронах белого мрамора одетых с головы до ног в белое молодых людей. Молодых? Нет, они не имели возраста! Это были двадцать четыре мага Розы и Креста.

Это означало, что посвящение для него начинается… Великая Инициация длиной в двадцать один год, и она позволит ему завладеть Высшей Тайной, благодаря которой он хотел достичь всемогущества, стать богаче всех на земле и вырвать из лап смерти обожаемую им усопшую!

Часть седьмая
РУАЯЛЬ ДЕ БОРЕВЕР

I. Почему «Руаяль» и почему «Боревер»?

Когда принц Анри уезжал из Парижа в армию, рядом с ним не оказалось человека, которого он предпочитал всем в некоторых целях, того, кого он называл своим «живым кинжалом». Так куда же делся Брабан? Впрочем, Анри если и беспокоился по этому поводу, то не слишком сильно. Как в Париже, так и на дорогах Франции у него не было недостатка в молодцах, словно родившихся с зажатым в кулаке острым клинком, ребят, всегда готовых за хорошую плату предоставить этот клинок в чье угодно распоряжение — будь то принц, граф или барон, лишь бы он в этом нуждался и не скупился.

А ребенок? Что с ним стало? Над этим вопросом принц Анри размышлял несколько дольше и в конце концов пришел к такому выводу:

«Сын Мари — дьявольское отродье, видимо, его, как и предполагалось, отнесли прямо к палачу. То есть он вернулся туда, откуда и явился: в ад. Что ж, значит, об этом и думать не стоит…»

Затем последовали события в Турноне: когда

умер от яда Франсуа, Анри превратился в дофина Франции, наследника престола. Затем прошли годы, и он стал королем Франции Генрихом II. И тогда события прошлого померкли в его памяти, его внутреннего взора будто коснулось ослепление: он сумел начисто позабыть о некоторых «мелких грешках» времен своей юности и теперь уже никогда не вспоминал о переданном по его воле палачу ребенке.

О том, что случилось с Брабаном-Брабантцем, Анри тоже так никогда и ничего не узнал.

А мы знаем, и сейчас узнаете и вы.

Началось с того, что в течение двух недель наемник сидел взаперти в своей берлоге на улице Каландр наедине с сыном Мари и, если и выходил на минутку, то только затем, чтобы купить молока младенцу и вина со специями себе самому. Мы не говорим о съестных припасах: они ничуть не интересовали его, так, ерунда, главное — возбуждают желание промочить как следует глотку. Он совершал обильные возлияния и давал попить ребенку. Иногда он ошибался и наливал тому глоток-другой своего пряного вина. Однако он был не из тех людей, которым свойственно обременять себя заботой о детях, к тому же не терпелось снова взяться за работу, и потому Брабан стал

перебирать в уме бесчисленных знакомых ему женщин, чтобы понять, которой из них можно отдать на воспитание несчастного мальчугана. В конце концов выбор был сделан.

«А если отнести его Мирто? Баба хоть куда! И потом, она же сама разродилась с месяц назад, насколько я понимаю… Если, конечно, верить Страпафару, который вроде бы сейчас с ней живет… Ладно, пойдем-ка мы к Мирто…»

Брабан завернул «молочного поросенка» в полу своего плаща и отправился в дом Мирто на улицу Святого Спасителя, иными словами, в самый центр квартала Птит-Фламб[15], где кишмя кишели воры, грабители, мародеры и прочие мазурики.

Мирто встретила Брабана, сидя на пороге своего жилища. Она как раз кормила грудью свою наследницу, девчонку, обещавшую стать шлюхой высшего разряда.

Мирто была крепкой молодой женщиной с мощными бедрами, взлохмаченными темными волосами, черными бархатными глазами и красными, как раскрытый гранат, губами.

Она была очень похожа на гречанку.

---

[15] Примечания: 15

Дословный перевод названия квартала: «Маленькая шпага с гофрированным клинком». (*Примеч. пер.*)

Впрочем, она действительно в ранней юности прибыла из страны красавицы Фрины[16].

Когда гость подошел к дому, Мирто подняла свою румяную мордашку, уставилась на младенца, которого протягивал ей Брабан, и разулыбалась, видимо, очарованная открывшимся ей зрелищем.

— Черт меня побери, вот это кролик! Одна жопочка чего стоит! А лапы — что задние, что передние! Сделано на совесть!

— Это не мой сын, — скромно и не без скрытого сожаления признался Брабан.

— Да уж, скорее он похож на королевского сынка, чем на отродье какого-нибудь кота, посылающего свою милашку на панель… Он станет настоящим вольным горожанином!

— Так пойдет дело — и он станет первым красавцем и главным задирой твоего квартала! Правда, он и сейчас — вылитый львенок…

— Сейчас он вылитый принц, — сказала Мирто, все более и более восхищаясь ребенком.

— Берешь ты его или нет? — спросил Брабан. — Он ведь голодный…

И женщина ответила своим хрипловатым го-

---

[16] Примечания: 16

Фрина — греческая куртизанка, любовница Праксителя, которую он часто использовал как модель из-за ее неземной красоты. (*Примеч. пер.*)

лосом:

— Ладно, давай. Беру твоего волчонка… Ну, будет одним больше, мою сиську этим не напугаешь, клянусь богом! Да, он просит кушать, этот красавчик… Иди, иди сюда, ешь и пей вволю, мой ангелочек, мой львенок, королевский сынок! А ты убирайся, Брабан, и оставь себе свои монеты!

Брабан-Брабантец не заставил просить себя дважды: он сразу же засунул приготовленные было восемь экю обратно в кошелек, приделанный к поясу из порыжевшей кожи. А Мирто, не теряя времени даром, высвободила из-за корсажа вторую грудь — теперь стали видны оба переполненных бурдюка, оба источника жизни, к которым немедленно и жадно присосались и ее собственная девчонка, и приемыш.

Наемник с вытаращенными глазами некоторое время созерцал невиданное зрелище, потом, пожав плечами, удалился, ворча на ходу:

— А я-то давал ему пососать сладкого винца с корицей! Она мне испортит мальца! Вкус отобьет к настоящей пище!

Он ушел, твердо решив покинуть Париж и найти себе работу где угодно, лишь бы можно было вволю наносить и отбивать удары. Назавтра он отправился в конюшню, внимательно, как и

положено готовящемуся к долгому и трудному пути всаднику, осмотрел свою лошадь, после чего взнуздал и оседлал ее. Но, прежде чем сесть в седло, чтобы отправиться в неизвестность, внезапно впал в задумчивость, выйдя из которой разразился сначала глухими, а потом и громоподобными проклятиями. Ругательства так и сыпались из его глотки, да такие, что любой его собрат по трудам неправедным заткнул бы уши, услышав их! Не прекращая ругани, он отвел лошадь обратно в конюшню, снял с нее всю амуницию и побежал прямо на улицу Святого Спасителя, где бомбой влетел к Мирто и заорал, громыхая кулаком по столу:

— Вот те на! Я не могу уехать, черт меня побери! Я остаюсь! И отправлюсь в путь не раньше, чем дней через двенадцать! Где мой малыш Руаяль[17]?

Двенадцать дней, назначенных себе Брабаном в качестве отсрочки отъезда, постепенно превратились в двенадцать недель, потом в двенадцать месяцев, и дело кончилось двенадцатью годами. Разбойник с большой дороги стал парижским

[17] Примечания: 17

Руаяль (правильнее — Рояль) — прозвище, данное Мирто и Брабаном сыну Нострадамуса, в переводе означает «королевский». (*Примеч. пер.*)

бродягой и одним из главных столпов, поддерживавших «храм» квартала Птит-Фламб. Ни один ворюга и грабитель из Двора Чудес не мог похвалиться такой, как у него, ловкостью, таким нюхом, такой удачливостью. Иными словами, бывший рейтар стал опасным бандитом.

Когда, уже при Генрихе II, Гаэтан де Роншероль в благодарность за оказанные им тайные услуги был назначен королем на завидную должность парижского великого прево, первой заботой нового судьи стала попытка раз и навсегда избавить столицу Франции от разбойника, погоня за которым просто вгоняла в пот ночные патрули. По приготовлениям, которые стали очень заметны, по движению солдат, наводнявших город, Брабан понял, что дела его могут стать очень плохи.

— Мирто, — сказал он, — мне кажется, королевские веревочники как раз принялись готовить самый лучший пеньковый галстук, какой только можно придумать для шеи такого бравого и достойного бродяги, как я. Но я — парень скромный, и мне ни к чему такие почести, Мирто. Я предпочитаю держать свою шею подальше от этой орденской ленты. Хотя бы на несколько сотен лье. Что скажешь на это, девочка?

Мирто с жаром одобрила проект побега. Впро-

чем, Брабан и сам уже начинал тяготиться тем, что он простодушно называл «оседлой жизнью». Его одолевала ностальгия по большим дорогам, одолевало желание колоть и рубить почем зря. Короче, ему хотелось повидать страну.

— Отлично, — обрадовался неожиданной поддержке разбойник. — Готовь тряпки малыша.

— Как? Ты собираешься взять с собой Руаяля?

Мирто разрыдалась. Сын Мари, волчонок, дьяволенок, тот, кого она окрестила Руаялем, стал ее собственным ребенком, и она любила его ничуть не меньше, чем дочь, которой дала поэтичное имя Мирта. В это время мальчику шел тринадцатый год. Все надежды, которые на него возлагались в младенчестве, он не просто оправдал, но далеко превзошел. На вид ему можно было дать не меньше пятнадцати лет. Он вырос куда более крепким и гибким, чем большинство детей Двора Чудес, и наводил на последних настоящий ужас. Мирто обожала приемыша как за его неоспоримые достоинства, так и за не менее явные недостатки — в равной степени. Что до малышки Мирты, то Руаяль, который защищал ее, покровительствовал ей и приносил все, что удавалось стянуть, был для девочки подлинным божеством.

Итак, Мирто рыдала, пронзительно кричала,

заливалась слезами, умоляла, угрожала, но ничто не действовало на ее приятеля. Брабан-Брабантец оставался непреклонным. Он удостоил Мирто единственного объяснения. Конечно же, мальчуган уже научился довольно прилично орудовать рапирой, опустошать карманы горожан, готовить ловушки для патрулей, чтобы ловчее было намять солдатам бока, и благодаря всему этому его образование можно считать почти завершенным, и он всенепременно должен оправдать звание благородного человека, но есть и одно упущение: парнишка совсем не сведущ в верховой езде.

— Послушай-ка, малыш Руаяль, — прибавил он, обращаясь к воспитаннику, — хочешь вместе со мной увидеть Францию, Бургундию, Наварру, Испанию и Италию с Германией? В общем, все известные, неизвестные и всякие другие страны?

Руаяль завопил от радости и поклялся богом и всеми святыми, что никто и ничто в мире не может помешать ему сопровождать Брабана верхом на большой лошади. А поскольку мальчик отнюдь не отличался нежностью и был скорее жестокосердым, он, хотя и считал Мирто своей матерью, не обратил почти никакого внимания на ее горючие слезы.

Надо сказать, что, пока Мирто плакала навзрыд,

ее дочь Мирта не проронила ни слезинки. Однако девочка так побледнела, что казалось: она вот-вот умрет на месте.

В тот же день, точнее, с наступлением ночи Брабан с Руаялем потихоньку смылись из Парижа и, выехав из городских ворот, растворились во мгле… в неизвестности…

В течение нескольких лет, прошедших после описанных выше событий, Руаяль действительно бродил по свету бок о бок с Брабаном-Брабантцем, не расставался с ним ни на минуту, ел и пил за его счет, слушался его во всем, не важно, бились ли они под знаменами Лотарингии, или защищали Монморанси, или сражались ради своей собственной выгоды. Он участвовал в осаде Меца. Он участвовал в битве при Ренци. Позже он отправился в Италию и сражался под Чивителлой. Еще позже он присутствовал при взятии Кале. Лотарингия, Нидерланды, Ломбардия с Миланом, Неаполь, Франция — он побывал повсюду, где только можно было надавать тумаков противнику. К двадцати годам он стал заядлым рубакой, запросто рассекавшим черепа и дырявившим грудные клетки, и получил в таком качестве широкую известность. Впрочем, и его собственная шкура изрядно пострадала и

во многих местах была наскоро зашита. Но он не признавал своих поражений и вскипал от гнева всякий раз, как кто-то осмеливался намекать на его раны. А уж сколько было на его счету дуэлей — не сосчитать!

Руаяль изобрел собственный удар шпагой — удар, против которого не в силах был устоять ни один противник: сначала он — наотмашь — давал сопернику «пощечину» стальным оружием, пользуясь им как хлыстом, и лишь затем наносил острием смертельную рану или сразу поражал насмерть. Его поклонники, такие же висельники, как он сам, присвоили этому удару имя, которое мало-помалу стало фамилией автора изобретения. И с тех пор оборванца-забияку только так и называли: Руаяль де Боревер[18].

Еще пару слов о нем. Руаяль де Боревер не умел читать. Он не умел писать. Он не умел думать. Он не знал, что такое мораль и нравственность. Он не знал, что человеку дозволено. Он не знал, что человеку запрещено. Он не знал, что такое зло, его этому попросту не научили. Он не умел

[18] Примечания: 18

Фамилия Боревер произошла от словосочетания «le coup de beau revers», названия удара, для которого в русском языке нет точного перевода, но условно его можно перевести как «удар наотмашь тыльной стороной». (*Примеч. пер.*)

отличить зло от добра. Единственное, что он умел хорошо, — драться. Ему была знакома только грубая сила. И никто никогда не внушил ему даже самых элементарных сведений о законах совести.

II. Два всадника напали на незнакомца — и что же?

На исходе зимы 1558 года по дороге, соединяющей Фонтенбло с Парижем, неподалеку от Мелена, с отчаянным трудом передвигались два всадника. Ночь была чернее некуда, дождь в полном мраке лил как из ведра. Страшно худые, изможденные лошади по грудь увязали в грязи и еле переставляли ноги. Всадники тоже казались изможденными, было бы светлее, — всякий встречный понял бы, что они умирают от голода и от жажды.

Одному из всадников было лет шестьдесят, другому примерно двадцать — двадцать два. Старик почти не держался в седле, и молодому человеку часто случалось приходить ему на подмогу. В том, как он всякий раз подхватывал пошатнувшегося спутника, чувствовались сила и нежность. Одной рукой пожилой всадник цеплялся за головку передней луки седла, другой судорожно сжимал левый бок: в его груди зияла кровоточащая рана, и вместе с кровью из этого человека, казалось, уходила жизнь…

Они двигались медленно, с трудом, под яростным ливнем, продуваемые насквозь ледяным ветром, в потемках. Порой молодой всадник внезапно останавливался и, навострив уши, поворачивал голову в сторону Мелена. Но слышны были только шум дождя да жалобный скрип деревьев, раскачивавшихся под порывами ветра. Тогда юноша говорил:

— Нет, нас не преследуют. Хотя — кому бы? Ведь тот человек выехал из Мелена еще раньше нас… Поехали вперед!

— Поехали, поехали… — ворчал раненый. — Вперед — к смерти! Вот и наступил последний этап…

— Мужайся, ей-богу! Мужайся, черт тебя побери!

Умирающий нашел в себе силы улыбнуться спутнику с горделивым восхищением и прохрипел:

— С таким же успехом можно сдохнуть и здесь, как на куче соломы… Езжай один, мой мальчик! Оставь меня… Хотя… хотя мне кое-что надо сказать тебе…

Молодой человек, ничего не ответив, выпрямился в седле, привстал в стременах и бросил в ночь растерянный взгляд.

— Свет! Там свет! — вдруг радостно закричал он, и голос его перекрыл дикий вой ветра.

— Свет? Где? — пробормотал раненый.

— Прямо перед нами. До него едва ли наберется и четверть лье! Вперед! Вперед!

Небесные хляби разверзлись еще шире: ливень усилился. Отдельные порывы ветра сменились настоящей бурей.

— Конец, — хрипло сказал старик, шатаясь в седле. — Это конец. Я не доеду. Что за удар, разрази меня бог, что за удар в грудь! С каким дьяволом мы имели дело? И это же мне самому в недобрый час пришло в голову напасть на этого путешественника из Мелена! Вот уж поистине: черт нашептал!

Молодой человек вздрогнул.

— Да, сам черт нашептал! — все так же хрипло повторил раненый. — Мы могли бы напасть на сотню других толстосумов и запросто облегчить их карманы! Так нет! Именно на этого незнакомца пал мой выбор!

— Замолчи! Замолчи! — шептал его юный спутник.

— Мы могли бы спокойно добраться до Парижа, — не унимался старик, которого явно посетило какое-то странное вдохновение. — И

все бы там было, что надо: и кров, и пища, и все остальное… Нет, черт меня попутал: давай остановимся в Мелене! Надо же мне было прельститься богатством незнакомого путешественника!

— Замолчи! Замолчи! — уже в отчаянии повторил молодой человек.

— Что за удар, кровь Христова! Он продырявил меня насквозь! Вот это рука! Вот это жестокость! Вот это хладнокровный убийца! Да ведь ты сам, мой львенок, ты сам отступил перед ним!

Юный всадник скрипнул зубами и пробормотал проклятие, которое, впрочем, тут же унесло очередным порывом ветра.

— Отступил! Да! Да! Я отступил! Я! Это правда! Это случилось со мной! Я, я отступил! Я, для которого лучше умереть, чем отступить! И даже если бы позади меня разверзлась пропасть, я все равно отступил бы! А как он заставил меня отступить? О, это была какая-то адская сила! Было от чего прийти в бешенство! Ему оказалось достаточно протянуть ко мне руку, только дотронуться до моего лба своим чертовым пальцем — и я отступил! Я отступил! Я отступил!

— Ладно, успокойся! — усмехнулся раненый. — Что поделаешь, в конце концов…

— Что «в конце концов»?! — закричал его моло-

дой спутник. — Что?! Договаривай!

— Ну, хорошо, — дрожа и осеняя себя крестным знамением, ответил старик. — В конце концов, от тебя тут ничего не зависело. Этот неизвестный — наверняка посланец самого Сатаны! Ты заметил, как сверкали его глаза? Заметил, какое бледное у него лицо, такое, будто он мертвец, вышедший из могилы? Заметил? А ты расслышал его имя — какое-то турецкое или языческое, слышал, как его назвал тот, что был с ним?

— Нет… Не слышал…

— Но я-то слышал!

— Ну, и как же его кличут?

— Он его назвал… назвал… Погоди… Как же он его назвал? Ах, черт побери, я забыл!

— Забыл, так вспомни! — взорвался юноша. — Адом тебя заклинаю, вспомни! Да будь он хоть кто, человек или сам дьявол, этот выродок, который тебя смертельно ранил, а меня заставил отступить… Меня! Отступить первый раз в жизни… Да будь он хоть кто, я хочу его найти, понимаешь? Я хочу зарезать эту сволочь своими собственными руками и швырнуть его печенку собакам! Вспомни сейчас же, говорю тебе!

— Как же его зовут? — бормотал раненый. — Погоди… Сейчас… Ох! Кажется, вспомнил! Вроде

бы тот, что был с ним, назвал его… назвал его… Вот! НОСТРАДАМУСОМ!

Этот раненый, который находился уже на пороге смерти, был Брабан-Брабантец.

А его молодой спутник был, конечно же, Руаяль де Боревер…

III. Харчевня «Три журавля»

На краю дороги, зарастающей травой летом, утопающей в грязи зимой и ухабистой во все сезоны, стояла одинокая харчевня, сложенная из битого серого камня. По стене жалкого домишки к чердаку шла наружная лестница. Над убогим крыльцом висела раскрашенная неумелой рукой, а сейчас еще и полустершаяся от времени вывеска: три задумчивых журавля на берегу пруда.

Откроем запертую на висячий замок, закрытую на задвижку, да еще и снабженную в качестве дополнительного засова прочной железной полосой с рычажком дверь — и вот мы в просторной, плохо освещенной комнате, пустоту которой никак не могут заполнить несколько расшатанных столов с запятнанными вином столешницами. Один из них в тот вечер, о котором пойдет наш рассказ, подтащила поближе к камину четверка сурового вида мужчин. И вот теперь они сидели вокруг, беседуя, попивая винцо и закусывая чем бог послал.

Вид у них был одновременно плачевный и пугающий: зверские физиономии, правда, с выражением зверей, скорее загнанных, чем

вышедших на охоту; длинные шпаги на боку; засунутые за пояс острые кинжалы без ножен…

— Ну и погодка, господа, ну и ненастье! — сказал Тринкмаль.

— Можно подумать, Гаронна решила выйти из берегов, чтобы окропить нас своими водами! — добавил Страпафар.

— Натчинаецца вземирный потоп, — заметил Корподьябль.

— Та. Тоштиг обьять бажол… — отозвался Буракан.

Тринкмаль был парижанином, внешне похожим на злобную крысу, но на деле — хитрой лисой, лицемером, умеющим быть слащавым до елейности. Папашей Страпафара был испанец, но на самом деле он родился то ли в Лангедоке, то ли в Гаскони, то ли в Провансе, бродяга и сам толком не знал, откуда он родом, потому что появился на белый свет где-то на большой дороге, когда его родители совершали очередной переход неизвестно откуда неизвестно куда. Пьемонтец Корподьябль физически и нравственно был вылитый голодный волк. Буракан сначала перебежал из войска Карла V, а потом дезертировал из французской армии. Мощный и глупый, как бульдог, он обладал такими же, как у этой

собаки, железными челюстями. Оба последних говорили с чудовищным акцентом, который мы попытались воспроизвести выше, но от которого решили отказаться в дальнейшем рассказе, чтобы не затруднять чтения.

В течение следующих нескольких минут в комнате не было слышно ничего, кроме чавканья: могучие челюсти пережевывали пищу. За стенами дома бушевала буря, выл и свистел ветер, небосвод проливал обильные слезы, с шумом падавшие на крышу. Внезапно дверь сотряслась от удара. Хозяин заведения, сидевший рядом с ней, так и подскочил. Четверо едоков прекратили жевать и встали, схватившись за кинжалы.

— Господа, — спросил трактирщик, — следует ли мне открыть?

— Мы не слышали свистка, — ответил Тринкмаль. — Да поможет путешественнику Пресвятая Дева, но сюда мы его не пустим.

Остальные только важно кивнули, а Страпафар добавил тихонько:

— Ролан де Сент-Андре приказал открывать дверь только тогда, когда мы услышим свисток. А путешественник пусть идет ко всем чертям!

— Убирайтесь! — прокричал через дверь трактирщик.

— Откройте! — загремел мужской голос снаружи.

И при звуке этого голоса, жесткого, властного, непреклонного, голоса с каким-то металлическим оттенком, четыре разбойника задрожали. Хозяин харчевни покачнулся, будто его ударили в грудь, и провел рукой по лбу, утирая выступивший на нем холодный пот.

— Ох, — прошептал он, — ох, что это на меня накатило? Какая ужасная слабость… Нет-нет, — собрав все силы, закричал он, — я вам не открою!

За дверью не раздалось никакого нового звука: только шум дождя и вой ветра. Но через одну-две минуты четыре бандита с изумлением увидели, как трактирщик, действуя, подобно автомату, дрожащими руками отпирает одну за другой все задвижки. Когда он приступил к висячему замку, стараясь побыстрее повернуть ключ, все четверо в один голос заорали:

— Вот черт! Да не открывайте же!

— Я не открываю… — бормотал, продолжая орудовать ключом и стуча зубами, трактирщик. — Я не хочу открывать…

В то же время с грохотом упала железная полоса, замок со щелчком открылся, дверь распахнулась. Вошли двое мужчин, с которых ручьями текла

вода. Четверо бандитов, не сговариваясь, сделали выпад и замахнулись кинжалами, сопровождая свои действия страшными проклятиями. Тот из новоприбывших, кто зашел первым, не обращая на них никакого внимания, первым делом скинул мокрый насквозь плащ и только после этого взглянул в их сторону. Они внезапно остановились в нелепых позах. Тогда вошедший протянул к ним руку… и они стали пятиться назад. Разбойники побледнели, они не могли больше вымолвить ни слова, их удерживало на месте какое-то им самим непонятное оцепенение… Тем временем незнакомец опустил руку и, отвернувшись от безмолвных бродяг, сказал хозяину:

— Комнату для меня и место в конюшне для моей лошади. Иди, ничего не бойся. Тебе хорошо заплатят.

— Черт побери! — вымолвил наконец Буракан. — Да этот тип будет посильнее самого императора Карла.

— Это не человек, — прошептал Страпафар. — Это вампир, вышедший из могилы. Видел его физиономию? Я готов поклясться, что под этой кожей давно не было ни капли крови!

— Господа, — предложил Тринкмаль. — Пока

суд да дело, давайте доедать жаркое.

Бандиты уселись за свой шаткий столик, пододвинутый к огню очага.

— Господа, — снова заговорил Тринкмаль, — господа, мне кажется, только что мы пережили небывалый испуг. Так вот, господа, мне кажется, что, будь с нами один человек, хорошо вам известный, мы бы не побоялись никакого вампира.

— Ага! — воскликнул Страпафар. — Ага, я знаю, о ком идет речь! Это точно, с ним бы я не устрашился ни бога, ни дьявола! А без него как-то теряешься, даже наша честь, и то…

— Porco Dio! — перебил его Корподьябль. — Не говори! Когда он идет впереди нас, когда его шпага сверкает на солнце, какой враг может нам сопротивляться? А с тех пор, как он оставил нас, лично я — как тело без души…

— Он-то и впрямь будет посильнее императора Карла! — талдычил о своем Буракан.

— Да он просто король в любой битве! — с восхищением отметил Страпафар.

— Эх, что там говорить, не человек, а гром небесный! — подхватил Корподьябль.

— Одним словом, Руаяль де Боревер, — подытожил обсуждение Тринкмаль.

И все четверо сняли шляпы. В этот момент сно-

ва раздался грохот — кто-то опять стучал в дверь, и чей-то голос снаружи опять требовал:

«Откройте!»

IV. Еще один неизвестный

— Не открывайте!!! — снова, как пять минут назад, завопили в один голос разбойники, вскакивая со своих мест.

— Да не открою, не открою, — принялся успокаивать их хозяин, — на этот раз голос хоть и грубый, но человеческий… Убирайтесь ко всем чертям, кем бы вы ни были! — прокричал он, обращаясь к незнакомцу за дверью.

Стук стал еще сильнее, дверь сотрясалась под ударами. Казалось, у нового гостя вместо кулака был железный молот. Из-за двери слышался глухой поток проклятий и ругательств, не менее крепких, чем удары, сотрясавшие дверь.

— Dio-sapone, la madona lavandaia! — прогремел Корподьябль. — Если малютка Флориза подъедет в этот самый момент, а сеньор Сент-Андре свистнет в свисток, нам будет трудновато сделать свое дело!

— Ага! На этот раз он прав, рохля пьемонтский! Надо бы нам избавиться от этого бешеного, пока не появилась малышка!

— Откроем сами! — решил Тринкмаль. — Господа, будем действовать тихо, пусть за нас говорят

кинжалы. Вперед!

— Ага! Forwertz!

Не успел трактирщик и глазом моргнуть, как все засовы были сняты, замки отперты, железная полоса вырвана с корнем. Дверь снова распахнулась, и, вместе с порывом ветра, загасившим прикрепленный к стене факел, в комнату ворвался еще один незнакомец. Четыре кинжала сверкнули во тьме… В то же самое мгновение раздался грозный рык, за ним последовали четыре вопля… Четыре бандита в беспорядке отступили, да что там отступили, они попросту разлетелись в разные стороны! Корподьябль выплюнул два сломанных зуба. Тринкмаль судорожно хватал воздух открытым ртом, стараясь вновь обрести дыхание, потому что был полузадушен. Страпафар поднимался с пола, потирая бока. Буракан кашлял, расправляя вмятую в позвоночник грудь.

— Вот это удары! — воскликнул Страпафар.

— Только он один способен, — прошепелявил, утирая кровь с губы, Корподьябль, — за раз выбить челюсть!

— Руаяль де Боревер! — проревел Тринкмаль.

— Он самый, мои ягнятки! Страпафар и Буракан, живо помогите моему старичку Брабану спу-

ститься с лошади и притащите его сюда, ко мне! Корподьябль, огня! Тринкмаль, запри дверь!

Разбойники засуетились, выполняя приказы. Молодой человек, не снимая мокрого плаща, прошел прямо к накрытому столу, схватил бурдюк с вином, сделал солидный глоток, потом злобно и презрительно швырнул бурдюк в угол, вытер тыльной стороной кисти рот и обратил налитые кровью глаза и зверскую физиономию к трактирщику.

— Эй ты! — взревел бандит. — Что это еще за дрянь? А ну, вина! Хорошего, черт тебя побери! Ах ты, дьявольское отродье! Тебе бы следовало отрезать уши к чертям собачьим! А вы, жалкие ублюдки, сброд из сброда! Вы у меня сейчас узнаете, как не впускать в дом Руаяля де Боревера! Чтобы он скулил под дверью, словно паршивый пес!

— Капитан! — смиренно произнес Тринкмаль. — Мы же не знали…

— Обязаны знать, когда речь идет обо мне! — проревел молодой негодяй, изо всех сил вонзая в столешницу кинжал.

Тринкмаль поклонился ему до земли. Корподьябль, Страпафар и Буракан почтительно, с немым восхищением наблюдали за происходя-

щим.

— Трактирщик! Комнату! Лучшую постель! И вина! Самого лучшего, какое найдется в твоем чертовом погребе. А вы — чего стоите, болваны? Мой бедняга Брабан вот-вот отдаст концы, держите, держите же его! Чертово семя!

Старый Брабан, которого только что полуввели, полувнесли в комнату, действительно потерял сознание. Четверо бандитов подхватили раненого и двинулись вперед. Дрожащий трактирщик указывал дорогу. Умирающего уложили на кровать в одной из комнат второго этажа, после чего хозяин харчевни побежал в погреб за вином.

— Теперь катитесь вниз, мои ягнятки! — буркнул Руаяль. — Подождете меня там, нам надо поговорить. — И, когда бандиты на цыпочках вышли, обратился к умирающему. — Эй! Брабан! Старина Брабан, ты слышишь меня?

Раненый лежал на спине с полуоткрытым ртом и закатившимися глазами. Руаяль некоторое время молча рассматривал его бледное лицо, седые волосы, смоченные выступившим на висках предсмертным потом, глубокие морщины, каждая из которых была, вполне возможно, прорезана мыслью о злодеянии… Потому что умирающий был настоящим бандитом: он гра-

бил, он убивал…

«Я обязан ему жизнью, — подумал Руаяль де Боревер. — Он был мне отцом все эти годы…»

Внезапно он задрожал, острые белые зубы приоткрылись в хищной и, одновременно, горькой усмешке.

— Отец! — сказал он вслух. — Да был ли у меня вообще хоть какой-нибудь отец?

В эту минуту в оставшуюся приоткрытой дверь заглянул чрезвычайно бледный, похожий на привидение человек. Это был никому не известный путешественник, появившийся в харчевне первым.

Что за любопытство двигало им? Зачем ему нужно было подглядывать и подслушивать?

— Эй! — продолжал между тем Руаяль. — Славный мой старичок, откликнись! Это ты всегда был мне самым настоящим отцом! Слушай меня, ради всего святого! Ответь! Хочешь пить?

Руаяль схватил из рук подбежавшего как раз вовремя и тут же унесшего ноги трактирщика бутылку и засунул горлышко в полуоткрытый рот умирающего. Брабан, как ему показалось, немножко ожил.

— Он приходит в себя! — прошептал молодой человек.

Брабан сделал над собой героическое усилие и улыбнулся.

— Да, мой мальчик, прихожу, но только затем, чтобы скоро уйти обратно…

— Нет, адом тебя заклинаю! Я не хочу! Ты не умрешь!

— Тра-та-та… Сегодня я, завтра ты… Каждый из нас умрет, сынок…

Лицо Брабана исказилось — скорее от ярости, чем от боли. Но в момент, когда раненый произносил последние слова, его взгляд остановился на двери, и он увидел там, в проеме, нечто ужасающее, нечеловеческое, призрак, какой способен породить лишь воспаленный агонией мозг…

— Смерть! — пробормотал Брабан. — Вот и она! Там! Там! Посмотри!

Он с трудом приподнял руку и указал на дверь. Руаяль мгновенно обернулся, схватившись за кинжал. Но не увидел никого. Парень подскочил к двери, выглянул в коридор: темно, пусто, напротив — еще одна дверь, плотно закрытая.

— Никого там нет, — сказал Боревер, возвращаясь к постели умирающего. — Тебе привиделось.

— Привиделось? Ну, что ж… Значит, начинается бред… Никого нет… Но там же было что-то… был кто-то, да, кто-то… с лицом, белее, чем мел…

Голос раненого становился все более хриплым, он задыхался. Неосознанными движениями рук он будто пытался сдвинуть с груди тяжелый груз. И вдруг он расхохотался.

— Черт побери, что это я вижу на твоих глазах? Слезы? Не-ет, ты недостоин того, чтобы называться моим львенком, моим Руаялем де Боревером с сердцем твердым, как скала! Плакать?! С ума ты сошел, как я погляжу! О чем бы тебе плакать? Послушай, мальчик мой, ты должен быть твердым, не позволяй себе никакой слабости, пусть дураки плачут! А ты надейся только на свою руку и свою шпагу. Сражайся за свое место под солнцем кулаками, ногами, зубами, бей, кусайся, грабь, иначе тебя будут бить, кусать и грабить. Сердце? Что за дребедень! Прощай, я ухожу, малыш… Нет, послушай меня еще немножко до того, как я скажу последнее «прости»… Кто ты? Ты часто спрашивал меня об этом. Сейчас скажу. Я… Ох! Опять! Смерть! Вон она! Она смотрит на меня! Вон! Вон там… В дверях…

Руаяль де Боревер живо обернулся. И на этот раз в проеме двери было пусто. Он никого не увидел, выругался и снова склонился над умирающим.

— Послушай, — сказал молодой человек, — это просто обман зрения. Все дело в свете. Смотри!

Больше ты не увидишь этой тени без кровинки в лице!

Руаяль резким движением загасил факел и отшвырнул его в сторону. В комнате разом стало темно.

— Как хорошо! — вздохнул Брабан. — Так мне легче подготовиться к вечной ночи…

— Я слушаю! — задыхаясь, напомнил Руаяль.

Агонизирующий старик на убогом ложе… Юноша, склоненный над ним… Грозный мрак вокруг… Вой ветра, рассказывающий о вещах, которых не понять людям… Да, все вместе представляло собой поистине чудовищную картину! А там, за дверью, еще кто-то! Умирающий ясно видел его! И этот «кто-то» — незнакомец, который неизвестно какой таинственной силой, так, словно он умел, но сейчас почему-то не захотел проходить сквозь стены, заставил трактирщика распахнуть перед собой дверь…

Брабан хрипел. Мысли жужжащим роем кружились у него в голове, память уже отказывала.

— Знаешь, кому я должен был отнести тебя, когда взял младенцем у матери, тебя, маленького львенка — еще совсем без когтей?

— Разве ты должен был кому-то передать меня?

— Да… Да… Угадай… Нет? Не можешь? Вот кому — палачу!

Руаяль в темноте задрожал от ужаса. Незнакомец за дверью жадно прислушивался.

— А почему? Зачем тебе надо было передать меня палачу? — не веря своим ушам, спросил молодой человек.

— Почему? Зачем? Боже, он еще спрашивает почему? Ясно, спрашивает. Он же не знает… Ну, так знай: ты — сын ведьмы, сын одержимой, которую бросили в Тампль, потому что она самым злодейским образом приворожила и околдовала дофина Франции и принца Анри, герцога Орлеанского… Вот только ее колдовство удалось лишь наполовину, лишь против дофина: очень скоро он умер в Турноне, между тем, как Анри… Это он стал потом нашим королем Генрихом II, это он… Ах, черт побери! Ах, моя голова, у меня все внутри переворачивается, ах! Как я ослабел, сынок… Ах…

— Ну, говори же, говори, скажи мне, по крайней мере, как зовут мою мать! — закричал Руаяль.

— Твою мать? Ах, да, у тебя была мать… Там… В Тампле… Там, в темнице ты родился… Под землей… Ох… Я… Прощай… Дай руку… Ох… Умираю… Вон она — эта кляча с косой… Нет… Нет…

Старик судорожно перебирал руками по одеялу, последние содрогания сотрясали его бедное тело, он, как мог, сопротивлялся смерти. В углах губ умирающего показались капельки кровавой пены.

— Я не хочу! — снова закричал Руаяль. — Не хочу, чтобы ты умирал! Не хочу!

— Помни, — прохрипел Брабан, собирая последние силы. — Помни о том, кто убил меня!

— Он сам умрет от моей руки! — проскрипел зубами юноша. — Клянусь! Нострадамус! Так ведь ты сказал?

— Вот он! — душераздирающе вскрикнул старик и, приподнявшись, в последнем содрогании попытался оттолкнуть от себя адское видение. Потом упал на подушки бездыханный.

Комнату залил свет. С глухим рычанием готового к нападению льва Руаяль, повинуясь крику Брабана, в третий раз повернулся к двери — и на этот раз увидел ЕГО: на пороге стоял человек без кровинки в лице и с факелом в руке.

— Нострадамус! — взревел Боревер. — Это ты — Нострадамус!

— Да, я, — с ужасающим спокойствием ответил вошедший.

— Сейчас ты ко всем чертям подохнешь, сво-

лочь! И я похороню тебя вместе с моим бедным Брабаном, чтобы ты во веки веков чувствовал, как он тебя ненавидит!

Боревер резким жестом вытащил кинжал из ножен и кинулся к Нострадамусу.

Тот и пальцем не пошевелил. И сказал все таким же чудовищно спокойным голосом:

— Ты не убьешь меня. Да, не убьешь. Потому что я знаю то, о чем хотел рассказать тебе этот человек, когда смерть навеки сковала его губы. Я знаю, кто твоя мать.

Рука Боревера невольно опустилась. Путешественник некоторое время молча рассматривал молодого человека с каким-то мрачным любопытством, потом отвернулся, словно один только вид Боревера возбуждал в нем неугасающую боль.

— Ты правда это знаешь? — буркнул Руаяль.

— Ты родился в темнице тюрьмы Тампль, — продолжил Нострадамус. — Мне известна вся история твоей матери. По какой иронии судьбы ты оказался этой ночью в той самой харчевне, где я сам вынужден был искать пристанища во время страшной бури? Нет, это не ирония судьбы, это, наверное, силы небесные привели меня сюда именно сегодня. Итак, ты меня не убьешь…

Боревер с несказанным удивлением изучал бледнолицего человека, черты лица которого были в этот момент искажены страшным бешенством. Так бывает, когда смотришь на грозовые облака: восхищаешься величественным зрелищем, но не без испуга понимаешь, что вот-вот прогремит гром, небо расколет молния. Молнии сверкали в глазах Нострадамуса, а голос его действительно напоминал грозные раскаты отдаленного грома.

— Кто вы такой? — пролепетал молодой человек.

— Кто я? Тот, кто знает имя и историю твоей матери. Я скажу тебе имя и расскажу историю. И еще. Я тот, кто знает имя и историю твоего отца! — добавил Нострадамус с нескрываемой ненавистью.

— Моего отца! — выдохнул Руаяль.

— И его имя ты тоже узнаешь! Узнаешь его историю! Ты все еще хочешь убить меня?

— Нет! Нет! — скрипнув зубами, воскликнул юноша. — Я верю всему, что вы говорите. Я сделаю все так, как вы скажете. Но все-таки я не хочу, чтобы вы заблуждались: я ненавижу вас. Это вы убили моего старого Брабана. Это вы заставили меня впервые в жизни отступить. Вы ненавист-

ны и отвратительны мне! Когда у меня отпадет нужда в вас, я вас прикончу.

— Отлично! — ответил Нострадамус, и в голосе его прозвучало странное удовлетворение. — Ты таков, на какого я и не смел надеяться. Что ж, увидимся в Париже.

— Где именно? — быстро спросил Руаяль.

— Не беспокойся об этом. Я сумею тебя отыскать. До свидания, молодой человек. Ты спрашивал, кто я такой? Теперь могу ответить. Я — олицетворение духа мести, начертанной в книге судьбы. Для тебя я — олицетворение Рока. Я тот, кто пришел из глубин неизведанного, чтобы, взяв тебя за руку, отвести туда, где свершится твоя судьба. И два слова напоследок: ты беден, ты нищий, ты оборванец… Хочешь золота?

Не дожидаясь ответа, Нострадамус схватил юношу за руку и потянул за собой. Войдя в комнату напротив, он отпустил его и быстро откинул крышку стоявшего там сундука, в каких в те времена перевозили одежду. Но никаких вещей там не оказалось. Сундук был доверху набит драгоценными камнями и золотыми монетами. Разбойник, который ежедневно рисковал жизнью ради нескольких жалких экю, побледнел. А Нострадамус, загадочно улыбнувшись, сказал:

— Бери сколько хочешь. Сколько тебе надо. Пожелаешь, можешь забрать все.

Руаяль де Боревер встряхнулся, как собака, вылезшая из воды.

— У меня есть кое-что получше вашего золота! — процедил он сквозь зубы. — У меня есть кое-что получше ваших зеленоглазых изумрудов, хоть они, конечно, и околдовывают. У меня есть кое-что получше алмазов, которыми вы меня искушаете.

— И что же это? — спросил Нострадамус с прежней таинственной улыбкой.

Руаяль молниеносным движением занес кинжал и с размаху вонзил его в стол. Сталь клинка, углубившегося в столешницу на целый дюйм, тонко запела.

— Вот! — сказал бандит.

И бросил на Нострадамуса кровожадный взгляд.

— Оставляю вам этот кинжал, — продолжал он хрипло. — Заберу его, чтобы убить вас, когда придет время. Прощайте. Поскольку нам нужно будет свидеться, приходите во Двор Чудес и спросите там, кто храбрее всех, кому нет равных в Птит-Фламб, кто ловчее орудует шпагой, кого великий прево, сам мессир де Роншероль, поклялся пой-

мать собственноручно… Всякий назовет меня!

При имени Роншероля Нострадамус содрогнулся.

— Отлично, — произнес он сурово, и голос его прозвучал, как бьющий тревогу набат. — Так как же твое имя?

— Руаяль де Боревер! — гордо ответил молодой человек.

И вышел. Вернувшись к себе в комнату, он приблизился к телу Брабана, взял его руку.

— Можешь спать спокойно, — тихо сказал он. — Все решено. Я поклялся, что этот человек умрет от моей руки. Но поскольку ты не успел сказать мне то, что собирался, прежде чем уйти, и поскольку он знает то, что ты сам собирался сказать мне, придется немножко потерпеть…

В эту минуту за окном пронзительно заверещал свисток. Руаяль вздрогнул.

Нострадамус загасил факел и уселся на стоящий рядом с открытым сундуком табурет, облокотившись на стол. По его телу пробегала судорога. Ужасные, дикие проклятия рождались в его душе и готовы были сорваться с губ. Он тщетно старался успокоиться.

«Сын Мари… — думал он. — Значит, этот юный негодяй — ребенок той, кого я так нежно любил,

и именно его Судьба послала мне на пути, чтобы он послужил орудием мести… Именно сына Мари я должен уничтожить, разгромить, именно его я приговариваю к самой страшной судьбе, и именно его я принимаю как орудие, посланное мне высшими силами!

Но поскольку он оказался сыном Мари, мое жалкое человеческое сердце взбунтовалось… Нет-нет, долой слабость! Никакой слабости, как сказал только что этот старый разбойник… Никакого снисхождения, никакой пощады сыну Мари! Потому что этот юноша, этот ребенок — Всемогущий Господь! Бог справедливого отмщения! Помоги мне! — потому что этот ребенок, посланный мне судьбой, — сын Генриха II, короля Франции!»

Тот же самый свисток, который заставил вздрогнуть Руаяля де Боревера, помешал раздумьям Нострадамуса, вырвал его из мира грез. Он встал, вышел на лестничную площадку, перегнулся через перила и увидел, как Боревер спускается в общий зал.

V. Дочь великого прево

Услышав свисток, четыре бандита, сидевшие за столом у очага, вскочили. Трактирщик помчался отпирать.

— Та-ак… Подходит время разрабатывать план атаки, — сказал Тринкмаль.

— Porco Dio! — выругался Корподьябль. — Не хватил ли он через край, этот юнец Сент-Андре? Это надо же — похитить дочь мессира де Ронше-роля, парижского великого прево, начальника над всеми караулами!

— Господа, — вновь заговорил Тринкмаль, — я нашел решение: пусть Руаяль идет с нами… Что скажете насчет этого? Клянусь святым Панкратием, кто родился в Париже, тому не откажешь в здравом смысле!

Его предложение было встречено радостными восклицаниями собратьев. И бравые ребята тут же решили отправиться к Бореверу, чтобы уладить дело.

Но они не успели дойти до лестницы, ведущей наверх, а тот, о ком только что говорили, уже показался на ней.

— Легок на помине! — кланяясь, перешепты-

вались они.

— Ладно, парни, я прощаю вас, — произнес Боревер.

Что он им прощал? Выяснять не было времени. Потому что в тот самый момент, когда в комнату вошел Руаяль, туда же с улицы ворвался молодой человек с криком:

— Вы готовы? Мой гонец предупредил меня, что она проедет здесь через двадцать минут: он видел карету на окраине Мелена. В дорогу! Я сам расставлю вас по постам.

Новоприбывший был юношей лет двадцати, бледным, с тонкими губами и резкими чертами лица. Взгляд его блуждал. Он явно не мог, а может, и не очень хотел скрыть, насколько взволнован.

— Монсеньор, — сказал ему Тринкмаль, — мы подумали и решили, что дело, которое вы нам предлагаете, противоречит всем заветам Господа нашего Иисуса Христа!

Молодой человек побледнел еще больше и поглядел в сторону двери, но Буракан уже стоял там, перед единственным выходом наружу, со шпагой наготове. Юноша, которого охватило бешенство, явно не знал, что делать дальше.

— Эй! — пришел ему на помощь Страпафар. — Не отчаивайтесь! Ваше отчаяние надрывает мне

сердце… Понимаете, мы с удовольствием украдем для вас вашу возлюбленную, вашу птичку, но нам бы хотелось, чтобы в этом участвовал наш капитан.

— Ваш капитан?!

— Ну да. Знаменитый Руаяль де Боревер — вот он перед вами, весь из плоти и крови! — подтвердил Тринкмаль. — Капитан, а это весьма любезный сеньор, мессир Ролан де Сент-Андре, сын господина Жака д'Альбона де Сент-Андре… Он намерен похитить одну девицу: дочку нашего достопочтенного прево…

— Понятно, — перебил разбойника Сент-Андре. — Что ж, вас будет пятеро вместо четверых. Так даже лучше. А вы согласны помочь мне сегодня вашей шпагой? — спросил он, обращаясь к Бореверу.

— Зависит от цены, которую вы предложите, — холодно ответил тот.

— Я обещал вашим товарищам сто экю.

— Черт побери, но с тех пор, как в этом участвую я, цена должна удвоиться! — проворчал Руаяль, сверкая глазами. — И давайте договоримся сразу. Деньги вперед. Руководить предприятием буду я, я один. Вы останетесь здесь, будете отдыхать в уголке у огня… Я сам приведу к вам девчонку.

Иначе не стану и браться за это дело. Идет?

Сент-Андре бросил на бандита убийственный взгляд. Руаяль спокойно пожал плечами: не хотите — как хотите. «Заказчику» ничего не оставалось, как, расстегнув свой промокший насквозь плащ, достать из-за пазухи увесистый мешочек с золотыми монетами. Затем он высыпал на стол содержимое и стал лихорадочно пересчитывать деньги. Их оказалось двести пятнадцать экю. Сент-Андре отодвинул от себя требуемую сумму, и Руаяль по-прежнему спокойно забрал все деньги, проговорив:

— Ну вот, а пятнадцати экю как раз хватит, чтобы заплатить за вино. Эй, ребята, пошли!

Никто не успел и глазом моргнуть, а пятеро разбойников уже исчезли, растворились в потемках, в дождевых струях, из-за распахнутой двери не слышно было ничего, кроме воя ветра. Но Сент-Андре прислушивался в напрасной надежде уловить там какое-то движение, он застыл посреди большой, теперь совершенно пустой комнаты совсем один и был похож на статую, воплощающую преступление.

Внезапно неподалеку, на большой дороге раздался звук чавкавших по грязи колес, потом — крики, ругань, проклятия, потом — выстрелы из

аркебуз, потом — бешеный перезвон шпаг, снова восклицания, вопли, крики этот раз крики ужаса, проклятия — на этот раз проклятия неистовства, стоны раненых, потом все это смешалось опять и стали слышны лишь звуки битвы, и, наконец, цокот копыт двух или трех лошадей, удалявшихся на огромной скорости, и — тишина. Мертвая тишина. Полное, ужасное молчание… Все было кончено!

Нострадамус, спустившийся на несколько ступенек, так же, как Сент-Андре, жадно смотрел в зияющее отверстие двери. Смертельно бледный и молчаливый, как изваяние, он был похож на ангела смерти. Он ожидал появления той, которая должна была явиться сюда на встречу с возлюбленным.

«Дочь Роншероля! — кружилось в его воспаленном мозгу. — Дочь Роншероля! И сын Сент-Андре! Здесь, прямо передо мной! Ах! Какие ужасные сомнения одолевали меня, когда во чреве Сфинкса, в недрах Великой Пирамиды я вопрошал судьбу, когда после долгих часов головокружительного опьянения и безмерной тоски я наконец начинал ощущать себя сильнее всякого другого человека! Сколько раз мне приходилось сомневаться в Абсолютном, в возможностях высшего знания,

дающегося ценой двадцати лет такого тяжкого труда, такой нечеловеческой боли! Оккультные науки, запретные для людей, я отрицал вас! И вот, едва я снова поднялся на поверхность земли, с первых же шагов по возвращении в этот мир, столь явное, столь ослепительное, сравнимое разве что с молнией, доказательство того, что Судьба — живое существо! Она взяла меня за руку и привела туда, где я смогу осуществить свое отмщение, завершить дело, которое обязан завершить в этой жизни, в жизни, которою я живу в этом веке! Потому что именно здесь, в этой убогой харчевне, в этом забытом людьми и богом трактире встречаются дети тех, кого я ненавижу, кровь от крови и плоть от плоти тех, к кому я чувствую омерзение! Потому что вот он, передо мной, сын Сент-Андре, который хочет обесчестить дочь Роншероля! А кто пришел на помощь этому преступнику? Кто приведет к нему за руку девушку, чтобы мерзавец обесчестил ее? Сын Генриха II, короля Франции! Сын того, кому отдали на поругание Мари! Сын короля Франции!»

В этот самый момент, когда Нострадамус перегнулся через перила, чтобы лучше увидеть дочь Роншероля, в этот самый момент она вошла.

Ее вел за руку Руаяль де Боревер. Он был

опьянен пережитым сражением, его ноздри вздрагивали, глаза сверкали, губы были полуоткрыты, вид его был страшен. Он продвигался вперед — гибкий, как пантера, сильный, как лев, грубый, каким только и мог быть этот разбойник с большой дороги.

Ролан де Сент-Андре отступил к очагу. Он дрожал. Полой плаща он прикрыл лицо, но не спускал глаз с той, которая минуту назад возникла из тьмы, и взгляд его горел чудовищной страстью, какая способна превратить человека в дикого зверя.

— Сударь, — сказал Руаяль де Боревер, отпуская руку девушки. — Вот ваша девчонка. Вы заплатили мне, чтобы я привел ее. Я привел. Мы квиты.

Девушка держалась очень прямо, только руки ее слегка дрожали. Едва Боревер отпустил ее, она шагнула по направлению к Сент-Андре. И воцарившееся было молчание нарушил ее чистый, звонкий, как колокольчик, мелодичный и на удивление спокойный голос.

— Значит, это вы, месье, приказали остановить карету, значит, это вы приказали совершить гнусное, вероломное похищение. Значит, так вы относитесь к женщинам. А теперь вы не осмеливаетесь показать мне свое лицо. Правильно

делаете. А то мне пришлось бы увидеть лицо труса и подлеца…

Сент-Андре вздрогнул. Дрожь пробежала по его телу от головы до пят.

— Но вам следует кое-что узнать, — продолжала она. — Знайте, что никому не дано безнаказанно поднять руку на Флоризу де Роншероль. Я не говорю об этих ничтожных бродягах, которые сами не понимали, что делают… Я говорю о вас, месье. Насколько я понимаю, вы — дворянин. Так решитесь же посмотреть мне прямо в лицо, как я смотрю на вас.

Горделивым жестом, в котором сквозили несказанная грация и простодушная дерзость, она скинула с головы капюшон плаща. Девушка была высокой, стройной, гибкой, как тростинка, но несгибаемой, как скала, в своей восхитительной чистоте. От возмущения всем происходящим ее лицо порозовело. Приоткрытые крупноватые губы цветом напоминали кораллы. Карие глаза переливались, как темный шелк. Роскошные темные волосы были заплетены в две тяжелых косы, спускавшиеся на плечи. Она была необычайно красива — это бросалось в глаза с первого же взгляда.

Минуту в комнате, над которой возвышалась

мрачная фигура Нострадамуса, висела тяжелая тишина.

«До чего же хороша! — думал Руаяль де Боревер. — До чего хороша! Такая красавица, такая гордая, такая чистая! А какая невинность светится в ее глазах! О, господи, да я искусал бы эту руку, которая обрушилась на нее, эту руку ничтожного бродяги, который отдаст ее злодею! Она ведь так и сказала: ничтожного бродяги!»

— Так как же? — продолжала между тем Флориза де Роншероль. — Может быть, вы соберете все-таки моих слуг, разогнанных по вашему приказу? Может быть, проводите меня до кареты? И тогда я постараюсь забыть обо всем…

Сент-Андре быстро подошел к девушке и взял ее руку в свою.

— Но разве я, — прошептал он, — разве я смогу забыть о любви, которая пожирает меня, как огонь?

Флориза еле сдержала крик стыда.

— Господи, — пробормотала она. — Кто вы?

— Кто я? Вы еще не догадались? Хорошо, тогда посмотрите на меня, и вы увидите того, кто, не задумываясь, умрет за вас, того, кто жаждет дать вам свое имя и свое богатство, того, кто вот уже целый год на коленях умоляет вас стать его су-

пругой, того, кто со шпагой в руке готов оспорить вас у всего мира!

— Ролан де Сент-Андре!

Крик, все-таки вырвавшийся у девушки, был криком отчаяния, а возможно, и криком ужаса. Она страшно побледнела, резким движением отняла свою руку и кинулась назад, к двери. Но там остановилась и, стараясь казаться спокойной, произнесла:

— Да, правда, сударь. Увидев подлость, с какой все это было проделано, столкнувшись с таким низким коварством, с таким вероломством, я должна была догадаться, с кем имею дело. Ах! Неужели здесь не найдется мужчины, который избавит меня от этого предателя?

С этими словами она направилась прямо к Руаялю де Бореверу, который словно прирос к полу, остолбенев от всего происходящего. Именно на этого жестокого человека, только что за руку приведшего ее к негодяю, она подняла свои полные слез глаза.

Ролан де Сент-Андре двинулся вперед, силясь усмехнуться. Лицо его пылало, черты были искажены судорогой. В этот момент раздался странный звон, что-то тяжелое упало на пол. Мешочек с двумястами пятнадцатью экю!

— Подберите, месье! — сказал разбойник. — Подберите ваши деньги!

— Что это значит? — изумился Сент-Андре.

— Это значит, заберите ваши золотые, вот и все, — ответил Руаяль, подталкивая ногой мешочек поближе к юноше.

— Мерзавец! Ничтожество! — закричал Сент-Андре. — Ты понимаешь, что я отколочу тебя так, что живого места не останется?!

— Ай-ай-ай! Только не сердите меня заранее, если и впрямь собираетесь сделать это! А то ничего не получится! И вообще — лучше подайтесь назад. Я вижу, что эта девушка просто-таки вас на дух не переносит. Следовательно, мсье, я запрещаю вам приближаться к ней.

— Бродяга! Разбойник! — проревел смертельно бледный Сент-Андре. — Неужели ты осмелишься…

— Я имею обыкновение осмеливаться на все, чего мне хочется!

— Отлично! Сейчас подохнешь, как собака! Ну! — Сент-Андре скинул плащ и рванул из ножен шпагу.

Почти в ту же секунду в руке Руаяля тоже блеснула сталь. Противники бросились друг на друга. Поединок длился недолго. Шпаги скрестились со

звоном, и едва ли не сразу прозвучал крик боли. Руаяль дал сопернику свою знаменитую «пощечину» — на лице Сент-Андре вспухла кровавая полоса. В следующее мгновение он, изрыгая проклятия, покатился на пол: острие клинка с силой вонзилось ему в плечо.

— Вот так — наотмашь, нравится тебе мой знаменитый удар? — спросил Боревер.

— Никуда от меня не денешься! Из-под земли тебя достану! — вопил Сент-Андре. — Ты достанешься палачу!

Флориза задрожала. Руаяль побледнел.

— Палачу! — прошептал он. — Да, палачу. Брабан говорил мне…

И продолжил громко:

— Пойдемте, мадам… Трактирщик, послушай! — Хитрец, всегда скрывавшийся и появлявшийся в нужную минуту, подбежал к молодому человеку. — Там, наверху — тело человека, который был храбрецом… моего единственного друга на этой земле! — Голос Боревера дрогнул. — Трактирщик, ты христианин? Да, очень хорошо. Значит, ты сможешь достойно похоронить беднягу Брабана, и ты дашь экю священнику, чтобы он прочитал над ним какую-никакую молитву. Я вернусь через два дня убедиться, что ты как сле-

дует выполнил мой приказ, и принесу тебе еще десяток отличных экю. Но береги свою дурацкую башку, если ослушаешься! Пойдемте, пойдемте, мадам…

Он вышел. Флориза закуталась в плащ, надела на голову капюшон и последовала за юношей. Сент-Андре лежал в обмороке. Хозяин кабачка, оставшись один, долго смотрел на валяющийся на полу кошелек с золотом. Потом решился. Схватив мешочек, он быстро спрятал его за пазуху.

— Скажу, что его унес бродяга! — проворчал он.

Карета, увозившая Флоризу, катила в ночи. Четыре бандита с обнаженными шпагами в руках, несмотря на раны, полученные ими при похищении прекрасной дамы, бодро держались в седлах и скакали вперед, сильно озадаченные новой для них ролью охранников. Руаяль, усевшись верхом на одну из запряженных в карету лошадей, исполнял обязанности форейтора: он прилагал все усилия к тому, чтобы карету не трясло на рытвинах, и ухитрялся объезжать любые препятствия так, словно стоял ясный день.

На рассвете карета приблизилась к воротам Парижа, подъехала к ним как раз в момент, когда они открылись, и, попав в город, направилась

прямо к дому великого прево, расположенному в конце улицы Сент-Антуан напротив укрепленного замка, носившего то же имя. В семь утра карета въехала во двор.

Высокий, крепкий, широкоплечий мужчина с пронзительным взглядом, кустистыми бровями и бугристым лицом — парижский великий прево — двинулся к карете, встретил выскочившую из нее девушку и обнял ее с нежностью, никак не вязавшейся с его суровым обликом. Они долго простояли обнявшись, потом он спросил, ласково глядя на дочь:

— Почему ты вернулась так поздно? Я умирал от тревоги. А кто это с тобой? Где наши слуги? Что произошло?

Четыре разбойника благоразумно остались на улице, но Руаяль считал бегство ниже своего достоинства. Он спешился, подошел к прево, держа руку на эфесе шпаги, и слегка поклонился. Прево всмотрелся в молодого человека, и взгляд его, как никогда, напоминал взгляд хищной птицы.

— Монсеньор великий прево! — сказал Руаяль, отнюдь не стараясь выглядеть вежливым. — Я расскажу, что произошло. Мне заплатили за то, чтобы я похитил эту девушку и отвел ее к дворянину, имя которого назовет она сама, если

захочет…

— О, боже мой! — прошептала, затрепетав, Флориза так тихо, что он едва ее услышал. — Зачем вы это сказали? Вы себя погубили, несчастный!

— Это сон?! — воскликнул прево. — Я сплю?! Прийти сюда и говорить со мной так? Со мной! Здесь! У меня в доме!

— Нет, вы не спите, господин великий прево, — продолжал Руаяль все так же дерзко. — Вам не снится сон. Все на самом деле. Итак, рассказываю дальше. Я остановил карету этой девушки, разогнал ее охранников и привел ее к человеку, от которого заранее получил за эту услугу двести пятнадцать золотых экю с изображением Его Величества короля…

— Эй, стража! — закричал прево.

— Отец! — взмолилась Флориза, дрожа от волнения, причины которого не понимала сама.

— Вот только, — невозмутимо продолжал Руаяль де Боревер, — физиономия этого дворянина мне не понравилась. Ну, я и вернул ему его двести пятнадцать экю. Потом посадил девушку в карету и привез ее сюда. Вот что произошло. А теперь — прощайте, монсеньор великий прево!

— Стража, арестовать этого человека! — брызгая слюной от злобы, кричал Роншероль.

Часть восьмая
МАГ

I. Екатерина Медичи

Примерно посередине улицы Фруамантель стояло одно из тех старинных зданий, какие возводили для себя знатные сеньоры (с оборонительными башнями на флангах и рвами вокруг) в ту феодальную эпоху, когда в герцогском жилище, как в Лувре или другом королевском замке, содержался целый гарнизон.

Месяцем раньше, чем начались события, о которых будет рассказано в этой главе, дом этот был куплен каким-то иностранцем для его хозяина. Чужак был маленьким, щупленьким, сухоньким старичком с желтоватой, будто пергаментной, кожей; он с первого взгляда не понравился кумушкам и лавочникам квартала, возбудив у них странные подозрения. Впрочем, подозрения эти в каком-то смысле оправдались. Старичок нанял целую толпу рабочих для восстановления дома, все было перевернуто вверх дном, и очень скоро старинного здания было не узнать: оно чудесно преобразилось. Тогда в один прекрасный вечер старичок исчез, сказав, что он едет в Фонтенбло встречать хозяина.

И вот сейчас у подъемного моста, связывавшего

странное жилище с улицей, стояли королева Франции и сопровождавший ее Игнатий Лойола. Свой эскорт они предусмотрительно оставили в двадцати шагах и стояли одни, пытаясь разглядеть удивительный дом. В эту самую минуту показался ночной сторож с фонарем в руке и уныло прокричал в темноту:

— Одиннадцать часов! Люди Парижа, спите спокойно!

— Одиннадцать часов, — прошептала Екатерина. — Мы пришли точно в назначенное время.

— Но еще есть время отступить, мадам, — ответил ей Лойола.

— Одиннадцать часов, — не слушая его, повторила королева, будто себе самой. — И через час наступит момент самой глубокой и таинственной полночи.

Они оба были в масках. Королеву к тому же укрывала длинная вуаль, а ее кавалер кутался в плащ. Мост опустился. Екатерина прошла по нему и остановилась перед высокой тяжелой дверью с широкими железными поперечными брусьями.

— Мадам, — сказал Лойола, — значит, я войду с вами? Я думаю, это необходимо для того, чтобы предупредить надувательство со стороны того,

кому вы оказываете такую честь.

Произнося эти слова, глава иезуитов взялся за бронзовый дверной молоток, вырезанный в форме египетского сфинкса — точной копии Сфинкса, стоящего у Великой Пирамиды. Но прежде чем он успел ударить молотком в дверь, она распахнулась. Это случилось так неожиданно, что, несмотря на всю силу духа, Лойола невольно вздрогнул.

Они вошли в здание и очутились в просторном вестибюле, освещенном тремя огромными канделябрами, в каждом из которых горело по три восковых свечи. Свечи были расставлены в углах равносторонних треугольников, точно так же по отношению друг к другу стояли и канделябры. В глубине вестибюля виднелась широкая лестница красного мрамора с необычайной красоты перилами из кованого железа — ажурная решетка представляла собою кружащихся в фантастической сарабанде птиц. На нижней ступеньке роскошной лестницы стоял одетый с ног до головы в черное старичок. Он сдержанно поклонился гостям и сказал им:

— Мой хозяин ждет вас.

Затем принялся подниматься по лестнице. Оказавшись на втором этаже, старичок открыл

дверь и посторонился, чтобы пропустить посетителей в огромный зал, показавшийся им очень странным своей таинственной и величественной простотой.

Зал был абсолютно круглым, а потолок представлял собой свод вроде церковного, в самом центре которого сиял большой фонарь, излучавший мягкий и словно туманный свет. По окружности зала было расположено двенадцать дверей из отполированной слоновой кости, и двери эти были так похожи одна на другую, что гости, сделав три шага к центру зала, растерялись, не понимая, откуда, через какую из них попали сюда. На фронтонах дверей были представлены знаки Зодиака в виде отлитых из золота барельефов. На фризе круглой стены — семь планет Солнечной системы. Между дверями стояли колонны из драгоценной яшмы.

Вся обстановка состояла из двенадцати красных мраморных кресел, расположенных симметрично двенадцати дверям слоновой кости вокруг стола с круглой столешницей, возложенной на четырех мраморных сфинксов. Столешница была тоже отлита из чистого золота. На ней рельефно выделялся испускающий во все стороны сияние

знак Розы и Креста[19] — главный символ высшей магий: мистическая роза, в центре которой сверкали выложенные из бриллиантов священные буквы:

I.N.R.I.[20]

Изысканная простота зала, его удивительная форма, эти яшмовые колонны, эти двери слоновой кости, этот сияющий, подобно Солнцу, круглый стол, этот рассеянный свет, падавший из-под высокого свода, эта невероятная, но неброская роскошь с полным отсутствием бессмысленных и бесполезных украшений, эта торжественная тишина, повисшая в воздухе, — все это вместе составляло поистине сказочную, как нельзя более подходящую декорацию для таинства.

---

[19] Примечания: 19

Иными словами, знак Сферы Бесконечности. Роза, чей аромат символизирует жизненные откровения, помещена в центр Креста, фигуры, представляющей собой идеальную точку, где соединены две линии, каждая из которых может продолжаться до бесконечности. Между лучами, составляющими Крест, древние маги изображали четыре фигуры, которые все вместе образуют Сфинкса: человека, быка, льва и орла. Эти четыре фигуры могут быть заменены, как в нашем случае, четырьмя буквами: I.N.R.I., которыми иудеи пометили крест Иисуса Христа. (*Примеч. авт.*)

[20] Примечания: 20

I.N.R.I. — аббревиатура, составленная из латинских букв, обозначающих начала слов: «Iesus Nazarenus Rex Iudaeorum» — «Иисус из Назарета, Царь Иудейский», так было написано на табличке, прикрепленной к

Кресту, на котором римляне казнили Спасителя. (*Примеч. пер.*)

Лойола замер — презрительный, враждебный. Екатерина чувствовала, как бешено стучит сердце в ее груди. Взгляды обоих были прикованы к улыбающемуся человеку, который шел к ним навстречу. К Нострадамусу! Костюм этого человека отличала такая же, как была присуща обстановке, изысканная простота и неброская роскошь. Он был одет в точности так же, как знатные сеньоры при французском дворе. С непременной шпагой на боку. Но на его камзоле, сшитом из тончайшего черного бархата, не было никакого другого украшения, кроме золотой цепи со знаком Розы и Креста из сверкающих рубинов. Он был высоким, с широкой грудью, с величественной и гибкой походкой, манера держаться была горделивой и доброжелательной одновременно, черты лица — правильными и редкостно благородными, вот только сверхъестественная, какая-то нечеловеческая бледность заставляла при виде его вспоминать выходцев из могилы…

— Благородная госпожа и вы, сеньор, Нострадамус приветствует вас…

Он усадил Екатерину в кресло, соответствовавшее двери, над которой был помещен знак Весов, Лойолу — туда, где был знак Стрельца, и сел сам под знаком Льва.

Таким образом, все трое образовали еще один равносторонний треугольник.

— Мадам, — звучно и очень серьезно произнес Нострадамус, — в эту ночь моя наука станет служить вам, и я ожидаю ваших вопросов.

— Твоя наука! — с презрением откликнулся Лойола. — Магия! Колдовство! Астрология! Пустые химеры! Обман, надувательство, если не сказать — преступление! Что ты делаешь с Богом?

— Бог! — ответил Нострадамус. — Бог, мадам, это высшее стремление человека. Бог — это тайная надежда на возобновление жизни в вечности. Верить в Бога — значит надеяться, значит стремиться к увековечиванию человека.

— Я не могу больше слушать подобные ужасные богохульства! — скрипнул зубами Лойола.

И встал. Нострадамус протянул руку в его сторону и возразил ледяным тоном:

— Сеньор, вы требуете у меня доказательства принадлежности к науке. Вы не уйдете отсюда без этого доказательства. Мадам, сегодня, в шесть часов вечера, под дверь моего дома была просунута записка. В ней объявлялось о визите некоей знатной дамы в одиннадцать часов. И все. Знатная дама — это, по-видимому, вы, мадам. Что

до вас, сударь, я вас не знаю. И я не знал, что вы придете. Вы в маске. Просторный плащ скрывает вашу одежду, но позволяет догадаться о том, что у вас при себе шпага. Теперь — слушайте…

Лойола с ужасом почувствовал, что дрожит. Екатерина не могла оторвать взгляда от странного человека, который казался ей сверхъестественным воплощением тайны.

— Сударь, — спокойно продолжал Нострадамус, — шестьдесят восемь лет назад в одной горной стране, опаленной солнцем[21], одна дама — представительница высшей знати — в одиннадцатый раз испытывала родовые муки. Это происходило в замке, хорошо защищенном самой природой, но хорошо защищенном и сторожевыми башнями, и рвами, в замке, возвышавшемся над окрестностями[22]. Дама хотела произвести на свет свое дитя в хлеву, как Пресвятая Дева, и дать новорожденному имя Иниго[23]…

— Демон! — пробормотал Лойола, который впервые ощутил, как невыразимый ужас прони-

---

[21] Примечания: 21
Бискайя, провинция Страны Басков. (*Примеч. авт.*)

[22] Примечания: 22
Замок Лойолы в Бискайе. (*Примеч. авт.*)

[23] Примечания: 23
Игнатий. (*Примеч. авт.*)

кает ему прямо в сердце.

— Надо продолжать? — спросил Нострадамус, улыбаясь. — Надо ли рассказывать, как Иниго де Лойола стал пажом короля Фердинанда V, как он взял на себя командование военной кампанией в городе, осажденном чужестранцами[24], как его ранили в ногу, на которую он и сейчас припадает, и как он с тех пор посвятил себя культу Христа…

— Vade retro! Vade retro![25] — бормотал, осеняя себя крестным знамением, Лойола.

— Надо ли рассказывать вам, — продолжал Нострадамус, — что, встав под знамена Христа, он основал новый орден, который использовал для того, чтобы навязать папам и королям свои религиозные взгляды и порядки, и что теперь у него тысячи последователей во всем мире?

Надо ли добавить, что Игнатий Лойола, предчувствуя близкую смерть, захотел в последний раз увидеть Францию и дать последние указания своей лучшей ученице Екатерине Медичи, что, наконец, Игнатий Лойола несколько минут назад явился в этот дом, чтобы обвинить меня в надувательстве?

---

[24] Примечания: 24
Памплона, осажденная французами. (*Примеч. авт.*)

[25] Примечания: 25
Vade retro (лат.) — изыди… — от «Изыди, Сатана!» (*Примеч. пер.*)

Лойола повернулся к королеве.

— Идемте, мадам, — сказал он. — Предупреждаю: вы рискуете погубить свою душу!

— Я хочу знать! — глухо, но твердо отвечала Екатерина.

— Я не останусь больше ни минуты в доме Сатаны!

— Уходите, достопочтенный отец! — услышал он в ответ.

— Да-да, уходите, мессир, — серьезно сказал Нострадамус.

Он встал, проводил Лойолу до двери из слоновой кости, открыл ее и произнес:

— Прощайте, мессир. Впрочем, мы скоро увидимся.

— Никогда! Разве что ты взойдешь на костер, а мне будет поручено принять у тебя исповедь и передать тебе последние божественные утешения от Господа нашего Иисуса!

Нострадамус схватил Лойолу за руку и наклонился к ею уху. В эту минуту он был страшен. Голос его стал неузнаваемым: хриплым, дрожащим от ненависти.

— Мы увидимся! — пообещал он. — Потому что ты непременно должен понести наказание за чудовищные несчастья, которые из-за тво-

его невежества и твоей злобы преследовали невинного человека. Вспомни, Лойола! Вспомни Турнон!

Нострадамус обратился к маленькому старичку, который в нужный момент оказался тут как тут и, усмехаясь, слушал своего господина.

— Джино, — сказал он, — проводи этого человека и будь повежливее, потому что он принадлежит мне!

Лойола пошатнулся, услышав этот голос. Он согнулся под обрушившимся на него шквалом ненависти. Когда он выпрямился, он увидел перед собой только старичка, улыбавшегося ему и указывавшего дорогу.

II. Магический круг

— Мадам, — сказал Нострадамус, возвращаясь на свое место напротив Екатерины, — думаю, мне нет нужды говорить о том, что мне известно, кто вы. Следовательно, вы можете спокойно снять маску и опустить капюшон. Дело не только в моей учености: само ваше поведение, ваша благородная осанка дали мне понять, что моему дому оказала честь своим присутствием прославленная королева Франции.

Тон был приветливым, любезным, слова — почтительными. Екатерина перестала дрожать. Нечто вроде безграничного доверия к хозяину этого странного жилища проникало в ее душу с непреодолимой благодаря своей нежности силой. Она послушалась Нострадамуса и сняла маску.

— Вопросы, которые вы приготовились мне задать, ужасны, — продолжал Нострадамус. — Поэтому необходимо, мадам, чтобы я как можно точнее знал обо всех обстоятельствах вашего существования, о тех условиях, в каких вы живете. Чем больше я буду знать, чем лучше я буду понимать вас, тем яснее и тем вернее будут мои ответы.

Екатерина сосредоточилась. Некоторое время она молча размышляла. Ее лицо утратило выражение испуга и любопытства, которые были ему свойственны до тех пор, теперь оно излучало лишь непоколебимую решимость.

— Хорошо, я согласна, — сказала она наконец. — Буду с вами откровенна. Вы представляете могущественные силы, и нужно, чтобы они пришли мне на помощь. Но… я ведь мать! Нострадамус, выслушай и пойми меня, постарайся понять, приложи для этого все силы своей души прорицателя, весь свой разум. Я пришла говорить с тобой о себе, это правда. Но прежде всего, раньше, чем узнать о себе, я хотела бы узнать о судьбе, о счастье или несчастье, о будущем моего сына!

— Вашего сына? — спокойно переспросил Нострадамус. — Мне казалось, что у короля Франции уже четверо детей мужского пола…

Пламенный взгляд мага проник в самые тайные мысли королевы.

— Я сказала так, как есть: моего сына, — повторила Екатерина с каким-то диким упорством. — Я сгораю от желания узнать его судьбу. Кем бы ты ни был — демоном, колдуном, ясновидящим, — сейчас мне это все равно: открой мне будущее моего возлюбленного сына Анри…

Нострадамус вынул из-за пазухи камзола листок пергамента и карандаш и протянул их королеве.

— Мадам, — сказал он, — извольте коротко и ясно написать здесь вопрос, который вы хотите задать Судьбе.

Екатерина схватила карандаш и, лихорадочно вдавливая карандаш в бумагу, нацарапала:

«Хочу узнать все о будущем моего любимого сына Анри».

Нострадамус взял в руки листок пергамента и спокойно изучал его под пристальным и возбужденным взглядом Екатерины.

Наконец маг отложил записку.

— Госпожа моя и королева, — начал он, — эта фраза, которая, на взгляд обычного человека, не выражает ничего, кроме тревоги хорошей матери о судьбе своего сына, имеет тем не менее второй, скрытый смысл, и это — ее истинный смысл, и именно его я попытаюсь обнажить перед вами. Послушайте: вам надо знать, что на самый простой вопрос можно получить магический ответ, что самые банальные слова содержат свою метатезу…

Екатерина слушала Нострадамуса с пылкой

жадностью, которая загорается в человеке, когда на него снисходит ВЕРА. Каждая буква тех слов, что исходили из уст мага, мгновенно отпечатывалась в ее мозгу, и их невозможно было бы стереть никакими усилиями. А Нострадамус продолжал:

— В вашем вопросе, мадам, содержится сорок пять букв. Вот я пишу эти буквы по кругу и даю каждой номер — от одного до сорока пяти. Подобно тому, как каждая из написанных в этом магическом круге букв привязана к свой тени, каждое число связано со своим арканом… Иными словами, каждое число имеет скрытый, таинственный смысл…

Нострадамус показал королеве начертанную им, пока он говорил, магическую фигуру.

Екатерина задрожала. Она чувствовала, как ее охватывает тот ужас, о котором столько раз упоминали поэты античности.

Она чувствовала, что находится на пороге тайны… Лицо Нострадамуса по-прежнему оставалось безмятежным. Он положил перед королевой пергамент с рисунком. И одновременно протянул ей еще один листок, сказав:

— Пишите, мадам. Эти буквы, по которым блуждает мой взгляд, не придавая им никакого смысла, сейчас сами сложатся в новые слова, из

которых и будет состоять ответ на ваш вопрос. В этом ответе, мадам, тоже должно быть ровно сорок пять букв. И это будут те же сорок пять букв, из которых складывались слова вашего вопроса. Погодите, погодите… Да, я уже вижу, как образуется первое слово… Слово? Нет! Целый отрезок фразы! Пишите, пишите, мадам… «…но оружие монаха…»[26]

Карандаш трясся в руке Екатерины. Но тем не менее она пыталась писать разборчиво: «… но оружие монаха…»

— Так, — продолжал Нострадамус, и голос его стал странным, будто отдаленным, — вот и еще слова, которые бросаются мне в глаза… Они бессвязны… Но — кто знает?. Пишите, мадам, пишите… «повредит его жизни… неторопливый… пустой…»

Голова Екатерины пылала, кровь застыла в жилах, но она послушно выписывала на пергаменте новые слова:

«…повредит его жизни… неторопливый… пустой…»

---

[26] Примечания: 26

Разумеется, буквы ответа по-русски не могут соответствовать тем, что приведены в оригинале, иначе потеряется смысл. Количество букв также будет иным, так как французские фразы, как правило, длиннее русских. (*Примеч. пер.*)

— Ирод! — с тяжелым вздохом продиктовал Нострадамус.

«…Ирод…» — написала Екатерина Медичи.

Она бросила быстрый взгляд на Нострадамуса и увидела, как он с напряженным до неузнаваемости лицом, с искаженными чертами, не утирая струящегося по лбу пота, вглядывается в листок пергамента с магическим кругом.

— Одно слово! Еще одно слово! — шептал он. — Одно только слово! О, мадам, вот оно это слово, я только что обнаружил его! Пишите, мадам, пишите! «…король…».

Екатерина еле сдержала крик радости, рвавшийся из ее губ, и твердой, властной рукой начертала крупно:

«КОРОЛЬ!»…

Тогда Нострадамус выхватил из рук королевы пергамент, на котором она писала под диктовку, и медленно-медленно перечитал написанное: «… но оружие монаха… повредит его жизни… неторопливый… пустой… Ирод… король…»

— Одно слово смущает меня, — сказал он. — «Ирод». Почему — «Ирод»? Не знаю… Но, если исключить это слово, судьба вашего сына Анри, мадам, просияет в этой фразе, как сияет солнце на безоблачном небе. Вы задали вопрос, мадам,

и вот ответ, который дали на него оккультные силы. Ответ точный и ясный, ответ, целиком вышедший из вашего вопроса.

И Нострадамус отчетливо произнес:

— Король, неторопливый, пустой, Ирод. Но оружие монаха повредит его жизни[27].

— Значит, Анри станет королем! — ликовала Екатерина.

— Станет. Но обратите внимание на вторую часть фразы, которая содержит грозное предсказание: «оружие монаха повредит его жизни»!

— Да какое это имеет значение! — не в силах скрыть восторга по поводу всего остального, отмахнулась королева. — Я сама прослежу за этим. Будьте уверены, мессир, сына Екатерины Медичи ожидают мирные, спокойные дни, ему не грозит боль, ему нечего опасаться чьего бы то ни было оружия!

Минута протекла в тишине. Нострадамус не сводил с Екатерины своего пылающего взгляда.

«Вот орудие моей мести! — подумал он. —

---

[27] Примечания: 27

Всем известно, что принц Анри стал править Францией под именем короля Генриха III. Всем также известно, что это был действительно неторопливый и пустой, суетный король, то есть не слишком рьяно относившийся к своим обязанностям правителя. Известно также, что короля Генриха III прозвали Иродом. Известно, наконец, что он был убит монахом Жаком Клеманом, покончившим с ним ударом ножа. (*Примеч. авт.*)

Посмотрим все-таки, до какой степени коварства и злодейства может опуститься эта женщина, на что еще способен ее извращенный ум…» И сказал вслух:

— Мадам, это предсказание, относящееся к судьбе вашего сына Анри, останется неполным, если мы не попросим оккультные силы прояснить нам будущее двух его братьев, которые наследуют корону прежде его самого…

Екатерина вздрогнула.

— Я возьму последнюю фразу, произнесенную вами, мадам: «…сына Екатерины Медичи ожидают мирные, спокойные дни, ему не грозит боль, ему нечего опасаться чьего бы то ни было оружия!» Нострадамус принялся писать. — В ней содержится семьдесят букв, я выстраиваю эти буквы в магический круг и присваиваю каждой номер от единицы до семидесяти… Теперь ищу в них метатезу… И — смотрите, мадам! — вот ответ, который возник сам собой, я обнаружил его с первого же взгляда, брошенного мною на магический круг!

Нострадамус быстро написал на пергаменте несколько слов и протянул листок Екатерине.

«Такие молодые, Франсуа и Шарль,

двойная тревога. Никаких долгов. Они погибнут в расцвете лет»[28].

В душе Екатерины еще сохранились остатки инстинктивной подозрительности. Повинуясь этому вполне естественному чувству, она стала пересчитывать количество букв в произнесенном ею вслух вопросе и написанном магом ответе и сравнивать их[29]. Закончив работу, она не смогла сдержать дрожь: в произнесенной ею фразе она нашла точно те же — и ни на одну меньше, и ни на одну больше! — буквы, что и в метатезе Нострадамуса.

— Что из этого следует? — очень серьезно спросил маг. — А вот что. С самого раннего детства два ваших сына — Франсуа и Шарль — были для вас источником тревог и беспокойства. Оккультные силы заявляют, что вы ничего им не должны. Это означает, что вы считаете себя совершенно

---

[28] Примечания: 28

Известно, что Франциск II и Карл IX на самом деле умерли в расцвете лет. (*Примеч. авт.*)

[29] Примечания: 29

Если читатель также сомневается, он может проделать то же сравнение, что Екатерина Медичи, и убедиться, что число букв и сами буквы полностью совпадают. (*Примеч авт.*)

Все это верно для оригинала, такая работа была проделана переводчиком, который заверяет читателя, что как Нострадамус, так и Мишель Зевако, в этом отношении абсолютно правы. (*Примеч. пер.*)

свободной от проявления к ним какой бы то ни было материнской привязанности. Успокойтесь, мадам: вы же видите, что они умрут молодыми и таким образом освободят место на престоле для истинного сына вашего сердца!

Екатерина ощутила, как Нострадамус, словно хлыстом, высек ее своим презрительно-ироничным тоном. И постаралась уколоть его своим ясным взглядом, в котором светилась неприкрытая злоба.

— Колдун! — прошипела она. — Чародей! Прорицатель! Да хотя бы и сам король ада! Не пытайся выведать тайны моего сердца!

Нострадамус пожал плечами и произнес, как нечто совершенно естественное, ужасные, до глубины души потрясшие королеву слова:

— Если вы действительно хотите, чтобы я оказался полезным в осуществлении ваших намерений, вам придется отказаться от того, что вы только что сказали: мне необходимо узнать имя мужчины, который был вашим любовником.

— Моим любовником… — смертельно побледнев, прошептала Екатерина.

— Да, вашим любовником. Франсуа и Шарль — сыновья короля, дети человека, которого вы не любите. Но обожаемый вами Анри — сын челове-

ка, которого вы любили. Мадам, мне нужно знать имя этого человека…

— Боже мой! — пробормотала королева, голова которой пошла кругом. — Кто мог выдать вам эту тайну?

— Могущественные силы, — просто ответил Нострадамус, указывая пальцем на символическую Розу, висящую у него на груди, Розу, на которой сверкали четыре магические буквы: «I.N.R.I.».

— Имя мужчины! — лепетала королева. — Нет, чародей! Король ада! Имя… Прикажи своим могущественным силам открыть тебе его!

И она с вызовом, в свою очередь, ткнула пальцем в сияющую мягким блеском Розу с Крестом.

— Хорошо, — согласился Нострадамус. — Сейчас попрошу их. Вы увидите, это вполне возможно. Я возьму последнюю сказанную вами фразу и — по магическому кругу — узнаю это имя, мадам.

Екатерина задрожала еще сильнее. Нострадамус, не обращая на это никакого внимания, расположил по кругу буквы, составлявшие фразу: «Имя мужчины! Нет, чародей! Король ада! Имя… Прикажи своим могущественным силам открыть тебе его!» — и снабдил каждую букву номером от одного до семидесяти одного.

В течение нескольких минут Нострадамус вни-

мательно смотрел на магический круг.

Потом он улыбнулся — и от этой улыбки королева чуть не лишилась чувств! — улыбнулся и произнес:

— Вот и ответ, мадам! Вот и имя! А вместе с именем — вот и судьба отца вашего сына Анри! Держите, мадам! — добавил он, написав пару строк на новом листке пергамента. — Возьмите это, прочтите, сравните и вы обнаружите здесь совершенную метатезу вашим собственным словам!

Екатерина жадно схватила листок и прочитала: «Отца этого ребенка зовут Монтгомери. Его оружие, дар Екатерины, приведет к развязке судьбы короля».

— Монтгомери! — прошептала королева. Было видно, насколько она поражена прочитанным.

— Это не я сказал. Это оккультные силы.

Но Екатерина уже не думала о том, что раскрыта порочащая ее тайна. Она была будто загипнотизирована словами, которые жадно читала и перечитывала, ища в них смысл, который позволил бы получить окончательную разгадку:

— Его оружие… Дар Екатерины… Приведет к развязке судьбы короля…

Что видела она за этими таинственными сло-

вами? Что за ослепление внезапно затуманило ее острый ум? И вдруг она поняла! Догадалась! Ей показалось: она прочла на листке пергамента огненные буквы пророческого предсказания[30], относящиеся к ее супругу Генриху II. Потому что, желая скрыть всепожирающее пламя, которым засветился ее взгляд, замаскировать чудовищную надежду, которой просияло ее лицо, она быстро прикрылась вуалью. Мрачная и горькая улыбка промелькнула на губах Нострадамуса… И он подумал:

«Вот и заброшена в этот жестокий ум первая мысль о преступлении! Но мне не нужно, чтобы она убила его сразу же! Я сам прослежу за тем, как пойдут дела… Екатерина, ты убьешь Генриха только тогда, когда я дам тебе сигнал!»

Пока он так размышлял, королева, проявляя поразительную силу духа, уже обрела присущее ей хладнокровие. И теперь искала средства, чтобы привязать к себе Нострадамуса.

— Маг, — сказала она, — если ты действитель-

---

[30] Примечания: 30

Пророческое предсказание, которое было начертано таинственной рукой на стене царского дворца в момент, когда Кир вторгся в Вавилон. В Библии, в Книге пророка Даниила о смысле этого пророчества сказано так: «И исчислил Бог царство твое и положил конец ему… ты взвешен на весах и найден очень легким… разделено царство твое и дано Мидянам и Персам». (*Примеч. пер.*)

но станешь служить моим интересам, я озолочу тебя! Дам тебе столько, сколько пожелаешь!

Нострадамус улыбнулся без всякого презрения.

— Мадам, — тихо ответил он, — когда опустеют ваши сундуки, приходите ко мне — я снова их наполню…

— Вы?!

— Я. Видите этот стол? Он отлит из чистого золота. И это я изготовил золото. Это я расплавил в своих тиглях материалы, из которых получились те бриллианты, что сверкают на моем Кресте.

— О-о-о! — простонала потрясенная королева. — Значит, вам удалось найти то, что искали столько знаменитых ученых с древности до наших дней?

— Что именно, мадам?

— Философский камень! — прошептала Екатерина, жадно всматриваясь в прорицателя.

Нострадамус сделался задумчив. И заговорил, словно сам с собой. А в голосе его звучала неподдельная горечь.

— Да, я нашел его. Вернее, Загадка открыла мне то, что люди узнают только через два или три тысячелетия. Философский камень — это правда, как и другие истины, еще скрытые от человеческих глаз. Когда человек откроет единственную

и универсальную истину, он вычеркнет понятие «смерть» из списка слов, употребляемых людьми. Потому что это слово, лишенное смысла, мадам. Это единственное понятие, которое не является отзвуком высших истин. Это единственное понятие, которое не соответствует ничему. Потому что все живет, мадам, и все продолжается в вечности жизни… Вот чему меня научила Загадка…

— Скажите, вы человек? — прошептала королева. — Может быть, вы ангел? Или демон?

— Я человек, — с бесконечной печалью ответил Нострадамус. — Потому что познание не научило меня подавлять боль, терзающую сердце. Если вы признаете, что все на свете тесно связано, если признаете, что материя едина и универсальна, вы сможете понять, что человеческие слова суть не что иное, как отзвуки уже написанных в вечности слов, что изготовление золота — всего лишь дело простых вычислений и что те, кого вы называете мертвецами, могут явиться на голос умеющего говорить с ними…

Екатерина с ужасом огляделась вокруг.

— Мадам, — сказал Нострадамус, поняв, что королева от страха готова лишиться рассудка, — ничего не бойтесь! Я всего-навсего человек, человек, который страдает… Я очень многое могу

сделать для других и очень мало для себя самого… Вы обещали мне ясно изложить вашу нынешнюю ситуацию…

Екатерина медленно и истово перекрестилась.

— Хорошо, — с трудом выговорила она, стуча зубами. — Давайте лучше поговорим обо мне, мессир…

III. Клятва Нострадамуса

— Что ж, — продолжил Нострадамус добродушно, — у вас есть основания пожаловаться на поведение вашего супруга Генриха II, короля Франции. Не так ли?

Королева не обратила внимания на то, с какой неумолимой ненавистью произнес Нострадамус имя ее мужа. Она не заметила и огненных искр, блеснувших в его глазах, когда он произносил это имя.

— Анри любил многих женщин, — сказала она с сумрачной улыбкой. — Меня это никогда не тревожило. Но та, в кого он влюбился на этот раз, меня просто приводит в ужас. Потому что страсть, которую она внушила королю, способна довести его до…

Екатерина внезапно умолкла. Ее бледное лицо волной залила краска. Нострадамус склонился к ее уху и прошептал на одном дыхании:

— …довести до развода с вами, так, мадам?

Королева содрогнулась всем телом и бросила на мага взгляд, исполненный такого бешенства, что ужаснул бы всякого, только не его.

— Вы обещали быть со мной откровенной, ма-

дам. Но у вас еще есть время промолчать о том, о чем говорить не хочется.

— Нет-нет! — глухим голосом ответила Екатерина. — Слишком поздно для отступления. Это правда. Король обезумел, обезумел от любви. Он готов отдать этой женщине трон, всю Францию… А поскольку я могу послужить тут препятствием, меня надо раздавить! Терпение! Терпение! — добавила она с ужаснувшей бы любого слушателя, но опять-таки не Нострадамуса, усмешкой. — Мой час настанет. И тогда… О, тогда горе тем, кто заставил меня страдать так, как я страдаю!

Екатерина встала. В этот момент она была похожа на ангела ненависти, она дрожала, она дрожала от боли. Наверное, очень давно она не пыталась вот так открыть кому-то душу, и собственная искренность поражала королеву. Почему она доверилась этому человеку? Она снова умолкла, провела рукой по влажному лбу, села в свое кресло и прошептала, не в силах сопротивляться этому странному желанию сказать все до конца:

— Эта женщина, мессир, может причинить мне непоправимое зло! Женщина? Какая она женщина! Девчонка! По существу, она еще дитя, но это опасная и извращенная тварь, умеющая

отказывать, чтобы добиться всего…

— Могу я узнать имя девушки? — спросил Нострадамус.

— Ее зовут Флориза, — ответила королева. — Флориза де Роншероль…

Нострадамус не пошевелился. Он не вздрогнул, ни одна морщинка не легла на его чело. Но внутри у него все бушевало.

«Флориза! — только что произнесенное королевой имя поразило его, как молния. — Флориза! Дочь Роншероля! Генрих влюблен в дочь Роншероля! О! Мне смутно видятся страдания этого человека, страдания, подобные пережитым мною самим, потому что Флоризу любит или скоро полюбит Руаяль де Боревер, а Руаяль де Боревер — сын Генриха! Король Франции, палач той, кому я поклоняюсь, вот наконец твое наказание! Люби эту Флоризу! Если сможешь, люби ее еще в тысячу раз сильнее, чем я когда-то любил мою Мари!»

Все эти мысли, как безмолвное, но страшное заклятие, вихрем пронеслись в мозгу Нострадамуса, и душа его сразу же успокоилась. Он облокотился на золотой стол так, чтобы оказаться поближе к очень тихо говорившей королеве, и прислушался. Он слушал очень внимательно, но мысль его работала, как никогда, напряженно, но

фантазия его была необузданной.

— У меня есть только одно средство для защиты, — почти шептала Екатерина. — И я хотела бы испробовать это средство на Анри: приворотное зелье! Я слышала, что это помогает… Я и сама… — добавила она, побледнев, — я сама пользовалась любовными напитками — и не без успеха… Маг, я безгранично верю вам… Я жду!

Нострадамус встал и, обогнув стол, подошел к королеве. Он навис над ней, как грозовая туча, как предвестник несчастья. И когда она, подняв на него глаза, увидела искаженное страшным волнением лицо, то всем своим существом почувствовала: вот-вот прогремит гром. Она ждала, тяжело дыша. И Нострадамус произнес:

— Королева! Ты ненавидишь этого человека, который унижает тебя, который пытается тебя сломить… Ты ненавидишь короля… И ты просишь меня дать тебе приворотное зелье! Подумай сама… Разве такого наказания заслуживает человек, который унизил тебя, который подверг тебя таким пыткам? Нет, куда более грозного! Но, если ты хочешь испробовать такое средство, попытайся вернуть его себе любовью. Используй, как когда-то прежде, свое очарование, используй магнетизм твоего тела… Потому что ты краси-

ва, Екатерина, ты еще хороша, хотя начинаешь блекнуть и увядать, как заброшенный цветок… Да, попробуй, если хочешь, провести новую изощренную атаку на сердце и чувства Генриха, но я тебе в этом не помощник! Я не хочу в это вмешиваться…

Екатерина скрипнула зубами и хотела что-то ответить.

— Молчи! — оборвал ее порыв Нострадамус. — Тебе надо усвоить как следует: Генрих будет любить Флоризу! Его страсть дойдет до высшей точки. Ты окажешься накануне развода, и тебе придется пережить эту ужасную минуту…

Из груди королевы вырвался хриплый стон. Но маг, не обращая на это внимания, безжалостно продолжал:

— И только тогда, только в эту ужасную минуту судьба вторгнется в твою жизнь. Вот тогда появлюсь я, и я спасу тебя… Екатерина, развода не будет, Екатерина, ты останешься королевой! Ты воцаришься на престоле вместе с сыном твоего сердца… Да поразит меня молния, да смешает она меня с прахом, если я не выполню своего обещания!

Раздался душераздирающий крик, вопль, выражавший одновременно все чувства, ис-

пытываемые в тот момент королевой: горечь, злобу, чудовищную надежду, в которой она никогда бы не решилась признаться даже себе самой. Нострадамус чуть отступил и погрузился в размышления, сумерки в его душе временами озарялись проблесками света.

«А если она на самом деле попытается снова соблазнить своего мужа? А вдруг ей это удастся? Она еще очень красива… А этот человек слаб… Вдруг он, как в прежние времена, не сможет устоять перед ней? Если он ее опять полюбит, я погиб! Планы моей мести рассыплются, как карточный домик… Нет! Нет! Нужно возвести между Екатериной и Генрихом непреодолимый барьер! И я это смогу! Я попробую еще раз совершить ту страшную операцию, которая мне уже удавалась!»

Мало-помалу Екатерина успокаивалась. Она поднялась, закуталась в вуаль и сказала:

— Вот-вот пробьет полночь. Мессир, мы еще увидимся, я вернусь. А пока — я уношу ваши слова в своем сердце…

— Мадам, — быстро ответил Нострадамус, — для того чтобы моя клятва стала нерушимой, ее необходимо повторить в присутствии кого-то из покойных членов семьи вашего царственного

супруга. Постарайтесь быть сильной, быть мужественной…

IV. Призрак Франсуа

Нострадамус взмахнул рукой, и рассеянный свет, падавший из-под купола, внезапно погас. Зал погрузился во мрак. Екатерина почувствовала, как на нее накатывает страх, она ощутила, как он мерзкой холодной змеей проползает по ее позвоночнику…

— Что вы собираетесь делать? — растерянно пробормотала она.

Чья-то рука схватила королеву за руку и потянула за собой. Вдали, за стенами странного замка, раздался голос ночного сторожа, прозвучавший в этот момент особенно жалобно:

— Полночь! Люди Парижа, спите спокойно! Полночь!.

— Полночь! — повторила Екатерина. Все в ней трепетало, душа ушла в пятки.

— Заклинаю вас Всемогущими силами, молчите! — прошептал ей прямо в ухо голос мага. — Ни слова, если хотите, чтобы заклинание возымело действие, чтобы удалось вызвать духа! А если вы хотите царствовать, нужно, чтобы это произошло. Нужно, чтобы мертвец подтвердил мою торжественную клятву… покойник из рода Ген-

риха Французского!

Екатерина попыталась подавить в себе страх, она постаралась взять себя в руки и, оставаясь внешне очень спокойной, последовала за Нострадамусом. Внезапно они оказались в комнате, освещенной красноватым фосфоресцирующим светом, шедшим отовсюду и ниоткуда. Королева почувствовала необычный резкий запах, запах, который, казалось, заполнял собой все поры, запах, от которого она пришла в такой ужас, какого не помнила за всю свою жизнь, какому не в силах была противостоять, не в силах противиться, не в силах сражаться с ним…

— Не пугайтесь запахов, которые, как вы почувствовали, носятся здесь в воздухе, — сказал Нострадамус, и голос его прозвучал на этот раз ясно, свежо, одновременно ласково и властно. — Это сера — запах Сатурна; это алоэ — запах Юпитера; это душистая смола стиракс — запах Марса; это лавр — запах Солнца; это мускус — запах Венеры; это можжевельник — запах Меркурия; и самый притягательный — запах Луны… Наконец, это объединяющий все ароматы запах ладана… Очень скоро вы привыкнете к этой атмосфере, необходимой для нашего дела…

Екатерина бросилась на колени, она старалась

вжаться в землю, она была раздавлена не желавшим проходить ужасом и едва осмелилась приоткрыть глаза.

Вот что увидела королева.

Она находилась в большой квадратной комнате без окон. Потолок, все четыре стены и пол в этой комнате были затянуты шелковой изумрудной тканью, переливавшейся и отбрасывавшей странные отблески, подобно коже саламандры. Ткань была прибита к стенам, потолку и полу медными гвоздями. В глубине стояла прислоненная к восточной стене большая рама, накрытая белой кисеей.

«Там какой-то портрет… — подумала Екатерина. — Но чей, чей портрет?»

Она не успела ответить себе на этот вопрос, ее внимание переключилось на нечто вроде церковного престола белого мрамора, который стоял перед рамой и опирался на четыре колонны, заканчивающиеся бычьими копытами. На престоле сиял талисман Анаэля — крест с пятью ветвями из чистой меди. Рядом с ним растерянная, почти обезумевшая Екатерина обнаружила источник странных запахов — жаровню, из которой тянулся дымок. У подножия алтаря была расстелена белоснежная шкура ягненка. Посреди

комнаты стоял медный треножник с еще одной жаровней, откуда тоже фантастическими спиралями возносился к потолку дымок и откуда тоже исходил все тот же резкий запах. Всмотревшись внимательнее, Екатерина заметила, что как престол, так и треножник обвиты железными цепями и тройными гирляндами из роз и листьев мирта, перемешанных с листьями оливы.

Трепещущий взгляд Екатерины блуждал по этим странным предметам, переходя с одного на другой и снова возвращаясь к началу осмотра. Смысла всего увиденного она не понимала. А когда она обернулась, то у западной стены, иными словами — напротив портрета, обнаружила балдахин из все той же изумрудно-зеленой ткани, помещенный на две медные колонны, у подножия которых располагался Сфинкс из белого мрамора.

Под навесом она вдруг увидела Нострадамуса. Как он там оказался? Откуда явился? Она не могла понять. В левой руке маг держал большой медный канделябр со свечой белого воска, в правой — обнаженный меч… Он поставил канделябр у южной стены, прошел в центр комнаты и начертал на полу кончиком меча большую

окружность[31].

Нострадамус заговорил.

— Из толпы призраков, — торжественно произнес он, — кого из усопших, незримыми узами соединенных с Генрихом, королем Франции, я призову, чтобы он стал свидетелем и смог подтвердить перед Всемогущими Оккультными силами данную мною королеве Екатерине Медичи клятву: обеспечить ей безраздельную власть? Кто это может быть, если не тот, кого Генрих Французский так безутешно оплакивал, если не его возлюбленный брат, умерший в Турноне, — Франсуа из рода Валуа?

— Франсуа!!! — закричала Екатерина. — Нет!!! Нет!!! Только не он! Я не хочу!!!

Нет, это ей только показалось, что она закричала. Из ее уст не вырвалось не только почудившегося ей дикого вопля, но даже легкого шепота.

— Франсуа де Валуа! — призывал Нострадамус. — Во имя Всемогущих сил заклинаю тебя: покинь то место, где пребывают души праведников, ожидающих искупления, и явись здесь! Франсуа де Валуа, восстань из мертвых!

«Нет!!! Нет!!!» — беззвучно молила Екатерина.

---

[31] Примечания: 31

Такой круг предназначен для того, чтобы вызванный дух не мог воздействовать на того, кто его вызвал. (*Примеч. авт.*)

Прилагая неимоверные усилия, движимая неизбывным ужасом, охватившим все ее существо, королева сумела продвинуться на несколько шагов вперед. Теперь справа от нее оказалась большая рама, завешенная кисеей, слева — балдахин изумрудного шелка. Нострадамус с мечом в руке стоял в центре начерченного им круга. Ей показалось, что от него исходит сияние, что он — воплощение сверхчеловеческой, неземной красоты, что он подобен ангелу смерти…

Внезапно кисея, покрывавшая раму, стала медленно опускаться на пол. Зрачки Екатерины расширились, нервы были напряжены до предела: вот-вот разорвутся, как натянутые струны. Она чувствовала, что, несмотря на все усилия, ей не хватает воли оторвать взгляд от пространства внутри рамы… А в раму, как оказалось, было вставлено зеркало без амальгамы, за которым клубились тени…

— Во имя Всемогущих сил! — снова произнес Нострадамус. — Франсуа де Валуа, брат Генриха Французского, заклинаю тебя, покажись присутствующей здесь королеве!

Екатерина больше и не пыталась предпринять какие-либо усилия. Ей показалось, что сердце ее остановилось. Нечеловеческий ужас полностью

подавил все ее чувства, она оставалась неподвижной, словно впала в прострацию, словно была раздавлена этим ужасом. Но вдруг по телу королевы пробежала дрожь: это был ответ на содрогание, замеченное ею то ли за рамой, то ли внутри ее. Там, в сумраке среди теней, стала вырисовываться, постепенно приближаясь, белая фигура пока еще неясных очертаний! Очертания были еще неясны, формы неразличимы, но это была, несомненно, человеческая фигура, и она сияла нестерпимой белизной! Призрак, который поначалу казался далеким, меньше чем за секунду обрел ясные контуры, очутился в двух шагах за зеркалом, потом — на его поверхности, и вот он уже вышел из зеркала… Он в комнате!

«Франсуа! — все так же беззвучно умоляла Екатерина. — Смилуйся! Пощади меня, Франсуа, исчезни!»

— Франсуа де Валуа! — в то же самое время медленно произнес маг. — Нострадамус приветствует тебя!

Одно мгновение — и призрак, неведомо какими путями, потому что Екатерина не видела, как он проходил по комнате, оказался под балдахином. Королева узнала Франсуа таким, каким он всегда был, готовясь вступить в сражение: закованный

в сталь, в доспехах, наколенниках, наручах… Только голова была открыта — застывшая над кирасой бледная, обескровленная голова… Лицо призрака не выражало ни печали, ни гнева, чудовищно проницательный взгляд проникал прямо в душу королевы, чтобы отпечататься там навсегда…

Екатерина задыхалась. Она видела Невидимое! Все ее существо содрогалось, она извивалась змеей, пытаясь вырваться из объятий Страха… Она ощущала, как раздувается ее тело, как шевелятся и встают дыбом волосы на голове…

И Страх победил: она внезапно перенеслась в мир, где не было места другим человеческим чувствам, — Франсуа, призрак Франсуа медленно подходил к ней! Он приближался! Он скользил по изумрудному ковру, нет, он летел над ним! Екатерина упала навзничь, но пыталась приподняться, исступленно протягивая руки, она пыталась оттолкнуть от себя этот ужас из ужасов… Франсуа склонился над ней! Франсуа сам протянул к ней руку! И кончиком пальца дотронулся до ее лба! В то же мгновение она, испустив протяжный стон, рухнула на землю и потеряла сознание.

Часть девятая
ПРЕСТУПНИКИ

I. Лагард и Монтгомери

Выйдя из замка Нострадамуса, Екатерина приблизилась к своему эскорту: двенадцати дюжим рейтарам в куртках из буйволовой кожи, вооруженным кинжалами и пистолями. Это были невежественные, инертные, бесчувственные существа, послушные до готовности в любую минуту пойти на преступление, неистово преданные своей хозяйке и своему командиру. Достаточно было бы одного слова их начальника, Лагарда, — и они сожгли бы дотла Лувр. Достаточно было бы одного знака их королевы, Екатерины, — и они вышибли бы двери ада и сами отправились бы навеки в пекло. Королева называла это стадо своим Железным эскадроном.

Был у нее еще и Летучий эскадрон, эскадрон, шуршащий переливчатыми шелками, утопающий в кружевах: два десятка девиц самого что ни на есть благородного происхождения, выбранных из толпы бывающих при дворе красавиц. Но они были не только красивы, они были пылкими, чувственными, похотливыми. И их специально дрессировали, учили возбуждать страсть. Из этих девиц состояла шпионская сеть Екатерины, и

угодить в ячейки этой сети мог кто угодно, ибо устоять перед Летучим эскадроном не мог никто. Они умели предлагать себя, дарить, отдаваться, отказывать, когда требовалось, прибегать к тысячам хитростей и уловок, чтобы добиться цели, намеченной королевой. А когда они отдавались и взятому на одну ночь любовнику казалось, что перед ним открылись двери рая Сладострастия, на самом деле все обстояло совсем иначе: раскрывая несчастному свои смертоносные объятия, они одни умели вырвать у него тайну, которой только и дожидалась королева, укрывшись, как в засаде, в своей молельне.

Их девиз выражался тремя словами: «во имя любви».

Когда Екатерине, всегда обеспокоенной, вдруг казалось, будто на лице кого-то из знатных сеньоров мелькнуло выражение, намекающее на то, что ему что-то известно, она указывала на него одной из своих шпионок, которая, выполнив поручение, в кратчайшие сроки представала перед королевой с отчетом. И тогда королева вершила суд: ведь ей отныне были открыты сердце, душа, все мысли подозреваемого. Если подозрение оказывалось неоправданным, человек оставался в живых, его отпускали, а могли и выставить вон.

Но если подозрения оправдывались, несчастный поступал в распоряжение Железного эскадрона, и дня через три его находили зарезанным в каком-нибудь глухом переулке.

Начальником Железного эскадрона, как уже известно читателю, был барон де Лагард. Он обладал неограниченной властью над своими рейтарами. Они подчинялись жесточайшей дисциплине. Вся дюжина разбойников дрожала перед своим шефом. Но когда намечалась какая-то операция, командир на две-три ночи спускал с цепи своих верных псов, снимал с них строгие ошейники и отправлял их на оргии подобно тому, как ввергал в сражение, предлагая опьянение вином, опьянение любовью, опьянение кровью, наслаждение всем этим как закуску перед пиром битвы.

Лагард был вхож в Лувр, но его держали поодаль, хотя никто толком не знал, в чем его можно было бы обвинить. Он казался подозрительным, командир Железного эскадрона, и все тут. Лагард был не из тех людей, которые пугаются недоверия, но — то ли из соображений высшей политики, то ли, вполне возможно, по беспечности, а то и в связи с тем, что действовать именно так приказала ему Екатерина, он показывался во дворце только в тех случаях, когда требовалось

подтвердить свое право быть там. Как следствие всей этой ситуации, возникла необходимость в посреднике между Екатериной Медичи и бароном Лагардом.

Таким посредником стал капитан охранявшей Генриха II шотландской гвардии граф де Монтгомери. Нельзя сказать, что пылкому офицеру не нравились его прямые обязанности: дело, что говорить, благородное, должность, за которой иные гоняются. Да и к королю Монтгомери, в общем, был привязан. Но королева крепко держала его в руках, и вот почему.

Однажды вечером, несколько лет назад, между Екатериной и Генрихом разгорелась одна из тех ужасных ссор, какие случаются и в королевских семействах. Впрочем, в этом королевском семействе они случались, увы, слишком часто. В те времена Екатерина еще не достигла совершенства в искусстве умалчивания, и в тот вечер говорила от всей души, изливая потоки ненависти на Диану де Пуатье. Попросту говоря, открыто проявляла себя как ревнивая жена. Король, не желая слушать, пожал плечами и собрался было выйти из комнаты.

— Раз так, — сказал он на пороге холодно, — я отправляюсь к Диане, чтобы найти там нежность,

которой не нахожу в королеве.

И удалился. Оставшись одна, Екатерина разрыдалась, — тогда еще она умела плакать, но это были последние слезы, пролитые оскорбленной супругой.

— А я? — кричала она. — А меня, униженную, отвергнутую, кто утешит?

Она огляделась и увидела, что при ужасной сцене присутствовал капитан шотландцев. Он стоял, вытянувшись во весь рост, прямой, неподвижный и онемевший, с непроницаемым лицом. Королева заметила, что капитан молод, крепок телом и хорош собой. И сказала себе: вот человек, который, наверное, сможет за меня отомстить! И в одну секунду присущая королеве волшебная сила воображения, которая делала ее поистине гениальной артисткой, позволила ей разработать замысел, который должен был осуществиться еще нескоро. Она мгновенно поняла, какие огромные возможности открываются перед ней, если она станет действовать вместе с мужчиной, который будет не только ее ставленником, но больше того — ее творением!

Екатерина подошла к Монтгомери и спросила его:

— Вы слышали?

— Нет, мадам, — твердо ответил капитан.

Королева пришла в восторг от его ответа. Но продолжала настаивать:

— Нет, вы слышали, как он говорил со мной! Последняя из моих придворных дам, предоставленных мне только смеха ради, последняя из моих служанок не стерпела бы такого обращения! Ну, скажите же, вы слышали?

— Мадам, — стоял на своем капитан, — я вижу и слышу лишь то, что мне приказывают видеть и слышать!

— Вот и прекрасно! — не уступала Екатерина. — Считайте, что я приказала вам слышать!

Монтгомери поднял глаза и увидел перед собой красивую молодую женщину, еще похорошевшую от недавно пролитых слез, с разрумянившимся лицом, с влажными губами. И его словно молнией поразила мысль: в эту минуту королева стала всего только женщиной, и, если он захочет, она будет принадлежать ему, а если эта ослепительная, выходящая за пределы простых человеческих желаний мечта сбудется, если он на самом деле из охранника превратится в любовника королевы, перед ним откроется невообразимо прекрасное и роскошное будущее.

«Я рискую головой, — подумал он. — Моя жизнь

— ставка в этой игре. Орел или решка… Удача или смерть!»

И — упал на колени перед Екатериной, шепча с неподдельной страстью:

— О, мадам, в таком случае, если вы приказываете, — да, я слышал, я видел все! Вы — моя повелительница, и — Господь свидетель! — я клянусь, что мое сердце разрывается, когда мою королеву, мою богиню, ту, кого я хотел бы видеть на пьедестале, гонят с престола! Клянусь вам, что, если бы надо было умереть, чтобы добиться такой чести, я умер бы с радостью, осушив губами эти святые слезы, которые катятся из ваших глаз!

Екатерина сделала самое большее, что могла сделать в этот момент: она подняла капитана с колен, притянула его к себе, подставила его губам свои прекрасные глаза и шепнула:

— Так выполните то, чего вам так хочется!

Когда под утро осчастливленный Монтгомери покидал спальню королевы, обменявшись с ней перед тем нерушимыми клятвами, между этими двумя людьми был уже заключен договор, расторгнуть который могла бы одна только смерть… Хотя, прямо скажем, любовь, вспыхнувшая между Екатериной и капитаном шотландцев, не имела завтрашнего дня и не сулила счастливого

продолжения. Правда, изредка встречаясь с любовником, королева всегда доказывала ему, что для него она прежде всего женщина, но постепенно он стал замечать, что померещившиеся ему было роскошь и удача становятся неуловимыми, как мираж. Постепенно он понял, какую именно роль отводила ему Екатерина в своей жизни, и тогда решил выйти из игры.

— Мадам, — сказал Монтгомери королеве, — я хотел быть героем, сжальтесь надо мной и не делайте из меня наемного убийцу!

Она промолчала.

И однажды он привел к ней барона Лагарда:

— Вот человек, который вам нужен.

Екатерина все поняла и извлекла из знакомства с Лагардом всю возможную выгоду: именно тогда был организован Железный эскадрон. Но Монтгомери тоже оставался во власти королевы. Он не стал наемным убийцей, как того желала королева, но тем не менее для него началась полоса угрызений совести и раскаяния, потому что его новое существование оказалось еще хуже предполагаемого: он стал доверенным лицом.

Итак, Екатерина Медичи, выйдя из дома Нострадамуса на улицу Фруамантель, присоединилась к своему эскорту, состоявшему из капитана Монт-

гомери, барона Лагарда и дюжины головорезов Железного эскадрона. Она двинулась вперед, опираясь на руку Монтгомери, а Лагард пошел следом за ними. Головорезы выстроились справа и слева от них. Сопровождаемая этой ордой ночных хищников, королева молча дошла до низкой двери, через которую собиралась проникнуть в Лувр, но не стала этого делать. Остановившись, она сказала тихо:

— Отошлите их…

Монтгомери обратился к Лагарду:

— Вы слышали? Выполняйте!

— Эй, ребята! — скомандовал барон. — Отправляйтесь на улицу Лавандьер и ждите меня там в «Угре под камнем».

— И хорошенько развлекайтесь! — добавила королева, возвысив голос.

Эскадрон сразу же понял смысл приказа: до сих пор всякий раз, когда им велели как следует поразвлечься, после этого их отправляли убивать. Для этой банды головорезов убийство было таким же обычным делом, как неизменно предшествовавшие ему развеселые пирушки. Связь одного с другим была тесной и неразрывной. Потому и сейчас в потемках раздалось удовлетворенное сопение, прозвучали два-три радостных руга-

тельства, и двенадцать теней быстро скользнули вдоль рвов, окружавших Лувр…

Екатерина еще какое-то время простояла молча у входа во дворец между Монтгомери и Лагардом. Она осматривалась, и взгляд ее был тревожным и подозрительным. Наконец, видимо, убедившись, что нежелательных свидетелей нет и никто не может подслушать разговора, прошептала очень тихо, почти неразличимо:

— Габриэль, час приближается. Я выполню все, что обещала, и сверх того…

Монтгомери с ужасом уставился на Лагарда. По его телу пробежала судорога, способная убить человека. Он понял, что вот сейчас королева сделает его союзником… сообщником… в чем?

Уже очень давно она не называла любовника по имени и тем более не обращалась к нему «на ты». И, раз она повела себя так, значит, должно произойти нечто из ряда вон выходящее, нечто чудовищное…

— Мадам, — пробормотал он, указывая глазами на Лагарда, — нас слушают…

— Габриэль, — продолжала Екатерина чуть громче, — я когда-то дала тебе отличный кинжал… Завтра ты найдешь у себя копье — роскошное и крепкое копье, достойное тебя. Потому что

ты должен быть хорошо вооружен…

— Копье? — пробормотал Монтгомери.

— Я же сказала: час приближается! Разве мы оба не ждали, разве мы не надеялись, разве не строили планов великого деяния, которое даст мне власть, а тебе — счастье и богатство?

Монтгомери пошатнулся, голова у него закружилась. Он понял!

Впрочем, он догадывался о том, чего хочет Екатерина, уже давно: с той самой ночи любви, после которой родился мальчик — будущий Генрих III. Он уже тогда догадывался о том, чего она у него однажды попросит. И зачем она дарит ему кинжал дамасской стали… Но на какое-то время кошмар отступил, прошли годы… Монтгомери надеялся, что вопрос об этом больше никогда не встанет. И вот теперь королева обещает подарить ему копье, предупреждая: «Час приближается!»… Он с трудом выговорил внезапно охрипшим голосом:

— Мадам, если в моем присутствии тот человек, о котором вы говорите, станет угрожать вашей жизни, богом клянусь, я без всякой жалости нанесу ему смертельный удар, но…

Он ломал руки. Екатерина улыбалась. Лагард слушал, ничего не понимая и потому оставаясь

вполне равнодушным к услышанному. Тогда королева полуобернулась к барону. Она продолжала обращаться к Монтгомери, но таким образом, чтобы Лагард тоже оказался вовлеченным в разговор.

— Что ж, договорились, — сказала она. — И никакой слабости! Габриэль, смотри на меня внимательно каждый вечер во время королевской игры. Когда ты увидишь приколотую к моему корсажу красную розу, знай: настало время действовать…

— Красную розу, отлично, — проворчал Лагард.

— Мадам! Мадам! — лепетал в отчаянии Монтгомери, не находя себе места от охватившего его ужаса. — Мадам! Подумайте! Ведь вы хотите вооружить меня против…

— Против кого? Ну, назови же его!

— Смилуйтесь, мадам! — умолял капитан шотландской гвардии.

— Назови! Назови его имя, заклинаю тебя Пресвятой Девой! Иначе я пойду и скажу этому человеку, что не он отец его третьего сына!

Монтгомери, пошатываясь, прикрыл лицо руками.

— Король! — прошептал он на одном дыхании.

— Король! — повторил за ним Лагард вне себя

от изумления.

— Так помни, Габриэль, — холодно продолжала Екатерина, — что, как только ты увидишь на моей груди красную розу, это будет означать: час пробил. А теперь — проводи меня до моих апартаментов. А вы, сударь, — обратилась она к оцепеневшему Лагарду, — идите к вашим людям и сделайте так, чтобы на этот раз они как можно лучше позабавились…

Екатерина с Монтгомери вошли в Лувр, он, по-прежнему пошатываясь, она — холодная и неприступная. Лагард остался один. Он опустил голову, присвистнул, выражая восхищение, смешанное с удивлением, и пробормотал:

— Ничего себе! Король! Холера! Сам король!

Но, содрогнувшись душой, подобно тому, как солдат встряхивает плечами, чтобы поправить сползшую амуницию, барон сумел восстановить равновесие в мыслях. И, шагая спокойно и твердо, направился к улице Лавандьер, где в кабачке «Угорь под камнем» должны были ожидать его головорезы из Железного эскадрона…

II. Неизвестная женщина говорит с Боревером

В тот самый час, когда Екатерина Медичи, Монтгомери и Лагард проводили тот удивительный тайный совет, о котором читателю стало известно из предыдущей главы, в тот самый час, когда капитан охраны Генриха II отсылал Железный эскадрон поразвлечься, а Лагард назначал своим людям свидание в кабачке на улице Лавандьер, в этот самый час Руаяль де Боревер со своими четырьмя товарищами находился в убогой хижине Двора Чудес.

Они скрывались здесь после бегства из дома великого прево, которое удалось благодаря сообщничеству Флоризы де Роншероль, сообщничеству, в большей или меньшей степени раскрытому отцом девушки.

Хорошо отдохнувшие, приодевшиеся бандиты сгорали от желания вновь заняться привычными делами. И вот момент настал. Руаяль вскочил с места и воскликнул:

— В дорогу, мошенники! Черт побери! Я обещал вам пирушку у Мирты, и вы увидите, что я умею

держать слово!

А про себя подумал с невыразимой нежностью: «Мирта, милая, дорогая Мирта, скоро мы увидимся! Мирта, сестренка! Теперь ты — вся моя семья, ведь бедняги Брабана больше нет…»

Раздались крики одобрения, прозвучала веселая ругань. Буракан с горящими глазами облизнулся и прогремел:

— Дьявольски здорово! Если только Мирта нас впустит…

— Но, — осторожно вмешался предусмотрительный Тринкмаль, — разве у вас есть деньги, сеньор де Боревер?

Руаяль испепелил его взглядом и пожал плечами. Деньги! Дурацкий, бессмысленный вопрос! Разумеется, у него в кармане не было ни гроша. Он, не отвечая, выскочил из берлоги. Четверо разбойников последовали за вожаком. В момент, когда они собирались повернуть на улицу Труссеваш, Страпафар свистком подал сигнал тревоги: за пару секунд пятерка объединилась, все застыли, держась за рукояти кинжалов, окаменели, вытянув шеи, обшаривая глазами темноту. И не зря: группа вооруженных людей прошла прямо перед их глазами, явно направляясь в ту же сторону, что и они сами.

— Двенадцать! — насчитал Руаяль.

— Сюда! Скорей! Убивают! — прокричал голос неподалеку.

— Они на кого-то напали, — прошептал Руаяль. — Это бандиты!

— Пускай разделят с нами добычу!

— Нет-нет, никакой дележки! Вся добыча должна достаться нам!

— Разумеется, нам, — подтвердил Руаяль, но голос его прозвучал как-то странно.

В три прыжка он оказался на месте происшествия. И обнаружил там, в полной тьме, ужасную свалку: дюжина замеченных им бравых ребят явно со злодейскими намерениями навалилась на каких-то прохожих. Но не успел он подойти к ним поближе, как один из этой дюжины завопил: «Смываемся, братцы!» — и, изрыгая глухие проклятия, ночные разбойники один за другим скрылись в ночи. Все произошло так быстро, что Боревер не успел отреагировать, он застыл на месте, растерянный этой внезапностью. Но тут подоспела четверка его верных спутников, и они, не тратя времени на размышления над случившимся, принялись радостными восклицаниями вперемешку с грязными ругательствами праздновать победу, не забывая при этом о до-

ставшейся им так легко добыче.

— Никакой дележки, все — нам!

Добычей оказалась горделивого вида женщина — она оставалась неподвижной и явно отнеслась к неожиданному нападению с полным равнодушием, если не с презрением. Перед ней, с явным намерением защитить жертву, стояли высокий мужчина и еще одна женщина, продолжавшая испускать пронзительные вопли, подобные крикам раненой птицы. И неудивительно: она не могла не понимать, что, счастливо избежав наскока тигров, вся компания немедленно попала во власть волчьей стаи. Тринкмаль с первого взгляда определил, что гордая с виду женщина скорее всего благородная дама, а двое остальных — ее слуги.

— Вот где кубышка-то! — весело заорал он, как всегда, когда впереди светило выгодное дельце. И, протянув руку, схватил даму за плечо, в то время как трое его спутников набросились на слуг. Но в тот же момент из глотки Тринкмаля вырвался крик боли, а Буракан, Корподьябль и Страпафар вынуждены были отступить от желанной цели под мощными ударами кулаков.

— Убрать лапы! — проревел Боревер, награждая сотоварищей тумаками и затрещинами, которые

приводили их в такой восторг, когда доставались кому-нибудь другому.

— Что-что? — лепетали они, пятясь под градом ударов и не в силах прийти в себя от удивления.

— Мадам, — сказал Руаяль, обращаясь к жертве нападения, — вы свободны. А ты, — добавил он, схватив за ухо Тринкмаля, — сейчас же верни этой даме кошелек, который у нее стибрил.

Тринкмаль зарычал, как собака. Страпафар постучал пальцем по лбу, намекая на то, что вожак слегка свихнулся. Корподьябль и Буракан выругались. Тем не менее Тринкмаль послушался и протянул даме добычу, с которой ему очень не хотелось расставаться. Но дама мягко оттолкнула кошелек и ласково сказала;

— Оставьте его себе, друг мой…

— Ну, раз вы меня заставляете! — притворно вздохнул разбойник и молниеносно спрятал кошелек.

Руаяль взялся за шпагу и пригрозил:

— Тринкмаль, если сию секунду не вернешь то, что тебе не принадлежит, превратишься в труп!

На этот раз незнакомка приняла свой кожаный мешочек, протянутый ей кипевшим от бешенства и страха Тринкмалем. Потом внимательно посмотрела на Боревера.

— Не скажете ли, как вас зовут? — спросила она, и ее манера говорить произвела странное впечатление на молодого человека.

Но ответил он почти грубо:

— Как меня зовут? Руаяль де Боревер. Насколько я богат? Ни гроша в кармане. Где живу? В канаве. Чем занимаюсь? Темными делами. Мое прошлое? Тайна. Мое будущее? Веревка. Теперь вам известно обо мне все. Прощайте, мадам.

— Погодите минутку, — попросила она, жестом удерживая его. — Возможно, когда-нибудь вам понадобится надежное укрытие. Если вам будут угрожать, вас станут преследовать, за вами начнется погоня — спрячьтесь у меня. Улица Лавандьер. Напротив таверны «Угорь под камнем». Спросите Жиля — так зовут вот этого мужчину. Или Марготт — так зовут эту женщину.

— А вас, мадам, как вас зовут? — спросил Боревер с глубоким чувством, таким странным, что он сам не мог разобраться, что же такое с ним происходит.

Незнакомка, чей голос прозвучал отдаленным эхом неисцелимой боли, ответила:

— Меня… Я — Дама без имени…

И, не говоря больше ни слова, двинулась в сторону улицы Лавандьер. Слуги пошли за ней. Но,

прежде чем скрыться за углом, она остановилась, бросила к ногам Тринкмаля кошелек и сказала:

— Все-таки возьмите: это — от чистого сердца!

За свою долгую многотрудную жизнь бандиты стали настоящими специалистами и по одному только звуку, с каким тяжелый кожаный мешочек упал на землю, определили, что в нем, безусловно, весьма приличное количество золотых монет. Сердца их переполняла радость, но они даже не шевельнулись, кося каждый одним глазом на нежданно выпавшую таки добычу, а другим — на грозного вожака. Наконец Страпафар, видя, что Руаяль остается неподвижным и задумчивым, решился дотронуться до его руки и полупридушенным голосом намекнуть:

— Эй! Вроде бы она идет, куда и мы, — на улицу Лавандьер, а?

— На улицу Лавандьер? Верно. Это правда. Ну, ладно, пошли и мы…

— А этот несчастный кошелек? — застенчиво спросил Страпафар. — Мы что — оставим его здесь мокнуть под дождем, пускай денежки забирает всякий сброд?

— Ладно, возьми его, — разрешил Боревер.

Все четверо наклонились разом. Протянулись четыре руки. Раздались четыре коротких руга-

тельства. Не успел Руаяль и глазом моргнуть, как кошелек был уже пуст и добыча поделена по справедливости.

— Дама без имени! — глухо прошептал Боревер, не обращая внимания на происходящее. — Но я ведь тоже человек без имени!

III. «Угорь под камнем»

Если бы случайный прохожий дошел приблизительно до середины улицы Лавандьер, то непременно остановился бы, завороженно глядя на гигантскую вывеску, шедевр неведомого, но, безусловно, гениального кузнеца. Вывеска отступала от стены, нависая над сточной канавой, и представляла собой чудовищного по размерам и по виду угря, извивавшегося по капризу творца самым что ни на есть причудливым образом.

Нет, это не была приличная, благопристойная таверна, хотя бы такая, как, к примеру, кабачок «У ворожеи», где постоянно собирались или должны были бы собираться такие поэты, как Ронсар, Баиф, Жодель, дю Белле, такие художники, как Жермен Пилон, или даже такие искатели приключений, как шевалье де Пардальян. Нет, это было одно из тех заведений, что, согласно приказу, закрываются в час, когда город гасит огни, но только для того, чтобы сразу же распахнуть двери перед постоянным клиентом, постучавшим условным стуком. В таверне был общий зал — вот он-то выглядел как раз весьма благопристойно, зато справа и слева от него — особые помещения.

В час, когда все покидали кабачок, там оставалась одна Мирта. Там никто никогда не ночевал, кроме нее: ни слуги, ни клиенты, ни официанты.

Очень странной девушкой была эта Мирта. Явно себе на уме. И одно из главных условий, которые она соблюдала неукоснительно, было — никому на свете, никогда, ни за деньги, ни из гостеприимства не предоставлять ночлега, будь то богатый горожанин, герцог или сам принц.

Сюда, едва на Париж опускались сумерки, вваливались наемные убийцы, разбойники, грабители, карманники, бродяги, нищие, шлюхи, пьяницы, порой даже дворянского происхождения. В общем зале пили, пели, орали, ругались, вино лилось рекой, а иногда проливалась и кровь. Между столами лениво бродили красивые девушки, разодетые в шелка и бархат, а тем временем на улице некий человек караулил, чтобы вовремя предупредить о приближении ночного дозора.

В ту ночь, к двум часам пополуночи, обычные посетители уже давно покинули заведение, и общий зал опустел. Однако два особых зала — справа и слева — были заняты двумя разными компаниями, которые развлекались напропалую. Справа веселился Железный эскадрон, та самая дюжина головорезов, которую незадолго

до пирушки Руаяль де Боревер спугнул в момент ограбления незнакомой дамы на улице Труссеваш. Слева пировал Тринкмаль в компании друзей.

Руаяль де Боревер съел и выпил сколько хотел, потом встал, застегнул пояс и накинул на плечо плащ. Четверо разбойников собрались было последовать его примеру, но он остановил их жестом, словно пригвоздив к табуретам. И — не без волнения — заговорил:

— Правду сказать, славные мои спутники, мы неплохо поработали нашими шпагами с тех пор, как познакомились…

Друзья-собутыльники приосанились, готовясь выслушать похвальное слово из уст самого Боревера. Но почти сразу же сникли, потому что он добавил просто:

— А теперь, ребята, нам надо расстаться.

— Как это — расстаться, если нам так хорошо вместе? — Эй! Какого черта расставаться, когда столько дел впереди? — Начальник, что это значит? Он смеется, что ли? — Cristo ladro e vacca madonna! — все эти голоса прозвучали разом.

— Тихо! — на собутыльников Руаяль. Они замолчали, переглядываясь и не скрывая отчаяния.

— Вам налево, мне направо, — продолжал Боревер, — или, если хотите, мне на север, вам на юг… Почему? Потому что со мной вам ничего не светит, кроме глупостей. Я помешал бы вам жить, славные мои шалопаи. Не станем больше говорить об этом. Это был наш прощальный ужин. Потом… Кто знает? Наверное, мы когда-нибудь встретимся снова… А пока — прощайте! Спокойно, волчата! Тихо, ягнятки мои! Я не выношу сердечных излияний! Никакой слабости! Хочу сказать только одно: если одному из вас потребуется, чтобы я отдал свою шкуру, спасая его шкуру, пусть найдет меня через Мирту. Вот и все. Все остаются на местах. Я ухожу. Прощайте.

Закончив свою суровую речь еще более суровым жестом, Руаяль вышел. Его терзало бешенство. Чем оно было вызвано? Он и сам не знал. Против кого было направлено? Главным образом против самого себя. Он презирал этих людей, но ведь и любил их по-своему. Он называл их шалопаями, называл своими верными спутниками…

— Бедняги! — пробормотал он, выходя из комнаты. Четыре разбойника с вытаращенными от удивления глазами сидели на своих табуретах, растерянные и подавленные случившимся. Время от времени кто-то из них тяжело вздыхал.

— Ну, вот мы и потеряли душу нашей души, — сказал наконец Корподьябль.

— Он сам себя потерял, — возразил Страпафар. — Встал на путь спасения, что ли?

— Что ж, обойдемся без него, — буркнул Тринкмаль.

А Буракан не мог выговорить ни слова: он плакал.

Руаяль де Боревер вошел в кухню — просторное помещение, восхитившее бы каждого чистотой и порядком. В очаге трещали поленья, отблески высокого чистого пламени бросали на стены причудливые тени. Здесь полностью раскрывался хозяйственный гений Мирты. Это была добрая, милая светловолосая девушка в самом расцвете своей красоты. Каким-то чудом она ухитрялась оставаться чистой среди разврата, воздержанной среди окружавших ее постоянно пьяниц и обжор. Благодаря чему свершилось это чудо — расчету или темпераменту? Одному богу известно… Но такой уж она была — названая сестренка Руаяля.

Когда юноша вошел в ее царство, она чуть-чуть покраснела и, не сводя глаз с соуса, который размешивала в кастрюльке, сказала:

— Значит, вы вернулись в Париж? А я едва успела поздороваться с вами, когда вы вошли

сюда со своими товарищами!

— Но ты же видишь, Мирта, я сам зашел с тобой поздороваться… Или — попрощаться! Черт побери, подружка моя, до чего ты похорошела! Какими красивыми красками играет это пламя на твоем личике!

— Просто отсвет огня под кастрюлей. Обычное лицо кухарки. Не будем говорить об этом, сударь. Но если вы думаете, будто первым сказали мне, что я красивая, ошибаетесь — наверное, тысячным. И все это зря: собака лает — ветер носит… Давайте лучше поговорим о вас.

Он смотрел на нее, все еще взволнованный.

— Мирта, — обратился он к девушке, — я хочу попросить тебя о двух вещах. Первая просьба: разреши мне укрыться в твоей таверне.

Щеки Мирты разрумянились от радости, мгновенно охватившей ее при этих словах.

— Мне нужно некоторое время пробыть в Париже, — продолжал юноша. — Сколько времени? Еще не знаю. До тех пор, пока не пойму, какая сила меня здесь держит, пока не встречу неизвестно кого, кто ждет меня, подстерегает меня в этом лабиринте улиц… Я чего-то не знаю, не понимаю, Мирта, но хочу понять. Может быть, меня ждет счастье, а может быть… Может быть, смерть.

— Вы здесь — у себя дома, — просто ответила девушка, но голос ее слегка дрогнул.

— Спасибо. Мне достаточно какой-нибудь каморки на чердаке…

— Давайте сначала разберемся со второй просьбой, — резко сказала Мирта.

— Вот она: незадолго до полуночи на улице Труссеваш я налетел на шайку из дюжины грабителей, которая, на мой взгляд, слишком быстро смылась при моем приближений. Я бы хотел знать, кто они, чего они хотят, куда направляются. Мирта, эти двенадцать человек находятся сейчас в правом зале. У них там пирушка.

— Теперь их уже не двенадцать, вот уже несколько минут, как тринадцать.

— Пускай тринадцать, не важно. Мирта, открой мне комнату, откуда видно и слышно все, что делается в этом зале.

Девушка ни секунды не колебалась. Она подошла к низкой потайной двери и отперла ее. В момент, когда Руаяль уже собрался зайти в комнату, она тронула его за плечо.

— Знаете, мне тоже надо сказать вам одну вещь. Вот уже целую неделю какой-то маленький старичок с седой бородкой, огненным взглядом и физиономией не то козлиной, не то как у самого

черта приходит сюда каждый вечер в один и тот же час и спрашивает, прибыли ли вы в Париж. А потом уходит, перед этим посоветовав напомнить вам о свидании, которое назначено вам в Париже его хозяином.

Боревер содрогнулся.

— Как имя его хозяина? — спросил он.

Она странно посмотрела на него и ответила, понизив голос:

— О, это имя! Уже несколько дней, как оно у всего города с языка не сходит! О хозяине этого старичка говорят как о всемогущем человеке, который будто бы может играть со смертью. Говорят, что он знает все. Говорят, что он, если хочет, может сделать сколько угодно золота.

— Имя! Его имя! — торопил, не слушая, Руаяль.

— Нострадамус, — ответила Мирта.

— Я здесь! — откликнулся мужской голос.

Они в ужасе обернулись. Мирта окаменела. Боревер сделал шаг вперед и воскликнул:

— Человек из Мелена! Человек из трактира «Три журавля»!

— Вы хотели зайти в ту комнату, — холодно напомнил Нострадамус. — Зайдем туда вместе.

— Боревер, — пролепетала Мирта, охваченная неясным страхом. — Боревер, не ходите с ним!

Нострадамус приблизился к девушке. Она растерянно попятилась. Он схватил ее руку и на минуту задержал в своей. Мирта сначала сопротивлялась, пыталась вырваться, по очень скоро успокоилась и замерла, не отнимая руки. Черты ее лица разгладились. Губы раздвинулись в улыбке. Она поклонилась и прошептала:

— Да, монсеньор…

Нострадамус, казалось, сразу же потерял всякий интерес к хозяйке таверны. Во всяком случае, он выпустил руку девушки, отвернулся от нее и, обращаясь к Руаялю, сказал, словно продолжая начатый разговор:

— Когда придет время, вы узнаете то, о чем я обещал вам рассказать. Вам надо бы усвоить, — добавил он с такой силой, что Боревер задрожал с головы до пят, — я всегда выполняю свои обещания. А сейчас, поскольку мы собирались посмотреть и послушать, давайте посмотрим и послушаем.

Руаяль сам не понимал, отчего так волнуется, но его внезапно пронзило странное ощущение, что люди, за которыми он собирался понаблюдать, каким-то неведомым, но самым тесным образом связаны с обещанием, данным ему Нострадамусом. Может быть, потому, что тот только

что напомнил о своем обещании? Они прошли в тесную каморку при кухне, юноша отодвинул решетку, прикрывавшую потайное окошечко, и перед ними, как на ладони, открылся правый зал, где собрались головорезы Железного эскадрона. Большой стол, заваленный объедками, между ними — опрокинутые и наполовину опустошенные бутылки… Грубые мужчины с воспаленными лицами. Шлюхи в растерзанных одеждах. Звуки страстных поцелуев. Стоны. Крики. Смех. Ужасный шум, ужасное зрелище выходящих за все пределы распущенности и бесстыдства. А в одном из углов — неподвижный человек, бесстрастно взирающий на все это безобразие, всю эту разнузданность, человек, похожий на укротителя диких зверей, который ждет своей минуты.

Внезапно этот человек откинул капюшон плаща, и лицо его открылось.

Нострадамус улыбнулся и шепнул на ухо Бореверу:

— Это барон Лагард, командир телохранителей Ее Величества королевы Франции.

Лагард в этот момент, стоя все так же неподвижно, как раньше, пристально вглядывался в своих разгоряченных вином и похотью подопечных.

— А ну, потаскухи, вон отсюда! — скомандовал

он, наглядевшись.

Это был не голос — это был звук хлыста укротителя.

Шлюхи, на ходу застегивая корсажи, заправляя выбивающиеся из-под них пышные груди, поправляя сбитые юбки, бросились к двери… Мужчины, с которых как-то сразу сошел хмель, быстро привели в порядок свою амуницию и застыли — рука на эфесе шпаги. Воцарилась тишина. Лагард тяжелыми шагами подошел к загаженному столу и грохнул по нему закованным в медь кулаком.

— Значит, вот как вы готовитесь послужить Ее Величеству королеве! Когда я приказал вам ждать меня здесь, разве вы не поняли, что вскоре я приду передать вам приказ Ее Величества? Распутники! Потаскуны! Пьяницы! Убирайтесь! Все вы уволены, королеве вы больше не нужны! Чтобы служить ей, надо быть настоящим мужчиной! А вы — слизняки! Вон отсюда! Вон, я говорю!

Двенадцать головорезов, собравшихся вокруг Лагарда, пришли в неистовство от услышанного: двое или трое из них бросились на колени, кто-то принялся биться головой о стену, другие вытащили из ножен кинжалы… Хриплые голоса слились в дикий, нестройный хор:

— Кровь Христова! — Чтоб я сдох! — Я проткну себя этим кинжалом! — Лучше смерть, чем это! — Лучше прямо в ад! — Пойду брошусь с моста Нотр-Дам! — Давайте все подохнем здесь, не сходя с места! — Холера! — Чума на мою голову!

— Ладно, ладно… Потише! — усмехнулся Лагард. — Ваше отчаяние меня растрогало. Ладно, говорю, успокойтесь! Хватит об этом…

— Ура! Ура! Виват! — Ад или королева! — Брошусь к ногам Ее Величества! — Отдам за нее последнюю каплю крови! — Да здравствует королева! — Ура! Ура! Виват!

Лагард дал утихнуть буре безумной радости, вызванной его словами, потом сделал знак рукой, по которому все его подчиненные, окончательно протрезвев, быстренько вытянулись в струнку и, окаменев в таком положении, приготовились слушать приказ королевы.

— Завтра — такой же кутеж, как сегодня. И послезавтра — снова. И на следующий день.

Ноздри ночных хищников затрепетали. Глаза широко распахнулись. Они знали, что все это сулит.

— И на следующий — опять, — продолжал Лагард. — Вот только надо избавиться от одного человека. От человека, который стесняет коро-

леву.

Над столом прокатился раскат грома, потом снова воцарилась мертвая тишина, можно сказать, черная тишина, такая, какая воцаряется под ночным небом после раската настоящего грома и вспышки настоящей молнии.

Руаяль де Боревер почувствовал, что кровь в его жилах леденеет от ужаса.

— Слушайте! Слушайте! — прошептал он в ухо Нострадамусу, склонившемуся к нему, подобно посланцу Судьбы.

— Я предупреждаю вас, что дело будет опасным, — говорил в это время Лагард сухим, резким голосом.

Телохранители королевы переглянулись. Никогда еще командир не говорил таких слов. Обычно дело сводилось к простой формуле: «Этого надо убрать!» И все. Кого же, черт побери, следовало убрать на этот раз? Почему такие церемонии? Они смутно предчувствовали нечто из ряда вон выходящее.

— Ну-у… — протянул один из них. — Готов сварить свою башку в котле для свинины, если речь идет не о ком-то из самой высокой знати!

— А я могу поспорить на свое месячное содержание, что это — господин великий прево! — пред-

положил один из двенадцати, сверля глазами начальника.

— Бери выше! — глухо проворчал Лагард.

— Маршал де Сент-Андре, любимчик короля?

— Бери выше!

Они растерялись. Взгляды их блуждали. Снова стало очень тихо. Только минуту спустя кто-то снова решился высказать шепотом невероятную мысль:

— Неужели коннетабль Монморанси?

— Бери выше! — повторил Лагард таким голосом, словно веревка уже обвилась вокруг его шеи.

По комнате прокатился ропот, в котором явственно слышался ужас. Но все-таки один из дюжины неуверенно произнес:

— Принц?! Герцог де Гиз?!

— Бери выше! — снова повторил Лагард, падая на стоявший у стола табурет и впиваясь ногтями в скатерть.

В эту секунду он ставил на кон свое будущее, все свои честолюбивые амбиции, да что там — он ставил на кон свою голову, свою жизнь… Головорезы в страхе отступили от него. Всем показалось, что над комнатой пролетел ангел смерти. Они переглянулись и заметили, что чертовски бледны.

И в глазах любого из этих испуганных чудовищ можно было прочесть: он понял!

Лагард внимательно всмотрелся по очереди в каждого из своих головорезов. Да, ясно, что не нужно вслух произносить имени человека, который стесняет королеву… Человека, которого надо убить! Ясно, что в головах его обезумевших подопечных это имя звучит сейчас как траурный звон погребального колокола…

— Вы приняли решение? — сухо спросил он.

Неуловимое колебание. Потом все головорезы в едином порыве двинулись вперед — к начальнику, окружили его стеной. Им не было нужды говорить «да», как ему только что не нужно было произносить имя приговоренного. И тогда он поднялся, оперся кулаками о стол и заговорил, глядя прямо в двенадцать наглых физиономий, вмиг ставших серьезными и суровыми:

— Начиная с завтрашнего дня, мы должны установить слежку около дома Роншероля.

— Значит, действовать придется поблизости от дома великого прево? — спросил один из двенадцати.

— Да, — сказал барон и снова повторил: — Около дома Роншероля.

Больше не было сказано ни слова. Все быстро

накинули на себя плащи, убедились, что оружие на месте и в порядке, и — во главе с Лагардом — вышли гуськом из комнаты, где в леденящей тишине ужас, который, казалось, повис в воздухе, возобладал над дикими запахами так странно закончившейся оргии…

— Пойдем и мы, — сказал тогда Нострадамус молодому человеку.

И они, в свою очередь, вышли из таверны. Руаяль шел молча. Сцена, при которой он присутствовал, поразила его до оцепенения, поразила подобно ночному кошмару. Он думал о человеке, которого должны были убить… Кто это? Все произойдет перед домом Роншероля… Почему именно там, а не в другом месте?

— Этот человек… — глухо прошептал он наконец.

— Какой человек? — спокойно спросил Нострадамус.

— Тот, кого эти люди хотят убить… Это ужасно: подстроить такую ловушку!

Нострадамус остановился. Смутное беспокойство выразилось у него на лице.

— Странно… Можно подумать, вам самому никогда не доводилось ударить человека кинжалом…

— Черт побери, еще сколько раз! И кинжалом, и шпагой! Но — при свете дня. Но — сходясь лицом к лицу. В честном поединке. Один против одного. Двое против двоих. Иногда мне случалось обобрать кое-кого. Я изымал у богатеев долю бедняков. Но никогда в жизни я не убивал человека подло: в потемках, ударом в спину!

— Пойдемте! — резко сказал Нострадамус.

Они подошли к замку на улице Фруамантель. Руаяль замешкался, не решаясь войти. Его била дрожь. Ему казалось, что эта тихо открывшаяся перед ним дверь — дверь в непроницаемую тайну, к которой человеку не следует приближаться. Он ощущал, как холодеет его сердце, как он слабеет перед неизвестным. И ему хотелось набраться мужества.

— Вы собираетесь рассказать мне о моем отце, да? — пылко спросил юноша.

— Нет, — ответил Нострадамус. — Пока еще нет.

— Значит, вы хотите поговорить о моей матери?

— Нет. Пока еще нет.

Руаяль де Боревер отступил от двери на пару шагов и, оказавшись на подъемном мосту, проворчал:

— Тогда — какого черта? О чем еще нам разговаривать?

— О той, кого вы любите, — спокойно ответил Нострадамус. — О Флоризе, дочери Роншероля.

Руаяль де Боревер закрыл глаза руками — так, словно увидел слепящий свет.

— О той, кого я люблю? — воскликнул он. — Значит, я и на самом деле люблю ее! Идемте, идемте!

И вошел в дом первым. Нострадамус последовал за ним, пожирая пламенным взглядом того, кого так хотел превратить в орудие своей мести.

Часть десятая
ДВОР КОРОЛЯ ГЕНРИХА

I. Почему от Екатерины так пахнет смертью…

В то утро солнце через стекла двух больших окон заливало волнами света спальню королевы. Екатерина Медичи сидела перед огромным зеркалом. Одна из служанок, тщательно расчесав ее роскошные черные волосы, принялась укладывать их в замысловатую прическу. Другая в это время покрывала румянами щеки повелительницы, окрашивала кармином губы, подводила черточками веки, чтобы глаза выглядели больше и ярче блестели. Еще одна девушка натягивала чулки тончайшего шелка на божественные ножки королевы, вызывавшие такое восхищение у молодых придворных, когда Екатерина, садясь в седло, на мгновение приподнимала юбку, позволяя всем желающим разглядеть предмет своей гордости.

Пока совершался утренний туалет королевы, ее любимый сын Анри, сидя на табурете, смотрел на эту картину мечтательным взглядом, и, вполне возможно, именно тогда у него зарождалась склонность к изысканному кокетству, которой

суждено было сделать Генриха III королем миньонов… Ребенок ни во что не играл, он вообще не шевелился, просто смотрел. Иногда мать бросала на него страстные взгляды и посылала кончиками пальцев отражению сына в зеркале воздушные поцелуи. Принц не снисходил до того, чтобы на них отвечать. Но ведь у Екатерины было еще три сына! Где же находились в это время они? Двое — в манеже, где учились верховой езде, а третий, старший, пятнадцатилетний Франсуа, — в апартаментах своей жены, юной шотландской королевы, куда его проводили, чтобы он мог, как каждое утро, поприветствовать ее.

В момент, когда королева, наконец одевшись, собралась идти в молельню, чтобы, обратившись к Богу, испросить у Него милости, дверь спальни распахнулась, и офицер, дежуривший в прихожей, крикнул:

— Король!

Екатерина застыла на месте. Придворные дамы и служанки засуетились, зашуршали юбками, наскоро присаживаясь в реверансе, чтобы без задержки удалиться. Одна из них увела принца. Вошел Генрих II.

Бархатный, шитый серебром камзол; короткий плащ, подбитый белым шелком; накрахмален-

ный гофрированный воротник, белизну которого согревал теплый свет тяжелой золотой цепи; черный бархатный ток, украшенный пучком белых перьев; из-под коротких штанов — черное, туго натянутое трико; шпага на перевязи из позолоченной кожи — это одежда… Бледное лицо, окаймленное реденькой и коротко остриженной бородкой; длинный висячий нос, унаследованный от Франциска I; осененный вечной печалью лоб; затуманенные глаза; горькая складка рта; нерешительные и неопределенные жесты — это внешность… А за всеми этими проявлениями элегантности и слабости — чередующиеся с вспышками дикого гнева, когда глаза сверкали необузданной яростью, приступы черной меланхолии, вызванной невесть какими ужасными воспоминаниями… Таков был Генрих II в сорок два года. Таков был король Франции. Таков был царственный супруг Екатерины Медичи.

— Мадам, — сказал он одновременно безразличным и вызывающим тоном, абсолютно соответствовавшим представлениям короля о том, что такое вежливость, которой, по его мнению, надлежало быть надменной и утонченной, — мадам, я счел необходимым, прежде чем сделать достоянием общества решение государ-

ственной важности, к которому я уже пришел, обсудить его с вами.

Екатерина сделала реверанс, изысканный, но исполненный опасной иронии, — она была мастерицей на подобные штуки. Правду сказать, у нее не было привычки принимать участие в обсуждении решений государственной важности.

— Сир, — сказала она, — какую высокую честь вы мне оказываете… Я должна быть вечно признательна за это Вашему Величеству…

Генрих осмотрелся по сторонам с полным равнодушием. Мысли его бродили где-то далеко от спальни королевы.

— Извольте присесть, мадам, — предложил он с властной любезностью, унаследованной от отца так же, как длинный нос, и прославившей его как самого учтивого человека его двора.

Екатерина уселась в кресло в восхитительно величественной позе. Из все той же любезности, которая льстила Екатерине, но и настораживала ее, Генрих остался стоять.

— Мадам, — снова заговорил он, — с некоторых пор меня преследуют странные и тяжелые предчувствия. Мне кажется, что клубок моей жизни разматывается с устрашающей скоростью. Мне кажется, вернее, я чувствую, что скоро умру…

Екатерина вздрогнула и слегка побледнела. Но не произнесла ни слова, хотя в таких случаях простая вежливость обязывает выразить протест.

— В связи с этим обстоятельством, — продолжал между тем король, — я хотел бы обеспечить каждому из моих верных слуг и друзей вознаграждение, которое станет напоминать им обо мне, когда… когда меня уже не будет… Среди друзей есть одна особа, которой вы всегда оказывали честь своей благосклонностью и покровительством…

— Диана? — совершенно спокойно спросила королева.

— Да, мадам, — поклонившись, ответил Генрих.

— Я была бы счастлива сделать все, что способно осчастливить эту преданную советчицу Вашего Величества. Мы уже заказали ее портрет, который, находясь в Лувре, докажет будущим поколениям, как высоко мы ее ценим и с каким почтением к ней относимся. Кроме того, мэтр Гужон по вашему приказу выполнил ее мраморный барельеф…

Тон королевы оставался все таким же безмятежным, но, если бы королю было дано заглянуть в ее душу, он непременно заметил бы, какая буря

там бушует, и, возможно, у якобы охватившего его предчувствия близкой смерти, выдуманного им в оправдание своей просьбы, появились бы истинные причины.

— Так какой же новой почести вы намерены удостоить нашу фаворитку? — дерзко усмехнулась Екатерина.

— Я решил сделать ее герцогиней де Валентинуа, — ответил Генрих II.

Этот удар поразил Екатерину в самое сердце. Она, вся дрожа, вскочила с места. Слова ненависти, которая копилась в ней долгие годы и которую она так тщательно и терпеливо маскировала, готовы были сорваться с губ королевы. Но внезапно молнии, сверкавшие в ее глазах, угасли.

— Отлично придумано, — сказала она. — Весьма благородная идея — сделать дочь Сен-Валье наследницей Цезаря Борджиа, владелицей этого великолепного герцогства. Такая идея делает честь прозорливому уму Вашего Величества!

А про себя прошептала: «После папского разбойника — королевская шлюха, и впрямь неплохо…»

— Значит, вы одобряете мое решение? — радостно, как в кои-то веки правильно понятый

человек, воскликнул король.

— До такой степени, дорогой мой повелитель, что сожалею: почему эта блестящая мысль уже давно не пришла в голову мне самой?

— Спасибо, спасибо, мадам, — поблагодарил Генрих с какой-то горячечной поспешностью.

Диана продолжала жить при дворе, под одной кровлей с Екатериной. Но теперь, когда признанная законной любовница практически утратила любовь короля так же, как и его законная супруга, придворные в тревоге думали: а какая же новая звезда взойдет на небосклоне государя, какое новое божество поселится в его сердце? Екатерине это было хорошо известно. Она знала, что титул герцогини, брошенный Диане, как кость собаке, на самом деле означал полную и безоговорочную отставку фаворитки. И, принимая с изумительным спокойствием пылкую признательность короля, она думала:

«Флориза! Флориза! Значит, тебе суждено стать преемницей Дианы, если… если только я в это не вмешаюсь!»

Генрих II в порыве радости подошел к Екатерине, склонился, взял ее руку и поцеловал с таким пылом, что отвергнутую жену охватила внутренняя дрожь, признак давно забытого, но

вновь возродившегося в эту минуту волнения. Когда король распрямился, она задержала его руку в своей и пристально посмотрела ему в глаза. И увидела, что он тоже взволнован. Смутная надежда… Сколько безумных надежд может вместить одно короткое мгновение… Королева подумала, что ее муж… может быть… может быть, вернется к ней, опять станет принадлежать лишь ей, только ей одной! Мысли об убийстве, о мести, чудовищные планы и кошмарные мечты, обуревавшие ее душу, исчезли… Она не была больше Екатериной Медичи. Она была Женщиной.

Этот момент был наверняка одним из самых волнующих в жизни королевы, знавшей и трагические дни, и ослепительно прекрасные минуты… Итак, она задержала руку мужа в своей… Ее грудь трепетала… Эта красивая, крепкая, неутомимая женщина сейчас стала воплощением нежности…

Генрих смотрел на нее неотрывно. В редкие моменты их бурной совместной жизни она казалась ему такой прекрасной, по-настоящему прекрасной, как сейчас. Он тоже задрожал. Изумление почти мгновенно сменилось острым желанием… И он в неосознанном порыве сжал руку Екатерины…

— Анри, — растерянно прошептала тогда она, — Анри, вы никогда не думали о том, что мы соединены навечно, — не только потому, что наш брак освящен папой, — он, если захочет, сможет его и расторгнуть, — нет, не поэтому! Мы ведь соединены узами, расторгнуть которые не может даже сам Господь!

— Что вы этим хотите сказать, милочка? — пролепетал опьяненный страстью Генрих.

Глаза Екатерины излучали все более мощные флюиды.

— Как вы красивы сейчас! — прошептал он.

— Анри… Генрих… Мой король… Мой дорогой повелитель… Если бы вы только захотели! О, все могло бы быть иначе! Ваши любовные приключения, от которых я так настрадалась, ваше пренебрежение, которым я была так унижена… Все, все могло бы быть позабыто! Мы — одно существо, Анри! Если бы вы только захотели, вы узнали бы, сколько неистраченных сил, сколько воли, сколько преданности в этом сердце, которое принадлежит вам одному! О, дорогой мой Анри, свяжем же себя снова любовью, как мы уже связаны преступлением! Вдвоем у нас хватит сил, чтобы отогнать от себя призрак вашего брата, который порой склоняется над моей одинокой

постелью и который провожает вас к постелям ваших возлюбленных!

— Мадам, мадам! — хрипло прошептал смертельно побледневший король. — Госпожа моя, как вы решились заговорить об этих кровавых воспоминаниях?

— Значит, вы думали, — пылая страстью, продолжала Екатерина, и, наверное, никогда еще супруг не видел ее столь грозно и трагически прекрасной, — вы думали, что я и не подозреваю о ваших мучениях, о тех тревогах, которые я как ваша жена обязана была разделить с вами?

— Да! О, да! Ты права, и я люблю тебя! — бормотал Генрих, опьяневший от страха и желания.

Ах, какой крик триумфа испустила бы Екатерина, если бы могла себе это позволить! Крик, достойный Далилы… Не прошло и секунды, как она уже оказалась в объятиях Генриха. Их губы встретились… Потом губы короля, оторвавшись от пылающего рта жены, поднялись выше, к прекрасным томным черными глазам… Потом еще выше — к беломраморному лбу, который в этот момент покрывала легкая краска стыдливости… Губы Генриха едва коснулись лба жены, и… король попятился. Потянулся снова к заманчивой цели — и снова отступил… Жгучее любопытство

засветилось в его взгляде. Ошеломленная таким неожиданным поворотом событий, совершенно растерянная, Екатерина ничего не могла понять.

— Мадам, — вдруг прошептал король с нескрываемым ужасом, — что у вас за бледное пятно, там, на лбу?

— Пятно? У меня на лбу? — бормотала королева, чувствуя, как безнадежно тают столь внезапно нахлынувшие на нее надежды.

— Да-да, пятно… Похоже… Ох, оно похоже на след пальца… Как будто отпечаток пальца на вашем лбу…

По телу Екатерины пробежала легкая дрожь. Внешне никто бы не обнаружил в ней ничего особенного, но внутри… Боже мой, внутри у нее гремели колокола ужаса, отзываясь в каждой клеточке мозга… След пальца! Пальца! Что за палец? Чей? Да чей же это может быть палец, если не Франсуа?!. Палец мертвеца! Палец призрака, который коснулся ее лба! Земля поплыла под ногами королевы. Ей почудилось, что стены комнаты осыпаются, тают. Сверхчеловеческим усилием воли она попыталась ухватиться за ускользавшую от нее мечту.

— Безумие! — прошептала она, стараясь улыбаться, как какая-нибудь героиня античной

трагедии. — Анри, дорогой мой Анри, если у меня на лбу есть пятно, сотрите его своими губами!

Генрих снова приблизился к жене. Искренне, со всей искренностью, которую пробудило в нем только что возродившееся желание, он потянулся к ее лбу губами, но тут же нервным, импульсивным жестом оттолкнул Екатерину. И прохрипел:

— Нет! Я не могу! Не могу!

— Почему? Но почему же? — почти закричала она.

— Потому что, мадам… Потому что от вас пахнет смертью!

Екатерина Медичи безмолвно, словно ее поразила молния, упала на ковер. Король позорно бежал.

Когда заботами служанок королева была приведена в чувство, когда в ней снова проснулась жизнь, Екатерина подошла к зеркалу и внимательно вгляделась в свое лицо. Никакого бледного пятна на лбу, так явственно заметного для короля, она не увидела. Но когда наступило время показаться среди придворных, она выбрала среди цветов, стоявших в изумительной вазе работы Бенвенуто Челлини, розу — роскошный цветок кроваво-красного цвета, приколола ее к своему корсажу и прошептала:

— Раз уж от меня пахнет смертью, будет правильно, если я принесу с собой смерть![32]

[32] Примечания: 32

Слова, сказанные Генрихом II Екатерине Медичи, эти чудовищные слова: «От вас пахнет смертью» — сохранены историками. В отличие от многих так называемых исторических фраз, эта была произнесена на самом деле. (*Примеч. авт.*)

II. А что и как происходит при дворе?

Ах, какая пестрая, блестящая, какая возбужденная толпа собралась в этом большом зале, украшенном Пьером Леско, в соответствии со вкусами Ренессанса, излишним, на наш взгляд, количеством скульптур, среди которых выделялись четыре каменные кариатиды, только что изваянные Жаном Гужоном. Шелк камзолов, бархат плащей, бриллианты, жемчуга, перья на токах, золотые гарды шпаг со вставками из драгоценных камней, сверкающие краски костюмов, гармоничное разнообразие их цветов, великолепие женских платьев, чрезмерная веселость гостей, вольность намеков, изысканность поз, пышность обстановки, в которой собралось это блестящее общество, — представив себе все это, читатель получит перед глазами чудесную картину, целиком оправдывающую волшебство определения, в наши дни совершенно непонятного: «королевский двор».

В этот вечер все показывали друг другу, передавая из рук в руки, медаль, которую король приказал изготовить в честь герцогини де Валентинуа. Многие, из лести, уже надели эту медаль

на грудь, другие прикрепили ее к гарде шпаги. На медали был отчеканен портрет Дианы и выбиты следующие слова: «Diana, dux Valentinorum, clarissima»[33].

В зале перед галереей выстроился отряд шотландской гвардии, элитного корпуса, сохранившего почти все привилегии, которыми обладал при Людовике XI, но служившего теперь охраной королю. Два ряда мужчин, подобных статуям, в роскошных костюмах. Этими людьми и командовал Монтгомери. Он стоял со шпагой наготове у двери, у которой была открыта только одна створка. Рядом с ним находился герольд, громко выкрикивавший имена знатных особ, вновь прибывших, чтобы включиться в этот вихрь удовольствий.

Неподалеку от кресла, предназначенного для Генриха II, собралась группа из пяти или шести молодых людей, одетых с особой элегантностью. Они громко разговаривали, откликаясь на каждую новую шутку раскатами гомерического хохота.

---

[33] Примечания: 33

«Диана, герцогиня де Валентинуа, светлейшая» или «сиятельная». (*Примеч. пер.*)

— Эй, Бирон[34], — сказал один из них, — объясни-ка мне, что означает слово «clarissima» на медали. По-нашему это вроде «светящейся»[35], но мне света не проливает!

— Дорогой мой Таванн, — ответил тот, к кому был обращен вопрос, — я не знаю греческого, но ничуть этого не стыжусь, ей-богу!

— Да это вовсе не по-гречески, — вмешался юный Ла Тремуйль, — это на латыни…

— Ах, латынь… Вот черт! Ладно, вот аббат де Бурдейль, сеньор де Брантом[36], сейчас он все нам объяснит и наверняка даст ключик к этой самой «клариссиме»!

Молодой человек лет двадцати четырех, которому были адресованы эти слова, казалось, не слышал их.

— Брантом! Брантом! — закричал Бирон. — Ты что — видишь сны наяву?

— Нет, господа, — ответил Брантом, — просто смотрю…

---

[34] Примечания: 34

Арман де Гонто Бирон впоследствии станет знаменитым полководцем и особенно отличится в войнах Генриха IV. (Примеч. пер.*)*

[35] Примечания: 35

«Clair» — по-французски «светлый, ясный». (*Примеч. пер.*)

[36] Примечания: 36

Брантом Пьер де Бурдейль — французский мемуарист, автор многотомной серии жизнеописаний своих современников. (*Примеч. пер.*)

— Он на баб заглядывается, черт побери! — расхохотался Таванн.

— Присматривает себе кого-нибудь из Летучего эскадрона королевы, — подхватил Бирон.

И все снова покатились со смеху. Отсмеявшись, Бирон продолжил тему:

— И все-таки у меня нет никакой ясности, как перевести эту «клариссиму» с медали!

В этот момент к молодым людям приблизилось странное существо в наполовину желтом, наполовину красном костюме, в колпаке с длинными ушами и сверкающим гребешком, с пузырем на боку и жезлом, увенчанным гротескной фигуркой, в руке. Длинный, тощий, голенастый, с вытянутой вперед тонкой шеей, фигурой напоминающий птицу ходулочника, а изрезанным морщинами и морщинками лицом, с которого не сходила улыбка, то ли печеное яблоко, то ли мартышку, человек этот без конца гремел колокольчиками и бубенчиками, прикрепленными в самых невероятных местах к его фантастическому одеянию.

— Привет Брюске I, достопочтенному шуту Его Величества! — серьезно сказал Брантом и снял шляпу.

— Привет альковному аббату, подслушиваю-

щему под всякой дверью и вынюхивающему, где какой скандал! — весело отпарировал Брюске. — Зачем вы меня подозвали? Разве среди вас не хватает сумасшедших?

— Брюске, мы хотим понять, что означает слово «clarissima», выбитое на медали герцогини Валентинуа!

— «Clarissima»? Ах, вот что! Да ведь это просто превосходная степень! Господа, превосходная степень изобретена для королей, министров и дураков. «Clarissima» вовсе ничего не означает! Ошибочка вышла! Здесь лишняя буква, господа! Лишняя буква L… Выкиньте эту лишнюю букву из слова «clarissima», и получится — «carissima», что означает «самая дорогая».

— Браво! — хором воскликнули молодые люди. — «Carissima» — та, что обходится королю дороже всех!

— И Франции тоже! — добавил Брюске. — Надо только спросить мессира главного казначея!

— О-о! — протянул Ла Тремуйль. — Вот и наш друг Ролан де Сент-Андре! Эй! Сент-Андре!

— Как он бледен! Откуда он вылез? Его не было видно недели две…

— Господа, — сказал Брюске, — юный Сент-Андре, сын нашего преданного друга и возлюблен-

ного маршала Сент-Андре, хотел выиграть войну, как его отец и как сир де Ла Палис… Вот только он хотел выиграть войну у женщин, ну, его и ранили, бедного нашего голубочка, кровь пошла из носика, а может, и не так, может, он всего-навсего простуду подхватил, пока воевал?

— Заткнись, шут гороховый! — рявкнул Сент-Андре, подходя к компании. — Господа, мой жалкий вид объясняется тем, что на меня из-за угла напали разбойники из разбойников, сброд из сброда, и, слава богу, мне удалось не дать прикончить себя их главарю, голову которого я намерен просить у Его Величества…

— Расскажи, расскажи скорее! — потребовали юные сеньоры.

— Этого пройдоху зовут Руаялем де Боревером. Истинный негодяй! И вот при каких обстоятельствах…

— Ах, какая жалость! — издевательски пропел шут, вставая на руки и размахивая ногами в воздухе. — Лови негодяя! Хватай Руаяля!

И он исчез в толпе, побрякивая своими бубенчиками, гримасничая, перебегая от одной группы придворных к другой — то на четвереньках, то на руках, то колесом…

— Господин маршал де Сент-Андре! Господин

коннетабль де Монморанси! Мессир великий прево, барон де Роншероль! Благородная девица Флориза де Роншероль! Мессир де Л'Опиталь! Господин хранитель печати Оливье! — прокричал герольд.

Столь разные персонажи, объявленные им, влились в огромную толпу приглашенных и растворились в ней подобно тому, как светлые или мутные воды реки растворяются при ее впадении в водах океана…

Только барон Гаэтан де Роншероль, великий прево Парижа, отделился от толпы. Он провел свою дочь прямо к креслу, стоявшему неподалеку от кресла, предназначенного для короля, и усадил девушку. Флориза была бледнее лилии. Может быть, она догадывалась, какая судьба ее ждет. С тех пор, как отец заподозрил Флоризу в том, что она помогла Руаялю де Бореверу и его сообщникам бежать, ее заперли в комнате, никуда не выпускали и бдительно следили за каждым вздохом и каждым шагом.

Так почему же сегодня отец взял ее с собой ко двору? Девушку терзали дурные предчувствия. Но когда она, желая избавиться от черных мыслей, пыталась заглянуть в свою душу, на нее накатывала волна страха. Что же происходило в

ее сердечке? Почему в каждой вечерней молитве, с простодушной верой обращаясь к ангелам с просьбой спасти и сохранить ее близких, она добавляла с недавних пор к привычным именам еще одно, новое? Это имя! Имя разбойника… Почему, о, почему? Почему он неизменно появлялся в снах и мечтах этой девственницы — такой гордый, такой красивый, такой искрометный и блестящий? Похожий на королевского сына, а вовсе не на нищего бродяжку… «Руаяль де Боревер!»

Да и здесь, окруженная всем этим великолепием, в центре разряженной толпы придворных, она шептала про себя это имя, а великий прево между тем твердым шагом направлялся прямо к Ролану де Сент-Андре, которого только что заметил среди собравшихся. Виконт, видя, как он приближается, побледнел как смерть.

— Ему известно все! — пробормотал Ролан. — Он отец Флоризы, но горе ему, если…

— Виконт, — произнес в эту самую минуту Роншероль своим резким пронзительным голосом, при звуке которого многих охватывала дрожь. — Не соизволите ли поговорить со мной наедине?

— Слушаю вас, сударь, — прошептал Сент-Андре. Ла Тремуйль, Брантом, Таванн и Бирон

поспешно удалились.

— Виконт, — повторил великий прево, понизив голос, — хотите ли вы жениться на моей дочери?

Ролан де Сент-Андре чуть не упал, услышав это. Совладав с собой, он с подозрением, ужасом и надеждой уставился на Роншероля.

— Да, вы не ослышались, — продолжал тот. — Вы удивлены? Вы трижды просили у меня руки моей дочери, и я трижды отказывал вам, говоря, что эта девушка — не для вас. Доведенный до крайности отчаянием и любовью, вы воспользовались поездкой моей дочери в Фонтенбло, чтобы попытаться похитить ее. Разбойник, которому вы уплатили кругленькую сумму за то, чтобы он провернул это дело, украл ее у вас самого. Так все было, верно? И вот теперь я повторяю вам: хотите жениться на моей дочери? Почему я переменил решение, почему сегодня меня вполне устраивает то, что никоим образом не устраивало неделю назад, не имеет значения. Никаких обсуждений. Одно слово. Да или нет.

Ролан бросил полный любви и восхищения взгляд в сторону Флоризы, которая сразу же опустила голову — так, словно она слышала весь разговор, так, словно поняла, к чему ее приговорили…

— Да, конечно же, да! — воскликнул юноша, не помня себя от радости. — Сто, тысячу раз да! О, месье, как вы могли даже подумать…

— Отлично, — прервал его излияния Ронше-роль. — Поговорим об этом сейчас же, как только появится король. В его присутствии.

И великий прево направился к дочери, оставив сына маршала де Сент-Андре ошалевшим от счастья, опьяненным надеждой, взволнованным, ослепленным… В этот момент герольд прокричал:

— Его Королевское Высочество дофин Франции! Ее Величество королева Шотландии! Дорогу королеве! Дорогу господину дофину!

Смешки и переговоры затихли, интриги на время прекратились, по залу пронесся легкий шепоток восхищения: все взгляды обратились к Марии Стюарт.

А герольд снова прокричал:

— Дорогу Ее Королевскому Высочеству мадам Маргарите! Дорогу госпоже герцогине де Валентинуа!

Невеста герцога Савойского Маргарита Французская показалась на пороге вместе с Дианой де Пуатье. Маргарите было тогда двадцать семь лет, и она сияла на небосводе двора самой яркой

звездой. Прекрасную, или скорее очень красивую, образованную, остроумную, эту талантливую и усердную корреспондентку самого Ронсара не просто любили, ею восхищались. Но в этот вечер всеобщее внимание было приковано не к ней, а к ее спутнице, к той, кому она, так сказать, покровительствовала, к свежеиспеченной герцогине. Да, все взгляды были обращены именно к Диане де Пуатье, льстивый шепоток относился именно к официальной любовнице короля, которая, опершись на руку коннетабля Монморанси, величественно плыла по залу. Недаром ее походка неизбежно вызывала сравнение этой женщины с Юноной. Недаром ее красоту называли вечной: Диана осмелилась бросить вызов времени и восторжествовала над ним в той битве, в которой отступает любая прелестница.

Дело в том, что Диане вот-вот должно было исполниться шестьдесят! И она не только не скрывала своего возраста, но кичилась им, объявляла о нем повсюду с огромной гордостью, отлично сознавая, каким редкостным чудом одарила ее природа. Не было ни одного мужчины, который не восхищался бы этим оставшимся по-девически гибким и стройным, потрясавшим чистотой линий телом, не было никого, кто не

приходил бы в восторг, видя это ослепительно юное лицо. Она настолько презирала время, что даже и не думала красить свою ставшую совершенно серебряной шевелюру, более того, многие молодые женщины, считая это самым утонченным кокетством и желая во всем походить на Диану де Пуатье, обесцвечивали волосы, доводя их до того самого серебристого оттенка. Моду во всем диктовала мадам Диана.

— Clarissima! — прошептал Ла Тремуйль.

— Нет: carissima! — поправил его Траванн.

— Нет: rarissima[37]! — усмехнулся Брантом. Герцогиня де Валентинуа непринужденно уселась в кресло, помещенное слева от королевского, а Маргарита скромно встала рядом с женихом, подав ему руку. Эммануэль Савойский, владетель государства, являвшегося самым грозным из соперников Французского королевства, был связан с принцессой куда в большей степени политической целесообразностью, чем любовью.

— Господа, королева! Дорогу королеве!

И в зал вошла Екатерина Медичи в сопровождении своих придворных дам. Она была одета в длинное платье темно-синего бархата, выгодно

---

[37] Примечания: 37
Rarissima — редчайшая. (*Примеч. пер.*)

подчеркивавшее прозрачную бледность ее кожи. Королева, улыбаясь, подошла к Диане де Пуатье и обменялась с ней долгим поцелуем.

— Ох, — прошептал Брантом, жадно глядя на это зрелище, — сейчас она ее задушит в объятиях!

Но кто-то смотрел на Екатерину Медичи еще более жадно, чем все остальные. Это был барон Лагард! На мгновение он даже зажмурился, словно ослепленный светом внезапно сверкнувшей молнии. По его затылку пробежал холодок, так, будто он уже почувствовал прикосновение топора палача. Он увидел на корсаже Екатерины розу! Роскошную розу кроваво-красного цвета! И внутри его все взорвалось:

«Час настал! Время пришло! Пора убивать!»

— Король! — прогремел голос герольда. — Господа, дорогу Его Величеству!

III. Колдун

— Стража! На караул!

Шотландцы сделали выпад, потом, взяв оружие на плечо, застыли в воинственной неподвижности. Генрих II тем временем уже прошел в зал. Его окружали пажи. Он сел в кресло между Екатериной Медичи и Дианой де Пуатье. Снова этот любовный треугольник, давно уже никого не шокировавший, оказался на глазах у всех.

— Господа, — обратился король к собравшимся, — сегодня вечером нас ожидает редкое развлечение, которое, надеюсь, заставит вас ненадолго позабыть о танцах и отвлечься от игр: мы ждем Нострадамуса.

— Короля каббалы, — откликнулся Брюске, — императора магии, того самого дьявольского колдуна, который, как увидит, что вы с лихорадкой лежите в постели, сразу же догадается, что вы больны. Весь Париж влюблен в него. В его доме всегда полным-полно народу. Кареты давятся на улице Фруамантель. Надо будет мне спросить его, когда же ты, Генрих, наконец сделаешь меня принцем!

— А это правда, сир, что он умеет изготовлять

золото? — поинтересовалась Диана де Пуатье.

— Сир, — не удержалась и Екатерина, как-то странно улыбаясь, — а это правда, что он знает, когда и каким образом каждый из нас умрет?

— Скоро все увидим на деле, — ответил Генрих II, посмотрев на настенные часы. — Я приказал ему явиться во дворец к десяти… Осталось подождать совсем немного, и узнаем… Думаю, будет очень интересно! И…

— Ах-ах! — бесцеремонно прервал короля Брюске. — Кого я вижу! Сам лотарингец идет сюда! Да здравствует лотарингец, черт побери!

— Несчастный ублюдок! — проворчал герцог де Гиз, действительно в этот момент подошедший поклониться королю.

— Ублюдки! — подхватил шут. — До чего же удачно сказано! Кто мы все, если не ублюдки, подумать только, рядом с представителем славной лотарингской фамилии! Ублюдки! Ни рожи ни кожи! Посмотри, Генрих, ты только посмотри на своего благородного кузена де Гиза! Скажи, кто у нас красавец? Да вот же он! К несчастью, эта достойнейшая башка украшена всего лишь герцогской короной… Что ж это такое! Какая малость — это для героя-то Меца, Ренти, Сен-Квентина и Кале! И это еще не все — черт меня побери совсем!

А что мы, мы-то что сделали, чтобы удостоиться королевской короны?

— Сир, — с видимым усилием произнес Меченый, — мне придется удалиться из-за вашего шута…

— Нет-нет, ей-богу, нет! Не уходите, кузен! Останьтесь! А ты умолкни, горлопан, безмозглый осел! Говорите, дорогой кузен…

— Сир, — вымолвил наконец герцог, немного успокоившись, — вот преподобнейший Игнатий Лойола, который и объяснит Вашему Величеству, о чем идет речь. А я скажу только, что господин коннетабль де Монморанси, господин кардинал Лотарингский, господин маршал де Сент-Андре и я сам знаем и одобряем проект, который он собирается предложить для рассмотрения Вашему Величеству.

— Говорите, преподобный отец, — сказал Генрих II, поднимая опасливый взгляд на монаха.

— Да, говорите, говорите, мы внимательно слушаем, — хихикнул Брюске.

— Король Франции! — произнес Лойола своим сухим скрипучим голосом. — Ваше королевство — самое выдающееся из христианских государств. Неужели вы допустите, чтобы здесь процветала ересь? У меня осталось очень мало

времени, сир, Господь призывает меня, поэтому буду говорить коротко. Просто спрошу вас: когда я предстану перед очами Всевышнего и Он спросит меня, что я сделал ради Святой Церкви и во имя Иисуса, должен ли я ответить Ему, что хотя мне и удалось спасти Испанию, обеспечить безопасность Италии, но вырвать Францию из лап гидры, протянувшей к ней свои отравленные щупальца, я не сумел?

— Не понимаю… Ну, и что же, по-вашему, нам нужно сделать? — удивленно спросил Генрих.

— Что делать, сир? — прошептал кардинал Лотарингский. — Сейчас этот святой человек скажет вам, что делать! Слушайте его, ибо сам Господь говорит с Вашим Величеством его устами!

— Нет сомнений в том, что в королевстве наступили времена странной смуты, — сокрушенно вздохнул Монморанси.

— Ах, сир, — прошептал Сент-Андре на ухо королю, — позвольте нам выполнить всю грязную работу, а для себя сохраните только удовольствие царствовать. Положитесь на меня, и я стану каждый день обновлять для Вашего Величества это удовольствие!

Сент-Андре, которому были отлично известны все особенности характера и темперамента

Генриха II, сумел задеть чувствительную струну. Король улыбнулся. Эта улыбка немедленно отразилась на бледном лице придворного. И, повернувшись к Лойоле, Сент-Андре сделал ему знак продолжать.

— Надо спасти Францию, — сурово, с какой-то кровожадной величественностью произнес Лойола. — Но прежде, сир, я хочу спросить Ваше Величество: кто спас Испанию? Инквизиция! — несомненно, ответите вы. Кто спас Италию? Инквизиция! Следовательно, кто должен спасти Францию, если не Инквизиция? Король, мы требуем, я требую, сам Господь Бог требует, чтобы во Франции был учрежден суд Инквизиции!

Генрих II осмотрелся. Придворные молчали, их черты были искажены волнением. Только три лица оставались безмятежными в этой пронесшейся по залу безмолвной буре: Екатерины Медичи, Дианы де Пуатье и Марии Стюарт. Первая сохраняла спокойствие из соображений высшей политики, вторая — чтобы скрыть свои истинные намерения, третья — потому, что просто не могла себе представить, чтобы такое чудовищное предложение было принято.

— Что ж, — прошептал король, — может быть, вы и правы… Может быть, это единственное сред-

ство все уладить как нельзя лучше… Кто знает?

Сейчас он скажет «да»! Сейчас он отдаст роковой приказ, и это будет непоправимо!

— Мессир Нострадамус! — прокричал в этот момент герольд.

Вот так — вдруг… И, услышав имя Нострадамуса, все присутствовавшие в зале, казалось, дрогнули. Игроки бросили на стол карты, танцоры замерли в вычурных позах, шепот нескрываемого любопытства прокатился по толпе, подобно дыханию тайны, и все — от короля до Лойолы, от Дианы до Марии Стюарт, — все, знатные дамы и сеньоры, стража и благородные девицы на выданье, все устремили взгляды на дверь и увидели переступающего порог высокого мужчину в фиолетовом бархате и элегантно наброшенном на плечи шелковом плаще, мужчину, рука которого покоилась на эфесе шпаги.

Нострадамус двинулся к королю. И все те недолгие секунды, пока он шел по залу, толпа не сводила с него восхищенно-придирчивого взгляда. Женщины, рассмотрев его костюм, не могли не обнаружить в изысканной простоте наряда новоприбывшего высшей гармонии. Мужчинам, искавшим хоть какого-нибудь недостатка в походке или осанке, поневоле пришлось признать,

что даже принц крови не мог бы держаться и двигаться с большим достоинством, с большей непринужденностью под прицелом тысячи устремленных на него глаз.

Едва войдя, Нострадамус заметил Роншероля — и сердце в его груди на миг замерло. Затем он увидел маршала де Сент-Андре — и веки его неуловимо и непроизвольно дрогнули. Наконец, он встретился взглядом с королем — и бледные щеки мага чуть порозовели. А когда он склонился перед монархом, внутри его уже бушевала буря, душа его рыдала и изрыгала проклятия.

— Сир, — спокойным, тихим голосом сказал Нострадамус. — Мне было приказано явиться к десяти часам вечера. Вот я здесь — к услугам Вашего Величества.

— Сир, — тут же завопил монах, — извольте простить негодование, которое заставляет меня говорить! Но я не могу молчать! Сир, во имя доверия, которым вы удостоили меня, во имя Пресвятого Отца всего христианского мира, которому должны повиноваться даже короли, я требую арестовать этого самозванца, этого наглеца!

Огромная толпа придворных затаила дыхание, застыла в ужасающем безмолвии. Стало так тихо, что, окажись вы там, вы услышали бы, как тре-

вожно забились сердца присутствующих.

Нострадамус медленно разогнулся.

— Господин монах, — вполне мирным тоном произнес он, — сразу видно, что вы чужестранец. Иначе вы бы знали, что не в обычаях короля Франции давать приказ об аресте его собственных гостей.

Его слова были приняты толпой придворных с явным одобрением — по рядам прошелестел шепоток нескрываемой симпатии.

— Впрочем, — продолжил Нострадамус, и в голосе его на этот раз прозвучал металл, — впрочем, если бы король даже и захотел нарушить свои обычаи, ему не удалось бы найти в своем окружении человека, способного меня арестовать!

Услышав столь дерзкую речь, толпа содрогнулась от изумления.

— Сир, — прогремел в ответ монах, — самозванец ведет себя вызывающе, он не считается с Вашим Величеством!

— Сейчас посмотрим, как он поведет себя, — недовольно проворчал Генрих II. — Ко мне, капитан охраны!

Подошел Монтгомери.

— Арестуйте этого человека!

Нострадамус сделал два шага в направлении

капитана. Его губы зашевелились, но настолько незаметно, что никто не обратил на это внимания. Но Монтгомери услышал, что сказал маг! Он услышал! И это было наверняка что-то ужасное, потому что капитан охраны, вместо того чтобы протянуть руку к наглецу, отступил с блуждающим взглядом, волосы на его голове встали дыбом, и он пролепетал:

— Нет-нет… Смилуйтесь! Замолчите, ради бога!

— Вы видите, сир, — улыбаясь, обратился Нострадамус к королю. — Вы видите, у него ничего не получается… Но, — добавил он уже серьезно, — если Ваше Величество прикажет лично мне, я клянусь, что сию же минуту отправлюсь в Шатле, чтобы стать вашим узником.

— Вы правы, сударь… — задумчиво сказал Генрих. — Я не арестовываю своих гостей в своем доме… Извините меня, господин монах, но в Лувре король имеет преимущество перед всеми, и его воля священна. А теперь, господа, ради бога, давайте веселиться! Пусть все смеются, пусть все танцуют, пусть все развлекаются кто как может!

Нострадамус направился за Лойолой, который, пошатываясь, двигался в сторону двери. Нагнал монаха.

— Что ж, мессир, — спросил он с явным удовольствием, хотя тон его и оставался мрачным, — вы убедились в том, что Французскому королевству удастся ускользнуть от Инквизиции, не так ли? И как же восприняло это ваше исполненное благодати сердце?

— Да, дьявол, ты победил! — скрипнув зубами, ответил монах. — Ты победил и можешь смеяться надо мной! Тебе удалось вселить панический ужас в душу этого слабого монарха — и все благодаря твоему поистине адскому искусству! Мое сердце разрывается от боли… Но не всегда тебе быть хозяином положения! Наступит черед Господа, и ты увидишь…

Игнатий Лойола совершил в воздухе крестное знамение и только тогда позволил себе взглянуть на Нострадамуса.

— Мы еще увидимся до вашего отъезда в Рим, — прошептал тот.

Монах хотел было ответить на угрозу, но, к своему собственному ужасу и удивлению, обнаружил, что Нострадамус исчез.

IV. Флориза стала невестой

А в это самое время, поклонившись королю в полном соответствии с правилами придворного этикета, Ролан де Сент-Андре вел рассказ о своих приключениях. Рассказ был недолгим, и несколько минут спустя он уже заканчивал его:

— Вот, сир, как все было… Наглость этих разбойников безгранична. Сир, я прошу справедливого возмездия для бандита по имени Руаяль де Боревер, который чуть было не лишил Ваше Величество одного из самых верных и преданных слуг!

— Правосудие свершится, — сказал король. — Приведите сюда великого прево.

Нострадамус слушал, и легкая улыбка освещала его угрюмое лицо. Ролан бросился на поиски Роншероля, который тут же явился к королю.

— Господин великий прево, — спросил Генрих II, — известен ли вам разбойник и бродяга по имени Руаяль де Боревер?

— Да, сир, — ответил Роншероль, — и не только он, но и вся его банда, состоящая из четырех отъявленных негодяев: Тринкмаля, Страпафара, Буракана и Корподьябля. Эти пятеро заслужива-

ют смерти.

— Я хочу, чтобы в течение ближайших двух дней их повесили, — спокойно сказал король.

— Спасибо, сир! — воскликнул, сияя от счастья, Ролан де Сент-Андре.

— Погодите, барон де Роншероль, — вдруг мрачно сказал король, — погодите минутку. Мне нужно кое-что сказать вам. Подойдите ближе. И вы тоже, маршал… Поближе… Еще… Еще…

Юный Ролан отошел в сторону и присоединился к компании Брантома. Те, кто находился рядом с королем, все, включая королеву, расступились. Генрих II осмотрел стоявших поблизости от него придворных, убедился, что среди них нет Нострадамуса, и только тогда заговорил снова.

— Подойдите еще ближе, — сказал он тихонько Роншеролю и Сент-Андре. — Маршал, вы командуете моими войсками в Париже. А вы, великий прево, вы командуете всеми сторожевыми дозорами и ночными патрулями. Все вооруженные силы столицы королевства ваших руках. Я хочу, вы слышите, я хочу, чтобы этот человек, этот колдун, этот демон, был схвачен и сожжен на одной из наших площадей перед всем народом.

— Сир, — спокойно спросил Роншероль, — Вашему Величеству угодно, чтобы я арестовал его?

— А вы осмелитесь? Разве вы не видели, что даже сам Монтгомери не смог этого сделать?

— Сир, только отдайте приказ, и я арестую, если понадобится, самого дьявола, — с достоинством ответил Роншероль.

— И я тоже! — поторопился добавить приревновавший маршал де Сент-Андре. — Слава богу, когда речь идет о том, чтобы оказать услугу королю, я еще никому никогда не позволял меня опередить!

— Да, — прошептал Генрих, — я знаю, вы оба — мои единственные настоящие друзья с того далекого времени, когда…

— Когда мы помогали вам в любовных делах, сир, — поспешил закончить фразу маршал, видя, что король в затруднении остановился.

— Когда мы устранили этого Рено! — добавил с бледной улыбкой Роншероль.

— Рено… — пробормотал Генрих II, — Рено… — Он вытер взмокший лоб трясущейся рукой. — Да-да, так звали того молодого человека… Что с ним стало? Как странно, я и сегодня часто думаю о том, кто был женихом Мари… А вы, вы оба, припоминаете Мари?

— Что толку в пустых химерах, сир? Этот человек мертв. А мертвецы не выходят из могилы, что

бы там ни говорил колдун Нострадамус!

— Мари… — мечтательно продолжал король. — Скольких женщин я любил с тех пор… Но ни к одной у меня не было такой страсти… Ладно, оставим эти печальные воспоминания! — добавил он, покачав головой. — Я не хочу, чтобы Нострадамус был арестован в Лувре сегодня вечером. Но в день, когда вы скажете мне, что он схвачен и готов умереть…

— Что, что будет в этот день, сир?

— В этот день, Роншероль, я назначу вас на место Франсуа Оливье, которое прежде обещал Л'Опиталю…

— Сир, сир! — задыхался великий прево, в глазах которого засверкал огонь, который способно зажечь лишь не соразмерное ни с чем честолюбие. — Только подумать: вы обещаете мне место великого канцлера и хранителя королевской печати!

— Я не отказываюсь от своих обещаний, — произнес король.

— А мне, сир? — жадно спросил маршал де Сент-Андре. — Что вы пообещаете мне?

— Ты получишь от меня сто тысяч экю!

Сент-Андре задрожал от головы до пят. Сердце его забилось сильнее. Он кусал губы, чтобы не

закричать от радости.

Никому из них — ни самому королю, ни его маршалу, ни великому прево — не показалось странным, что столь значительное вознаграждение предлагается за арест колдуна в то самое время, когда и дня не проходило без того, чтобы на какой-нибудь площади не сожгли какого-нибудь колдуна, какую-нибудь ведьму или какого-нибудь еретика при огромном стечении народа. Вот только все трое испытывали ощущение, что над ними тяготеет некая чудовищная сила. И они трое — король, маршал, прево — пытались противопоставить ей сразу три силы, три природные страсти, направленные сейчас против одного-единственного человека: Страх, Алчность и Тщеславие образовали заговор, целью которого было уничтожить его.

Король хотел было жестом отослать заговорщиков, но они не сдвинулись с места. Переглянулись. Потом, по знаку Роншероля, маршал де Сент-Андре заговорил:

— Сир, раз уж так получилось, что мы с великим прево удостоены одновременно беседы с Вашим Величеством, разрешите испросить милости, в которой мы оба нуждаемся!

— Что вы имеете в виду? — удивился Генрих II.

— Сир, — продолжил Сент-Андре, — вы знаете, какая долгая и крепкая дружба объединяет нас с господином великим прево. Мы решили превратить эту дружбу в нерушимый союз. Для этого мы уже давно разработали проект воссоединения, который и просим Ваше Величество одобрить.

— Какой еще проект? — пробормотал король, бледнея.

— Сир, речь идет о бракосочетании виконта Ролана де Сент-Андре, моего сына, и благородной девицы Флоризы де Роншероль, дочери великого прево.

Все, кто в этот момент смотрел в сторону короля, заметили, что по его лицу и телу пробежала судорога и что его сверкающий взгляд заметался между собеседниками. Но Роншероль и Сент-Андре сделали вид, что они-то ничего не заметили, и продолжали оставаться на своих местах все так же спокойно и уверенно. Тогда Генрих снова сделал жест, отсылавший устремившихся было к нему верноподданных.

— И вы тоже уходите! — грозно сказал он Роншеролю.

Тот повиновался. Взял виконта Ролана под руку и повел его к своей дочери Флоризе.

— Что это еще за предательство? — поджав

губы и злобно глядя на Сент-Андре, процедил Генрих II. — Тебе следует быть поосторожнее, мой храбрый маршал! Вспомни, что это я сделал тебя маршалом. Тебе это, конечно, все равно, согласен, но вспомни заодно, какими благодеяниями я тебя осыпал… Потому что чины и звания вместе с золотом могут в один прекрасный день исчезнуть, как сладкий сон, понимаешь? Стоит мне только пальцем пошевелить… Не говоря уж о том, что для предателей всегда готова веревка, даже если они такого знатного рода, как ты.

Сент-Андре побледнел, как смерть. Но держался твердо.

— Тебе известно, что я хочу эту девушку, — продолжал король, скрипя зубами. — Я хочу ее! Это ведь ты каждую ночь сопровождал меня к дому Роншероля! Это ведь ты вздыхал вместе со мной под окнами красавицы! Ты мне обещал помощь и содействие… И вот теперь — вдруг! — ты приходишь и говоришь, что Флориза будет принадлежать твоему сыну!

— Сир, — ответил маршал де Сент-Андре, — только женитьба моего сына на дочери Роншероля может обеспечить вам возможность добиться того, чего вы хотите. Если мой сын женится на Флоризе, она станет постоянно бывать при дворе,

и вы, если понадобится, сделаете ее придворной дамой. А в самый день свадьбы вы дадите Ролану срочное поручение, и он отбудет с этой неотложной миссией куда-нибудь, к примеру, в Мец, чтобы посмотреть, что там делается…

— И он уедет?

— Об этом позвольте позаботиться мне!

Генрих II, вздрогнув, посмотрел с каким-то загадочным выражением прямо в лицо собеседника.

«Вот отъявленный мерзавец!» — подумал он, а вслух сказал:

— Продолжай, продолжай, Сент-Андре… Твое предложение начинает интересовать меня…

— Черт возьми! Я был в этом уверен! — обрадовался маршал. — Послушайте меня, сир. Я знаком с Роншеролем больше двадцати лет. Не стану говорить, насколько он тщеславен. Помимо этого, у него, пожалуй, не найти ни одной страсти. Это человек из мрамора, нет, скорее отлитый из бронзы. Ничто не способно вывести его из себя. Это ужасный человек, сир. Но одна слабость у него все же есть. И потому — хочу, чтобы вы поняли это, сир, — ему легче своими руками заколоть кинжалом собственную дочь, чем увидеть ее вашей любовницей. Этот железный человек однажды плакал у меня на груди из-за того, что

Флориза подхватила лихорадку. Он спалил бы Париж дотла, лишь бы его дочь не пролила ни слезинки, понимаете? Значит, вы должны понять, как ревностно он ее охраняет.

— Продолжай, продолжай, друг мой…

— А теперь, сир, вам следует узнать, что однажды во дворе дома Роншероля состоялось сражение между его людьми и молодым парнем, который вроде бы дрался, как лев, и который, когда его схватили и заперли, сумел каким-то волшебным образом улизнуть из темницы.

— И как же его зовут? — спросил король.

— Сир, его имя — Руаяль де Боревер.

— Как? Тот самый молодец, который так славно отделал твоего сына?

— Тот самый, сир, тот самый, кого вы несколько минут назад приказали повесить. Кроме того, вам следует знать еще вот что: этот негодяй сумел произвести на одну женщину столь живое и неизгладимое впечатление, что она, как подозревают, помогла ему бежать после того, как он был арестован во дворе дома великого прево.

— Что же, она влюбилась в этого юного героя?

— Очень может быть, сир! Во всяком случае, именно это заподозрил ее отец. Потому что эта женщина, вернее, эта молодая девушка — Флори-

за де Роншероль, Ваше Величество…

Король глухо выругался. Он побледнел. Его обычно тусклые, бесцветные глаза запылали. Губы задрожали.

— Как только этого Боревера поймают, — пробормотал он, — пусть скажут мне: я сам хочу увидеть его на виселице!

— Будьте уверены, сир… Нет смысла объяснять вам, в какое бешенство пришел от всего этого великий прево и как ему было больно… Ему куда приятнее было бы видеть свою дочь мертвой, чем потерявшей голову от любви к разбойнику с большой дороги. К висельнику. Из такого положения есть только один выход: замужество. Роншеролю известно, насколько горда и чиста его дочь. Он знает, что, поклявшись перед алтарем в верности одному человеку, она никогда не отдастся другому и во что бы то ни стало сдержит свою клятву. Роншероль опасается всего — стыда, смерти, катастрофы, — пока Флориза остается девушкой, способной на любой каприз. Но как только она станет замужней женщиной, ему не о чем будет тревожиться. Вот почему он предпочитает остаться с разбитым сердцем, разлучившись с той, кто ему дороже жизни, с той, кого он хотел бы всегда держать подле себя… и беречь, как

самое драгоценное из всех сокровищ мира!

Король помрачнел. Страсть, видимо, подтолкнула его к каким-то странным подсчетам. Он нахмурился, он напряженно размышлял, иногда цедя сквозь зубы обрывки фраз, отдельные слова, которые, впрочем, были скорее всего понятны маршалу. Потому что тот наклонился к уху монарха и прошептал:

— Сир, верность Флоризы не вызывает сомнений. Когда она выйдет замуж, нам можно больше не опасаться, что ее сердечко взволнует кто-то другой. К тому же, и Боревер будет уже давно качаться на веревке. Но верность Флоризы не должна обескураживать нас самих: разве впервой нам преодолевать сопротивление?

— Да уж, — улыбнулся совершенно успокоенный король, которому, наверное, очень понравилось, что его поняли без каких-либо объяснений. — Отлично. Я хочу, чтобы свадьба состоялась как можно скорее.

Сент-Андре быстро обернулся и сделал знак Роншеролю. В ту же секунду король покраснел до ушей, потом так же резко побледнел, вскочил со своего места и рухнул обратно в кресло, тяжело дыша: Роншероль приближался к нему об руку с Флоризой…

Все собравшиеся с восторгом смотрели на красавицу девушку и так шумно выражали свое восхищение, что музыкантам пришлось остановиться. Придворные стали подходить ближе.

Король трепетал. Диана де Пуатье во все глаза глядела на приближающуюся Флоризу: так заходящее солнце могло бы изучать восходящую с другой стороны горизонта незнакомую звезду, еще ярче сияющую и куда более светлую и лучезарную, чем оно само. Екатерина вся дрожала: ее заставляло испытывать все муки ада это проклятое чувство, терзающее королев точно так же, как обычных женщин, и именуемое ревностью. А Мария Стюарт просто восхищалась, как восхищается истинный поэт и художник при виде совершенного творения господня.

— Сир, — сказал, подойдя к королю, Роншероль, и в голосе его прозвучало отчаяние высшего самоотречения, — не соизволит ли Ваше Величество разрешить мне представить мою дочь, невесту благороднейшего виконта Ролана д'Альбона де Сент-Андре? Мы просим Ваше Величество удостоить благословения этот союз, который составит счастье двух семей.

Он испустил тяжелый вздох и замер, не способный больше выдавить из себя ни слова.

— Подойдите, виконт! — приказал король тоном непередаваемой угрозы. — Мадемуазель, — продолжал он (и голос его дрогнул), — я счастлив дать вашему отцу разрешение на брак, о котором он просит. И я обещаю возложить на вашего супруга миссию, которая лучше всего скажет о моем к нему доверии. — Ролан чуть не упал на колени. — Что до вас самой, мне бы хотелось обеспечить вас приданым. Идите, господа, и пусть эта свадьба состоится как можно скорее.

Сказав это и не обратив внимания на то, как поспешно все отступили назад, Генрих II умолк: скорее всего, потому, что силы его были на исходе. В ту же минуту Флориза быстро сделала два шага вперед и прошептала:

— Сир…

Договорить она не смогла. Девушка упала без чувств на руки великого прево, который, отмахиваясь от предложений помощи, бережно поднял дочь и отнес в карету.

— Вот видите, сир, — шепнул в ухо королю Сент-Андре, — насколько мало нам опасен муж нашей прелестницы? Я абсолютно убежден, что нашел верный и надежный путь к успеху Вашего Величества…

А ведь тот, кто произнес столь постыдные сло-

ва, был отцом будущего супруга Флоризы!

V. Предсказание

Когда переполох, вызванный всем происшедшим, немного утих, Генрих II огляделся по сторонам, и взгляд его заиграл лихорадочным весельем. Брюске — а он ни на минуту не терял из виду своего хозяина! — сразу же воскликнул:

— Вот те на! Генрих, ты собрал нас всех здесь, заставляешь нас бодрствовать, мешаешь отправиться спать, и все это — под тем предлогом, что король колдунов, епископ черной магии, великий Нострадамус, явившийся сюда прямиком из Аравии, осчастливит двор своими предсказаниями! Валуа, я желаю послушать Нострадамуса! Подать сюда Нострадамуса! Немедленно подать сюда Нострадамуса!

Лицо короля омрачилось, и он посмотрел на Сент-Андре, как бы напоминая, о чем они договорились в отношении колдуна. Шут перехватил этот взгляд, в котором сверкнула вспышка дикой ненависти, взгляд, похожий на смертный приговор, и вприпрыжку приблизившись к Нострадамусу, несколько раз перекувырнулся прямо перед его носом.

— Остерегайтесь! — прошептал он во время од-

ного из кульбитов. — Король желает вам смерти, причем жестокой. А мне почему-то, сам не знаю почему, не хочется, чтобы вам причинили зло!

— Спасибо, господин Брюске, — сказал Нострадамус так проникновенно, что шут еще больше разволновался. — Сир, — обратился маг к королю, — я только что поблагодарил вашего посланника, предупредившего вашего покорного слугу о том, что вы меня призываете.

Толпа снова прихлынула к креслу короля и образовала вокруг Генриха и мага широкий круг. На лицах придворных читался страх, смешанный с восхищением и жгучим любопытством.

— Сударь, — сурово произнес Генрих II, — раз уж вы претендуете на то, что все на свете знаете, скажите, что через неделю случится с вами самим.

— Это невозможно, сир! — без промедления отозвался Нострадамус, сердце которого на мгновение замерло, а взгляд заволокся печалью.

— Ах! Ах! — еще больше возбудилась толпа. — Вот он и попал в ловушку! Да как легко!

— Сир, — продолжал между тем Нострадамус, — наверное, Вашему Величеству доводилось слышать о врачах, весьма искусных, когда они лечат чужих людей, но совершенно беспомощ-

ных, если речь заходит о них самих? Сир, я могу заглядывать в будущее других людей, но мое собственное от меня скрыто. Я тысячу раз пытался предсказать себе самые простые вещи, но это мне ни разу не удалось. Это, конечно, слабость, и я полагаю правильным признаться в этой слабости. Нет, я не знаю своего будущего…

Нострадамус провел рукой по лбу.

— Это ужасно, — продолжал он глухо. — Представьте себе, Ваше Величество, что вы ясно видите все, когда смотрите вокруг себя, но становитесь абсолютно слепы, пытаясь разглядеть в зеркале себя самого… Я чуть с ума не сошел от подобного бессилия…

Он выпрямился, с усилием вздохнул и добавил:

— Мало того. Если бы у меня был сын, была жена, были родители или родственники, я точно так же оказался бы бессилен, желая проникнуть в их будущее. Моя ученость останавливается на пороге, за которым моя собственная семья. Сир, я могу назвать себя ясновидцем только в отношении людей не одной со мной крови… К счастью, я один на свете…

— Значит, вашей учености не хватит ни на вас самого, и не хватило бы ни на кого из ваших

близких, будь у вас семья?

— Именно так, — подтвердил Нострадамус[38]. — Что же касается всех остальных людей, можете меня спрашивать, я отвечу.

— Хорошо. Есть ли у меня здесь друзья?

— Да, Ваше Величество, у вас есть друг среди собравшихся.

— Только один? И кто же?

— Ваш шут.

Внимание было таким напряженным, болезненное любопытство таким острым, что этот ответ не вызвал ни единого протеста в толпе придворных, насторожившихся уши и взиравших на все происходящее жадными взглядами.

— А враги у меня здесь есть? — снова спросил король.

— По крайней мере, один, сир. Враг, который наверняка убьет вас, если вы не убьете его.

Придворные в ужасе переглянулись. Монтгомери смертельно побледнел. Герцог де Гиз отступил на несколько шагов.

— Сударь, — буркнул Генрих II, — я требую, чтобы вы назвали имя этого смертельного врага,

---

[38] Примечания: 38

И мы также должны подтвердить, что, делая такое странное на первый взгляд заявление, Нострадамус говорил совершенно искренне и говорил чистую правду. (*Примеч. авт.*)

поскольку оно вам известно.

— Нет, я не назову его, — холодно ответил Нострадамус, — я не говорил вам, что оно мне известно. Я сказал только, что он находится сейчас здесь, что он рядом с вами и что этот ваш враг охотно отдаст свою кровь до последней капли, лишь бы заставить вас страдать и лишить вас жизни.

Король долгим кровожадным взглядом всматривался в своих придворных. Взгляд этот перескакивал с одного на другого, и чем дольше длилось молчание, тем больший страх охватывал разряженную толпу.

— Не стоит пытаться угадать, сир, просто так вы ничего не увидите, — снова заговорил Нострадамус. — Вы — в руках Судьбы. Даже если вы отправите на эшафот всех, кто находится сейчас в этом зале, враг, о котором я говорю, останется подле вас. Вы склонитесь под его могущественной дланью. Он уничтожит, сокрушит вас, несмотря на все ваше величие…

— Назовите его! Назовите его! — рычал Генрих, который чувствовал, как его охватывает невыразимый ужас.

— Невозможно. По крайней мере, сегодня вечером. Но, если вы по-прежнему будете желать

этого, я назову его, когда придет время. Клянусь вам в этом! — закончил Нострадамус, и в голосе его снова послышался отзвук металла.

— Какое время придет? — пролепетал король.

— Время для меня, не для вас. А пока — довольствуйтесь тем, что уже узнали сегодня, сир. Доверьтесь мне и не пытайтесь приподнять завесу, скрывающую незримое.

— Будь я проклят! — воскликнул Генрих II, силясь улыбнуться. — Вы и вам подобные, мэтр Нострадамус, все похожи один на другого! Вы произносите только лишь всякие таинственные и загадочные слова, которые можно отнести ко всему, что может случиться! Вот и получается, что в любом случае ваше предсказание окажется правдой!

— Сир, — спокойно ответил Нострадамус, — то, что я вижу будущее, так же верно, как то, что Земля вращается вокруг Солнца.

— Вот это да! — усмехнулся Сент-Андре. — Значит, теперь Земля вращается вокруг Солнца? Вот это новость! Господа астрологи просто-напросто морочат нам голову!

— Господин маршал, — холодно сказал Нострадамус, — если бы вы, как я, прочитали шесть томов сочинений Коперника, опубликованные

уже пятнадцать лет назад в Нюрнберге[39], вы бы знали — и для этого не потребовалось бы обращаться к магам, — что Солнце — центр нашей Вселенной, что Земля в течение суток обращается вокруг своей собственной оси и совершает оборот вокруг Солнца в течение года, что у Юпитера этот оборот занимает двенадцать лет, а у Сатурна — целых тридцать… Но мне не хочется тратить этот вечер на то, чтобы воспарять на крыльях гениев, управляющих ходом небесных тел… Достаточно и Земли. А поскольку сейчас я смотрю на вас, маршал, я скажу вам: «Будьте осторожны! Я вижу вас в крови, вы весь покрыты кровью, как нынче — золотом!»

Сент-Андре, которому всего месяц назад удалось конфисковать в свою пользу имущество одного чрезвычайно богатого и знатного сеньора, в ужасе отступил.

— А я? — жадно спросил Генрих. — А мне вы ничего не скажете, чтобы предостеречь, чтобы, по меньшей мере, утешить в моем горе, в моих неприятностях, избавить от тревог, которые разрывают мне душу?

— Нет, сир, вам я ничего не скажу!

---

[39] Примечания: 39

Здесь речь идет о труде Коперника под названием «De revolutionibus orbium coelestium» — «Об обращениях небесных сфер». (*Примеч. авт.*)

— Ах, дьявол меня побери! Нет, вы скажете, вы заговорите, сударь, иначе я подумаю…

— Что вы подумаете, сир? И на что вам жаловаться, в конце концов? Вам ли говорить о горе, о неприятностях, о тревогах? Никогда еще не рождался на свете человек, к которому так благоволила бы судьба! Которому выпало бы на долю столько везения!

Голос Нострадамуса зазвучал глухо. Он наклонился к королю. Тяжелая, давящая тишина нависла над толпой гостей, которым прежде не доводилось слышать, чтобы кто-то позволял себе так говорить с королем. Даже принцы крови.

— А кем были бы вы, — продолжал Нострадамус, — что стало бы с вами, если бы Фортуна не улыбнулась вам? Если бы не взяла за руку и не возвела на трон, который вы занимаете? Наверняка — могущественной персоной. Но, тем не менее — с ограниченными возможностями. А потом… Как знать, может быть, за вами бдительно следили бы… шпионили… из зависти или из ревности… А может быть, вас давно бы уже убили, потому что вы вызывали подозрения… Ведь вы были бы всего лишь братом короля, а не самим королем!

В молчании послышался еле уловимый стон.

Впрочем, поняла, что исходил этот стон из груди короля, одна только Екатерина Медичи.

— Да-да, подумайте, сир! — безжалостно, резким голосом продолжал Нострадамус. — Вы же не родились дофином! Дофином Франции был ваш брат Франсуа. И не произошло ли чудо? Здоровый, крепкий молодой человек, более крепкий и более жизнеспособный, чем вы сами, вобравший в себя всю силу и выносливость древних Валуа, ваших предков, ваш брат, которому, казалось, жить бы и жить, хоть целый век, в то время как вы были таким слабым, таким жалким… Нет, это и впрямь чудо! Этот молодой человек прибыл в Турнон абсолютно здоровым. И вдруг он заболевает лихорадкой. Пустячной лихорадкой. Но тем не менее эта пустячная лихорадка убивает его. А вы становитесь дофином! Отныне вам принадлежит все: слава, власть, вам достается радость, вам достается любовь, на вашу долю выпадают праздники… Ах, сир, как же вам не благодарить судьбу? А вам и в голову не приходит поблагодарить ее, вы еще жалуетесь…

— Несчастный! — завопил бледный, не помнящий себя от ужаса король. — Ты осмелился мне намекнуть, что я должен считать себя в выигрыше от смерти моего возлюбленного брата?! Что

должен радоваться ей?!

— О нет, нет, сир! Нет, именем Бога клянусь, что нет! Совсем наоборот: здесь, перед вами, я, способный прочесть ваше сердце, как открытую книгу, я утверждаю, что со дня смерти вашего брата в этом сердце поселилась неисцелимая печаль. Оно навеки оделось в траур. Кто может сказать, что король Генрих II радуется смерти своего брата? Может быть, другие забыли его, да! Но вы, сир, вы — нет! Я утверждаю, что вы по-королевски терпите свою боль!

Генрих II поднял на Нострадамуса помутневшие остановившиеся глаза. Всякий, вглядевшись в них, почувствовал бы, что король готов попросить пощады. И, возможно, он уже готов был произнести чудовищные, роковые слова…

— Ради бога, Анри! — прошептала ему в самое ухо Екатерина. — Будьте мужчиной! Держитесь! Или, клянусь Богоматерью, ваш собственный двор восстанет против вас, чтобы забросать камнями и изгнать из Лувра!

Слова жены больно хлестнули короля. Сделав над собой огромное усилие, он взял себя в руки, собрался и даже нашел в себе мужество улыбнуться.

— Отлично, — сказал он прерывающимся го-

лосом. — Я вижу, мессир, что вы действительно читаете в моем сердце как в открытой книге, если утверждаете, что оно навеки оделось в траур.

— Боже! — прошептала Екатерина. — Как этот подлец старается свалить все на меня одну! Что ж, значит, пришло время умереть и ему. Пусть он умрет, пока я не погибла вместе с ним!

— Мэтр, — насмешливо обратился в этот момент к Нострадамусу герцог де Гиз, — мне бы тоже очень хотелось узнать хоть что-то о своем светлом будущем!

Нострадамус посмотрел ему в глаза.

— Господин герцог, — спросил он, — это ведь вас прозвали Меченым?

— И я горжусь этим! Мне кажется, мой полученный в бою шрам виден каждому!

— Нет, то, о чем говорю я, каждому не видно, герцог… Я вижу другой шрам, вот тут, чуть пониже плеча… И это даже не шрам, это обширная и глубокая рана, из нее течет кровь… Вы лежите на траве, вы умираете, герцог! Вы умираете в отчаянии, потому что понимаете в эту минуту, что ваши лотарингские дрозды[40] так и не подняли вас на своих крыльях так высоко, как вы

[40] Примечания: 40

По-видимому, самки дроздов украшали герб Лотарингского дома, к которому принадлежал Генрих де Гиз. (*Примеч. пер.*)

рассчитывали!

— Тише! — вполголоса произнес герцог де Гиз. — Ха! Ха! — громко рассмеялся он. — Однако, честью клянусь, вы меня утешили!

— А я? А мне? — воскликнула Мария Стюарт, сгорая от любопытства, которому уже не в силах была сопротивляться.

Нострадамус низко поклонился.

— Мадам, вы любите Францию, так оставайтесь же здесь. А если все-таки вернетесь в Шотландию, избегайте Англии. Будьте осторожны с женщиной, которая завидует вам и ревнует к вам. Будьте очень осторожны, мадам, ибо и вас я вижу окровавленной…

Мария Стюарт испустила слабый крик и страшно побледнела. Но тут же, встряхнув своей очаровательной головкой, тоже рассмеялась и сказала:

— Мессир, вы и впрямь стараетесь испугать нас, и мы почти испугались бы, если бы не знали, что непроницаемый занавес отделяет от нас картину нашего будущего. Ведь все, что здесь сейчас происходит, просто игра, не правда ли? Вы же не можете всерьез претендовать на то, что умеете заглядывать в будущее? Вы пытаетесь догадаться о чем-то или…

— Игра, мадам? — тихо переспросил Нострадамус, и во внезапно воцарившемся молчании можно было услышать, как шуршат шелка корсажей от тяжелого дыхания перепуганных придворных дам. — Игра! Вы произнесли слово «игра», госпожа моя и королева… Да, может быть, это и игра, но она основана на точном математическом расчете. Вот и все. Нет, может быть, дело еще в том, что надо уметь видеть. Жизнь — это равнина, мадам. Люди — стебельки ржи на этой равнине, на этом огромном поле. События — волны, которые прокатываются по полю ржи, когда ветер судьбы проносится над ним… Человеческому уму дано умение видеть. Но, оказавшись перед этим бесконечным полем, большинство людей не видит ничего, кроме колосьев, которые находятся от них в непосредственной близости. Есть и другие: они видят чуть-чуть дальше. Но некоторые, рождающиеся из века в век, обладают умом, позволяющим увидеть всю равнину целиком, до самого ее края. У меня — такой ум, мадам… Я вижу, как от края до края равнины по колосьям пробегает ветер, как они колышутся… Нет, я не пытаюсь догадаться: Я ВИЖУ!

Стояла мертвая тишина, нарушить которую осмелилась только Екатерина Медичи.

Она дерзко посмотрела в лицо Нострадамусу и спросила:

— Неужели вы говорите правду, мессир? Неужели это верно?

— Так же верно, мадам, как то, что мысли и поступки людей — это комбинации определенных чисел. Так же верно, как то, что человек, знающий эти числа, способен найти результат таких комбинаций. Так же верно, как то, что королевские короны однажды с грохотом покатятся по земле. Так же верно, как то, что в один прекрасный день люди увидят, как движутся кареты без лошадей и то, что человек осуществит мечту Икара[41]...

Нострадамус твердым шагом подошел к маршалу де Сент-Андре и сурово взглянул на него:

— Так же верно, — бросил он маршалу прямо в лицо, — как то, что ты будешь убит человеком, которого, ограбив, вверг в нищету! Так же верно, как то, что ты сам станешь живым воплощением

---

[41] Примечания: 41

Нострадамус предугадал изобретение воздушного шара. Что касается «карет без лошадей» (автомобили, железные дороги), надо напомнить, что еще и в наши дни в Кро, где Нострадамус, как известно, прожил несколько лет, бытует интересная легенда. Старики этого края утверждают, что от их предков, задолго до изобретения железной дороги и, естественно, автомобилей, передавалось из уст в уста предание о каретах, движущихся без лошадей, которые однажды удивят мир. И эти старики утверждают, что их предки узнали об этом от великого Нострадамуса. (*Примеч. авт.*)

отчаяния в день, когда потеряешь все сокровища, украденные тобой у твоего короля!

Сент-Андре, побледневший, раздавленный услышанным, пошатываясь от ужаса, смотрел на Нострадамуса взглядом приговоренного. Но король не слышал того, что сказал маг, и не вмешался. Тогда маршал, пробираясь между группами придворных, проскользнул к выходу, выскочил из Лувра и — не переводя дыхания — помчался к своему жилищу. Там он прошел прямо в тайное подземелье, где открыл сундуки, полные золота, и, погрузив в это золото руки до локтей, жадно перебирая монеты, весь взъерошенный, сверкая глазами, прошептал:

— Мои сокровища! Мое золото! Пусть попробуют отобрать его у меня!

Нострадамус посмотрел вслед убегающему маршалу с улыбкой победителя, потом, в свою очередь, пройдя через толпу придворных, еще застывших в изумлении, приблизился к Роншеролю.

— Так же верно, — сказал он голосом, от которого великого прево пробрала дрожь до костей, — так же верно, как то, что твое сердце будет разбито, что ты умрешь, как собака, проклиная небо и землю из-за потери своего сокровища, да,

ты его тоже потеряешь!

— Мое сокровище? — пробормотал, ничего не понимая, Роншероль.

— Твое сокровище: твою дочь!

— Мою дочь?! — прохрипел ошеломленный прево. И так же, как только что маршал, бросился сквозь толпу к выходу. Он в точности так же был подавлен, порабощен этим человеком, сумевшим публично обнажить главную страсть его жизни. Выбравшись из королевского дворца, Роншероль вскочил в седло и галопом пронесся по улицам до своего дома. Там он, задыхаясь, взбежал по лестнице, влетел в комнату Флоризы и разразился нервным смехом только тогда, когда увидел дочь, стоявшую на коленях перед распятием, — бледную, с молитвенно сложенными руками.

— Запереть ворота и закрыть все двери! — приказал он. — Выставить аркебузиров по всему двору! И стрелять! Стрелять в каждого, кто осмелится приблизиться!

Часть одиннадцатая
ФЛОРИЗА

I. Волки выходят из леса

А теперь мы отправимся в то самое убогое жилище на чердаке, куда уже забредали с читателем, который, может быть, и не забыл об этом, — мы отправимся на улицу Каландр. Именно здесь мы познакомились получше с Брабаном-Брабантцем в ночь, когда он усыновил, не опасаясь погибели собственной души, маленького дьяволенка, которого чуть позже назвал Руаялем де Боревером. А сейчас здесь находятся четверо мужчин. И они что-то обсуждают. Дело происходит три дня спустя после посещения Лувра Нострадамусом.

— Вот какая штука, — сказал Страпафар. — Три дня прошло с тех пор, как нам пришло в голову забраться сюда и использовать эту жалкую лачужку в качестве крепости…

— Это я придумал! — гордо произнес Корподьябль. — Только, к сожалению, мы не обнаружили здесь того, кого надеялись найти! Ах, если б он был здесь, мы бы не подыхали сейчас от голода и жажды!

— Но ведь я выходил все три дня, каждый вечер, едва пробьет девять! Вы что — не заметили? А ведь я проглядел все глаза, я искал повсюду,

бедняга! Да, проглядел все глаза, везде вынюхивал, но…

— Ищите и обрящете! — слащаво пропел Тринкмаль.

— Ни черта! Хоть бы какой богатей попался под руку! Нет, почтенные горожане стали жадными и хитрыми, как лисы! Правда, наш король Генрих II и его преданный слуга Сент-Андре выжали из них последние соки… Ну, и пришлось мне возвращаться несолоно хлебавши… Но как-то вдруг я увидел двоих… И пошел за ними… Они приблизились к особняку великого прево Роншероля…

— Дрянное местечко! Там не поживишься!

— Так я себе и сказал. Если бы я попробовал хоть пальцем их тронуть, эти болваны завизжали бы, как недорезанные поросята, и вся охрана великого прево набросилась бы на меня! А они были богатенькие, эти сучьи дети! Когда выглянула луна, я увидел эфесы их шпаг. И черт меня побери совсем, если там, на этих эфесах, бриллиантов было меньше, чем на пару тысяч экю!

— И ты дал им уйти! — завопил Корподьябль.

— Погоди, — остановил его Страпафар. — Я еще не все рассказал. Назавтра я снова вышел поохотиться, поискать хоть что-нибудь, как брошенный пес на помойке. Опять ничего! И вдруг

я подумал: а если опять прогуляться около дома великого прево — посмотреть, что там делается? И кого же я там увидел? Двух моих паршивцев!

— Что — с теми же камешками на шпагах?

— С теми, с теми, а как же! И вчера — то же самое, один к одному! Эти двое красавчиков с бриллиантами — опять тут как тут! Что они там делают? Зачем приходят каждый день? Чего ищут? Кто они такие? Хотя это, прямо скажем, мне все равно. Меня волнует только одно, братцы: нет никаких причин думать, что, если они привыкли гулять там по вечерам, они не явятся туда сегодня в тот же час, а именно — ближе к полуночи. Что вы на это скажете?

Пробило одиннадцать. Тринкмаль вместо ответа вскочил с устрашающим выражением лица, нацепил, как ожерелье, четки, которые надевал на себя всегда, когда шел на трудное дело, и вооружился длинной шпагой. Что до Корподьябля, то он, закончив полировать свой кинжал, становившийся, когда окажется в его руке, весьма грозным оружием, встал. Буракана пришлось трясти так, что у него чуть не отвалилась голова, но он все-таки продрал глаза. Тогда его быстренько ввели в курс дела, и он, в свою очередь, вооружился.

Затем четверо разбойников выбрались на ули-

цу, проскочили мост Нотр-Дам и двинулись в сторону дома великого прево.

— Стоп! Тихо! — приказал Страпафар, который, поскольку именно ему первому пришла в голову блестящая мысль, естественным образом стал капитаном маленького отряда. — Тихо, говорю, черт вас побери!

И указал сообщникам на двух мужчин, шедших чуть впереди. Их силуэты четко рисовались на побледневшем в лунном свете небе.

Разбойники крались следом за ними, их поведение разом изменилось, беззаботные лица приобрели хищное выражение, они преследовали добычу точь-в-точь как волки, вышедшие на охоту. Неизвестные богачи остановились прямо под окном дома великого прево — под освещенным окном.

— Внимание! — скомандовал Страпафар. — Готовсь!

Они приготовились к прыжку… В этот момент из одной из узких улочек показались три человека — молчаливых, тоже очень напоминавших хищников, готовых наброситься на добычу… За этими тремя — неожиданно еще двое… Четверо бандитов решили переждать: вдруг все эти ночные охотники окажутся просто запоздалыми

прохожими… Но внезапно из другого проулка высыпали еще пятеро, потом еще трое!

— Проклятие! — проворчал Тринкмаль.

— Ба! — отозвался Буракан. — Давайте все-таки нападем… Лучше погибнуть в драке, чем подохнуть с голоду!

II. Страсть Роншероля

Почти в то же самое мгновение, когда Страпафар, Тринкмаль, Корподьябль и Буракан держали совет в чердачном убежище дома на улице Каландр, чему мы были свидетелями, в ту самую комнату, освещенное окно которой разбойники видели чуть позже, вошел господин великий прево.

Как всегда по вечерам, барон Гаэтан де Роншероль только что закончил свой обход intra et extra mures[42]. Проверив двор и дом, он убедился, что везде расставлены караулы, что часовые помнят свою задачу, а обойдя все коридоры и все лестницы, примыкающие к комнатам Флоризы, — что повсюду хватает охраны. Выйдя за ворота своего особняка, барон в тысячный раз осмотрел все подступы к дому и в тысячный раз понял: невозможно проникнуть туда незаметно. Проделав все это, он успокоился и, опять-таки так, как делал это каждый вечер, поднялся в апартаменты, занимаемые дочерью.

Роншероль открыл дверь, прошел через прихо-

---

[42] Примечания: 42
Дословно: внутри стен и за ними (лат.).

жую, где дежурили две женщины, толкнул еще одну дверь и оказался в комнате Флоризы.

Тут надо вернуться почти на два десятка лет назад. Примерно в 1541 году барон Гаэтан де Роншероль женился на благородной девице по фамилии Лувре-де-Сент-Люс, которой Франциск I, по совету своего сына Анри, дал шестьдесят тысяч экю приданого. Нам почти нечего сказать об этой барышне, кроме того, что она трепетала перед супругом в течение всех пятнадцати месяцев брака и умерла от родильной горячки спустя неделю после того, как произвела на свет девочку. Этой девочкой и была Флориза.

В тот момент, когда великий прево вошел в ее комнату, девушка сидела в огромном кресле у стола, где стоял канделябр с пятью свечами, и, не вглядываясь, небрежно водила пальцем по рисунку кружева. Стрелки настенных часов показывали десять.

— Что вы делаете? — таким ласковым голосом, какого никто и никогда, кроме его собственной дочери, не слышал, спросил Роншероль. — Вы плетете кружева по этому рисунку?

— Нет, батюшка, я уже закончила работу и, прежде чем пойти спать, решила, как всегда по вечерам, помолиться о том, чтобы Пресвятая Дева

помогла мне избежать этого брака… Я умоляю ее защитить меня!

— Флориза, но ведь я дал слово маршалу! Ты хочешь видеть своего отца клятвопреступником?

— Нет, батюшка, но я ведь не давала слова Ролану де Сент-Андре!

Она упорно защищалась, бедная малютка! Она думала: это мое сердце, это моя жизнь, их я должна оборонять! И она улыбалась… А Роншероль…

В его душе творилось что-то ужасное. Присущий любому палачу инстинкт, потрясающая способность провидеть, свойственная ему как гениальному полицейскому, позволили ему понять, какой ужас, какая боль скрываются за этой жалкой улыбкой. Его душа рыдала, он плакал кровавыми слезами, подвергая Флоризу страшной пытке.

«Так надо, — убеждал он себя. — Это единственное средство вырвать ее из лап бандита, короля сброда, и из лап короля, бандита, разбивающего сердца… О, дочь моя, ты будешь горько плакать, может быть, меня это убьет, но я все равно должен попытаться спасти тебя от тебя самой!»

— Флориза, дитя мое, — ласково сказал он вслух, — неужели ты его так страстно ненавидишь, этого беднягу Ролана?

— Нет, отец. Презираю — вот и все… А как вы, отец, как вы могли забыть, что там, в этой грязной харчевне…

— Этот поступок был продиктован отчаянием, дитя мое… Он ведь любит тебя! А потом… король хочет, чтобы вы поженились…

— Король — хозяин моей жизни, но не моего сердца… Простите, батюшка, я на самом деле очень устала, позвольте мне пойти лечь, — добавила Флориза, поднимаясь.

— Нет, подожди, не уходи, — сурово произнес Роншероль. — Мне надо поговорить с тобой.

Флориза поняла: минута, когда она должна вступить в яростную борьбу с отцом, минута, которую она старалась все эти дни отодвинуть, все-таки настала. Девушка собрала все силы, всю волю, напряглась, чтобы суметь воспротивиться воле отца. Она смотрела в пол, бледная, но сохранившая горделивую осанку, и ждала… Роншероль тяжело дышал. Возможно, он тоже понимал, что ставка в этой игре — жизнь. Жизнь дочери и его собственная. В его душе продолжалась кровавая битва между тщеславием, до тех пор служившим движущей силой всякого его поступка, и родительской любовью, переполнявшей сердце. И когда он вот так терзался, раздираемый двумя

страстями, главными своими проводниками по жизни, вдруг прозвучал голос, резанувший его слух.

— Твое сердце будет разбито!

— Кто это сказал? — вздрогнув, спросил Роншероль.

— Что сказал? Здесь же никого нет, батюшка, — удивленно ответила Флориза. — Никто ничего не сказал. Посмотрите, мы одни…

Роншероль оглядел комнату подозрительным взглядом и горько улыбнулся.

— Да, мы одни, — проворчал он. — Это были слова колдуна… Это ужасное предсказание Нострадамуса… Флориза, дитя мое, послушай, — сказал он громче. — Я только что принял серьезное решение, которое тяжело мне далось…

— Слушаю, батюшка, — вся дрожа от внезапно вспыхнувшей надежды, ответила Флориза.

— Ах, — прошептал великий прево, сжимая руки, — когда ты говоришь со мной таким нежным голосом, когда твой взгляд согревает мне сердце, я забываю обо всем, моя Флориза, я хочу только одного: смотреть на тебя и слушать тебя…

Она улыбнулась, подошла к отцу и обвила его шею руками, положив свою прелестную головку ему на грудь. Он восторженно смотрел на дочь.

Этот страшный человек, умело спекулировавший на людских страстях, мрачный, грубый, обладавший непомерным тщеславием, этот хладнокровный убийца, окажись вы тогда в комнате Флоризы, показался бы вам высочайшим воплощением отцовской любви. Высочайшим! Да он и был таким в ту минуту. Вот что он думал:

«Пусть так. Пусть мои надежды пойдут прахом. Пусть мои мечты развеются. Нет, я сам задушу их. Я не буду ни великим канцлером, ни хранителем печати, ни советником короля, ни губернатором провинции, ни герцогом! Я останусь только отцом Флоризы!»

На мгновение он закрыл глаза, будто хотел таким образом избавиться от ослепительного видения, от миража, за которым гонялся долгие двадцать лет. Странная бледность легла на его лицо. Вздох, похожий на предсмертный хрип, вырвался из груди. Вздох прощания со всем тем, на что он надеялся, на что рассчитывал, с планами, которые строил во сне и наяву: с силой, славой, почестями, могуществом…

— Мое дорогое дитя, моя Флориза, есть одно средство избежать этого замужества, которое столь тебе ненавистно, которое заставляет тебя плакать…

Флориза вскрикнула с такой бурной радостью, ее охватила такая лихорадочная дрожь, что отец смог с куда большей ясностью, чем даже в ту минуту, когда она упала без чувств перед троном Генриха II, представить себе, какие бури бушевали в душе дочери, какой смертельный ужас переполнял эту девочку, которую хотели насильно выдать замуж за нелюбимого.

— Флориза, — прошептал он, сжимая дочь в объятиях, — ты — мое главное сокровище! Я полюбил тебя, как только ты появилась на свет. Я, который никогда никого не любил… Послушай… Я ведь не любил даже твою мать… Я — проклятый, я, твердо веривший, что единственные чувства, на которые я способен, — это ненависть и жажда мести…

— Отец, отец, что вы говорите? — лепетала девушка.

— Дай мне закончить и постарайся понять своего отца. Я, повторяю, я, который отрицал любовь, дружбу, привязанность, я, который наполнял вселенную презрением, я, для которого всякое человеческое существо было врагом, пригодным лишь для подавления и уничтожения, я — полюбил! Полюбил тебя. О, поначалу я пытался сопротивляться. Но ты оказалась сильнее. Это

случилось однажды вечером… Ты не можешь этого помнить… Однажды я вернулся с казни… Злой и смертельно усталый, я рухнул в кресло. И тут подошла ты… Подошла, залезла ко мне на колени, вся беленькая, розовощекая, ты улыбалась… и я заплакал! И в этот вечер понял, кем ты стала для меня и кем можешь стать… В этот вечер я понял, как люблю тебя, и стал любить еще больше, обожать с какой-то бешеной страстью… Флориза, ты — как небесный луч, проникший в ад моих мыслей, ты — ангел, один взгляд которого может утешить того проклятого Господом негодяя, каким я был всегда!

— Отец, дорогой отец! Я и хочу быть твоим утешением!

— А ты и есть мое утешение, и всегда им была. Всю жизнь, до этой самой минуты, я думал, что мое честолюбие равно моей любви к тебе. Я ошибался, Флориза. Я люблю тебя куда больше, чем эту власть, которую медленно, такими тяжкими трудами, используя такие хитрости и низости, завоевывал. И теперь я отрекаюсь, я отказываюсь от нее, с бешенством и восторгом в душе. Молчи, дочка. Тебе этого не понять — ты слишком чиста. Только слушай. Сама мысль о том, чтобы выйти замуж за Ролана де Сент-Андре, тебе ненавист-

на. Хорошо, ты не выйдешь за него замуж. Для этого есть одно средство, одно-единственное: мы покинем двор и Париж. Я сложу с себя свои обязанности. Я пренебрегу гневом короля. Я богат. Мы станем жить вдвоем в какой-нибудь из провинций, отказавшись от всего, за исключением наших чувств друг к другу. Я буду только отцом, ты — только дочерью. Мы будем жить друг для друга. Готовься, Флориза. Завтра мы уезжаем, мы бежим…

— Мы бежим? Отец, отец! Почему нам надо бежать? Чего нам опасаться?

— Говорю тебе: надо бежать — значит, надо! Разве ты не понимаешь, что тебе грозит чудовищная опасность, хотя бы потому, что сначала я решился потерять тебя, отдав другому, а теперь — отказаться от своей жизни, разрушить свои честолюбивые мечты, чтобы сохранить тебя? Разве ты этого не понимаешь?

— Опасность? — повторила Флориза. — Чудовищная опасность… Что за опасность?

— Не могу тебе сказать.

— Но я хочу знать!

— Ах, ты хочешь! — вдруг заревел Роншероль, сверкая глазами и сжимая кулаки. — Ты хочешь! Значит, ты хочешь знать, почему нам надо

скрыться из Парижа?

— Да, отец, — с неописуемой гордостью ответила Флориза. — Не просто хочу, мне необходимо это знать, иначе вся эта история вызовет у меня странные подозрения…

— Ну, хорошо, ты узнаешь! Ты узнаешь эту страшную тайну, которая подтачивает мое несокрушимое здоровье, которая убивает меня, которая заставляет меня метаться в бессильном бешенстве от одной только мысли, что я не могу одним словом, одним движением руки смести с лица земли этот трон и одним взглядом испепелить короля!

— Короля? — ужаснулась Флориза, начиная что-то понимать.

— Да, короля, короля! — продолжал бушевать Роншероль, и оскорбительная интонация, с которой он произнес эти слова, неминуемо привела бы его на Гревскую площадь, если бы их услышал кто-то посторонний. — Король, несчастная! Ах, ты не понимаешь?! Король! Этот ничтожный король, из-за которого ко мне прониклись ненавистью триста тысяч парижан! Король! Не понимаешь? Так слушай: он влюблен в тебя!

Флориза не произнесла ни слова, не проронила ни слезинки, она просто выпрямилась, и только

дрожащие губы выдавали ее волнение и страх.

— Он влюблен в тебя! Он тебя хочет! Чтобы заполучить тебя, он мог бы, если б понадобилось, отправить меня на эшафот или подарить трон! Он хочет, чтобы ты стала его любовницей! Ты! Ты! Моя дочь! Ты должна стать орудием наслаждения для этого ужасного человека! А какое бесчестье! Какой позор! Какое падение! Сколько разбитых сердец! Но разве это имеет для него значение? Ведь он удостоит тебя чести несколько дней посидеть рядом с Дианой! О, дочь моя, дитя мое, давай убежим, раз ты не хочешь этого замужества, которое, по крайней мере, спасло бы тебя от позора!

Роншероль плакал! Роншероль ломал руки! Какое-то время отец и дочь молчали, и пока царила эта тишина, ужасная, давящая тишина, великий прево постарался взять себя в руки, успокоиться, усмирить бурю, бушевавшую в его душе.

— Теперь ты знаешь все, — придя в себя, снова заговорил он надтреснутым голосом. — Иди, собери вещи, и я тоже подготовлюсь к отъезду. Завтра утром мы покинем Париж.

Услышав это, Флориза чуть отступила, опустила голову и прошептала:

— Нет, отец…

Роншероль вздрогнул. Он быстро подошел к дочери и схватил ее за плечи, приблизив к себе.

— Ты сказала «нет»? — спросил он почти беззвучно. Растерянная, едва стоящая на ногах, удивленная собственной дерзостью, она пробормотала:

— Да, я не хочу покидать Париж…

— Почему?

— Сама не знаю…

Странные слова. Восхитительные слова. Слова, в которых заключалась истинная правда: она действительно не знала, почему ей так не хочется уезжать из Парижа. Она знала только, что умрет, если ее увезут отсюда. А Флориза не хотела умирать! Роншероль скрипнул зубами. Его глаза налились кровью, и он стал таким, каким являлся приговоренным непосредственно перед тем, как отдать палачу последний приказ.

— Ах, ты не знаешь? — очень-очень тихо переспросил он. — Значит, не знаешь… А хочешь, я сам скажу тебе почему?

— Вы делаете мне больно, батюшка!

Роншероль не слышал жалобы. Он по-прежнему крепко сжимал плечи дочери. Он принялся трясти девушку, уже не владея собой, отдавшись порыву гнева и ярости.

— Сейчас скажу — узнаешь! — прошипел он угрожающе.

— Скажите, отец! — справившись с собой, сказала она.

И Роншероль взорвался, он заорал во весь голос:

— Ты не хочешь уезжать из Парижа, несчастная, потому, что Париж полон сброда, кишит бандитами и мошенниками!

— Отец! — воскликнула Флориза, бледная, как мел.

— Потому, — гремел Роншероль, — что в твоем сердце царит образ такого бандита и мошенника! И он живет в Париже! Потому что ты влюблена в него, проклятая девчонка, ты влюблена в него! В кого? Боже мой! Как тут не сойти с ума? Ты влюблена! Влюблена! Влюблена в Руаяля де Боревера!

Флориза, коротко вскрикнув, упала на колени, ужасающее прозрение снизошло на ее душу, и она улыбнулась, как мог бы улыбнуться только ангел всепоглощающей любви… А Роншероль продолжал бесноваться.

— Хорошо! Я остаюсь! Я пойду против короля! Я убью короля, если понадобится! Но не потерплю бесчестья! А что касается твоего бандита, пусть тебе придется умереть от горя, пусть я сам умру от

отчаяния из-за того, что убил тебя, но что касается твоего бандита, слышишь, — я своими руками прирежу его! Поняла? Я иду по его следу! Он уже почти у меня в руках! И, как только его возьмут, он пойдет на Гревскую площадь! На виселицу! На виселицу, слышишь? Посмотри, посмотри, Флориза! Вот ему надевают на шею веревку, твоему возлюбленному! Вот он качается на веревке, которую твой отец надел ему на шею!

Роншероль выскочил из комнаты дочери, не помня себя от отчаяния и гнева. В уголках его губ выступила пена, казалось, он окончательно потерял рассудок. Оказавшись в прихожей, он выхватил кинжал и с силой воткнул его в стену — так, словно не хотел поддаться искушению вернуться и всадить этот кинжал в грудь своей дочери…

III. Железный эскадрон

Примерно в половине двенадцатого Генрих II вышел из Лувра вместе со своим фаворитом и в сопровождении эскорта из двенадцати телохранителей, специально отобранных для этих ночных прогулок, которые он совершал достаточно часто. Король Франции обожал подобные эскапады, следуя и в этом тоже примеру своего покойного отца.

Но королевские прогулки далеко не всегда были безопасными. Порой случалось переходить в рукопашную, встретившись с бандой разбойников. Однако Генриха все это так забавляло, что он часто появлялся за стенами дворца в компании всего лишь одного-двух своих приближенных. Хотя, надо сказать, так он поступал только в тех случаях, когда речь не шла о любовном свидании, потому что, отдаваясь любви, он не хотел, чтобы его потревожили, и, обеспечивая себе полный покой, окружал себя надежной стражей.

В тот вечер маршал де Сент-Андре сказал ему:

— Сир, мне удалось подкупить одну из служанок нашей красотки. Она спустит из окна веревочную лестницу. Ровно в полночь. Если

Вашему Величеству угодно рискнуть…

— Тебе это удалось! — трепеща, воскликнул король.

— Да, сир. Но это обошлось мне очень дорого, возможно, слишком дорого. Эта женщина, служанка, хочет сбежать от хозяев, и она потребовала обеспечить ее существование.

— Сколько? — охрипшим от радости голосом спросил Генрих.

Сент-Андре немного поколебался, потом, не в силах унять дрожь, ответил:

— Десять тысяч экю, сир!

Генрих II присел к столу, нацарапал три строчки и протянул бумагу придворному, пожиравшему ее взглядом. Развернув сложенный вчетверо листок, тот впился в него глазами и не смог скрыть счастливого вздоха, неизменно испускаемого скупцами, когда на их долю выпадает нечаянный выигрыш: бумажка оказалась приказом выдать Сент-Андре из королевской казны двадцать тысяч экю! А истратил-то он всего три сотни!

Итак, в условленный час Генрих II, опираясь на руку Сент-Андре, вышел из Лувра. Как мы уже говорили, их сопровождал эскорт из двенадцати телохранителей. Шестеро шли впереди на расстоянии двухсот-трехсот шагов, чтобы

расчищать дорогу, шестеро — позади, соблюдая примерно такую же дистанцию. В их задачу входило отбивать атаки ночных охотников за кошельками или каких-то других разбойников, которые могли напасть с тыла. Генрих II шел быстро, несмотря на одышку, он почти тащил за собой своего спутника. Он был очень весел. Он на ходу со спокойным бесстыдством объяснял свои намерения, не стесняясь в выражениях, и подобно застоявшемуся, но выпущенному наконец на волю коню сопровождал свои слова хохотом, больше всего напоминавшим радостное ржание. Нетрудно было понять, какие гнусные мысли одолевают этого жеребчика, хотя, впрочем, сам он вряд ли отдавал себе отчет в том, насколько цинично звучит все, им произносимое.

— Понимаешь, дружок Сент-Андре, — говорил он (мы, пожалуй, переведем здесь его речь, опустив все непристойности, на нормальный язык), — понимаешь, мой дорогой, твой сын, конечно, симпатичный малый, я его очень люблю и озолочу, когда он женится. Но ты должен признать, что это благородное дитя — слишком изысканный плод для него. И я хочу вкусить от этого плода раньше, чем его к нему подпустят. Клянусь Богоматерью, он должен радоваться и

тому, что останется!

— Бедняга Ролан! — так же спокойно сказал отец Ролана, трепетной рукой ощупывая карман камзола, чтобы убедиться: он не потерял драгоценный пропуск в сокровищницу.

— Ну да, пожалей его! Между прочим, это не он, а я вот уже три ночи подряд трачу время — на что? Смотрю на освещенное окошко, пока свет не погаснет! Признай, не королевское это дело! Сент-Андре, твоя идея насчет веревочной лестницы просто восхитительна! А ведь, черт побери, было время, понимаешь, когда я чуть было не в ногах валялся у Роншероля, готов был предложить ему половину королевства, половину Франции за его дочь… И это было бы не слишком много… еще вчера… правда, завтра, вполне возможно, мы рассчитаемся по-другому!

Король опять расхохотался. Придворный тоже прыснул со смеху.

В том месте, где от улицы Вьей-Барбетт ответвлялась улица Тиссерандери, куда направлялся Генрих II, был маленький перекресток. На его северном углу стоял дом с нишей, в которой поместили статую святого Павла. Под этой нишей располагался навес, под навесом, ниже уровня земли, — дверь, к ней надо было спуститься по

лесенке из трех ступенек. Здесь царила полная тьма. Зато противоположный угол ярко освещала луна. Дверца под лестницей была открыта, за нею, казалось, был вход в подвал или лавочку, но и там было совершенно темно. Однако, приглядевшись, вы бы обнаружили удивительную группу, застывшую в молчании и неподвижности. Двенадцать мужчин, тесно прижавшихся друг к другу, все — с масками на лицах, с кинжалами в руках. Даже прислушавшись, вы не услышали бы их дыхания. Вы приняли бы их за двенадцать статуй. Вот только вас, наверное, смутили бы двадцать четыре светящиеся в темноте каким-то особенным отблеском точки: глаза этих двенадцати статуй, устремленные на то место, где на перекресток выходила улица Тиссерандери. А впереди группы в стойке собаки, вынюхивающей дичь, стоял еще один человек. Эти двенадцать были Железным эскадроном.

Лагард вслушивался в тишину. Внезапно он выпрямился и заговорил, не оборачиваясь к своим людям. Если бы в трех шагах от него появился прохожий, он не расслышал бы шепота. Но Железный эскадрон слышал. А Лагард говорил:

— Вот и они. Ждите, пока я не подниму руку. Предупреждаю: ни звука! Я собственной рукой

распорю живот каждому, кто позволит им закричать. Цельтесь в грудь. Одним ударом. По двое на каждого.

И вновь все умолкло. Головорезы Железного эскадрона не пошевельнулись, по тесно сплоченной группе даже не пробежала дрожь, естественная для людей, готовящихся к убийству. Ничего. Мертвая тишина…

Внезапно из-за угла появилась первая шестерка королевского авангарда, телохранители двигались бесшумно, проверяли темные углы — ушки на макушке, рука на эфесе длинной шпаги. Лагард застыл на месте. Шестеро в полном молчании прошли через перекресток и повернули на улицу Сент-Антуан. И тогда Лагард поднял руку.

Через секунду Железный эскадрон, бесшумно выбравшись из своего убежища, оказался на улице. И не понять было, двигались ли это живые существа, или автоматы, или порождения страшного сна. В следующую секунду эскадрон рассыпался, поделился на шесть групп по двое. Движения были чисто механическими, ужасающая скорость говорила о подготовке, в которой был выверен каждый шаг, каждый жест.

Шестерке, составлявшей авангард королевской группы, вдруг показалось, что за спинами пронес-

ся вихрь. Это было дыхание смерти. Охранники остановились, обернулись, по крайней мере, двое из них обернулись и застыли, открыв рот, собираясь закричать в испуге. Но закричать не успели. Они так и упали на землю — с распахнутыми глазами и раскрытыми ртами. В ту же секунду за ними последовали четверо остальных. На всю операцию у Железного эскадрона ушло не больше пяти-шести секунд. Сначала — этот прыжок, о котором уже было рассказано. Потом по два взмаха кинжалами в каждой паре убийц. И все. Только один из шести несчастных успел слабо застонать, но его мгновенно прикончили.

Сделав свое дело, каждая пара из дюжины быстро наклонилась, подхватила трупы за руки и за ноги и отнесла их в свое убежище — туда, за дверь. Несколько мгновений — и шесть покойников застыли в неподвижности в потемках, а Железный эскадрон снова занял свою первоначальную позицию.

Прошла минута. На перекрестке показались двое. Они шли — беззаботные, веселые, они держались за руки, болтали и смеялись… Одним из двоих был маршал Сент-Андре… Другим — Генрих II, король Франции… Лагард не шевельнулся.

Прошло еще две минуты. И вот, в свою очередь,

из-за угла появилась шестерка королевского арьергарда.

— Внимание!

Вооруженные люди пересекли площадь и свернули на улицу Сент-Антуан. Лагард поднял руку. Железный эскадрон повторил снова свой «подвиг». По-прежнему беззвучно: не слышно было ни возгласов, ни топота ног по каменной мостовой, ни даже дыхания. Несколько секунд — и все было кончено.

Ужасная резня завершилась. После нее — та же безмолвная работа. И вот уже в глубине подземелья — двенадцать трупов.

Железный эскадрон вышел на улицу. Лагард запер на ключ дверь, прикрывавшую теперь могильный склеп, утер тыльной стороной руки катившийся по лбу пот и прошептал:

— Это все пустяки… Самое трудное еще впереди!

Какое-то время он стоял на месте, прислушиваясь то ли к отдаленным звукам, то ли к тому, что происходит внутри него самого. Вид у него был задумчивый. Но, быстро собравшись, он резким голосом отдал приказ:

— Эй вы, в дорогу!

IV. Веревочная лестница

Король и Сент-Андре подошли к дому Роншероля и направились к тому его крылу, где светилось одинокое окошко. В то же мгновение отворилось соседнее окно, и оттуда сбросили веревочную лестницу.

— Не знаю, сможешь ли ты понять меня, Сент-Андре, — вдруг вздохнул Генрих. — Я волнуюсь, как юнец перед своим первым свиданием…

— Идите, сир… Ну, идите же! Идите — и да хранит вас бог!

Генрих II, еще более взволнованный, чем на словах, встревоженный страстью, которую он пытался скрыть за шуточками, ухватился за веревки и поставил ногу на первую ступеньку лестницы. В этот момент из глубины улочки выскочили пятеро мужчин, из темного угла показались еще восемь. Король, уже готовый к тому, чтобы взбираться наверх, задержался и обернулся.

— Что здесь происходит? — спросил он высокомерно, как истинный Валуа.

Двенадцать человек образовали у веревочной лестницы плотный полукруг таким образом, чтобы Генрих оказался прижатым к стене и не

смог выйти из этого полукруга иначе, чем вскарабкавшись в окно. Между королем и полукругом возник человек в маске, видимо, главарь банды.

— Господа, — сказал маршал де Сент-Андре, — подумайте о том, что собираетесь сделать. Сейчас вы ущемляете интересы знатной особы, человека, весьма приближенного к трону Франции.

— Сент-Андре, — покачиваясь на лестнице, но тем не менее надменно произнес король. — Позови наших людей. И, как только они появятся, прикажи отделать как следует этих мерзавцев.

Маршал вытащил из-за пазухи серебряный свисток и дал пронзительный сигнал тревоги. Двенадцать негодяев не сдвинулись с места. На зов Сент-Андре никто не ответил. Никто не явился. Король в бешенстве спрыгнул на землю и глухо пробормотал:

— Кто вы такие? Что вам надо? Убирайтесь, и я прощу вас. Ко если вы останетесь здесь еще хоть минуту, клянусь Богоматерью, завтра в Париже поставят столько виселиц, сколько тут вас, болванов! Ну-ка, вон отсюда!

Двенадцать статуй не издали ни звука и не шелохнулись. Главарь тоже стоял неподвижно.

Но чего же ждал Лагард? Почему в последний момент он, только что отдавший приказ Же-

лезному эскадрону не предпринимать никаких действий против короля, пока не крикнет: «Вперед!» — почему он молчал? Ему ведь достаточно было только подать знак, чтобы открыть путь к престолу наследнику Генриха II, а он и этого не делал. Почему?

По приказу Лагарда было только что убито ДВЕНАДЦАТЬ человек, и он сразу же забыл об этом. И ведь явился-то он сюда лишь для того, чтобы убить короля! И вот Лагард, Лагард, пожертвовавший двенадцатью человеческими жизнями ради того, чтобы никто не помешал ему нанести последний удар, Лагард медлит… Не решается… Почему?

Генрих II не был для него просто человеком. Он был королем! Лагард хотел убить короля… Но не хотел быть убийцей…

Заметим, что все, о чем мы так долго рассказываем, на самом деле происходило очень быстро. Генрих II не успел даже испугаться. Он твердо знал, что, стоит ему сказать: «Я король», — и эти люди сразу же упадут на колени или убегут, кто бы они ни были, разбойники или знатные дворяне.

— Сент-Андре, — сказал он вместо этого, — брось им немного денег, и пусть убираются!

Сент-Андре охватила мучительная дрожь, он судорожным движением вытащил из-за пояса кошелек и бросил его на землю. Никто из двенадцати головорезов не нагнулся и не поднял деньги. Король, побледнев от бешенства, шагнул к Лагарду и рявкнул:

— Так уберешься ты отсюда или нет?!

Лагард не ответил. В ту же минуту Генрих поднял руку и влепил непокорному хорошую пощечину.

— Наконец-то! — прошептал Лагард. — Вот то, на что я надеялся! Защищайтесь, сударь!

И взмахнул обнаженной шпагой. Генрих II без долгих размышлений тоже взялся за оружие. Сент-Андре, увидев, какой оборот принимают события, живенько наклонился, подобрал свой кошелек и отправил его на место. Шпаги скрестились. Но тут из глубины улицы послышались быстрые шаги. На светлом фоне стены дома Роншероля возникли четыре беспокойные тени. Сверкнули четыре шпаги. Прозвучали возбужденные голоса.

— А вот мы и здесь!

— Нашу долю! Нашу долю! Что нам причитается!

— Корподьябль и Птит-Фламб!

— Тринкмаль и Святой Панкратий!

— Страпафар! Буракан!

Двенадцать статуй мигом обернулись и — без единого слова, каким-то механическим движением — сомкнулись снова, выставив вперед шпаги и образовав стальную стену, за которой король и Лагард обменивались ловкими ударами. Король — гибкий, нервный, проворный и безмятежный, словно на уроке фехтования. И Лагард — взъерошенный, со стоящими дыбом над маской волосами, с судорожно сжатыми зубами, с мятущейся душой.

Четыре разбойника с повадками долго постившихся волков, которые предпочли умереть от несварения желудка, проглотив стальное острие, лишь бы не подыхать от голода, бросились вперед. Клинки скрестились со страшным звоном, но вдруг раздался пронзительный крик:

— Я здесь! Это я — Руаяль! Руаяль де Боревер!

Вот уж поистине голос был — как труба иерихонская! Он сумел перекрыть даже этот страшный звон, с каким скрещивались шпаги.

— Держитесь, сударь, я иду к вам на помощь!

— Руаяль! Руаяль! — завопили опьяненные сражением разбойники, вне себя от бешеной радости, в упоении от того, какой оборот прини-

мает дело.

Громы и молнии обрушились на стену из стали. Длинная и широкая шпага крутилась, как мельничное колесо. Все смешалось на улице Тиссерандери. Выпады и отступления, приливы и отливы, и внезапно — пролом в стене! Руаяль де Боревер прорвался сквозь строй закованных в доспехи головорезов, оказался перед королем и прикрыл его своей шпагой.

Лагард упал, получив мощный удар по голове эфесом тяжелой шпаги. Теряя сознание, он хотел крикнуть: «Вперед!» — но не сумел, из глотки его не вырвался ни один звук.

— Руаяль! Руаяль де Боревер! — кричали четыре разбойника, размахивая шпагами, как сумасшедшие.

— Эй, заткнитесь, пьяницы! — прорычал Руаяль, сам ни на секунду не переставая колоть и рубить.

— Черт возьми! Вот это удар так удар! — в который раз восхитился король.

Растерянные, окровавленные, обезумевшие от того, что на них нападают одновременно со всех сторон, и от своего полного бессилия отразить сыплющиеся отовсюду удары, так и не получившие приказа что-либо предпринять против

короля, а потому свободные от всяких обязательств, двенадцать головорезов разгромленного Железного эскадрона одинаковыми движениями, словно по общему согласию, сунули шпаги в ножны.

— Ну и прекрасно! — проворчал один из них. — Значит, уходим…

Они подняли с земли двух или трех раненых. Четверо подошли к лежащему без чувств Лагарду и его тоже, подняв на руках, унесли с поля боя. Ни Руаяль, ни король пальцем не пошевелили, чтобы воспротивиться этому. И минутой позже Железный эскадрон исчез за поворотом улицы.

— А теперь — нашу долю! — сделав шаг вперед, вежливо попросил Тринкмаль.

— Нашу долю? — возмутился Корподьябль. — Какого черта! Здесь все наше!

— Заткнитесь же, сучьи дети! — заорал Руаяль.

— Сент-Андре, — спокойно сказал Генрих, вкладывая шпагу в ножны, — отдай свой кошелек этим славным парням, и пусть они отправляются к чертовой матери!

«Славные парни», задрожав от радости, сняли шляпы, галантно взмахнули ими, сделали выпад правой ногой и поклонились чуть ли не до земли. Но Сент-Андре не пошевелился, да он и

не слышал приказа. Получив сквозную рану в плечо, он валялся без сознания на земле прямо под веревочной лестницей.

— Гляди-ка! — удивился Генрих. — Да он мертв… Хотя, ей-богу, рано или поздно это должно было с ним случиться. Сударь, — обратился он к Руаялю де Бореверу, — я очень обязан вам. Без вас, вполне может быть, я лежал бы сейчас рядом со своим спутником. Скажите, пожалуйста, кто вы такой?

— Меня зовут Руаяль де Боревер, — холодно ответил молодой человек.

Генрих нахмурил брови.

— Молодой человек, — сказал он, — мне уже говорили о вас. Услуга, которую вы мне оказали, еще слишком свежа в моей памяти, чтобы я мог передать вам, что именно говорили. Но все, что я могу для вас сделать, это — отсрочить на неделю исполнение приказа, отданного в отношении вас. Следовательно, вам нужно использовать эту неделю, чтобы отправиться куда-нибудь подальше от Франции и постараться применить там свои способности…

— Сударь, — отозвался Боревер, — вы попросили меня назвать свое имя, и я сделал это. А теперь, пожалуйста, скажите ваше.

Король мрачно улыбнулся. И произнес ледяным тоном, сопровождая свои слова жестом, подобным удару топора:

— Послушай, милейший, убирайся-ка сию минуту, если не хочешь, чтобы я отнял у тебя ту милость, коей только что пожаловал!

— Господи боже мой! Пощупаем-ка его немножко, этого нахала!

— Точно, пощупаем! Мне нужны деньги для завтрашней мессы!

— Давай деньги, черт тебя побери! — прорычал Буракан.

— Danaro, madona ladra!.

Четыре разбойника сделали два шага к королю. Но сразу же были отброшены назад на четыре шага ударами мощных кулаков.

— Ах, проклятые псы! Ах, чертовы язычники! Вон отсюда, выродки! Вы мешаете мне поговорить с этим господином и преподать ему урок вежливости. Ну-ка, несчастные, по кому веревка плачет! Марш! Вот вам экю! Вот вам су! Вот вам денье!

«Экю», «су» и «денье» градом сыпались на головы, спины и плечи четырех разбойников в виде ударов и сыпались с такой потрясающей скоростью, что те отступали и отступали в молчаливом

восхищении.

— А ну, пьяницы, собаки паршивые, бесстыжие грабители, убирайтесь и держитесь подальше отсюда, пока я сам вас не позову! А теперь, мсье, — прибавил он, оборачиваясь к Генриху II, — ваше имя, мы ведь остались одни…

Генрих скрипнул зубами. Он огляделся, пытаясь сдержать гнев. Они действительно остались одни. Бешенство душило короля, но страсть, одолевавшая его, оказалась сильнее бешенства.

— Молодой человек, — сказал он холодно, — в последний раз говорю вам: уходите. У меня дела в этом доме.

— Ради которых вы хотели подняться по веревочной лестнице?

— Да, — процедил Генрих сквозь зубы. — Как видишь. Речь идет о любовном свидании.

— Вы лжете! — заявил Руаяль де Боревер, ставший бледным, как смерть.

— Проклятие! — вне себя проревел король. — Да ты знаешь, с кем говоришь, болван?!

— Битый час прошу вас назвать свое имя, мсье! Но кем бы вы ни были, вы лжете. Эта лестница ведет в резиденцию великого прево. А мадемуазель Флориза де Роншероль никому не назначает любовных свиданий. Потому я и говорю вам: вы

лжете!

— Ничтожество! На колени, несчастный, и проси прощения! Раз уж тебе так хочется знать, сейчас скажу. Так вот: я — король!

Боревер скрестил руки на груди и отозвался совершенно спокойно:

— Значит, король? Что ж, король Франции, вы солгали. Король Франции, — продолжал он голосом, в котором звучали угрожающие нотки, — я, Руаяль де Боревер, запрещаю вам оскорблять девушку, которая живет в этом доме! Король Франции, сию минуту убирайтесь отсюда, и предупреждаю: отныне все, что я могу сделать для вас, — это отпустить с миром вместо того, чтобы заткнуть обратно вам в глотку те оскорбления, которые только что сорвались с вашего поганого языка.

Генрих простоял минуту в немом изумлении. Он поднял глаза к небу: не поразит ли молния наглеца? Потом он взглянул тому под ноги: не разверзнется ли земля? Ни грозы, ни землетрясения… Ничего…

— Пошел отсюда! — загремел вместо того Руаяль, еще более прямой и несгибаемый, чем всегда.

И тогда Генрих вспомнил, что он мужчина.

Ему претила мысль о том, чтобы запятнать свою шпагу презренной кровью этого мужлана, но он постарался отогнать эту мысль и вынул оружие из ножен, правда, проворчав:

— Посмотрим, хватит ли ему наглости замахнуться на своего короля!

Нет, на это у Боревера не хватило наглости. Он просто-напросто выхватил из рук Генриха королевскую шпагу и… разломал ее надвое о колено.

— Ничтожество, — только и смог сказать Генрих упавшим голосом.

— Эй вы, бродяги, сюда! — крикнул между тем Руаяль.

Четверка висельников не заставила себя долго ждать. Издали, ничего не слыша, ночные разбойники наблюдали за всем происходящим, еще потирая намятые бока, и вот теперь приблизились — торопливым шагом и сияя улыбками.

— Помните мое убежище на улице Каландр?

— А как же, — просто ответил Буракан.

— Отлично, — сказал Руаяль. — Отведите его туда и хорошенько стерегите, пока я не приду. Если его там не окажется — слышите? — если его там не окажется, куда бы вы ни спрятались, я найду вас даже под землей и спущу шкуру!

Несколько секунд у бандитов ушло на обмен

восторженными взглядами и подталкивание друг друга локтями, но, спохватившись, они окружили царственного пленника, правда, понятия не имея, кто он таков, и почти сразу же исчезли вместе с ним за поворотом улицы. Издали их передвижения напоминали бегство теней или призраков, сопровождающееся молчаливой, но чрезвычайно взволнованной жестикуляцией.

И тут оказалось, что за всем происходившим наблюдал еще один человек. Он все видел, все слышал. Когда тени испарились, он прошептал:

— Только сын короля мог так говорить с королем. Это странно и замечательно. Рок, некоторые, говоря о тебе, утверждают, что ты — всего лишь слово. Но я ощущаю тебя, я дотрагиваюсь до тебя, я сжимаю тебя в объятиях. Вот и возникла непримиримая ненависть между отцом и сыном. И я, я зажег этот факел. Где возгорится пожар от его искр?

Говоря это, Нострадамус дрожал. Обуревавшие его мысли можно было легко прочесть на бледном лице мага. Руаяль де Боревер, обнаружив безмолвного свидетеля, подошел к нему.

— Вы видели? Вы слышали?

— Все видел и все слышал. Дитя мое, что ты теперь сделаешь с королем?

— Не знаю, — пожав плечами, ответил Боревер.

Нострадамуса охватила сумасшедшая радость. Ответ молодого человека открывал ему путь на седьмое небо мести. Если бы Руаяль сказал: «Я его убью!» — у Нострадамуса возникли бы опасения, что его мечты пойдут прахом. Но Боревер не знал, что делать! Значит, в его мозгу прокручивалась идея осуществления чего-то куда более ужасного, чем смерть! Нострадамус не стал настаивать. Иногда случается произнести решающие, не подлежащие пересмотру слова. Боревер только что произнес именно такие.

— Я пошел, — после минутной паузы сказал молодой человек.

— Куда же?

— К нему.

Нострадамус усмехнулся, и от этой усмешки кровь в жилах Боревера побежала куда быстрее, на него словно лихорадка напала. И не зря. Потому что маг приблизился к веревочной лестнице, все еще свисавшей из окна второго этажа резиденции великого прево, и спросил:

— А это как же?

Боревер вздрогнул. Лицо его залила краска. Весь дрожа, он пробормотал:

— Что — «как же»?

— Лестница. Никто ею так и не воспользуется?

Нострадамус не успел еще произнести последние слова, а Руаяль уже ухватился за веревки… И только тогда Нострадамус отошел от дома и удалился, не попрощавшись и склонив голову под тяжестью чудовищных мыслей, крутившихся в его мозгу…

Когда и он, в свою очередь, скрылся за поворотом, маршал де Сент-Андре, до тех пор валявшийся у стены бездыханным трупом, испустил вздох, открыл глаза и осмотрелся по сторонам. Там, наверху, он увидел, как какой-то мужчина, достигнув последней ступеньки веревочной лестницы, перелезает через подоконник открытого окна. Сент-Андре, пошатываясь, поднялся с игривой улыбкой на губах. Он проворчал:

— Ого! Что тут делается? Да-да… Черт побери, что за неожиданное нападение! А где эти негодяи? Слава богу, король обратил их в бегство. Хм! Мне кажется, я получил хорошенький удар шпагой в плечо… Но, в конце концов, мне же светит за это аж двадцать тысяч!

Он быстренько ощупал карман, убедился, что драгоценная бумажка при нем, нежно ее погладил и расхохотался.

— Двадцать тысяч экю! Еще шестьдесят — и вот он, мой шестой миллион!

Есть люди, которые произносят слово «миллион» в точности так же, как первые христиане в катакомбах произносили слово «бог». Сент-Андре был именно из таких людей. Он молился деньгам. И, удостоверившись, что его не разлучили с божеством, которому он поклоняется, забыл о ране и предался радостным мыслям.

— Скоро настанет утро и можно будет отправиться за ними, чтобы добавить эти жалкие двадцать тысяч к тому, что уже хранится в моих чудесных сундуках... Прощайте, сир, развлекайтесь, как можете!

Бросив последний взгляд на распахнутое окно, он тоже удалился.

Поле недавнего сражения опустело.

А что же стало с Лагардом?

Мы помним, что его, бесчувственного, подняли с земли и унесли с собой головорезы из Железного эскадрона, счастливые от того, что сравнительно легко отделались.

Это были жестокие убийцы, сотни раз они рисковали своей шкурой и делали это, испытывая не больше чувств, чем в момент, когда опустошали кувшин с вином. Но с таким они столкнулись

впервые. Ничего себе потасовка! Откуда, черт возьми, взялся этот парень, этот бешеный, который заставил их позорно бежать? Где он научился этим невероятным, непонятным, чисто дьявольским приемам, этим ударам, которыми он их безжалостно осыпал? И никакого позора! Ничуть не стыдно отступить перед шпагой, которая и не оружие вовсе, а буря, смерч, гром и молния!

Едва придя в себя, Лагард кинулся в Лувр. Его там ждали, это было понятно сразу. Все двери оказались распахнуты перед ним. Екатерину Медичи он обнаружил в молельне. Увидев Лагарда, она побледнела. Ей не надо было спрашивать, достаточно было одного взгляда, чтобы понять: дело проиграно. Только губы королевы задрожали. Лагард не смог вынести тяжести взгляда устремленных на него светлых глаз, он опустил голову и пробормотал:

— Что можно было сделать, мадам, нас оказалось слишком мало: для того, чтобы победить, потребовался бы вдвое, втрое больший эскадрон…

— Это опасно. Двенадцать и так слишком много.

— Тогда не надо на меня сердиться и убивать своим взглядом!

— Я на тебя не сержусь.

— Их было на полсотни больше, чем нас.

Екатерина побледнела, она почувствовала, как леденеет кровь у нее в жилах.

— Значит, он знал заранее? — прошептала она, сжимая кулаки.

— Нет, мадам. Это был сброд, разбойники. Несчастный случай, просто проклятие. Банда, которая искала, чем бы поживиться у запоздалых прохожих. А главарь у них — дьявол во плоти, хотя, может быть, и человек, но со шпагой самого Люцифера!

— И его зовут?

— Руаяль де Боревер.

— Руаяль де Боревер, замечательно, — сказала Екатерина задумчиво. Имя навеки запечатлелось в ее памяти. — Значит, Руаяль де Боревер… Начнем с того, что постараемся избавиться от этого человека.

— Он умрет, мадам! — твердо пообещал Лагард, и в глазах его сверкнуло бешенство, поражение не просто обозлило начальника Железного эскадрона, оно вызвало дикую жажду мести.

Екатерина еще минутку размышляла, потом, уже успокоившись, спросила:

— А король? Наверное, вернулся во дворец?

— Не знаю, мадам.

Екатерина жестом отослала наемного убийцу. Она провела ночь в молельне, поминутно выглядывая в окна, прислушиваясь к тишине. Около восьми утра вошла одна из ее служанок, совершенно растерянная.

— Мадам, знаете, что говорят? Что Его Величества нет в Лувре!

Екатерина прикусила губу, чтобы не закричать. Но нашла в себе мужество беззаботно ответить:

— Ну и что? Разве впервые король не ночует во дворце?

И эти жестокие слова, которые позволили ей мгновенно выработать линию поведения, были и впрямь восхитительны. Теперь Екатерина могла, не вызывая никаких подозрений, быть встревоженной, мятущейся, раздраженной: а какой еще может быть униженная и оскорбленная жена? К тому же теперь она могла позволить себе разрыдаться и снять тем самым дикое напряжение. Но король не вернулся в Лувр и к десяти часам утра. И тут Екатерина почувствовала, как у нее замирает сердце.

К полудню Генриха все еще не было. Королева подумала: а может быть, этот Руаяль де Боревер выполнил задачу, поставленную перед Лагар-

дом? В Лувре тем временем поднялась страшная суматоха. Король! Где король? Екатерина подняла пылающий взгляд на распятие, висевшее над алтарем ее молельни, прошептала: «Господи, неужели Ты наконец услышал меня?» — и отдала приказ собирать Совет.

V. Лицом к лицу

Руаяль де Боревер спрыгнул с подоконника и оказался в комнате, где, кроме него, находились две женщины.

— Монсеньор, — сказала одна из них, — это здесь!

Она указала на дверь спальни Флоризы.

Дверь, словно по мановению ее руки, распахнулась, Флориза показалась на пороге. Но Боревер этого не заметил, он, склонившись к служанке, схватил ее за запястья и больно сжал их. Женщина в ужасе упала на колени.

— Это ты выбросила из окна лестницу? — грозно спросил Руаяль.

— Да, — еле вымолвила негодяйка, — но разве я что-то сделала неправильно?

Руаяль подтащил ее к окну и продолжил:

— Слушай. Я не стану убивать тебя, поскольку ты женщина. Но ты сейчас же уберешься отсюда. Если когда-нибудь ты снова появишься в этом доме, если когда-нибудь осмелишься шататься вокруг него, если когда-нибудь решишься опять сделать какую-то пакость, я узнаю об этом, и тогда, клянусь Христом, я обкручу твою косу во-

круг шеи и придушу тебя собственными руками! И не жди ни жалости, ни раскаяния! А теперь — пошла вон!

— Куда мне идти? — пробормотала ничего не понимающая, полуживая от страха женщина.

— Туда! — приказал Боревер. — Ты же выбросила из окна лестницу? Вот и спускайся по ней. Переломаешь кости — только лучше будет!

— Пощадите меня! — умоляла служанка.

— Ты чего хочешь? Чтобы я позвал великого прево? Знаешь, там, во дворе, стоит виселица — как раз для таких, как ты, красотка!

Женщина поднялась с колен, сгорбившись, отступила, постучала себя по лбу, отступила еще на несколько шагов… Руаяль хладнокровно обнажил кинжал. Не прошло и секунды, как провинившаяся служанка уже принялась спускаться по веревочной лестнице. Руаяль подошел к окну и проверил, все ли идет, как надо. Едва коснувшись ногами земли, негодяйка помчалась так, словно за ней гналась свора бешеных собак. Руаяль пожал плечами. Он подошел ко второй служанке, которая, закрыв лицо руками, стонала от ужаса.

— Все было при тебе, да?

— Да, господин, о, да! Но я сама ничего плохого

не сделала!

— Кто вам заплатил?

— Господин де Сент-Андре.

— Сент-Андре! — взревел Руаяль. — Ролан де Сент-Андре? Говори же!

— Нет. Маршал.

Боревер постоял молча, ему не хватало воздуха. Успокоившись, он утер выступивший на лице пот и сказал:

— Да. Понимаю. Сынок старается для себя самого, а папаша работает на короля. Отлично. Не плачь. Ты останешься в доме для того, чтобы, если кто-то захочет начать все сначала, объяснить ему, что я здесь и что я сам буду следить за тем, что происходит. И горе тебе, если кто-нибудь когда-нибудь…

— Нет, месье, никогда, никогда…

Только услышав голос Флоризы, Руаяль, наконец, повернулся к двери и увидел девушку. Она на шаг отступила и жестом пригласила его войти в свою комнату, куда до тех пор, кроме ее отца, не рисковал даже бросить взгляд ни один мужчина.

Она сказала:

— Входите!

Если бы Флориза была способна сама оценить свой поступок! Нет, нам приходится сказать вме-

сто нее: этот абсолютно искренний порыв был проявлением высшей признательности, проявлением бесконечного и безграничного доверия. Боревер вошел. Он не понимал, где он, что с ним происходит, то ли он спит, то ли грезит…

Флориза закрыла за собой дверь!

Минуту они простояли молча, лицом к лицу. Между ними находился стул — чистая случайность… Но столько времени, сколько Руаяль провел в этой комнате, они не сдвинулись со своих мест, и стул все время оставался между ними. Так уж случилось, так, а не иначе…

Они стояли лицом к лицу, их дыхание стесняла тревога, их сердца трепетали, они ясно видели друг друга, не решаясь поднять взгляд, в них пробуждалась любовь. Нет, они сами были — Любовь, они олицетворяли в этот момент душевную чистоту в ореоле красоты и величия Любви… Они олицетворяли собой молодость.

Флориза закрыла окно и зажгла светильники. Они провели в темноте всего лишь несколько секунд, но они никогда не забудут их. Эти мгновения останутся с ними до конца их дней.

Девушка, с трудом переводя дыхание, заговорила первой.

— Сударь, я благодарю вас. Я видела эту битву,

там, внизу. Если бы не вы, я бы погибла, я знаю…

И медленно, тоном, выражавшим страстное восхищение, повторила:

— Я видела битву там, внизу… Я видела, как вы сражались у харчевни близ Мелена, а потом нынешней ночью, здесь, у стен этого дома, я видела битву…

— Мадемуазель, — дрогнувшим, изменившимся голосом сказал Боревер, — поверьте, я не хотел причинить никакого зла. Почему я оказался под вашими окнами? Чистая случайность, клянусь вам! А потом я увидел этих людей. И набросился на них, потому что подумал: а вдруг они замышляют что-то против вас? Конечно, я виноват, я не должен был залезать к вам по веревочной лестнице, я знаю. Но мне нужно вас предупредить. Вам следует быть настороже, и вам надо защищаться.

Он замолчал, боясь, что предательски задрожавший голос выдаст его чувства.

— Если бы вы не пришли, — ответила Флориза, — я стала бы сама искать вас. Потому что вам тоже надо быть очень осторожным. Вас ищут. Вас хотят убить.

— Кто? — спросил Боревер.

— Мой отец, — трепеща, прошептала она. —

Поклянитесь, поклянитесь мне, что будете осторожны!

— Да, я буду осторожен, — сказал Руаяль, — но только в том случае, если и вы пообещаете защищаться как следует. Потому что, если с вами случится беда, я клянусь, что пойду прямо к великому прево и скажу ему: «Берите меня и делайте со мной что хотите!»

Перед тем, как произнести все это, юноша опустился на колени. Флориза в этот момент подумала, что вот сейчас умрет от внезапно нахлынувшей на нее, до тех пор совсем незнакомой радости, от неведомой прежде, но такой волнующей, такой бесконечной нежности, какая переполняла ее сердце. Она прикрыла глаза ладонями и промолвила:

— Если такое случится, если будет назначен день вашей смерти, я клянусь, что приду проститься с вами, пусть даже у подножия эшафота, и что умру в ту же секунду, что и вы!

Боревер тут же пожелал себе смерти, убежденный, что, проживи он тысячу жизней, ни одна из них не способна посулить ему что-либо подобное этому мгновению… Они стояли друг против друга, трепещущие, задыхающиеся от счастья, испытывающие такую невероятную радость, что им

казалось: сама земля содрогается от ее избытка… Вот таким оказалось их объяснение в любви.

Руаяль де Боревер очнулся только в прихожей. Сколько времени они оставались в комнате? Он не знал… Больше они не произнесли ни слова. Их руки не соприкоснулись. Только в какой-то момент Флориза, поняв, что все уже сказано, легкими шагами подошла к двери и открыла ее. А Руаяль закрыл за собой, выйдя наружу. Служанка по-прежнему находилась здесь — онемевшая, перепуганная.

— Послушай, — обратился к ней Боревер, — когда я спущусь вниз, ты отвяжешь лестницу и сбросишь ее мне. Поняла? Тогда она больше не сможет никому пригодиться.

Даже ему самому! Но такая мысль не пришла в голову юноше. Он спустился. Когда он оказался на земле, служанка выполнила его приказ. Лестница упала рядом. Руаяль скатал ее и направился в сторону Сены. На берегу он привязал к лестнице несколько тяжелых камней и бросил ее в реку. Потом сел, облокотившись на колени и спрятав лицо в ладонях, и принялся мечтать. Если бы в этот момент ищейки Роншероля решили захватить его, он бы их даже не заметил…

Когда он пробудился от сладких снов, было

светло. Он вскочил и зашагал в направлении Сите. Но по дороге передумал и свернул направо. Спустя четверть часа он подходил к замку Нострадамуса.

Часть двенадцатая
БОЛЬШАЯ ОХОТА

I. Кабанье логово

Генрих II позволил четырем разбойникам увести себя. С тех пор как все это произошло, его не оставляло удивление. Он был ошеломлен случившимся, но еще больше его изумляло собственное отношение к произошедшему. Король не мог не отметить, что его влечет какое-то невыразимое любопытство. Ему казалось: то, что происходит, происходит не с ним самим, а с каким-то другим человеком. Слишком уж все фантастично. Просто невероятно: король Франции — пленник! Пленник никому не известного бандита! В Париже! В двух шагах от Лувра! Кошмар, да и только!

Они пришли на улицу Каландр. «Я когда-то уже был здесь… — мелькнуло в голове у Генриха. — Когда? Наверное, очень давно… А почему? Зачем сюда приходил? Нет, не помню…»

Но, когда они поднялись на чердак, в убогое и мрачное жилище, он сразу вспомнил. Как будто луч света пролился на отдаленный горизонт его юности. Образ этой комнаты, в которой он побывал единственный раз в жизни, дремал на дне его сознания, ожидая своей очереди, чтобы подняться на поверхность вместе с другими

воспоминаниями. Он задрожал, толком и сам не понимая почему. И вдруг понял, что на самом деле никогда не забывал вида этого угрюмого жилища. И, закрыв глаза, может увидеть его в малейших подробностях… Это было здесь! Сюда он, принц, сын короля Франциска I, пришел когда-то, в такую же глухую ночь, как сегодняшняя, найти вот такого же, как эти четверо, разбойника, бродягу, наемного убийцу, и сказать ему:

— Если мать не придет в полночь на улицу де ла Аш, подождешь еще час, а потом пусть ее ребенок умрет!

Мать не явилась на свидание. Ребенок умер. Во всяком случае, тот бродяга заверил его в этом. Он ясно, будто наяву, увидел перед собой этого ребенка. С ослепительной ясностью. В тот момент, когда он выхватил его из рук матери в подземелье тюрьмы Тампль…

Генрих вытер рукой лоб и прошептал:

— Ребенок мертв…

Услышав этот замогильный шепот, четверо бродяг, не знавших страха, кроме страха перед веревкой, вполне понятного и естественного, почувствовали себя не в своей тарелке; услышав странные слова, вырвавшиеся из уст этого странного пленника, временные телохранители

короля содрогнулись.

— Ребенок? Какой ребенок? Почему мертв? — пробормотал испуганный донельзя Тринкмаль.

Но Генрих уже взял себя в руки. Он отогнал от себя воспоминания, отбросил их, словно кучу мертвых листьев, пущенных по ветру, смерил взглядом своих охранников и произнес:

— Молчать, дурень! Здесь спрашиваю я. Эта берлога — не принадлежала ли она когда-то такому же разбойнику с большой дороги, как вы все, по имени Брабан-Брабантец? Вам он известен?

— Еще бы мы не знали его, бедолагу! — живо отозвался Страпафар. — Славный был парень. Хороший товарищ. Когда он командовал нами, мы никогда не бывали без крова и жратвы!

— Так что же с ним стало? — жадно спросил Генрих.

— Умер! — покачал головой Корподьябль. Генрих вздохнул с облегчением. Но Буракан почти в ту же секунду добавил:

— Да, умер. Как ребенок.

— Какой еще ребенок? — побледнев, закричал король.

— Как это — какой? Да тот, про которого вы давеча сами говорили, ваша милость! Вы только что сказали: ребенок мертв, — пояснил Буракан,

тараща испуганные глаза.

— Да-да, прекрасно, — проворчал Генрих. — А теперь отвечайте: кто тот мерзавец, с которым у меня была стычка и которому вы с таким удовольствием подчиняетесь?

Четверо бродяг приосанились и стали выглядеть весьма значительными, несмотря на лохмотья. Они обменялись возмущенными взглядами, хотели было возразить, но Тринкмаль жестом остановил друзей и тихо сказал:

— Минутку, господа! Сейчас я сам разберусь с этим деликатным вопросом. Сударь, — обратился он к пленнику, — должен вас предупредить о том, что мы все тут дворяне. Поэтому вы делаете большую ошибку, каким бы достойнейшим сеньором вы ни были, оскорбляя нас и называя разбойниками с большой дороги. Теперь о нем. Очень вас прошу: не говорите при мне, что он — мерзавец! Понимаете, у меня заранее выступают слезы на глазах, когда я думаю, что вынужден буду перерезать вам глотку, даже не зная, кто вы, есть ли у вас на совести грехи или же я отправлю вас прямиком в рай… Вы спрашиваете, кто он? Я мог бы рассказать его историю, и это была бы прекрасная история, достойная того, чтобы ее выслушало целое сборище храбрецов. И каждому

из них было бы полезно с ней познакомиться. Потому что… Хотя вы же видели его в деле, скажите? Видели. Так вот, я, говорящий вам все это, тысячу раз видел, как он сражается еще получше! Вы можете выставить полсотни бойцов, и, если мы будем рядом с ним, они недолго продержатся. Нас здесь четверо. Каждый из нас одним щелчком убьет своего. Но он, клянусь святым Панкратием, он разделается с остальными. Да он может сыграть победный марш на башке каждого из нас, как на барабане, если только захочет. Потому что башка каждого из нас принадлежит ему. Потому что он спас эту башку, спас жизнь каждому из нас раза два или три, точно и не сочтешь… Он, черт побери, это ОН! Одним словом, Руаяль де Боревер!

Генрих — мрачный, стараясь подавить бешенство, — выслушал всю эту длинную речь. И такова была сила убежденности, порожденная настоящей искренностью, что он не просто почувствовал ужас перед грозным противником, но и, сам того не сознавая, мало-помалу проникся к нему смутным уважением.

— Руаяль де Боревер? — тем не менее переспросил он, пожимая плечами. — Ну, и кто же он?

— Он — дитя! — простодушно ответил Бура-

кан. — Ребенок…

Генрих вздрогнул. Тупо посмотрел в пол. Сгорбился, будто его ударили, прошептал в испуге:

— Какой еще ребенок? Ребенок умер…

— Буракан, — растроганно сказал Тринкмаль, — здорово это у тебя вышло! Он и впрямь наше дитя, наш ребенок!

— Черт возьми! — воскликнул Страпафар, подкручивая ус. — Он не знает Руаяля де Боревера, бедняга!

— И еще спрашивает, кто такой Руаяль де Боревер! — с жалостью к невежде поддакнул Корподьябль.

А Тринкмаль торжественно произнес:

— На свете есть только один Руаяль де Боревер!

В девять часов утра Генрих II сидел на краю кровати. Силы его были на исходе. Он кричал. Ему позволили орать, сколько его душе угодно. Он пытался напасть на своих тюремщиков и изо всех сил размахивал кулаками. Они позволили ему драться. Он пообещал озолотить их. Они заткнули уши, а Буракан, достав свой длинный кинжал, заявил:

— Если вы согласитесь, я прирежу вас всех, а потом себя!

Король был бледен. Должно быть, от бешенства не умирают, и только потому он не умер.

В восемь часов вечера Генрих съел кусок хлеба и выпил стакан вина. И заплакал. Если бы накануне кто-нибудь сказал ему, что он вынесет такое унижение и не умрет от стыда, он не поверил бы. Он не умер, но впал в лихорадочное состояние. Кровь бросилась ему в голову. Глаза налились кровью.

Уже давно стемнело, когда на деревянной лестнице послышались шаги. Разбойники мгновенно узнали их — было заметно по тому, как они выпрямили спины, как переглянулись. На пороге появился Руаяль де Боревер. Король пожирал его глазами. Четверке, перехватившей этот взгляд, пришла в голову одна и та же мысль: если он не убьет короля, он пропал!

Руаяль подошел к Генриху, снял шляпу и сказал:

— Вы свободны.

Короля затопила радость, короля затопила ненависть.

— Свободен? — пробормотал он глухо.

— При одном условии, одном-единственном: вы сейчас дадите мне свое королевское слово никогда, ни при каких обстоятельствах не

предпринимать никаких действий, способных причинить вред благородной и знатной госпоже Флоризе де Роншероль.

II. Загнанный зверь

Генрих повесил нос. Только что ему публично влепили пощечину. Его королевское слово! Четыре разбойника, нимало не смущаясь, принялись строить рожи…

— Да он, голубчик, совсем рехнулся! — пожалел Генриха Страпафар.

— Неужели ему так хочется на тот свет? — издевательски спросил Корподьябль.

— Молчать, собаки! — огрызнулся Руаяль. Тринкмаль обиделся и полез на рожон.

— Позвольте, — приосанившись, обратился он к Бореверу, — конечно, мы собаки, если вам угодно, но в то же время мы совсем не собаки, если взглянуть…

Он не успел договорить: Руаяль открыл дверь, схватил Тринкмаля за воротник и спустил с лестницы. Было слышно, с каким грохотом тот прокатился по ступенькам, потом раздалось что-то вроде стона или жалобы — это Тринкмаль, оказавшись внизу, заплакал с горя — только с горя, потому что никаких увечий, скатываясь с чердака, он не получил.

— А если я не поклянусь? — спросил Генрих. —

Что ты сделаешь?

— Не знаю, — ответил Боревер.

И король вздрогнул, как недавно Нострадамус, услышав такой же ответ. Но внезапно бледная улыбка осветила его мрачное лицо.

— Хорошо, — сказал он. — Я даю тебе королевское слово в том, что не стану преследовать дочь великого прево. И мог бы этим ограничиться. Но я хочу показать вам, что такое — истинный король, дурачье! И потому я даю слово позабыть о вашем преступлении — об оскорблении величества, совершенном вами. Всеми пятью. И ничего не предприму против вас. Идите, вы свободны!

Это был красивый жест, вполне соответствовавший поступку Боревера, и тот не смог удержать восхищения. А король, вроде бы не обращая на это никакого внимания, неторопливо завернулся в плащ и принялся насвистывать какой-то веселенький мотивчик.

— Верные мои товарищи, — сказал Руаяль, — на улицах сейчас неспокойно. Вы проводите этого благородного господина, который почтил нас своим визитом, к его дому и уйдете только тогда, когда он переступит порог.

Вряд ли можно было с большей деликатностью, чем это сделал Руаяль де Боревер, не упомя-

нувший имени короля, не назвавший в своем последнем слове Генриха Его Величеством, зато назвавший Лувр «домом», — вряд ли можно было с большей деликатностью дать понять королю, что молодой человек не собирается хвастаться тем, что в его руках побывал такой пленник…

— Нам надо вернуться сюда? — тихо спросил Страпафар.

— Нет. Я буду ждать вас завтра у Мирты.

— Будьте осторожны! — шепнул вернувшийся в комнату Тринкмаль.

— Мне дал слово сам король!

Четыре «оруженосца» Боревера повиновались приказу. Генрих без всяких осложнений прибыл в Лувр. Проследив за ним до тех пор, пока он не перешел через подъемный мост, разбойники стали держать совет: стоит ли возвращаться на улицу Каландр. Руаяль же четко сказал: завтра у Мирты. А с другой стороны, надо сказать, в глубине души они полагались на слово Генриха. По слухам им было известно, что король не может солгать.

В Лувре тем временем царила радостная суматоха. Едва Генрих переступил порог, весь дворец облетела новость: король вернулся. Собралось полным-полно народу, и понеслись по залам и коридорам веселые крики: «Ура! Ура! Ноэль! Да

здравствует король!»

Твердым и торопливым шагом он прошел через толпу придворных — зубы его были сжаты, глаза сверкали, щеки подрагивали. Он молнией пронзил толпу и бурей ворвался в Зал Совета, где вокруг Екатерины чинно восседали приглашенные для обсуждения сложившейся ситуации: Монморанси, Сент-Андре, его сын Ролан, Мария Стюарт, Маргарита, Эмманюэль-Филибер (герцог Савойский по прозвищу Железноголовый), дофин Франсуа, Игнатий Лойола, Монтгомери, Роншероль, Л'Опиталь, Таванн, Бирон, Меченый, кардинал Лотарингский, Ла Тремуйль, Брантом и сотня других знатных господ. Не было здесь только Дианы де Пуатье: она поспешно укладывала вещи, чтобы немедленно покинуть Лувр, если, конечно, Екатерине, несмотря ни на что, будет угодно оставить ей свободу. Каждый уже сказал свое слово, дал ценный совет, высказал пожелание. Екатерина слушала всех по очереди, иногда жестом поощряя говорившего или, напротив, не одобряя ход его мыслей. Она была бледна. Эта женщина, обладавшая редкостным умом, не выказывала сегодня ни радости, которая многим показалась бы гнусной, ни горя, в которое никто не поверил бы. Достойная, спокойная и гордая,

она вступала во власть, но, казалось, мысли ее витали где-то в другом месте, гораздо выше этого Двора, этих людей, пренебрежением которых она пресытилась за те годы, что была королевой, а теперь — стелящихся перед ней.

Итак, заседание Совета шло своим ходом…

Внезапно обе створки находившейся в глубине зала двери с шумом распахнулись, и взглядам собравшихся предстал Брюске, кричащий и размахивающий своим шутовским жезлом.

— Богоматерью клянусь, я хочу, чтобы все веселились! Да-да, пусть все радуются, потому что я вернулся в мой Лувр! Целый день прошел — и никто даже не улыбнулся, не засмеялся, рта не разинул, не…

Шуту не хватило времени закончить монолог: шумок, поднимавшийся по лестницам, превратился в бурю восклицаний, и вот тут-то в зале и появился Генрих П. Екатерина вскочила, но сразу же упала обратно в кресло, широко раскрыв глаза и не в силах скрыть охвативший ее ужас. Монтгомери, весь дрожа, подошел к ней…

— Король! Король! Да здравствует король!

Гром прокатился по Лувру. В течение нескольких минут Генрих прислушивался к его раскатам, чуть даже удивленно. Затем решительно подо-

шел к Екатерине Медичи и расцеловал ее в обе щеки. Шум еще возрос. В почти бессознательном порыве король выразил свою радость от бурной встречи: целуя жену, он словно поблагодарил весь Двор. А как только воцарилась тишина, произнес:

— Капитан моих гвардейцев! Так… Монтгомери, возьмите сто человек, нет, пару сотен и отправляйтесь на улицу Каландр — в шестой дом по левой стороне. Там будет один человек… Может быть, их будет четверо или пятеро… Пусть схватят всех. А пока — пусть немедленно поставят перед главной дверью пять виселиц. Никакого суда и следствия! И побыстрее, черт возьми! Пусть приведут сюда палача — я хочу, чтобы их повесили не позже чем через час!

Король говорил с трудом, он задыхался, казалось, он вот-вот умрет. Он был страшно бледен, глаза покраснели. Монтгомери бросился к выходу. Генрих крикнул ему вслед:

— Этого человека зовут Руаяль де Боревер!

Роншероль, Ролан и маршал Сент-Андре вздрогнули.

— Руаяль де Боревер? Погодите, Монтгомери! — произнес Роншероль почти таким же неузнаваемым голосом, как у короля. — Сир, я

прошу вас назначить меня командующим этой экспедицией. Это серьезное дело.

— Серьезное дело… Арестовать какого-то бродягу! — усмехнулся Таванн, а за ним Бирон и некоторые другие.

Но — странное дело! — король кивнул так, будто слова были тут ни к чему, и вид у него при этом был важный и торжественный. По рядам придворных прокатился ропот, никто больше не рискнул насмешничать.

— Да, это серьезное дело, — подтвердил Сент-Андре, вспоминая молодого человека, взбирающегося по веревочной лестнице в открытое окно.

И его сын Ролан эхом откликнулся:

— Серьезное дело…

— Великий прево! — подвел итог разговору король. — Ты назначаешься командующим экспедицией.

Десять минут спустя Роншероль, Сент-Андре, Ролан и сопровождающие их пятьдесят знатных сеньоров вышли из Лувра. Монтгомери взял с собой полсотни дюжих гвардейцев. Люди нужны были не для ареста, а на тот случай, если придется перейти в рукопашную.

Роншероль сказал:

— Начнем с окружения Сите!

И они двинулись в путь.

После ухода короля Руаяль де Боревер вытянулся на убогом ложе своего приемного отца и закрыл глаза. Лицо его озарила нежная, сияющая улыбка. Он был на седьмом небе. Он видел перед собой Флоризу. Флориза была здесь, с ним. Флориза говорила ему:

— …Если будет назначен день вашей смерти, я клянусь, что приду проститься с вами, пусть даже у подножия эшафота, и что умру в ту же секунду, что и вы!

— Она придет! — с глубоким вздохом прошептал Боревер. — Даже если меня поведут на эшафот, она придет попрощаться со мной! А если мне придется умереть, она умрет в тот же миг, что и я, она поклялась! Ох, если бы я мог на самом деле услышать сейчас этот чудный голос, как слышал его совсем недавно! Попробуем услышать… Флориза, поговорите со мной! Я слушаю! Флориза! Проклятие, что это такое я слышу?

Две секунды — и Руаяль вскочил с постели, загасил свечи, схватил свою шпагу, приладил ее на перевязь и молча, пригнувшись, стал прислушиваться…

Окно каморки выходило во двор, тесный и

темный. Чтобы увидеть происходящее на улице, надо было воспользоваться своеобразными амбразурами, через которые на лестницу проникал скупой свет, — конечно, только в то время, когда скупой дневной свет находил возможность проникнуть в ту извилистую кишку, какую являла собой улица Каландр. Боревер приоткрыл дверь. Он быстро поднялся на несколько ступенек, просунул голову в амбразуру под самой крышей, но было слишком темно, луна еще не доползла по небу до этой улицы. Тем не менее кое-что удалось услышать, и это были весьма тревожные шумы.

— Там внизу вооруженные люди, и их много, — прошептал он, указывая самому себе на ту часть улицы, что находилась слева от дома. — Они пришли за мной? Наверняка! Ладно. Пойду в другую сторону…

Он попытался всмотреться в правую часть улицы. И в ту же секунду услышал и там, там тоже, такой же тревожный шум, то же угрожающее тяжелое дыхание, то же бряцание оружия, что и слева.

— Я окружен!

Руаяль вытащил голову из амбразуры и простоял в царившем на узкой лестнице мраке минуту, дрожа от бешенства, с натянутыми, как струны,

нервами, тяжело дыша. С улицы донесся дикий крик:

— Это здесь! Вперед! На приступ!

«Роншероль! Отец Флоризы!»

Боревер обхватил голову руками. Отец Флоризы! Что делать? Молодой человек сжал кулаки и стал подниматься выше.

— Это здесь! Вперед! На приступ!

Войско собралось у входа в дом, который Роншероль узнал сразу по описанию короля.

Ужасные крики сотрясали безмолвную улицу.

— Этот дьявол ускользнул от нас! — вопил Ролан.

— Сюда! Сюда! — раздались голоса на лестнице.

Вся толпа вооруженных людей ринулась вверх по ступенькам, но им только и удалось при свете факелов увидеть мужчину, вылезающего из окна на крышу.

Итак, Руаяль оказался на крыше. Там не было ни бортика, ни желоба, ни водосточной трубы. Он подполз к самому краю. Как он смог добраться туда, не свалившись вниз, он бы не понял, даже если бы задумался об этом. Но он не задумывался, он действовал, действовал бессознательно, так, словно этим человеческим существом полностью

завладел животный инстинкт самосохранения, позволяющий спастись в том случае, когда ни рассудок, ни чувства уже помочь не могут.

Он упал… Нет, он спрыгнул!

Сжавшись в комок и прокатившись по земле, по-прежнему ни о чем не думая, он оказался у подножия высокой стены — стены Рынка. Здесь он замер в неподвижности. Только боль в голове и в ногах напоминала о том, что он еще жив. Хотя в глубине души сам он не был в этом уверен… Но неясный шум, звон металла и вновь прозвучавшие крики вернули его к жизни, наполнили энергией, заставили взять себя в руки.

Боревер вскочил. Ему страстно захотелось спастись. Да что же такое, в конце концов, он не погиб, руки-ноги целы, он не привык сдаваться! Глотнув побольше свежего воздуха, как Буракан хватил бы добрый глоток вина, он инстинктивно направился к Еврейскому острову[43], находившемуся в ту эпоху на месте современной площади Дофина.

Вдали, у Моста Менял, засверкали пики.

— Черт побери! Они охраняют мосты!

Быстро оглядевшись, он спустился к берегу

---

[43] Примечания: 43
Остров Святого Людовика. (*Примеч. пер.*)

реки, где стояли два или три челнока, и быстро отвязал канат, прикреплявший один из них. Прыгнул в лодку.

Спустя несколько минут он причалил к другому берегу, оттолкнул ногой лодку, пустив ее плыть по течению, и поднялся вверх по склону, петляя вместе с тропинкой, которая вилась между вязами, платанами и старыми тополями. Слева от него тяжелой громадой возвышался Лувр. Боревер машинально оглянулся на Мост Менял: там угрожающе сверкала стальными доспехами толпа вооруженных людей. Толпа волновалась в красноватом свете факелов. Он сразу же свернул влево и пошел по направлению к огромному каменному изваянию у края воды. Он двигался неторопливо, уверенный в том, что сумел ускользнуть от подручных Роншероля. И раздумывал над тем, каким образом великому прево пришла в голову идея ринуться со своими людьми на улицу Каландр. Заподозрить короля в том, что это он послал их туда с приказом арестовать Боревера, было невозможно. Рискуем повториться: король — это король…

Надо отдать должное каждому участнику ночной погони. Роншероль становился истинным гением, когда требовалось расставить кому-то

ловушку. Мы видели его в деле, когда нужно было добыть и доставить Мари де Круамар сыновьям Франциска I. Он и тогда был коварным и ловким человеком, а сейчас эти качества, присущие юноше, в высшей степени развились. Сейчас он стал гениален по этой части. И, узнав, что некая лодка отчалила от берега в районе еврейского квартала, он сумел предвидеть все, что произойдет дальше. Молниеносно приняв решение, он приказал своим людям перейти по Мосту Менял на тот берег. И ощутил ликование: теперь он у меня в руках!

Боревер внезапно понял, что его снова окружили.

Но он не потерял присутствия духа и опять огляделся по сторонам. Вот! То, что надо! Слева, на краю Лувра, он заметил нечто, чего не видел прежде: какое-то отверстие, какую-то дыру. Потайной ход! Через ров были переброшены две доски, словно для того, чтобы сказать ему: спасение — здесь! Проходи! Да проходи же! Вот тебе потайной ход! Он открыт! И никакой стражи, ни одного караульного! Боревер кинулся туда, перемахнул через ров по импровизированному мостику, нырнул в дыру и… оказался в небольшом дворике. В следующую секунду за ним с грохотом опустилась железная решетка, а вокруг

него откуда-то взялась целая куча аркебузиров, сразу же взявших юношу на прицел.

Это был шедевр Роншероля.

Это была одна из его знаменитых ловушек.

Он заранее поместил Лагарда с его Железным эскадроном в этом дворе, точно рассчитав, как именно развернется погоня. Он нарочно использовал именно Железный эскадрон — людей, уязвленных поражением, жаждавших мести, готовых на самые суровые меры к тому, кто их так унизил. Боревер узнал их с первого взгляда. Головорезы встали в круг, в центре которого оказался беглец. Подошел Лагард. В этот момент в мозгу юноши молнией промелькнула светлая идея. Идея? Нет, не совсем… Промелькнули какие-то слова, которые он совсем недавно слышал. Где? У Нострадамуса! Слова, которые в эту минуту, когда Руаялю суждено было умереть, оказались брошены ему как спасательный круг и колоколом отозвались в его голове. Если бы Нострадамус был рядом, совсем рядом с ним, он не мог бы лучше слышать этот голос. Молодой человек потер лоб рукой и обнажил шпагу. Головорезы Лагарда чуть не попадали со смеху. А сам Лагард буркнул:

— Следуйте за мной!

Боревер посмотрел ему прямо в лицо и холодно

сказал:

— Проводите меня к королеве Екатерине.

— Пошли-пошли, — поторопил дрожавший от радости Лагард, — двигайся, или тебя понесут!

Боревер, не сводя с барона ледяного взгляда, прошептал:

— Значит, ты хочешь, чтобы твою королеву отправили на эшафот? И тебя вместе с ней?

Глаза Лагарда кровожадно сверкнули. Он, не сумев скрыть неосознанного всхлипа бешенства, выхватил кинжал.

— Нет никакого смысла убивать меня, — спокойно сказал Руаяль. — Ровно через час король Франции узнает, кто напал на него под окнами резиденции великого прево, кем были убиты двенадцать человек его эскорта, кто подослал убийц. Понимаешь, что я говорю, Лагард? А теперь постарайся понять еще и другое: только я один смогу помешать тому, чтобы эти новости достигли ушей короля. Только я один, слышишь? Отведи меня к королеве. Ты спасешь ее. И спасешь самого себя. Поторопись, пока не пришел Роншероль!

Лагард трясся от страха. Он был совершенно растерян. Он забормотал, не глядя на своих головорезов:

— Да-да… Вон отсюда, вы, подонки! Ждите меня

за Лувром! Скорее, скорее!

Рейтары, растерянные ничуть не меньше, чем их начальник, бросились врассыпную. Во дворе остался только один из них, — чтобы выслушать инструкции. Когда с ними — надо сказать, очень быстро — было покончено, этот человек приблизился к решетке, опустившейся за Боревером, когда тот вошел во двор, и поднял ее.

— Пойдемте, — хрипло, словно умирающий, прошептал Лагард.

Не прошло и трех минут после этого, как двор наводнили люди с факелами, зазвенела сталь, засверкали бешеные взгляды. Сюда ввалилось не меньше сотни преследователей во главе с Роншеролем, который, окинув взглядом пустое пространство, где не оказалось никакого беглеца, подлетел к оставленному принять удар рейтару Лагарда и заорал:

— Куда повели парня? К королю?

— Парень не появлялся…

— Как это так?! — возмутился великий прево.

— Капитан услышал шум в соседнем дворе и бросился туда со всеми людьми, оставив меня караулить. Но никто так и не пришел. Вот видите: крышка мышеловки открыта!

Роншероль возвел глаза к небу, глухо выругал-

ся и, сникнув, стал оглядываться по сторонам, не зная, что же теперь предпринять.

А в этот момент Боревер и Екатерина, стоя лицом к лицу, мерили друг друга взглядами.

— Значит, это вы — Руаяль де Боревер? — резко спросила королева.

Молодой человек поклонился. Он был отважен и неустрашим, но от этого голоса словно холод проник ему в сердце.

— Значит, это вы угрожаете своей королеве? — все тем же ледяным тоном продолжала Екатерина.

Она ждала протестов, заверений в преданности, сожалений о том, что пришлось прибегнуть к угрозам… Но не дождалась.

— Да, мадам… — просто ответил Руаяль.

— Что вы знаете? Постарайтесь покороче. Чего вам надо? Будьте искренни. На что вы способны? Только без хвастовства.

— Мадам, — ответил Боревер все с той же ужасающей простотой, — я мог бы отправить вас на смерть за попытку убить Его Величество. Доказательство тому, что я не хвастаюсь? Вы же слушаете меня, всемогущая королева, меня, бедного малого, у которого ни кола ни двора… Чего мне нужно? Жить. Больше ничего. То есть

мне нужно, чтобы вы дали свое королевское слово, что не станете покушаться на мою жизнь. Я говорю совершенно искренне, вы сами видите. А теперь вот что я скажу вам: во-первых, ваш сын Анри — не сын короля Франции, а следовательно, не имеет права взойти на престол, когда наступит его очередь царствовать. А во-вторых, это вы послали господина Лагарда заколоть короля около резиденции великого прево. Вот и все, мадам, больше мне ничего не известно.

Екатерина задыхалась.

— Значит, как вы сказали, — еле выговорила она, — через час кто-то объявит об этом королю?

— Через полчаса, мадам, — холодно возразил Боревер, взглянув на стенные часы.

— Вы можете помешать этому неизвестному явиться в Лувр?

— Да, мадам. Только я и могу сделать это. Но я займусь этим только в том случае, если вы поклянетесь озаботиться тем, чтобы моей жизни ничто не угрожало.

Екатерина вздохнула. Ей было очень трудно сдерживаться, так хотелось наброситься на этого наглеца, обрушить на него свою ненависть. Да, никогда еще ненависть такой силы не переполняла ее душу.

— Хорошо, — сделав над собой огромное усилие, пообещала она. — Я позабочусь о том, чтобы ничто не угрожало вашей жизни. Клянусь.

Боревер поклонился и сказал:

— Мадам, извольте вывести меня из Лувра, если хотите, чтобы я поспел вовремя.

— Пойдемте, — поторопилась ответить Екатерина.

III. На этот раз удалось!

Екатерина проводила молодого человека до пробитого в стене отверстия, служившего дверью в той части дворца, где еще шли ремонтные работы. По дороге они не встретили ни одной живой души. Королева сама открыла дверь. Секунды спустя Боревер был уже на улице. Екатерина прислонилась к стене, чтобы не упасть. Рядом с ней ниоткуда возникла тень.

— Следи за ним! — прошептала она. — Не спускай с него глаз! И помни: ты жизнью отвечаешь за то, чтобы я узнала, где он прячется!

Лагард удалился. Екатерина медленно пошла назад, поднялась по лестнице, миновала галерею, где толпились придворные, где раздавались крики, где, размахивая руками, вопили во весь голос.

— Нет, он же все-таки прошел по доскам через ров!

— Он в Лувре, это точно!

— Он здесь был!

Екатерина подошла к великому прево. Он был бледен.

Она повторила:

— Он здесь был.

— Мадам… — заикаясь, пробормотал Ронше-роль. — Мадам… О, вы что-то знаете! Мадам, я отдал бы жизнь за то, чтобы узнать то, что знаете вы!

— Завтра утром Лагард скажет вам, где скрывается этот человек.

В шесть часов утра хозяйка «Угря под камнем», уже умытая и принаряженная, в полном соответствии с выработавшейся в последние дни привычкой, приоткрыла дверь комнатушки, в которой Руаяль де Боревер провел остаток ночи. Оказалось, что молодой человек, не раздеваясь, бросился на узкую кушетку и, видимо, сразу же погрузился в глубокий сон, потому что свеча, которую она ему оставила, догорала на столе. Мирта, просунув голову в проем двери, смотрела на юношу, стараясь не выдать своего присутствия ни жестом, ни вздохом, чтобы не разбудить его. Ее взгляд светился нежностью, а грудь вздымалась, может быть, чуть быстрее, чем обычно.

«Если бы он только захотел, — думала девушка. — Мы ведь знаем друг друга с детства. Его растила моя собственная мать Мирто. Мы играли вместе. Он защищал меня, когда на меня нападали другие дети. А когда он уезжал, похожий на

бравого капитана, верхом на своем боевом коне, когда он уезжал, он поцеловал меня и сказал: „Я очень тебя люблю, моя малышка Мирта!“ А я ему ничего не ответила. Но, когда его уже не стало видно, расплакалась… Как часто я думала о нем, вспоминала его! Я не могла ему сказать: „Я очень люблю вас!“, но я его любила… Любить его! Ах, если бы он захотел! Но он никогда не захочет, а я… я никогда не скажу ему: „Хотите, мы соединим наши судьбы?“…»

Мирта вздохнула и потрясла своей золотистой головкой, словно хотела разогнать сожаления, подобно тому, как ветер высушивает и уносит с собой цветы с кустов… Потом тихонько прикрыла дверь.

Девушка выглянула в окно и бросила взгляд сначала направо, потом налево: тоже привычное утреннее дело — посмотреть на соседние, еще спящие дома. Но на этот раз она отпрянула от окна и торопливо опустила подъемные рамы. Она дрожала. Она стала страшно бледной.

— Что нужно этим людям?

Сквозь толстые круглые стеклышки она наблюдала за ними. Их было пятеро, и, казалось, они внимательно изучают дом, в котором находился трактир. Среди них был человек, которого Мирта

узнала мгновенно: великий прево!

— Что им нужно? Чего они хотят? Ради чего, ради кого они здесь? О-о, они пришли за ним! За ним!

В этот момент подошли еще трое и молча присоединились к первой пятерке.

— Господин де Лагард! — прошептала Мирта. — Чего же они хотят? Боже, да они ведь ждут подкрепления, их слишком мало, чтобы напасть!

Она, наполовину обезумев, заметалась по комнате. А когда снова посмотрела в окно, на улице стояли уже десять человек. Все с оружием. Она побежала туда, где спал Руаяль. Но у самой двери остановилась.

«Пусть поспит, бедняжка, — подумала девушка с нежностью. — Может быть, это его последний в жизни сон… Разбужу его, когда придет время. Господи! И — никого в трактире, никого, кто мог бы встать рядом с ним и обнажить шпагу! Всемогущая Пресвятая Дева! У меня есть сбережения: тридцать тысяч ливров я схоронила в погребе в надежде, что когда-нибудь он, может быть, решится… Я обещаю вам шитое золотом платье, а вашей кузине в соборе Нотр-Дам — золотую корону, я отдам треть своего состояния — десять тысяч ливров, только спасите его!»

Она снова подбежала к окну: их стало пятнадцать, теперь Роншероль спокойно и уверенно раздавал приказы. Мирта скатилась по лестнице, бросилась в общий зал: на первом этаже было два окна, оба, как тогда было принято, снабженные прочными решетками. Дверь тоже была прочной, укрепленной толстыми железными брусьями.

«Этого хватит примерно на час», — решила про себя девушка.

Она огляделась в ужасе.

— Будем защищаться! — громко сказала она. Деревянная лестница была расположена в глубине зала, в его левом углу. Люк, через который спускались в подвал, — в правом. Мирта подняла крышку люка и поставила ее стоймя. Снова огляделась. В зале было полным-полно скамей, столов, табуретов, у стен стояли два сундука, большой буфет. Прежде всего она сдвинула с места буфет. Потом подтащила к нему один из сундуков. В обычное время ей вряд ли удалось бы сделать это, но сейчас казалось, что они ничего не весят.

— А теперь — оружие!

Рядом с открытым люком (линия отступления) она положила два топора для рубки дров, все, какие попались ей в руки, кухонные ножи, секачи,

две гири для взвешивания зерна.

Когда Мирта закончила все эти разнообразные приготовления к обороне, она поднялась наверх. И жадно посмотрела на улицу: их по-прежнему было пятнадцать. Но было ясно, что они все еще ждут подкрепления, потому что Роншероль и Лагард глаз не сводили с конца улицы. Мирта машинально взглянула на дома напротив. Все окна были закрыты, хотя уже давно рассвело. Но обитатели квартала предпочитали ничего не видеть. Если бы они что-то увидели, они стали бы свидетелями… А им было очень хорошо известно, что случается с добропорядочными горожанами, если им, не дай бог, случится стать свидетелями убийства. Только одно-единственное окошко оставалось открытым. У окна неподвижно сидела и смотрела на улицу женщина с седыми волосами и бледным лицом. Мирта отступила на шаг, перекрестилась и прошептала:

— Дама без имени… Ох!

На что же смотрела Дама без имени? Если бы Мирта была чуть спокойнее, если бы она чуть повнимательнее взглянула на седую женщину, она увидела бы, что та не смотрит ни на ее трактир, ни на улицу, нет, светлые глаза незнакомки были устремлены на двух мужчин, стоявших почти

напротив, и глаза эти будто проклинали… Она смотрела только на них и видела только их. Этих двух мужчин. Маршала и великого прево. Жака д'Альбона де Сент-Андре и Гаэтана де Роншероля.

Итак, Мирта отступила от окна и… наткнулась на какой-то мешок, опрокинула его. Сначала она обозлилась, что-то проворчала, видимо, ругая себя за неловкость. Но потом, пристально поглядев на мешок, улыбнулась: какая-то светлая мысль, совершенно очевидно, пришла девушке в голову. В углу коридорчика стояла большая мельница для специй. Схватить мешок и высыпать половину его содержимого в жерло мельницы оказалось делом нескольких секунд. Мирта принялась молоть с бешеной скоростью, вращая ручку мельницы так быстро, словно от этого зависела вся ее жизнь. Когда дело было закончено, она высыпала получившийся порошок в ящик и снова наполнила мельницу, которая ответила на то, как Мирта рванула ручку, глухим скрежетом.

— Эй, Мирта! Красотка Мирта! Ты всегда будишь бедных гостей, посланных тебе самим дьяволом, таким жутким скрежетом?

Руаяль де Боревер показался на пороге своей комнаты. Он весело улыбался.

— Чем это ты занимаешься? — спросил он.

— Вы отлично видите: мелю специи! — ответила Мирта.

— Отлично. А не можешь оторваться? Есть хочется… Дай мне покушать.

— Спускайтесь вниз, стол на кухне накрыт.

— Вот это здорово! До чего ж у меня пустая голова. Наверное, потому, что сердце переполнено…

Мирта, услышав это, побледнела. Боревер вприпрыжку спустился в зал. Увидев царивший там разгром, он быстро вернулся наверх, подбежал к окну, не меньше минуты всматривался в улицу, затем схватился за шпагу. Когда он повернулся к Мирте, та ужаснулась, увидев его лицо: оно пылало. Он заговорил — хрипло и резко:

— Они пришли за мной. Понимаешь, Мирта, все началось еще вчера. Они гонятся за мной, преследуют, травят, как зверя, окружают… Хотят моей погибели. Сначала — улица Каландр. Крыши. Сена. Лувр. Я помиловал короля, Мирта, и пощадил королеву. Они дали мне слово. Оба. И вот теперь эти люди здесь. А это — смерть! Мирта, а ты знаешь, кто меня травит, преследует, загоняет в угол, толкает к погибели? Отец той, кого я люблю!

Мирта не произнесла ни слова. Она опустила голову. Две слезы скатились из ее глаз… Руаяль

подошел к девушке, ласково и застенчиво взял ее за руку.

— Мирта… — шепнул он.

— Оставьте меня! — Она вырвала руку и снова стала ожесточенно крутить мельницу.

Страшный удар сотряс дверь внизу и прокатился по всему трактиру эхом, возвещавшим приближение смерти.

Удары бревном по двери продолжались с убийственной регулярностью и с чудовищной силой. Похоронный звон. Похоронный звон по любви, по несчастной любви Мирты. Атакующие молчали. На этот раз Роншероль разработал иной план действий. Он взял с собой немногих: всего двадцать человек, но зато — двадцать закоренелых негодяев, привыкших убивать и способных выполнить эту задачу двадцатью разными способами. Никаких криков. Методичная работа людей, знающих свое дело. Дверь стонала и трещала под их ударами.

— О, Мирта, Мирта, клянусь тебе, я же не виноват, что встретил ЕЕ! И что… Мирта, позволь мне остаться твоим братом, позволь мне любить тебя как сестру! И ведь это ты утешишь меня, когда настанет мой час уйти навеки! Мирта, я умру счастливым, потому что это ты закроешь мне

глаза, как я закрыл глаза бедному Брабану!

Эти последние слова заставили Мирту вздрогнуть. Она резко разогнулась, бросив ручку мельницы. Ее чистое прекрасное лицо горело горделивым пламенем. Она думала:

«Нет, я не хочу, чтобы он умирал! И это я, я, Мирта, спасу его! Я, а не ОНА!»

— Замолчите! — сказала она серьезно. — Сейчас не время раскисать! Подумайте-ка лучше о защите! Подумайте о том, как защитить меня!

Она спустилась первой. С грацией и силой, какие обычно приписываются канефорам[44] древних Афин, Мирта вскинула на плечо ящик, наполненный порошком, который высыпала из мельницы. Это был перец!

Боревер в восхищении покачал головой. Он понял. Он тоже спустился по лестнице и увидел, как Мирта, оставив ящик, уже стаскивает охапки соломы к подножиям сундуков и буфета. На солому она положила стружки, на стружки — сухие дрова и хворост, приготовленные для того, чтобы испечь утром хлеб. У входа в подвал поставила

---

[44] Примечания: 44

Канефоры — «носительницы корзин». Девушки из знатных семей, которые на праздниках в Афинах появлялись в процессиях, неся на головах корзины со священными принадлежностями. Канефоры часто изображались античными ваятелями: Поликлетом, Скопасом и другими, иногда в виде кариатид. (*Примеч. пер.*)

зажженную свечу.

Под мерными ударами тяжелого бревна дверь поддавалась и стонала, как смертельно раненное существо. Она еще держалась на штырях, на петлях, она оставалась стойкой, умница, но сил уже не хватало. На улице громкий голос выкрикнул приказ:

— Внимание! Заходим с фронта!

— Поцелуй меня, Мирта, давай попрощаемся, милая моя сестренка!

Мирта коснулась губами его лба и прошептала:

— Да хранит тебя Господь!

Дверь упала.

Три человека с зажатыми в руках узкими длинными шпагами ворвались через пустой проем. Еще трое вошли за ними. Это были головорезы из Железного эскадрона. В мгновение ока весь Железный эскадрон оказался в комнате. Рейтары пинками расшвыривали табуреты, столы и скамьи, безмолвно надвигаясь на Боревера. Его шпага трижды просвистела над головой. Раздались три проклятия, три стона. Шпага окрасилась кровью. Руаяль держался твердо и прямо, лицо его пылало, глаза сверкали, он рычал:

— Вот вам Боревер! Вот вам Боревер!

Боевой клич не напугал нападавших, в ход снова пошла шпага, но очень скоро зал огласили дикие вопли и чудовищный хохот: оружие, которому следовало защищать Руаяля и Мирту, сломалось надвое!

— Безоружен! Безоружен!

— Берите его!

— Вперед!

— Гром и молния! Да берите же его, черт возьми! — орал Роншероль.

Вся банда ринулась вперед, двадцать рук протянулись к Бореверу, сталь в полумраке зала сияла бледным светом, это был молчаливый наскок, которому суждено было окончиться успехом, однако… этого не случилось. Рейтары попятились с криками, руганью, стонами…

— Я ничего не вижу!

— Я ослеп!

— Ко мне!

— Воды, воды, бога ради, воды, мои глаза! Перец!

Мирта бросала только что изготовленный ею порошок в нападающих полными горстями! Он забивал им носы, попадал в открытые рты, слепил глаза!

— А теперь — топоры! — сказала девушка хо-

лодно.

Боревер обернулся, увидел топоры, что-то прорычал, схватил один из них и бросился в атаку. Это было ужасно. Мирта полными горстями швыряла перец в глаза противников, ослепляя их. Топор Руаяля поднимался, опускался, бил, крушил, рубил, и над всей этой свалкой то и дело проносился пронзительный вопль — нечеловеческий, кошмарный, нереальный, похожий на крик духа битвы:

— Вот вам Боревер! Вот вам Боревер!

Но внезапно крики умолкли. Боревер упал за сундук, уронив топор… Лагард сокрушил его чудовищным ударом.

Сражающиеся остановились. Они не видели, как упал юноша. Они видели только то, как он скрылся за сундуками. А может, это засада? Задыхаясь, насмерть перепутанные, головорезы озирались по сторонам, рассматривая валявшиеся повсюду трупы, забрызганные кровью стены, дикий беспорядок… Роншероль вытер пот со лба. Ролан де Сент-Андре, который только что появился, так и застыл на месте, разинув рот. Все смотрели на баррикаду из сундуков и буфета, за которой скрывался Боревер. Чего он ждет? Минуты две ушло на то, чтобы все переве-

ли дыхание. Потом, пересчитав, сколько бойцов осталось в живых, удостоверившись, что оружие в порядке, рейтары приготовились снова идти на приступ. Но в этот момент густой черный дым заполнил зал.

— Пожар! Пожар!

Вдруг вспыхнуло пламя. Сундуки пылали. Громадный буфет горел, треща и начиная разваливаться на куски. Через несколько секунд весь зал был в огне. Убийцы попятились и, отталкивая друг друга, кинулись на улицу. Теперь уже вся таверна была охвачена огнем…

— Тысячу экю тому, кто догадался устроить пожар! — воскликнул Роншероль.

— Это я, — мгновение спустя ответил один из выживших головорезов Железного эскадрона.

Из соседних домов донеслись крики ужаса. Потом оттуда принялись звать на помощь:

— Пожар! Пожар!

Со всех сторон сбегались люди с ведрами воды, чтобы погасить пламя, спасти хотя бы соседние дома.

Глава уличного участка приблизился к Роншеролю и робко сказал ему:

— Монсеньор, мы бы хотели погасить пожар…

Но Роншероль не разрешил:

— Пусть горит!

И никто ничего не предпринял. К вечеру три дома сгорели дотла. Что до кабачка, то от него остались одни головешки, от которых к небу устремлялась струйка дыма…

Часть тринадцатая
ДАМА БЕЗ ИМЕНИ

I. Дом на улице Тиссерандери

Роншероль, Сент-Андре, Лагард и Ролан молча смотрели. Они стояли так с утра, не говоря ни слова. Перед ними дымилось пепелище. Улица была пуста. Жители окрестных домов, едва завидев великого прево, попрятались, они боялись показываться ему на глаза. Но один человек тоже смотрел на все это. Нет, не человек — привидение, призрак. Тот самый призрак, которого испугалась утром Мирта, когда выглянула в окно и увидела его в доме напротив. Дама без имени.

Начало смеркаться. Ролан отправился ужинать, обдумывая, где бы разжиться деньгами. И тогда маршал де Сент-Андре наконец произнес:

— На этот раз он мертв.

Великий прево покачал головой и согласился:

— Да, он мертв.

Потом добавил:

— Завтра поищем труп.

Он повернулся к маршалу и сказал со странной усмешкой:

— Пришла пора ему подохнуть!

— Да, король будет доволен.

«И королева тоже!» — подумал Лагард. Сент-Ан-

дре тоже усмехнулся и очень тихо сказал:

— Этот мерзавец мог помешать моему сыну жениться на вашей дочери…

— С чего вы взяли? — встрепенулся Роншероль и посмотрел на маршала так, что тот побледнел.

— Я ничего точно не знаю, куманек. Просто от кого-то слышал, что разбойник осмелился положить глаз на вашу дочь, вот и все. А потом, этот случай в харчевне на дороге к Мелену…

— А-а, ну, это правда, это верно, — успокоившись, пробормотал Роншероль.

— Прощайте, великий прево. Я отправляюсь спать, я просто падаю от усталости — чертовски ослабел…

— Завтра будете отдыхать, маршал. А сейчас нужно, чтобы вы пошли ко мне. Нам есть о чем поговорить.

— О чем же?

— Об этой самой свадьбе, — ответил Роншероль, скрипнув зубами и сжав кулаки.

Лагард стоял поблизости, двое его подручных ожидали в двадцати шагах. Как только великий прево и маршал удалились, он дал своим людям знак подойти.

— Мы останемся здесь на всю ночь! — объявил начальник Железного эскадрона.

Все трое нашли себе укрытие неподалеку от сожженного кабачка, в уголке, откуда было хорошо видно пепелище. Вскоре ночь опустилась на Париж, и стало совсем темно.

Увидев, как Руаяль де Боревер упал, Мирта схватила факел, прикрепленный к стене рядом с люком, и подожгла солому. Повалил густой вонючий дым. Девушке не понадобилось ни секунды на размышления, она не колебалась, она действовала. Даже ее служанки никогда не видели ее настолько спокойной. Но в душе у Мирты все бушевало. На самом деле это была львица, вырвавшаяся на свободу. Она, как пушинку, подняла Боревера и отнесла его в подвал. Затем поднялась в зал, взяла приготовленный заранее светильник и вернулась к Бореверу, не забыв захлопнуть за собой крышку и надежно подпереть ее изнутри. На все это ушло ровно две минуты — те самые две минуты, которые агенты Роншероля потратили на то, чтобы перевести дыхание и осмотреться…

Мирта уложила Боревера на полу поудобнее, но не стала больше заниматься им.

Она слушала. Слушала долго-долго. Треск горящих поленьев и мебели, свистки, отдаленная ругань — все говорило о том, что ее маневр — она сама придумала это слово — удался.

— Сюда они не спустятся!

Ее лицо разгладилось. На какую-то секунду она успокоилась. Но очень скоро девушку охватила страшная дрожь, и внезапно она разразилась рыданиями. Плача, она встала на колени у неподвижно лежащего Боревера, разорвала его камзол и рубашку и увидела две кровоточащие раны. Слезы сразу высохли — снова надо было собраться и действовать. Она промыла раны вином. Руаяль открыл глаза, огляделся, увидел, что находится в подвале, и улыбнулся.

— Малышка моя, значит, тебе удалось меня спасти? — прошептал юноша. — Ох, я… Дай мне пить…

Мирта принесла ему кувшин вина. Он выпил почти все.

И потекли часы… Больше не было слышно ни малейшего шума. Время от времени Мирта поднималась по лестнице, прислушивалась, трогала крышку, чтобы убедиться в том, насколько она остыла.

— Наверное, уже ночь, — сказала она после очередной проверки.

И не ошиблась. Давно пробило полночь. Мирта убрала бревно, подпиравшее крышку люка, и попыталась откинуть ее. Ничего не вышло.

Что-то давило на крышку: видимо, на нее упала балка. Мирта напряглась и снова попробовала открыть люк.

Внезапно крышка поддалась и с грохотом откинулась. Мирта высунула голову наружу, осмотрелась и увидела, что ее таверна сгорела дотла. Она увидела жалкие останки всего ее имущества, но ее сердце даже не забилось чаще.

— Они ушли, — сказала она Бореверу, снова спустившись в подвал. — Там совсем темно. Надо этим воспользоваться. Куда пойдем?

— В дом напротив, — ответил Руаяль.

Она подумала, что он бредит. Но он добавил:

— Правда же, напротив живет женщина, которую называют Дамой без имени? Однажды ночью она сказала мне: «Если когда-нибудь вас будут преследовать, вы будете нуждаться в помощи, в укрытии, — приходите ко мне». Вот и укрытие, Мирта. Пойдем к Даме без имени.

Мирта перекрестилась. Холодок страха пробежал по ее спине.

— Мне удалось спасти его от псов Роншероля, — прошептала она, — но как мне спасти его от этого призрака, от этого привидения, которое сто раз видели по ночам на Кладбище Невинных?

Руаяль де Боревер встал, но вынужден был

сразу же прислониться к стене подвала, чтобы не упасть.

— Обопритесь на меня, — предложила Мирта. — Не бойтесь, я сильная. Господи! Да что с вами? Неужели ваши раны так опасны?

— Нет, сестренка. Просто голова немного кружится, вот и все… Все из-за того верзилы, который шарахнул меня чем-то по башке в последний момент… Я даже не понял чем… К завтрашнему дню все пройдет…

Собрав все силы, он вскарабкался по лестнице, вылез из подвала туда, где совсем еще недавно был общий зал, но тут ему пришлось сесть прямо в золу.

— Иди, Мирта, иди, постучи в дверь этой благородной дамы…

— Я?!

— Да, ты, ты… Ты же видишь: я умру, если кто-то не поможет…

Он закрыл глаза и упал навзничь. Он сказал правду. Раны были не страшны. Зато удар по голове, которым наградил его Лагард, — ужасен. Растерянная и испуганная Мирта мгновенно оказалась на другой стороне улицы и бешено застучала железным молотком в дверь. Дверь открылась с первыми же ударами молотка. На по-

роге появился огромного роста мужчина с седой бородой. В руке его был фонарь, лицо казалось встревоженным.

— Что вам нужно? — строго спросил он.

— Помощь, — дрожа, ответила девушка.

— Кому она требуется? — спросил из-за спины гиганта голос, прозвучавший со странной и проникающей в самое сердце нежностью.

И появилась Дама без имени. Но Мирта собралась с силами и теперь уже ничего не боялась, поскольку речь шла о жизни Боревера.

— Молодому человеку, которому вы ее обещали.

— Как его зовут?

— Руаяль де Боревер.

— Проводите нас, — попросила Дама без имени. — Жиль, дорогой, пойдемте…

От ее голоса Мирту все еще бросало в дрожь, но, повторяю, это уже не был страх. А что же это было? Жалость? Тогда — к кому? Она не знала. Этот голос звучал, как песнь невыразимого, какого-то таинственного отчаяния. Он был нежным, но за этой нежностью слышались тоска и боль. И Мирта, как уже было сказано, сама не зная почему, задрожала, откликаясь на эту неведомую боль, на это отчаяние.

Колосс, которого Дама без имени назвала Жилем, передал фонарь Мирте, и та проводила его через улицу. Он поднял Руаяля на руки так, словно этот взрослый мужчина был легким, как перышко, и двинулся вперед. Руаяль бредил и в бреду повторял:

— Тюремщик… Вот и тюремщик!

Тот, кого звали Жилем, услышав это, резко остановился. Его волосы встали дыбом.

Приблизилась Дама без имени. Посмотрела на Боревера.

— Это тот молодой человек, который спас нас той ночью от разбойников и грабителей… А в этом кабачке сегодня тоже было какое-то сражение… Значит, это за ним охотится великий прево?

— Да, сударыня, — ответила Мирта, хотя незнакомка явно говорила сама с собой.

— Спрятать его у меня было бы опасно, — продолжала Дама без имени. — Может быть, за нами следят. За мной всегда шпионили, глядя из окон, выходящих на улицу… Но куда же его отнести?

Казалось, что Дама борется с собой, отгоняя какую-то мысль, но, видимо, ей все-таки пришлось уступить.

— Хорошо, — дрожащим голосом прошептала

она. — Хорошо. Я и на самом деле могу вернуться туда, если речь идет о спасении человека, который спас жизнь мне самой… Я могу, я должна это сделать… Этот человек — ваш родственник, ваш друг? — обратилась она к Мирте.

— Это мой брат, мадам, — ответила Мирта.

— Брат! — прошептала женщина. — Слушайте. Сейчас вы пойдете ко мне и останетесь там с Марготт. Нужно понаблюдать за тем, что будет происходить на пепелище и вокруг него.

— Да, это правда, правда…

— Что до вашего брата, я спрячу его в безопасном месте. Жиль вернется оттуда к вам и расскажет, какие будут новости. Пойдемте, друг мой, пойдемте, Жиль…

Мирта отдала бы руку за то, чтобы не расставаться с Боревером. Но этот голос волновал ее, заставлял подчиниться, в нем была какая-то непонятная сила и власть. А кроме того, инстинкт подсказывал ей, что рядом с Дамой без имени Боревер окажется в безопасности.

— Идите, идите, дитя мое, я спасу вашего брата!

Мирта опустила голову, подчиняясь воле странной женщины. Это подозрительное создание казалось ей теперь похожим на ангела, который

способен одним-единственным словом, одним звуком голоса раскрыть свою сущность… Девушка вошла в дом. А Дама без имени пустилась в дорогу с фонарем в руке. Жиль следовал за ней с юношей на руках. Дама шла твердым шагом, но по мере того, как они приближались к намеченной цели, ее бледное лицо становилось еще бледнее. И она не могла справиться с дрожью. Но продолжала идти так же быстро. Что творилось в ее душе? Они добрались до улицы Тиссерандери.

— Это здесь! — прошептала Дама без имени, обращаясь к себе самой и останавливаясь возле одного из домов. — Это здесь! — Шепот, исходивший из дрожащих губ, был едва различим… Но глаза обоих с тоской остановились на закрытой двери.

Дама без имени достала ключ, висевший на цепочке у нее под платьем, отперла дверь… И вошла в дом! Она вошла в дом на улице Тиссерандери!

Жиль тоже вошел за ней, тщательно закрыл за собой дверь на все запоры и стал подниматься следом за хозяйкой по лестнице, находившейся в глубине вестибюля с низким потолком. Дама по пути зажигала светильники. Оказавшись в комнате наверху, Жиль уложил молодого человека на постель. Дама без имени подошла к нему,

держа фонарь в поднятой руке. Свет фонаря залил лицо красивого юноши, тени подчеркивали изящество его черт. И Дама без имени застыла, вглядываясь в лицо этого незнакомца…

II. Старые друзья

В отеле, служившем резиденцией великому прево, в просторной столовой, обставленной со строгим великолепием: здесь возвышались два величественных серванта, стоял громадный стол, горел огонь в монументальном камине и вокруг стола размещались двадцать четыре кресла с вырезанными на деревянных спинках гербами, — итак, в этом огромном зале, где каждый предмет мебели наводил на размышления о суровом нраве хозяина, ужинали в полном одиночестве Роншероль и Сент-Андре.

Старые друзья, давние сообщники по злодейству, уже много лет не сидели вот так, лицом к лицу, коротая время в приятной беседе. Впрочем, приятной ее вряд ли можно было назвать. Атмосфера была скорее мрачной, тоскливой и зловещей.

Вернувшись домой, Роншероль прежде всего, как делал каждый вечер, проверил, все ли в порядке: обошел все посты, проинспектировал все подходы к дому, ощупал все запоры, чтобы убедиться в их надежности. Потом он, опять же как всегда, поднялся к дочери. Флориза заметила, что

в глазах отца светится дикая радость вперемешку с тревогой, и задрожала.

Роншероль явился к дочери, чтобы сказать ей: «Все кончено: он мертв», — но так и не осмелился открыть рот.

Он содрогался при мысли, что из-за этих слов его дитя заплачет. И какими горькими слезами!

И промолчал. После ужина великий прево наконец решился заговорить о свадьбе своей дочери с сыном маршала. Он пожирал Сент-Андре пламенным взглядом, малейшее изменение этой физиономии хитрого и коварного человека не смогло бы ускользнуть от него. В нем ураганом бушевала ревность — отцовская ревность. Но он принялся диктовать свои условия внешне очень спокойно, и Сент-Андре решил выслушать все от начала до конца так же доброжелательно. Постарался быть, как никогда, милым. В конце концов, они ведь друзья с юных лет!

Пункт первый. Сент-Андре должен добиться, чтобы он, Роншероль, получил место губернатора, хорошее место, но — подальше от Парижа, например, в Гиени.

— Ха! Ха! Черт возьми! Дорогой друг! Считай, что это место у тебя в кармане… Что ты уже губернатор!

Пункт второй. Сент-Андре добьется от короля отказа от намерения дать приданое его дочери. Он, Роншероль, не хочет принимать то, что соглашаются принять даже самые гордые из знатных дворян.

— Черт! Что это ты надумал? А кто же даст приданое Флоризе? Кто…

— Я сам, — решительно оборвал гостя Роншероль. — Я сам. Да, клянусь Христом!

Его взгляд стал кровожадным. Сент-Андре пообещал выполнить щекотливую задачу, категорически заявив при этом, что состояние нового губернатора ничуть не пострадает.

Пункт третий. Сент-Андре добьется от короля для своего сына Ролана важной миссии в провинции.

— Нет ничего проще! — обрадовался маршал и подумал: «Надо же, сам идет на крючок!»

— Причем хорошо бы эта миссия, это поручение, — продолжал между тем Роншероль, — должна была бы осуществляться, к примеру, в столице Гиени… Ведь такое возможно?

— Разумеется!

— Лучше всего — прямо в губернаторском дворце, — гнул свою линию Роншероль. — Так, чтобы Ролан постоянно находился на глазах у губерна-

тора. То есть моих…

— Опять-таки, да!

Четвертый, и последний, пункт. Все перечисленные выше условия вступают в силу одновременно с тем, как состоится бракосочетание Флоризы и Ролана. Иными словами, сразу после церемонии сам Роншероль отправится вступать в свою новую должность, Ролан, естественно, поедет в Гиень вместе со свежеиспеченным губернатором, и ясно без слов, что он возьмет с собой свою молодую жену.

Что и говорить, это был шедевр тактики! Роншероль одновременно удовлетворял свои амбиции и делал все для того, чтобы его дочь, эта птичка упорхнула из-под когтей короля. Никакого риска, никакой опасности, никаких решений, ломающих всю жизнь, которые так часто приходили ему в голову, когда его мучила ревность.

— Ах! — только и мог воскликнуть Сент-Андре, выслушав последнее условие.

— Будет только так, а не иначе, — подытожил сказанное Роншероль.

— Но это трудно… Очень трудно осуществить… — почти простонал маршал.

— Скажешь королю, что, если что-то будет не так, как я задумал, я собственными руками при-

режу свою дочь.

Сент-Андре немного побледнел. Но ограничился тем, что прошептал:

— Послушай, дружище… Ты хватил через край…

Роншероль тоже стал смертельно бледным, по его лицу пробежала судорога, губы побелели, глаза налились кровью.

Но постепенно великий прево взял себя в руки. Сент-Андре, видя, что старый друг успокоился, с веселой улыбкой наполнил золотые кубки.

— Черт побери, это уж слишком! Ну, ладно, пусть все будет так, как ты хочешь: я пью за твое губернаторство, за миссию моего сына и за их счастливый отъезд в день свадьбы под твоим родительским крылышком! Пусть! Ты доволен?

— Сент-Андре! — воскликнул великий прево. — Если ты сумеешь это уладить, ты спасешь мне жизнь!

— И я это сделаю, клянусь богом!

На часах было уже больше десяти. Два благородных друга в последний раз сдвинули кубки.

— Вот в точности так же мы сидели когда-то в кабачке «У ворожеи»! Помнишь? Помнишь, какое чудесное сомюрское вино мы пили тогда у мэтра Ландри? Славное было времечко! Как мы

оба жаждали: ты — почестей, я — золота… Что ж, вот я богат, а у тебя нет недостатка в почестях, и теперь мы сожалеем… сожалеем о прежних временах…

Перед старыми друзьями вдруг открылась тропинка в страну воспоминаний. И кто же может устоять перед искушением вспомнить былые дни и былые подвиги?

Но внезапно, вместе с воспоминаниями о давних днях, о давних проделках, у обоих пробудилась — в самой глубине сознания — память и о давних злодействах. Во всяком случае, Ронше-роль неожиданно прошептал прямо в ухо другу побледневшими губами:

— Скажи, а ты когда-нибудь думал о нем?

— О нем? — пробормотал Сент-Андре. — О ком ты говоришь?

— Прекрасно знаешь. Вижу, что ты все понял. Вижу по твоим безумным глазам, по твоему бледному лбу… Да у тебя же холодный пот выступил, старина!

— Ну и что? — проворчал Сент-Андре. — Можно подумать, ты сам не боишься! А разве тебе не страшно, когда ты думаешь: а вдруг Рено не умер? И мы с ним встретимся в один прекрасный день? Не страшно? А если он спросит: «Что я вам сделал

плохого?»…

Они переглянулись. И показались друг другу призраками. Да они и были призраками — призраками своей далекой юности, призраками совершенного ими преступления. Внезапно, без всякого к тому повода, Роншероль на удивление задумчиво произнес:

— До чего ж я ненавижу этого Нострадамуса! А ты, Сент-Андре?

Маршал вздрогнул, как минуту назад, когда старый друг напомнил ему о Рено. И ответил:

— Да, я тоже ненавижу этого ясновидца, этого мага, этого колдуна, этого посланца ада. Я ненавижу его, потому что тогда, в Лувре, он испугал меня.

— Со мной он тоже тогда говорил, — отозвался Роншероль, — и меня тоже испугал.

— Нам надо избавиться от этого чудовища, господин великий прево. Тем более что и король этого хочет.

— Я бы поклялся, — продолжал Роншероль, — что уже когда-то видел эти пылающие глаза. Я поклялся бы, что слышал этот отливающий металлом голос, который звенит в голове, как колокол, как погребальный колокол… Сент-Андре, мы когда-то были знакомы с ним, с этим

Нострадамусом…

Воцарилась мертвая тишина. Больше давние сообщники не глядели друг на друга.

Они предались раздумьям. Но Роншероль вдруг, так же без всяких на то оснований, как минуту назад, сказал:

— Мари де Круамар умерла. Я десять раз приходил на ее могилу на Кладбище Невинных. По крайней мере, тут нечего опасаться.

— И ребенок тоже мертв, — подхватил Сент-Андре.

— И это не мы убили Мари де Круамар, — ворчливо продолжал бледный, как смерть, Роншероль, как бы не слыша друга. — Это сделал дофин Франсуа, он из ревности заколол ее кинжалом.

— И ребенка тоже не мы убили, — не отступал от своей темы Сент-Андре, утирая пот со лба. — Это сделал Брабан-Брабантец, он сам взялся за такое дело.

В этот момент в комнату вбежал запыхавшийся человек. Барон Лагард собственной персоной. Он решительно направился через огромный зал к сидящим за столом друзьям, те вскочили, сами не зная почему, охваченные страшной тревогой. И не напрасной, потому что, подойдя поближе, Лагард сказал:

— Проклятый разбойник не погиб! Руаяль де Боревер вышел живым из-под обломков сожженной таверны. Будьте осторожны, господа! Руаяль де Боревер жив!

III. Призрак

Роншероль и Сент-Андре вздохнули с облегчением и обменялись взглядами, в которых любой, кто слышал их разговор, смог бы прочесть:

«А я-то подумал, что он сейчас объявит: «РЕБЕНОК ЖИВ!»

Слава богу! Речь не шла о ребенке. Речь шла всего-навсего о разбойнике с большой дороги, которого звали Руаялем де Боревером. Но когда тревога улеглась, пробудилось бешенство.

— Лагард, вы в этом уверены? — нахмурился Роншероль.

— Абсолютно. Видел своими глазами. Он вышел из-под руин таверны и свалился без чувств на гору золы. Тогда к нему подошла какая-то женщина. А за ней мужчина гигантского роста, я таких и не видывал. Скорее всего Руаяль де Боревер серьезно ранен, господа, потому что гиганту пришлось взвалить его себе на плечо. Потом они ушли.

— В дорогу! — воскликнул Сент-Андре. — Великий прево, возьмите-ка с собой побольше людей и…

— Это ни к чему, — заметил Лагард. — Вместе с моими двумя рейтарами нас пятеро. Чтобы

добить умирающего, вполне достаточно.

— В дорогу! — коротко сказал Роншероль.

И все трое торопливо вышли из дома. На улице Лавандьер, перед пепелищем, бывшим совсем еще недавно процветающим кабачком, они обнаружили одного из головорезов Железного эскадрона, который немедленно отчитался: они с товарищем проследили за гигантом, который унес на руках Боревера; товарищ, спрятавшись в укромном месте, остался караулить возле дома, куда внесли раненого.

— Отведи нас туда! — приказал Роншероль.

Рейтар шел рядом с Лагардом, сгоравшим от нетерпения. Роншероль был мрачен и по пути все время сжимал рукоятку кинжала. Только Сент-Андре казался беззаботным: он болтал не умолкая. Его, этого достойного дворянина, охватило безудержное, лихорадочное веселье. Он радовался невесть чему. Хотя, наверное, его настроение объяснялось очень просто: экспедиция обещала быть не труднее простой прогулки, Боревер тяжело ранен, что ж, оставалось только его прикончить.

— Вот я этим и займусь, — все тем же ликующим тоном сообщил Сент-Андре.

Лагард приостановился и оглянулся на Ронше-

роля: хотел послушать, что тот скажет.

— А вот и нет! — со злодейской улыбкой отозвался великий прево. — Нужно повесить мерзавца. Он и будет повешен. Завтра же на рассвете. Клянусь Христом, он будет повешен у меня же во дворе, перед окнами моего дома!

Лагард успокоился и двинулся вперед. Но в этот момент остановился сам Роншероль и, дрожа, проворчал:

— Сдается мне, мы сворачиваем на улицу Тиссерандери…

— Смотри-ка, правда, а я и внимания не обратил! — соврал Сент-Андре.

Да, маршал солгал. На самом деле его охватила точно такая же дрожь, как великого прево, и он точно так же инстинктивно попятился, увидев, куда они пришли.

— Лагард! — странным голосом окликнул начальника Железного эскадрона великий прево. — Что, дом, куда мы направляемся, на этой улице?

— Кажется, да…

— Ладно. Пошли…

Они снова двинулись. Но Роншероль склонился к уху Сент-Андре и с ужасом прошептал:

— Уже двадцать два года, как ноги моей не было

на этой улице!

— И моей тоже! — откликнулся не менее обеспокоенный, но старавшийся казаться таким же веселым, как в начале пути, маршал. — А теперь представился случай, вот и все! Припоминаешь? — Он расхохотался. — Припоминаешь старушку Бертранду? Ты лихо уложил ее тогда: одного удара в спину оказалось достаточно!

— Молчи! — буркнул Роншероль.

— Господа, это здесь. — Лагард остановился.

— Как, здесь? — в один голос воскликнули великий прево и маршал.

— Здесь. Руаяль де Боревер находится в этом доме, — чуть удивленно подтвердил барон.

Они подняли глаза на дом, потом опустили головы, сгорбились, ноги их подкашивались. Они стали похожи на преступников, которым предъявили обвинение, предусматривающее высшую меру наказания. Смутное ощущение подсказывало им, что до сих пор силой, которая руководила всеми их поступками, был страх. И действительно, дом обвинял: каждый камень его, казалось, выкрикивал: «Я видел! Я видел!»

Потому что это был тот самый дом, где они когда-то поклялись Рено беречь Мари де Круамар до его возвращения из Монпелье. Это был тот

самый дом, где они убили верную Бертранду. Тот самый, куда они привели двух принцев, чтобы из рук в руки передать им жену Рено. Тот самый, мимо которого они не решались даже пройти в течение двадцати двух лет…

— Просто случайность, — пробормотал маршал, стуча зубами. — Чистый случай, ничего больше. А что — мы боимся случайности?

— Нет, — ответил Роншероль. — Войдем. И, клянусь кровью Христовой, посмотрим! Лагард, оставайтесь на улице с вашими людьми.

— А почему мы должны заходить туда одни? — попробовал заикнуться Сент-Андре.

— Потому! — оборвал его Роншероль. Он провел рукой по пылающему лбу и прошептал: — Случай привел нас в этот дом. Если судьбе будет угодно, чтобы в нем сохранились какие-то следы того, что здесь происходило когда-то, я не хочу свидетелей. Войдем одни. Чтобы арестовать умирающего, двоих достаточно.

Роншероль взялся за дверной молоток. Дверь в ту же секунду открылась. Они вошли, но никого не увидели.

— А кто же открыл? — ужаснулся Роншероль.

Сент-Андре не ответил, но машинальным движением прикрыл дверь за собой. На стоявшем

в вестибюле сундуке горела одинокая свеча. Печальный тусклый свет… Они сразу же узнали помещение. Та же обстановка, та же мебель. В глубине вестибюля — та же лестница, у подножия которой когда-то встала, раскинув руки, дама Бертранда: она не позволяла принцам подняться к Мари де Круамар. Здесь она лежала мертвая. Их пробрал холодный пот. Они не осмеливались переглянуться — каждый боялся увидеть на лице другого тот ужас, который сам еще пытался скрывать. Наконец великий прево сделал над собой усилие и сказал, с трудом подбирая слова:

— Речь идет всего лишь о том, чтобы арестовать Руаяля де Боревера и повесить его, ни о чем больше.

— Да-да, правда, правда, — поддакнул маршал, утирая пот со лба. — Друг мой, мы испугались тени… Эй! — позвал он. — Кто-нибудь здесь есть?

— Именем короля! — громко прокричал, в свою очередь, Роншероль.

— Не отвечают. Значит, надо подняться наверх, вот и все. Там мы найдем разбойника, и ты его арестуешь.

— Да, — согласился Роншероль, — надо подняться наверх. Вот и все.

Если бы великий прево оказался в доме один,

он отступил бы перед этой лестницей. Точно так же поступил бы и Сент-Андре, окажись он здесь один. Но каждый из них стремился доказать другому, что может победить страх. И надо сказать: в том состоянии духа, в каком они находились в эту минуту, они оба проявили чудеса храбрости. Они поднялись.

Наверху тоже никого не было видно. Ужас, охвативший их, понемногу отступал. Но где же тот, за которым они пришли? В зал, где они очутились, поднявшись на второй этаж, выходили три двери. Средняя вела в комнату, в которой они когда-то видели спящую Мари, в которой они когда-то поклялись уберечь ее от любой беды.

Надо было осмотреть комнаты одну за другой, и если ни в одной из них не окажется этого человека, значит, Лагард ошибся. Тогда придется обойти все соседние дома. Эта мысль приносила им облегчение. Минутку подумав, они решительно направились в среднюю комнату. Роншероль распахнул дверь.

И в тот же момент они застыли на пороге, окаменев от ужаса. Ужас набросился на них, как дикий зверь, вырвавшийся из клетки. Ужас накатывал на них волнами, подобно морскому приливу. Ужас сковал их члены. У них не осталось

сил даже на то, чтобы отступить, чтобы сбежать. Они почувствовали себя пленниками ужаса. Волосы их встали дыбом, глаза вылезли из орбит, единственное, на что их хватило, это, взявшись судорожным движением за руки, пробормотать еле слышно:

— Мари де Круамар!

Она стояла посреди комнаты. На ней были те самые траурные одежды, которые она не захотела снять даже в ночь собственной свадьбы. Годы пролетели над ней, едва затронув. Вот только поседевшие волосы могли бы выдать ее возраст, но она упрятала их под черную вуаль. Это была она! Совершенно точно — она! Им показалось, что они оба сходят с ума. Что-то вроде стона, крика или предсмертного хрипа сорвалось с их побледневших губ.

— Мари де Круамар! — как бы в бреду произнес Роншероль.

И Сент-Андре эхом повторил за ним:

— Мари де Круамар!

В тот же момент они испытали еще более страшный шок: призрак заговорил. И вот что он сказал:

— Мари де Круамар умерла. Вы это отлично знаете, Гаэтан де Роншероль. Вы тоже это отлично

знаете, Альбон де Сент-Андре. Она умерла, потому что вы убили ее. И я подтверждаю, что Мари де Круамар мертва. Пойдемте, я докажу вам это.

Она стала приближаться, они — отступать, совершенно уничтоженные, раздавленные страхом. Они по-прежнему держались за руки, они пятились, пока не уткнулись в стену. Призрак проскользнул мимо них, не глядя в их сторону, и выскользнул за дверь.

Призрак начал спускаться по лестнице.

— Пойдемте же! — приказал он, оборачиваясь.

Они последовали за призраком, так и не опомнившись от потрясения. Изо всех сил, прикладывая всю волю, они пытались сопротивляться. Но воля призрака, несомненно, оказалась куда сильнее: они шли следом, все так же держась за руки, прикованные друг к другу ужасом, как были прикованы общим преступлением. Вслед за призраком они спустились по лестнице, пошатываясь, словно опьянев от страха, совершенно не понимая, почему так беспрекословно подчиняются, не сводя глаз с привидения в черных одеждах, увлекавшего их за собой. Куда? Об этом они даже не задумывались.

Призрак вышел из дома, они за ним. Дверь за ними захлопнулась сама собой. Лагард и его

подручные видели, как они вышли. Лагард хотел было броситься за ними, спросить, в чем дело. Но, увидев, какие они потерянные, какие мрачные, как искажены их лица, замер в изумлении. Ему показалось, что происходит нечто странное, нечто чудовищное, нечто далекое от реальности, — и он, не сумев справиться с удивлением и страхом, решил издалека проследить за тем, что будет делать дальше эта фантастическая троица.

Призрак двигался медленно, походка его была размеренной. Иногда он оборачивался и делал какие-то знаки.

Так они добрались до Кладбища Невинных и вошли туда. Сначала призрак, за ним — маршал и великий прево, затем и Лагард, продолжавший издали наблюдать за происходящим.

Сцепленные руки Роншероля и Сент-Андре судорожно сжались.

— Она идет к могиле! — прохрипел великий прево.

— К своей могиле! — еле слышно уточнил маршал.

— Не пойдем за ней!

— Да-да, вернемся, выйдем с кладбища!

Призрак повернулся к ним и сделал знак рукой.

И они пошли вперед.

Призрак подошел к могиле.

Призрак повернулся к ним. Теперь они ясно видели бледное лицо, которое при свете луны казалось совсем белым. И больше ничего не видели. Стоя у могилы, призрак заговорил. Он сказал:

— Мари де Круамар умерла. Зачем вы ее звали?

Они сами были едва живыми от страха. Раскрыв рты, они смотрели и слушали.

— Я умерла… Вы это знаете. Это вы убили меня. Франсуа был всего лишь кинжалом, ударившим меня в сердце. А вы были мыслью, которая убивает наповал. И вот я умерла, здесь моя могила… Послушайте, какую надпись велел выбить ваш хозяин Анри на моем могильном камне: «Здесь покоится Мари… Пусть она — с небесной высоты — простит тех, кто убил ее… А живые за нее отомстят…»

Они не пошевелились. Не двинули пальцем. Они больше не дрожали. Призрак еще более глухим, еще более отдаленным, еще более затуманенным голосом продолжал:

— Пусть она простит тех, кто убил ее… Слушайте, слушайте, вы, убившие меня! Эта мольба напрасна… Она так и останется лишь написанной

на этом камне… Слушайте, слушайте! Я никого не простила! Я не прощаю! И не прощу никогда!

Внезапно голос призрака изменился, не просто стал громче — прогремел над кладбищем:

— А живые за меня отомстят!

В то же мгновение призрак исчез, будто испарился. Роншероль и Сент-Андре стояли оглушенные, сгорбившиеся, еще сомневающиеся в том, не изменил ли им рассудок, не бредят ли они.

— Она ушла в могилу! — выговорил наконец Сент-Андре.

— Отправилась к своим мертвецам! — подтвердил Роншероль.

Они с трудом распрямили спины и на цыпочках, по-прежнему крепко держа друг друга за руки, не отрывая взглядов от могилы Мари, попятились к выходу с кладбища. Там их встретил Лагард. И сразу же попытался засыпать их вопросами. Но они не отвечали.

Глава Железного эскадрона смотрел, как они, пошатываясь, уходят в ночь, как стараются держаться прямо, но неведомая сила гнет их спины, слушал их хриплые стоны, которые все удалялись и удалялись, пока совсем не затихли…

И тогда он бегом вернулся в дом на улице Тиссерандери. Дверь была приоткрыта, словно его

здесь ждали. Вместе со своими людьми он, не выпуская из рук оружия, обшарил дом от чердака до подвала. И никого не нашел. Здесь не оказалось ни гиганта, ни женщины, ни Руаяля де Боревера.

IV. Мари де Круамар

На самом деле, сказав все, что ей хотелось, Мари просто зашла за часовню и, задыхаясь, на исходе сил, раздавленная чудовищными воспоминаниями, упала на колени отнюдь не перед своей могилой, а совсем перед другой, находившейся рядом.

Помолившись, сломленная душой и телом, Мари де Круамар поднялась с колен, бросила мимолетный взгляд на свою могилу, вышла с кладбища и отправилась на улицу Тиссерандери. Как это бывает с полуобезумевшими людьми, у нее случился провал в памяти: она сразу забыла и о Роншероле, и о Сент-Андре. Она думала теперь только о Рено. Сколько раз за двадцать лет она задавала себе одни и те же вопросы! Миллион, а то и больше…

«Почему он не вернулся, как обещал? Почему он бросил меня? Знает ли он, знал ли он тогда, что у него есть сын? Если я вдруг увижу его, что я ему скажу?»

Единственное, что согревало ее сердце, была любовь. Пламенная любовь, оставшаяся, несмотря на прошедшие годы, совсем юной, оставшаяся

такой же чистой, как двадцать лет назад. Эта любовь помогала ей жить, заставляла ее жить.

Мари де Круамар постучала в дверь — так, как они заранее условились с Жилем. Теперь уже она выглядела спокойной, она снова надела на себя привычную маску строгости и скорби, которая не позволяла и мысли возникнуть, что когда-то она звалась иначе, чем Дамой без имени.

— Они пришли втроем, — сказал ей бывший тюремщик. — И заглянули в каждую дыру.

— Думаю, они не добрались до потайной комнаты?

Жиль, подмигнув, расхохотался.

— Для этого им надо было бы быть настоящими хитрецами, беднягам! А потом, если бы такое произошло…

— Что бы ты сделал, Жиль?

— Уложил бы их всех на месте. Рядышком. Они бы не вышли отсюда живыми, ей-богу.

Бывший тюремный надзиратель Тампля выразительным жестом указал на свой кинжал. Мари не испугалась, не ужаснулась. Она уже так долго жила с мыслью о смерти…

— А этот юноша? — спросила она.

— Спит, как ангел.

Мари сделала Жилю знак, приказывая ему по-

сторожить внизу. Впрочем, в этом не было особой необходимости. За два с лишним десятилетия, которые она прожила бок о бок с тюремщиком и его женой, Мари привыкла во всем полагаться на них, и они оправдали ее ожидания. Они стали для нее скорее друзьями, чем слугами. Она знала, что, если к ней захочет приблизиться враг, ему придется сначала встретиться с Жилем и Маргот, а они уж не дадут спуску никому.

Она поднялась по лестнице. В комнате, где только что находились Роншероль и Сент-Андре, дотронулась до панели обшивки. Стена раздвинулась, обозначилась узкая дверь. Мари вошла.

За потайной дверью оказалась маленькая комнатка, где стояли только кровать, стол и два-три стула. Это было одно из тех укрытий, которые так любили устраивать в домах в ту эпоху, когда дома эти каждую минуту рисковали подвергнуться нападению то ли политических, то ли религиозных противников. На кровати мирным сном спал молодой человек. Она подошла ближе… Мари де Круамар склонилась над Руаялем де Боревером, вглядываясь в юношу с глубокой симпатией, более того — с неисчерпаемой, бесконечной нежностью.

«Это потому, что он спас мне жизнь, — сказала

себе Мари. — Или, может быть, потому, что я сама только что спасла ему жизнь… Бедное дитя…»

Таким образом она пыталась себе объяснить эту вообще-то необъяснимую симпатию, которая мало-помалу овладевала ее сердцем. Мать, склонившись над раненым спящим сыном, пыталась объяснить себе, почему в ее душу проникла любовь к этому незнакомому юноше, почему она так горячо желала ему счастья, почему она так страдала, читая по его лицу, какие ужасные беды, какие страшные горести пришлось ему пережить за свою недолгую жизнь, — а все было видно невооруженным глазом: эти беды, эти горести то и дело искажали прекрасные черты молодого человека, которого явно стали преследовать тягостные сны.

Мари де Круамар, склонившись над Руаялем де Боревером, с волнением изучала незнакомое лицо. И сама удивлялась своему волнению. Ей казалось, что это жалость, простая жалость к раненому человеку. Но тогда — откуда эта тоска, эта все возрастающая тревога, с которой она изучала изменчивые черты юноши? Она взяла стоявший на столе светильник, приблизила его к лицу Руаяля. Зачем? Что она надеялась увидеть? Что искала? Ничего. Она не отдавала себе отчета в

том, насколько странным было на самом деле любопытство, которое не оставляло ее с тех пор, как она впервые встретила этого молодого человека.

Довольно скоро он проснулся. Радостная улыбка озарила бледное лицо Дамы без имени. Она тут же принялась менять повязку на ране, сделала новый компресс. Руки у нее были легкими, прикосновения едва ощутимыми.

— Вы теперь лучше себя чувствуете? — спросила Мари де Круамар, заканчивая перевязку.

— Да, мадам, благодаря вашим заботам я выздоровел. Могу встать и уйти…

— Как? — опять разволновалась она. — Вы хотите уйти? С незажившей раной?

— Знали бы вы, сколько я повидал ран! И не таких! А сколько у меня шрамов… Сколько раз мне случалось — с ног до головы в крови — садиться на лошадь и скакать подолгу, вместо всяких бальзамов и бинтов в приклеившейся к груди рубашке!

— Но вас же преследуют, вас ищут! — напомнила Мари все с таким же беспокойством. — Вам от них не уйти!

— Надо уйти. А что до тех, кто меня преследует, — добавил он сурово, — я бы им не посоветовал встречаться со мной. К тому же, рано или позд-

но, все равно все будет кончено. Кто я такой? Негодяй, висельник! Значит, если где-то есть виселица, найдется и палач, чтобы надеть мне на шею веревку…

Мари де Круамар медленно отступила от постели. Тяжело вздохнула. И вышла из комнаты. Его не удержать…

Не без гримас, не без проклятий, вызванных острой болью, но тем не менее очень быстро, что доказывало его стремление поскорее уйти, Руаяль де Боревер оделся и спустился по лестнице в вестибюль, где его поджидала Дама без имени.

— Спасибо, мадам, спасибо, что приютили меня, спасибо, что вылечили своим бальзамом, видите, я совсем здоров. Спасибо и прощайте!

— Но мы ведь еще увидимся?

— Да-да! Я вернусь, могу поклясться!

Сказав это, он скрылся за дверью.

Часть четырнадцатая
НОВЕНЬКИЙ В ЭСКАДРОНЕ

I. Телохранители

Если читатель, может быть, уже и подзабыл, что Руаяль де Боревер назначил свидание у Мирты Буракану, Страпафару, Корподьяблю и Тринкмалю, то они этого вовсе не забыли. Во-первых, потому, что приказ Боревера был приказом, каким подчиняются беспрекословно. А во-вторых, потому, что свидание в кабачке у Мирты наверняка означало хорошую пирушку.

Однако на подходах к улице Лавандьер, где, как известно, находилась таверна «Угорь под камнем», они увидели толпы народа. Тринкмаль встал на цыпочки: ножки у него были коротенькими. Страпафар приложил козырьком ладонь к глазам. Корподьябль побежал быстрее… Добравшись до места, они остолбенели, замерли, глядя и не веря собственным глазам. Но приходилось смириться с очевидным: кабачка не было! А значит, с сегодняшнего дня — никаких пирушек, никаких кутежей!

Они повернулись спиной к пепелищу, к развалинам, растерянные, не понимающие, что теперь делать. Если идти, то куда? Они не знали… Куда глаза глядят? Пока они раздумывали, перемина-

ясь с ноги на ногу, кто-то схватил Тринкмаля за плащ. Он обернулся:

— Мирта!

— Тихо! И идите за мной — все четверо…

Разбойники последовали за девушкой, сердца их отчаянно бились. Потому что Мирта в этот момент олицетворяла для них внезапно блеснувшую надежду. Она провела их в дом Дамы без имени, где Марготт, вероятно, заранее проинструктированная Миртой, сразу же наполнила до краев кубки. Вино — это уже была не призрачная надежда, это было кое-что посущественнее. Они боготворили вино. А тут еще Мирта сказала:

— Он не умер!

Ну, и как вы думаете, что они ответили и что сделали? Закричали от радости? Повскакали со стульев в энтузиазме? Нет. Поначалу они просто согнулись пополам, будто им дали под дых, потом вытаращили глаза. Не умер! А что — он должен был умереть? Новость их ошарашила. Но почти сразу же они осознали, насколько приятно полученное ими известие, и принялись подталкивать друг друга локтями. При этом они то и дело пожимали плечами и широко улыбались, хотя охрипшие голоса выдавали еще не оставившую их тревогу:

— Я же говорил, а? Еще бы он умер! Такие не умирают почем зря! Это же наш волчонок! А? А?

— Нет, черт побери, это я говорил тем дворянам, что святой Панкратий не может так поступить с ним! Это не кто-нибудь, это Руаяль де Боревер!

— Это я говорил! Он не умер. Помилуйте! Чтобы он умер — самая быстрая шпага всего мира и окрестностей!

— Каждый мог так сказать. Это невозможно. Он сильнее смерти.

Они одним глотком опустошили вместительные кубки. Теперь они казались вполне спокойными. Вот только по-прежнему иногда как-то странно перемигивались, подталкивали один другого локтем в бок, что-то ворчали. Мирта хорошо знала этих людей, можно сказать, читала в их душах и потому ясно понимала, как они рады ее словам.

— Ну, хватит, — сказала она властно. — Надо поговорить. Руаяль не умер, но он ранен. Его перенесли в дом на улице Тиссерандери. Полчаса назад он ушел оттуда. Жиль проследил за ним. Он видел, как Руаяль входил в один замок на улице Фруамантель. Там есть подъемный мост, его легко узнать. Кроме того, на улице Фруамантель находится кабачок под названием «Белая

свинья». Этой «Свинье» далеко до моего бедного «Угря», — добавила Мирта со вздохом, — но вам лучшего не надо. — Они состроили жуткие рожи. — Ладно, слушайте без обид: Руаяля загоняют в угол, его преследуют люди Сент-Андре, его преследуют ночные патрули, его преследуют люди великого прево и королевские слуги. Все палачи Парижа и их подручные охотятся за ним. Нужно присмотреть за ним, а если понадобится — защитить его или умереть за него или вместе с ним. Согласны? Я найму вас на работу. Вы обоснуетесь в «Белой свинье». Я оплачу все ваши расходы и к тому же буду давать каждому по два экю в день. Кроме того, вы получите по сто экю, когда дело закончится. Идет?

Они заорали от восторга, они стали восхищенно ругаться, они стучали ногами, они размахивали руками… Еще бы они не согласились!

— Телохранители Руаяля де Боревера! Это нам подходит, черт побери!

— Это нам подходит! И денежки тоже пригодятся! — заметил Тринкмаль, который редко терял голову.

— Сейчас же пошли в «Свинью»! — заторопил остальных Корподьябль.

— Forvertz! — подытожил разговор Буракан,

сделав широкий жест, заставивший новоявленных телохранителей посторониться.

II. Невидимый советчик

Прошла неделя. Ничего не произошло. Казалось, все участники битвы взяли время на передышку. Король Генрих, Екатерина Медичи, Монтгомери, Сент-Андре, его сын Ролан, Лагард, Мари де Круамар, Руаяль де Боревер, Флориза — действующие лица драмы затаились, но в голове каждого и каждой крутилась одна мысль: приближается час, когда в жизни произойдет что-то ужасающее, что-то неожиданное и очень тяжелое…

И за всеми этими тайными тревогами, за всеми этими затянувшимися ожиданиями, которые судьбе было угодно навязать нашим героям, проглядывало бледное, неподвижное, неумолимое и безжалостное лицо Нострадамуса.

Итак, прошла неделя с того дня, как назначенные Миртой телохранителями Руаяля разбойники поселились в таверне «Белая свинья». Они ели, пили, играли, но одновременно бдительно следили за тем, что происходит на улице, проявляя недюжинные способности к разведке и удивительную ловкость. Впрочем, чему тут удивляться: таким людям всегда свойствен охотничий

инстинкт.

Кончался май, вот-вот должен был наступить июнь. Париж жил спокойно. С некоторого времени религиозные проповеди, направленные против гугенотов, немного поутихли. Злобное преследование реформ Генрихом II вроде бы на время приостановилось. Вот и получалось, что Париж живет спокойно. Все складывалось как нельзя лучше: время не поджимало, условия превосходные… И все затихло в ожидании бури!

Вечером 30 мая Генрих II созвал у себя чрезвычайный тайный совет. К королю явились маршал Франции Жак д'Альбон де Сент-Андре, сын вышеупомянутого маршала Ролан, великий королевский прево города Парижа Гаэтан де Роншероль, преподобнейший отец Игнатий Лойола, капитан шотландской гвардии, охранявшей Лувр, Габриэль де Монтгомери.

Речь шла о Нострадамусе.

Все было сказано. Между собравшимися не было никаких разногласий. Теперь все зависело от короля. Ему оставалось только открыто подтвердить то, что он шепнул когда-то на ухо Роншеролю и Сент-Андре: свое желание избавиться от колдуна. Ему оставалось только отдать приказ.

Монах, истощенный болезнью, горящий в лихорадке, монах, которого удерживала на ногах только его неисчерпаемая, чудодейственная энергия, с устрашающей мрачной холодностью заявил, что не уедет из Парижа, пока здесь наносится такое чудовищное оскорбление Господу Богу и религии: пока в самом сердце христианского королевства проявляют подобную терпимость к магии и колдовству. Ролан заверил, что готов убить сразу двух зайцев и что, судя по донесениям барона Лагарда, Руаяль де Боревер скрывается в особняке колдуна.

Арестовать Нострадамуса означало поймать Боревера, виновного в оскорблении величества. К этим нескольким словам можно свести все, о чем говорилось на тайном совете.

Бледный и мрачный Генрих II выслушивал каждого и выносил вердикт кивком.

Когда все мнения были высказаны, все советы даны, король, наклонившись вперед, устремив глаза в одну точку, с взволнованным лицом, долго молчал, казалось, прислушиваясь к суждению еще одного, последнего, невидимого советчика. Видеть это было невыносимо, страх пробирал до костей. Игнатий Лойола погрузился в молитву. Другие стучали зубами. Только Роншероль и

Сент-Андре, которым было не впервой наблюдать подобное зрелище и которых вряд ли что могло удивить, с огромным любопытством глядели на короля, дожидаясь, пока жуткая сцена закончится. Наконец Генрих пришел в себя. Он испустил тяжелый вздох, стукнул кулаком по столу и проревел:

— Ну, хорошо, я согласен! Пусть будет так! Клянусь Богоматерью, мы еще посмотрим! Господа, я желаю, чтобы этот человек был арестован. Мне угодно, чтобы сразу же начался судебный процесс. И пусть его сожгут на Гревской площади.

— Слава богу! — с жаром воскликнул Игнатий Лойола.

Произнеся приговор, король сразу же удалился в свои апартаменты. Монах, успокоенный своей победой над магией, тоже ушел, вернее, его пришлось унести на носилках. Оставшись одни, военные разработали и обсудили план действий. Они решили, что необходимо привлечь к его исполнению Лагарда, который не раз проявлял в сложных условиях незаурядную дерзость и отвагу. Они договорились о том, что для ареста Нострадамуса и укрывшегося в его замке Боревера достаточно будет и сотни лучников Роншероля. Наконец они назначили операцию

на завтра, на самый глухой час ночи.

III. Строиться!

Когда все, кто еще оставался в Зале Совета, вышли из него, тяжелая золототканая драпировка на одном из окон зашевелилась, и из-за нее появился барон Лагард собственной персоной. Он, в свою очередь, вышел из зала, насвистывая сквозь зубы какой-то мотивчик, и направился к апартаментам королевы, которая приняла его сразу же, как ей доложили о приходе начальника Железного эскадрона.

— Мадам, — доложил Лагард королеве, — принято решение арестовать колдуна, мессира Нострадамуса.

Екатерина вздрогнула и еле слышно прошептала, говоря как бы себе самой:

— Нет, мне он еще пригодится… А этот бунтовщик? Этот Боревер? — громко спросила она у барона.

— Боревер у меня на крючке, мадам… Я не терял его из виду ни на минуту. Он будет арестован завтра. Арестован или заколот кинжалом, как вам будет угодно. Потому что он прячется у Нострадамуса, а я вроде бы должен участвовать в операции по захвату колдуна.

Екатерина глубоко задумалась. О чем? Это можно было бы понять, прислушавшись к тому, что она все так же чуть слышно бормотала, но Лагард не прислушивался и не слышал.

— Боревер у Нострадамуса? Господи, что может быть общего у этих двух людей? Лагард, — обратилась она к верному слуге, говоря медленно и спокойно. — Хочешь знать мое мнение о завтрашней операции? Так вот. Нострадамус не будет арестован. Боревер не будет схвачен.

— Почему же, мадам? — удивился наемный убийца. — Что же, этот колдун и в самом деле — посланец дьявола?

— Может быть! — отвечала королева с убийственной иронией. — Если только он не посланец Бога!

И продолжила:

— Как бы там ни было, он мне нужен, этот Боревер. Он кое-что знает, Лагард. Теперь я понимаю, каким образом он это узнал. Мне нужен этот человек, и как можно скорее. Ты уже пополнил свой эскадрон после понесенных им потерь?

— Не совсем. Не хватает еще четырех человек, мадам. Из двенадцати человек — именно столько положено, чтобы было в эскадроне, — у нас есть восемь. Это восемь храбрецов, восемь верных

сердец, восемь острых и надежных кинжалов… Но только восемь. Нужны еще четверо. Может быть, скоро я их добуду, если… Я уже присматриваюсь к ним несколько дней, и — кто знает? Нет! Это невозможно!

— Кто они такие? — спросила Екатерина, бросив на Лагарда взгляд, от которого тот поежился.

— Мадам, вы слышали, как умер барон де Жерфо, сеньор де Круамар? Это произошло при покойном короле… При очень странных и ужасных обстоятельствах… Господин де Круамар был главным превотальным судьей. Однажды утром, в то время как происходила публичная казнь, его в самом центре Гревской площади, при свете дня, при громадном скоплении народа, несмотря на то, что он был окружен своими лучниками, схватили и убили. Причем не как-нибудь, а разорвав на куски, просто в клочья… Так вот, мадам, его схватили и уничтожили те самые четверо, о которых я вам только что рассказал. Вы когда-нибудь слышали о некоем Брабане-Брабантце? Может быть, вы его и знали… Его называли кинжалом герцога Орлеанского… И в те времена, о которых я говорю, он для вашего прославленного супруга на самом деле делал то же, что я сегодня имею честь делать для вас. После случившегося на Гревской

площади вся четверка исчезла. Брабан-Брабантец тоже исчез, и мне так никогда и не удалось узнать, ни куда он скрылся, ни почему. Но что я знаю точно: на севере и на юге, во Фландрии и в Италии, как и в самой Франции, Брабана-Брабантца считали истинным дьяволом. Он сеял вокруг себя ужас. Его появления опасались не меньше, чем появления целого отряда имперских рейтар. И вот та четверка, о которой я вам толкую, служила этому Брабану-Бра-бантцу, этих четверых называли его шпагами. Если говорить о менее давних временах, мадам, — продолжал Лагард, понизив голос, — то эта самая четверка, но уже под водительством Боревера, напала на нас у стен дома великого прево, и именно ей Железный эскадрон обязан своими потерями. И эта самая четверка охраняла короля, когда он был пленником на улице Каландр. Вот этих людей я и хочу предложить вам. К несчастью, они душой и телом преданы тому, кого надо уничтожить: Бореверу. Если они не перестроятся, я буду вынужден уничтожить их самих.

Екатерина облокотилась на стол, за которым сидела, подперла лицо ладонями и, уставившись в одну точку, глубоко задумалась. После долгого молчания она спросила:

— А где они теперь, эти четверо?

— Живут в одной таверне на улице Фруамантель. Находясь там, они охраняют своего главаря, готовые умереть за него.

— Что они за люди?

— Беззаботные, бессовестные, не знающие иного бога, кроме Боревера, нищие горемыки, постоянно думающие, где бы им выпить и как бы вдоволь поесть, вполне подходящие для того, чтобы взять их или повесить.

Екатерина снова погрузилась в размышления. Иногда по ее бледным губам скользила улыбка. Иногда она морщила лоб, явно что-то не без усилий подсчитывая. Наконец она подняла голову и сказала:

— Лагард, ты не станешь трогать этих людей. Через два дня ты отправишься к ним и предложишь то, что собирался предложить. Они согласятся. А теперь — иди…

Лагард поклонился и вышел. Екатерина спрятала лицо в ладонях.

— Пусть только мои девушки как следует возьмутся за это дело, — и этому Бореверу конец! А после него — конец Нострадамусу! Потом — Монтгомери! Конец всем, кто знает! А после них — конец королю! И тогда — больше никаких уни-

жений, никакого смирения… Я буду царствовать! И я подготовлю для своего сына достойный его трон…

Она взяла в руки колокольчик и позвонила. Появилась служанка.

— Пришлите ко мне мадемуазель де Л…. мадемуазель де Б…. мадемуазель де М… и мадемуазель д'О…

IV. Летучий эскадрон в действии

В тот день, около пяти часов вечера, они все вчетвером, подобно мирным добропорядочным горожанам, соскучившимся по свежему воздуху и после конца работы не придумавшим ничего лучшего, чем предаться сентиментальным рассуждениям, гуляли по улице Фруамантель. Однако по их плащам, надетым на всякий случай, по угадывавшимся под ними бесконечно длинным боевым шпагам, по починенным на скорую руку сапогам, по лихо закрученным усам, да и по другим, сам не знаю каким признакам, по которым за две версты узнаешь вооруженного телохранителя, всякий сразу бы понял, кто они такие. До чего же им нравилось их нынешнее существование! Они молились лишь об одном: чтобы так продолжалось всегда. Мирта отлично все уладила, и гостеприимство хозяйки «Белой свиньи» в чем-то даже превосходило полученные ею указания.

Они подошли к кабачку, намереваясь предаться обычному в этот час приятнейшему занятию, тому, которое они всегда поджидали с особенным нетерпением: приближался час ужина.

Сейчас, оставив дверь кабачка широко распахнутой, они усядутся за столик около нее. Так можно насыщаться, не прерывая наблюдений за улицей и за домом, правда, для этого приходится чуть-чуть наклониться, зато совесть спокойна. А после ужина, пока трое будут спать, один станет караулить, строго по очереди. За несколько дней схема была хорошо разработана. Примерно с такими мыслями они вошли в низкий зал таверны.

— Эй! — удивился Тринкмаль. — Смотрите-ка: служанки!

Обычно им подавала еду и напитки сама хозяйка, ей помогала девчонка, прислуживавшая на кухне. Они замерли на пороге, изумленные неожиданно выпавшей на их долю удачей.

— Их ровно четыре! — подсчитал Тринкмаль.

— И нас тоже четверо, — проницательно заметил Буракан.

— До чего ж красивые, Святая Мадонна! — восхитился Корподьябль.

— Вот это да! — присвистнул Страпафар.

Они уселись за столик и — не без волнения — напали на еду. Четыре служанки суетились вокруг них, бросая на клиентов ласковые взгляды и приветливо им улыбаясь.

Девушки и впрямь были очень хороши собой. Очаровательно юные, шаловливые и лукавые прелестницы. И сразу было видно: они готовы на все. Они казались пылкими и резвыми, они были похожи на стройных кобылок, в нетерпении пританцовывающих перед военным парадом. Наши четверо телохранителей разинули рты и выпучили глаза, у них потекли слюнки, они пожирали девушек взглядами.

Самое главное: служанки вроде бы уже распределили их между собой. И за каждым ухаживала своя: окружала его тысячью мелких забот, разрезала на кусочки мясо, подливала вино в едва пригубленный кубок, бегала туда-сюда легкими, неслышными шагами, делая все, чтобы ее избраннику было хорошо, и бросая на него нежные и задорные взгляды.

Девушки были не похожи одна на другую: блондинка, брюнетка, шатенка и рыженькая. Блондинка досталась Тринкмалю, брюнетка выбрала Страпафара, рыженькая — Буракана, а шатенка — Корподьябля. После каплуна с молоденькими куропаточками, сопровождавшегося добрым бургундским в изрядных количествах, служанки без всяких церемоний уселись рядом с нашими разбойниками. Когда дело дошло до

испанского вина, они позволили приобнять себя за талию. Но едва Буракан попытался поцеловать свою рыженькую, она влепила ему затрещину такой твердой, хотя и очень изящной рукой, что он заплакал от умиления. Тринкмаль призывал на помощь святого Панкратия со всеми его древними добродетелями. Корподьябль напевал сладчайшую серенаду своей родной страны. Страпафар бешено вращал глазами.

Этому вечеру суждено было навечно остаться в памяти четырех висельников, подобно одному из тех снов, по сравнению с которыми действительность кажется лишь бледным отражением потерянного рая.

Но — странное дело! — довольно скоро этих славных парней стали мучить угрызения совести. И Буракан, самый чувствительный из четверки, испустил тяжелый, похожий на рыдание вздох — так мог бы вздохнуть бык, которого ведут на бойню.

— Какой ужас! — неожиданно серьезно сказал он. — Мы — презренные трусы, не достойные этих дам! Мы совсем забыли про свое дело. Теперь монсеньор де Боревер совсем пропал!

Разбойники повесили носы. Они чувствовали себя виноватыми. Забыть, что их поселили здесь

только для того, чтобы они приглядывали за Руаялем — их хозяином! их божеством! — так не поступают порядочные дворяне. Об этом сообщил товарищам Тринкмаль, проявляя твердость высокой пробы. В ответ они попытались встать с табуретов, прилагая неимоверные усилия, чтобы преодолеть сопротивление битком набитого брюха и отягощенного вином и раскаянием сознания. Им это не удалось, и они мешками свалились обратно на сиденья: груз оказался слишком велик.

— Ну все, теперь мы обесчещены! — пожаловался Страпафар.

Трое остальных молчаливо подтвердили его вывод, искренне, с глубоким горем кивнув головами. Потом они опустошили свои кубки, которые хорошенькие служанки в ту же секунду поторопились наполнить снова. И одна из них — брюнетка, — облокотившись на стол, улыбнулась так, что они сразу бы почувствовали себя окаянными предателями, если бы уже этого не ощущали.

— Нет, вы не обесчещены, — сказала она. — Руаяля де Боревера уже нет в том замке с подъемным мостом, за которым вы приглядываете. Его уже нет в доме колдуна Нострадамуса. Руаяль де Боревер больше не нуждается в ваших преданных

шпагах. И мы оказались здесь именно потому, что он послал нас поговорить с вами.

Как они изумились! Какие раздались радостные вопли — совесть перестала мучить их!

В этот момент настенные часы в таверне пробили полночь. И сразу же на улице послышался приближающийся топот множества людей, бряцание оружия. Но наши храбрецы этого не заметили. Уличные шумы заглушил для них звон собственных кубков, которые они с радостью сдвинули.

По знаку одной из подружек, который можно было бы расшифровать как сигнал: «Время пришло!» — рыженькая заговорила:

— Руаяль де Боревер уехал из Парижа.

— Без нас! — горестно вздохнули телохранители.

— Теперь он хочет быть один, — объяснила брюнетка.

Она совершенно случайно воспользовалась этим доводом, но он легко увязывался с тем, что Руаяль де Боревер уже не раз повторял им, и разбойники все так же печально покачали головами — у них не возникло и тени подозрения.

— Что теперь будет с вами? — продолжала между тем рыженькая. — Что вам делать? Послу-

шайте, а не хотите ли вы, чтобы каждый божий день в ваших кошельках звенели новенькие монетки? — Они развесили уши.

— Хотите, — спросила, в свою очередь, брюнетка, — чтобы у вас появилась новая одежда и каждый вечер было столько же выпивки, как сегодня? — Они облизнулись.

— Хотите, — вмешалась шатенка, — не думая о завтрашнем дне, что ни день участвовать в пирушках и кутежах? — Их рты растянулись в улыбках от уха до уха при мысли о лакомствах, которые сулят им такие пирушки.

— Хотите завоевать наши сердца? — задала последний вопрос блондинка.

На этот раз телохранители Боревера задрожали от предвкушаемого удовольствия и в один голос рявкнули:

— Что нужно сделать?

— Завтра узнаете!

Девушки, жизнерадостные и легкие, вскочили со своих табуретов и убежали, жемчугом рассыпая по таверне смех, убивший все надежды четырех висельников, в чьих сердцах уже вспыхнула новая страсть.

Назавтра после описанной только что сцены, ближе к вечеру, барон Лагард вошел к Екатерине

Медичи.

— Мадам, Железный эскадрон укомплектован полностью, — сообщил он.

— А что наши храбрецы?

— Преданы вам телом и душой, вам принадлежат их сердца и их шкуры, кинжалы и шпаги они держат наготове, чтобы послужить вам.

Королева улыбнулась. Потом, минутку подумав, сказала:

— Лагард, этих четверых я приберегу для себя. Для ваших дел хватит и остальных восьми. Впрочем, если представится случай, я верну вам моих четверых смельчаков. Пока в этом нет необходимости, следует постараться окончательно сбить их с толку. Поручу это своим милым девушкам. Я поселю горемык здесь, в своих апартаментах. Ручаюсь: и трех дней не пройдет, а они уже будут преданы мне как собаки. А ты, Лагард, готовься. Вспомни, что я тебе говорила. На этот раз — поединок до конца. Если ты опять промахнешься, ты убьешь меня. Иди и сейчас же пришли ко мне моих новых сторожевых псов…

Часть пятнадцатая
ПЕРВЫЙ УДАР ГРОМА

I. Укротитель

Там был король. Там был Монтгомери. Там были Роншероль, Сент-Андре, Ролан, Лагард — с судорожно сжавшимся от ненависти и страха сердцем. Лагард и восемь головорезов его Железного эскадрона присоединились к остальным добровольно. Король смутно опасался этого Лагарда, который был известен ему как верный слуга королевы, хотя он и не подозревал, к чему сводились его услуги. Лагард ответил на его подозрения тем, что предоставил себя и своих людей в распоряжение короля при самых что ни на есть грозных обстоятельствах.

Ролан де Сент-Андре шел на дело, твердо решив убить Боревера. Капитан Монтгомери двигался рядом с королем. Под плащом он сжимал рукоятку кинжала. Кого должен был поразить этот кинжал? На лбу Монтгомери от ужаса и тревоги выступил холодный пот.

«А если этот чертов колдун перед смертью успеет что-то сказать? Достаточно ведь одного слова! Одного-единственного! И — пропала королева, а я иду на эшафот, а моего сына Анри отправят в какой-нибудь монастырь… Ох, если колдун

заговорит…»

Монтгомери снова судорожно сжал рукоятку кинжала и покосился на короля, стремясь проникнуть в самые тайные его помыслы. Для кого этот кинжал?

Роншеролю и Сент-Андре было поручено командовать операцией. Король выступал лишь в качестве зрителя — так он сказал сам. Маршал и великий прево шли вперед, и лица их выражали ту роковую решимость, какую можно увидеть у игрока, открывающего свою последнюю карту.

Все остановились перед подъемным мостом. И Роншероль, не давая и секундной передышки, приказал:

— Командир ночного дозора, именем короля приказываю: протрубите в рог!

Но тут надо вернуться немного назад. В ту минуту, когда во дворе Лувра войско только-только собиралось тронуться в путь, какой-то человек, выскользнув из дворца и чуть опередив колонну, устремился в сторону улицы Фруамантель. Добравшись до ее угла, он достал свисток и подал сигнал. Издалека ему ответили точно таким же. После этого незнакомец — а он явно состоял на службе у короля и был своим в его апартаментах — спокойно вернулся в Лувр.

Командир ночного дозора, получив распоряжение протрубить в рог, не откладывая исполнение приказа в долгий ящик, приготовился.

В этот момент мост начал опускаться…

Командир ночного дозора не успел протрубить: раздался характерный скрежет цепей, мост встал на место. Король, Монтгомери, Ролан, Лагард, Сент-Андре, Роншероль, все эти разбойники знатного происхождения отступили. В сердца их проник холодок: они увидели, как за готовым принять их мостом широко распахнулась дверь в замок. И почувствовали, что оттуда веет ужасом.

Теперь нам необходимо проникнуть в замок колдуна. За час до того, как убийцы подошли к подъемному мосту, Нострадамус и Боревер находились в той самой комнате, где последнюю неделю жил, пользуясь гостеприимством мага, молодой человек, где Нострадамус сам ухаживал за ним и быстро вылечил его рану, в элегантно обставленной комнате, где ничто не напоминало о колдовских занятиях, которым, как говорили, постоянно предавался хозяин этого странного и великолепного жилища.

Нострадамус, как обычно, был спокоен, если только можно назвать спокойствием эту мрачную невозмутимость лица с окаменевшими

чертами и такой бледной кожей, словно под ней никогда и не текла горячая кровь. Руаяль де Боревер, наоборот, казался взволнованным, его мучили мысли, от которых он никак не мог отделаться. Юноша ходил взад-вперед по комнате, тяжело ступая и наталкиваясь на мебель. Вот уже несколько минут они молчали…

— Короче, — вдруг остановившись, сказал Руаяль с таким выражением, будто его душило бешенство, — благодаря вашему уходу рана затянулась, вы излечили мою лихорадку, может быть, я обязан вам жизнью…

— Успокойтесь, ваша рана не была смертельной, вы мне ничем не обязаны.

— Но вы всего за несколько дней залечили резаную рану, которая должна была приковать меня к постели на добрый месяц!

— Да я мог бы исцелить вас за несколько часов, но хотел удержать вас здесь в течение этой недели, чтобы помешать вам натворить безумств, из-за которых, вполне возможно, нарушились бы мои планы.

Руаяль снова заметался по комнате.

— Вижу, — проворчал он вдруг, — что вы сберегли кинжал…

— Кинжал, которым вы обещали убить меня,

когда больше не будете во мне нуждаться? Да, я его сохранил… Вы помните, как поклялись в этом старому Брабану в ночь нашей первой встречи на дороге в Мелен? Вы ведь поклялись и не можете нарушить клятву.

— Я убью вас, — тяжело дыша, прошептал Боревер, — потому что вы убили моего бедного Брабана и заставили меня отступить. Черт возьми! Если какая-нибудь человеческая сила может вас сокрушить, подождите, пока у нее появится облик и она вложит оружие в мою руку! Ладно, — скрипнул зубами он. — Не пришло ли время сказать мне то, что вы пообещали?

— Время приближается… — произнес Нострадамус со скрытой угрозой. — Скоро пробьет час. Через несколько дней вы узнаете, кто была ваша мать и кто ваш отец. Вы это узнаете!

Обещание прозвучало не простой, но ужасающе величественной угрозой. Руаяль вздрогнул. А Нострадамус вдруг переменил тему:

— Вы еще думаете о ней?

— О ней? — пролепетал молодой человек.

— Если хотите услышать имя, вот оно: Флориза де Роншероль! — отчеканил Нострадамус с налитыми кровью глазами.

Руаяль де Боревер опустил голову. Его грудь

вздымалась. Он прошептал:

— Она поклялась, что если мне суждено будет умереть, то она придет проститься со мной даже к подножию эшафота… Она сказала, что, если я умру, она умрет тоже… Понимаете, я больше не знаю, остался ли тем же человеком, как был прежде. Неужели она меня любит? Она мне ничего такого не сказала… Но однажды она сказала, что мое ремесло ужасно. И теперь оно пугает меня самого. Она — там, наверху, озаренная ясным светом, а я внизу, в позоре и бесчестье…

Рыдания перехватили его горло, но он вдруг спросил резко:

— Отдадите мне кинжал?

Нострадамус пожал плечами.

— Пока еще нет, — ответил он холодно. И продолжил, опять меняя тему: — А король? Что вы думаете о короле?

Руаяль де Боревер сделал усилие, чтобы вырваться из круга мучающих его мыслей.

— Король Франции, — прошептал он, — поклялся мне, что никогда не предпримет ничего против Флоризы. Да будет мир с королем. Мне нечего о нем сказать.

Нострадамус помрачнел.

— Что же, — спросил он, — вы надеетесь, что

король сдержит свое слово?

— Король — это король, — просто ответил юноша.

В этот момент дверь открылась, и из-за нее показался маленький старичок. Он улыбался, но его улыбка больше напоминала гримасу.

— Что там, Джино? — поинтересовался, не оборачиваясь, Нострадамус.

— Они вышли из Лувра, — сказал старичок. — Нас предупредили об этом свистком.

Нострадамус встал.

— Пообещайте мне не выходить из этой комнаты, что бы вы ни услышали, — попросил он Боревера.

— Обещаю, — немного поколебавшись, сказал Боревер.

Закрыв за собой дверь, уже в коридоре Нострадамус сгорбился, испустив тяжелый вздох. Казалось, непомерный груз ненависти и боли давит ему на плечи.

— Они приближаются, — шептал ему на ухо Джино. — Там сотня лучников, ведет их сам великий прево.

«И все-таки, — не слушая, думал Нострадамус, — какая поразительная натура! И душа этого мальчика — настоящий алмаз! Как бы я любил

его, как обожал бы, как насыщал бы прекрасным его ум и душу, если бы он был моим сыном… Но он сын этого проклятого подлеца!»

— И король с ними! — продолжал старик.

«Он еще не дозрел до такой степени, как мне нужно, — размышлял Нострадамус. — Он еще полагается на слово короля Франции. А нужно, чтобы он презирал, чтобы он ненавидел этого короля… своего отца! Нужно, чтобы он убил его! Нужно, чтобы я получил возможность сказать агонизирующему Анри: „Ты умер от руки твоего сына!“ Нужно, чтобы его агония была страшной, была скверной, чтобы она вобрала в себя все страдания моей двадцатилетней агонии!»

— Мессир, они здесь!

Нострадамус вздрогнул. Куда делся его блуждающий взгляд? Глаза его снова стали такими же невозмутимо отважными, как всегда. Он спокойно ответил старику:

— Пора опускать мост.

Маг быстро подошел к окну, выходившему на улицу Фруамантель, открыл его и наклонился как раз в ту минуту, когда заскрежетали цепи опускающегося моста. Он вцепился руками в подоконник. Закрыл глаза.

Если человеческое лицо способно выразить

сверхчеловеческое усилие, такой расход сил, какого обычный человек и представить себе не может, именно это лицо со вздувшимися на висках жилами, с глубокой вертикальной морщиной, прорезавшей лоб, с судорожно сведенными бровями, это лицо, по которому крупными каплями стекал ледяной пот, это лицо, излучавшее неизбывную волю, выразило сейчас высшее, чудовищное усилие сознания укротить, подчинить себе материю и направить ее на осуществление собственных желаний.

И внезапно вся толпа, стоявшая перед опущенным мостом, перед зиявшим за ним отверстием гостеприимно распахнутой двери, вся эта толпа, увидев такое повиновение приказу заранее, до того, как приказ этот был отдан, отступила. И король вместе с ней. Но это длилось недолго. Генрих II пробормотал проклятие и вернулся на прежние позиции.

— Сейчас мы покажем, что в сердце короля не может проникнуть даже страх перед адом!

Он первым ступил на подъемный мост.

— Каин!!! — прогрохотал голос.

Генрих задрожал, как раненое животное. Он снова выругался и быстро продвинулся на два шага вперед.

— КАИН!!! — снова прогремел голос в его ушах.

И сразу же после этого раздались дикие крики, плач, стоны, жалобы, колокольный звон, набат, и все это с невероятной силой взорвалось внутри его, и над всем этим грохотом, над всей этой бурей, перекрывая ее, прозвучали роковые слова:

— Каин, вот брат твой… Войди! Здесь могила твоего брата!

Генрих застонал так громко и так жалобно, что это заставило в беспорядке отступить большую группу лучников, уже двинувшуюся к мосту. Он тоже отступил, точнее, попятился, волосы его встали дыбом, глаза вылезли из орбит, он отступал и отступал, шаг за шагом…

Когда он очутился на мостовой, все внутри его сразу затихло, он смог перевести дыхание и смог даже закричать после этого:

— Господа! Чего вы ждете, почему не идете вперед?

Роншероль и Сент-Андре одинаково решительно двинулись к мосту. Лучники не осмеливались последовать их примеру, они, все еще дрожа, пережидали. Командир ночного дозора подумал: «Зачем мне рисковать, пусть уж они войдут первыми…» Каждый в толпе, которой следовало напасть на замок колдуна, еще помнил жалоб-

ный стон короля, еще помнил о том, в каком ужасе Генрих отступил перед какой-то невидимой силой, и каждый, лихорадочно перебирая в памяти слова хоть какой-нибудь молитвы, повторял их. Великий прево и маршал тем временем взялись за руки — точно так же, как на улице Тиссерандери. Они взялись за руки и одновременно ступили на мост.

И сразу же, пошатываясь, остановились: их словно громом поразило. Каждый их нерв затрепетал. Потому что они ясно услышали, как незнакомый голос спросил их:

— Что вы сделали с Мари?

Они почти обезумели, они в ужасе оглядывались по сторонам, не понимая, откуда доносится этот голос. Они забыли, где находятся. Они забыли о короле, о лучниках, о Нострадамусе, о Боревере…

— Ты слышал? — еле ворочая языком, прошептал Роншероль.

— Да, — жалобно выдохнул Сент-Андре.

А голос звучал совсем близко. Он был чистым, слова ясно различимыми. В голосе не было ни печали, ни угрозы. Он был — сама твердость, сама решительность. Он был — сама неизбежность. Они услышали его во второй раз. Голос спросил:

— Что вы сделали с Рено?

Сент-Андре, не оборачиваясь, кинулся назад, на улицу. В мертвой тишине все услышали, как стучат его зубы. Роншероль нелепо взмахивал руками, и все слышали, как он повторял все громче и громче:

— Рено! Рено! РЕНО!!!

Несколько минут на улице Фруамантель царил невероятный ужас. Человек двадцать лучников, не выдержав, бесшумно отодвинулись куда-то назад и, оказавшись на приличном расстоянии, бросились врассыпную, куда глаза глядят.

В этот момент за открытой дверью замка показался свет. К опущенному мосту вышел старичок с факелом в руке, поклонился в знак приветствия и ласково улыбнулся.

— Мессир де Нотрдам, — тоненьким голоском сказал он, — ожидает своих знатных гостей.

— Господи! — прошептал командир ночного дозора. — Пусть даже мне придется войти туда одному, я пойду и посмотрю на твоего хозяина!

И, проверив оружие, смело шагнул на мост. Монтгомери, Ролан и Лагард последовали за ним.

— Идите же все! Все! — повторял Джино. — Час, конечно, поздний, но — такая честь! Все! Все

заходите! Мой хозяин ждет вас всех!

Генрих II, Роншероль и Сент-Андре опасливо двинулись вперед. Вот и они уже на мосту… И — ничего! На этот раз они ничего не услышали… С невнятными восклицаниями, выражавшими радость и угрозу, они двинулись дальше.

— Все! Все! — продолжал кричать старичок. — Заходите, господа лучники, заходите!

Лучники прошли в замок. Поместились не все — места не хватило. Но все так же, толпой, незваные гости поднялись по широкой лестнице, над которой сияла льющимся из-за нее ослепительным светом распахнутая двустворчатая дверь. Этот свет словно притягивал к себе. Они вошли и оказались в огромном зале, увидели двенадцать дверей, двенадцать колонн, двенадцать сфинксов. Они вошли — молчаливые, испуганные, недоверчивые, опасающиеся всего и готовые ко всему. Они прижимались друг к другу и, только чувствуя рядом чей-то локоть, хоть немножко успокаивались.

Роншероль опомнился первым и громко произнес:

— Именем короля…

В эту секунду ослепительный свет погас. Стало совсем темно…

В зале находилось с полсотни вооруженных людей, полностью экипированных для атаки. Здесь был король. Маршал. Великий прево. Капитан шотландцев, охранявших Лувр. Командир ночного дозора. Лучники, для которых своя и чужая жизнь не имела никакой ценности. И все они съежились, охваченные ужасом перед Неизвестным. Несколько секунд царила мертвая тишина. Потом прозвучали бешеные проклятия, и командир ночного дозора прокричал:

— Факелы! Пусть зажгут факелы!

Но ни один факел не зажегся. Тем не менее их было вполне достаточно. Но те, кто держал их в руках, тоже кричали: «Пусть зажгут факелы!», совершенно забыв о том, что именно они должны это сделать. Потом крики затихли. Снова воцарилась тишина. Каждый, казалось, затаив дыхание, ждал того момента, когда зажжется свет. Но вдруг прозвучал вопль ужаса. Он вырвался у одного из лучников: тому показалось, что ледяная рука коснулась его лица.

— Что? Что это такое? Ах, только не это, гром небесный! Да зажжет кто-нибудь факелы?

Еще один пронзительный крик. За ним — другой. Третий. И вот уже кричат десять, двадцать человек. Вот уже кричат все. Все лучники вопят

от страха. Они пытаются в полной темноте отыскать выход. Но двери куда-то исчезли. Выхода нет. Они толкают друг друга. Мечутся. Крики их становятся похожи на хриплые стоны. Добрая дюжина валяется в обмороке. Другие бросаются на колени, молятся. Молитвы звучат как стенания. И все эти звуки в темноте сливаются в чудовищный вой, вой ужаса. То, что заставляет этих людей выть, как звери, то, что корежит их, искажает их черты, заставляет шевелиться волосы на голове, судорожно сжимать руки, — страх. Но это не страх смерти, это страх перед Неведомым и Невидимым, которое блуждает среди них, которое прикасается к ним. И у всех, у всех — одно и то же ощущение.

Влажная и липкая рука берет их руки или дотрагивается до лиц. Что-то непонятное виснет на ногах. Адский смех звучит в ушах. Вскоре ужас полностью подчиняет их себе. Очень скоро чудовищный феномен начинает проявлять себя во всей полноте. Им кажется, что в потемках становится светлее, и они видят то, что не может увидеть простой человеческий глаз. Они видят, как бесплотные существа кружатся вихрем в пространстве. Они видят мелькающие огни, видят, как здесь и там возникают языки пламени.

Они видят, как женщины с туманными, словно подернутыми дымкой телами ломают руки и бьют себя в грудь.

И больше нет зала с двенадцатью колоннами — крики, стоны и вопли человеческих существ, воющих на ужасное видение, как волки воют на луну, раздаются во Вселенной…

Только Генриху II, Сент-Андре и Роншеролю удается избежать всеобщего бреда. Но этот всеобщий бред обволакивает их, проникает в них, делает существование невозможным, немыслимым. Они жаждут смерти.

Генрих, съежившись, прикрывает голову руками. Великий прево и маршал прижимаются друг к другу, они скованы одной цепью, они безмолвны, их ноги холодеют. Мало-помалу вой затихает. Сначала замолкает кто-то один, за ним другой, третий, и вот уже снова молчат все, и снова мертвую тишину нарушает лишь хриплое дыхание — дыхание проклятых и приговоренных…

Но внезапно в этой тишине раздается отчаянный крик. Потом еще один. И еще. Это кричит Генрих! Это кричит Роншероль! Это кричит Сент-Андре! Настал их черед.

— Каин! Каин! Твой брат пришел за тобой!

— Сент-Андре, ты видишь, как Мари встает из

могилы?

— Роншероль, смотри, это Рено! Смотри же!

А после этих отчаянных криков — опять тишина. Полное, ледяное безмолвие.

И только потом возникает нормальный человеческий голос, голос бесконечно нежный, он шепчет королю прямо в ухо:

— Сир, хотите, чтобы я отдал вам Флоризу?

Генрих II содрогнулся, услышав вопрос, и в этом содрогании были еще остатки безумного страха. Но этот страх, словно под воздействием чьей-то чуждой воли, вскоре окончательно прошел, и страсть, сумасшедшая страсть снова овладела сердцем короля. Он неуверенно переспросил:

— Флоризу?

— Да. Если вы захотите, я отдам вам ее. Только я, один я способен отдать ее вам… Единственный в мире я могу сделать так, что она придет к вам по собственной воле…

— Придет по собственной воле? Сама?

— Завтра, если вам будет угодно.

— Что я должен сделать? — прошептал король.

— Позовите Нострадамуса и прикажите всем этим незваным гостям удалиться.

Ужас, бредовые мысли, призывы потусторонних голосов, угрызения совести, раскаяние,

трагические воспоминания — все, все мигом исчезло из сознания короля. Теперь всем его существом завладела одна-единственная страсть: он думал только о Флоризе. Если бы Нострадамус потребовал отдать ему душу, он отдал бы душу не дрогнув. Исполненным мольбы голосом, странно прозвучавшим в тишине, Генрих произнес:

— Нострадамус, явитесь мне!

В ту же секунду огромное помещение залил яркий свет. Трепещущий король невольно зажмурился. Когда он открыл глаза, то увидел перед собой Нострадамуса. Маг, одетый в роскошный костюм черного бархата, сшитый по последней моде, принятой при дворе, со шпагой на боку, с током в руке, низко поклонился королю и сказал:

— Сир, я здесь — к вашим услугам.

По толпе прокатилась дрожь. Но когда они разглядели Нострадамуса и увидели, что перед ними — обычный, похожий на других человек, все — от командира ночного дозора до самого последнего из лучников — пришли в невообразимое бешенство. Роншероль и Сент-Андре взревели: «Наконец-то он у нас в руках!» Монтгомери, пристально глядя в спину королю, совершенно потерянный, приготовился нанести удар.

— Стража! — позвал командир ночного дозо-

ра. — Взять этого человека!

— Именем короля! — прогремел Роншероль, не скрывая нахлынувшей на него радости.

— Все назад! — закричал король. — Сейчас же все выйдите отсюда!

Полсотни спин согнулось, как под ударом хлыста. Затем, безгранично удивленные, ошалевшие от этого изумления, все поспешно вышли. Монтгомери — последним. Он ворчал себе под нос:

— Вот уж теперь колдун наверняка донесет ему на королеву и на меня самого!

Нострадамус подошел к капитану и сказал ему:

— Успокойтесь. Он ничего не узнает.

Монтгомери бежал. Генрих в это время осматривал странное убранство зала. Когда он увидел, что Нострадамус снова стоит перед ним, то решил: надо убедиться, что власть даже здесь полностью принадлежит мне, — и произнес высокомерно:

— Вы скрываете у себя мятежника, бунтовщика. Мы, собственно, пришли за ним.

— Вы имеете в виду Руаяля де Боревера, сир? Да, действительно, он здесь, в моем замке.

— Мне нужен этот человек, — еще жестче сказал король.

Нострадамус поклонился и ответил:

— Вы — хозяин, сир… Следовательно, я должен отдать вам мятежника.

— И немедленно! — потребовал Генрих.

— Хорошо, пусть будет немедленно, если Вашему Величеству угодно. Но я должен предупредить вас, что сейчас это небезопасно. Позвольте мне выбрать момент, когда судьба бунтовщика войдет в конъюнкцию, в соединение с судьбой короля. Звезды подскажут, когда наступит такой момент. И тогда, сир, я предоставлю Вашему Величеству этого человека. Клянусь собственной душой.

От тона, которым были произнесены эти слова, короля бросило в дрожь. Но довольный тем, что ему удалось продемонстрировать и доказать свою власть, он не стал настаивать. Кроме того, Боревер на самом деле послужил ему сейчас лишь предлогом, лишь закуской к будущему пиру.

— Я вам верю, — сказал Генрих. — Я подожду момента, который вы сочтете благоприятным.

— А в ожидании этого дня… — улыбнулся Нострадамус так, что стало видно, какие острые у него зубы. — А пока я отдам вам Флоризу. Никаких тщетных попыток. Никакого риска. Она придет сама. Вот только…

— Что «только»? Говорите, говорите, — торопил

Генрих, тяжело дыша.

— Вам придется избавиться от великого прево, но не проливая крови, сир, это необходимо.

— Завтра утром он будет в Бастилии, — скрипнул зубами король, который в эту минуту готов был собственноручно проткнуть отца Флоризы кинжалом, если бы маг не сказал: «не проливая крови».

— Нужно еще избавиться от монаха, который служит ему советником: от преподобнейшего Игнатия Лойолы.

— Я немедленно изгоню его из Франции, — воскликнул Генрих.

— Наконец, надо будет найти для дочери господина де Роншероля подходящее жилище. Оставить ее в Париже было бы опасно для вас. Она не должна, она не может оставаться здесь.

— Пьерфон — отличная крепость. Я прикажу отвезти ее туда.

— Вот и все, сир. Куда вы хотите, чтобы девушка пришла?

— К воротам Сен-Дени. Там ее будут ожидать карета и эскорт, готовый сопровождать мою гостью куда я прикажу.

— Сир, завтра ровно в десять часов утра девушка сама придет, чтобы занять место в вашей

карете.

Вопросы и ответы горохом сыпались из их уст, обмен ими занял не более нескольких секунд. И только после этого король задумался. Перед ним встали неразрешимые вопросы: почему я вдруг почувствовал такое безграничное доверие к этому человеку, которого собирался уничтожить? Что меня заставило? Почему в этой обители тайны я чувствую себя в тысячу раз более спокойным и защищенным, чем у себя в Лувре? А ведь несколько минут назад это была вовсе не обитель тайны, а вместилище ужаса…

Он поднял голову, и его пылающий взгляд устремился на Нострадамуса.

— Клянусь Богоматерью, сударь, Богоматерью, чье прославленное в веках имя вы носите[45], я признаю ваше могущество. О вас рассказывают совершенно необычайные вещи. Господин Лойола называет вас демоном. Ну и пусть! Сейчас я, король Франции, говорю вам: если вы сделаете то, что пообещали, я буду считать вас самым ловким и искусным человеком нашего времени. Если она придет, вы может рассчитывать на то, что с завтрашнего же дня вы превратитесь в главного

---

[45] Примечания: 45

«Notre-Dame» — по-французски «Богоматерь». (*Примеч. пер.*)

из фаворитов французского двора, станете постоянным спутником и другом короля — его братом! До завтра, сударь!

II. Ворота Сен-Дени

Когда отец отправился в Лувр, Флориза сразу же приступила к своим обязанностям хозяйки дома. Вместе с двумя служанками, а точнее — надзирательницами, девушка осмотрела два или три бельевых шкафа. Каждый день имел у нее свое предназначение. Сегодня был день стирки. Распределив работу между прачками, она вернулась к себе, и ее тюремщицы заняли привычные места в прихожей.

Флориза поставила прялку у распахнутого окна и взяла в руки веретено. Она очень любила эту работу, потому что только руки были заняты, а думать можно было о чем угодно. Итак, она взяла веретено, пучок кудели и погрузилась в мечты. Летнее утро выдалось тяжелым, давящим: казалось, вот-вот начнется гроза. Ее тяжелое обжигающее дыхание уже приближалось к Парижу, заставляло город трепетать. Может быть, именно такая погода заставила девушку отказаться от своего занятия? Во всяком случае, очень скоро она отложила веретено, склонила голову на сложенные руки и тихонько прошептала:

— Отец говорит, что он разбойник… Но я ни-

когда не видела настолько честного взгляда! Не видела ни одного дворянина, у которого так, как у него, просто на лбу было бы написано, какой он смелый, какой мужественный, какой искренний! Когда двенадцать или пятнадцать вооруженных людей окружили короля — вот здесь, у меня под окном… Когда эта негодница спустила из окна веревочную лестницу… Кто повел себя лучше — Генрих Французский или Боревер? Кто из них король? И кто — разбойник?

Вдруг Флориза выпрямилась и прислушалась. Дыхание ее стало прерывистым. Она машинально пригладила волосы на висках и пробормотала:

— Что за безумие!

Девушка встала, сделала несколько шагов по направлению к двери, резко остановилась, покачала головой, потом снова двинулась вперед, вышла в прихожую и увидела там своих… спящих надзирательниц! В ужасе и изумлении попятилась. Снова пробормотала:

— Оказывается, это правда: они спят! Я могу пройти, я могу выйти… Нет, не пойду!

Где-то далеко в небе прогрохотал гром: гроза приближалась, сейчас разразится. Но она не слышала грома. Она вслушивалась в себя. Она дрожала. Никогда ей не приходило в голову, что

можно ослушаться отца, можно одной выйти из дома. Выйти! А зачем? Чтобы идти — куда? Ей скажут куда!

Она не хотела. Она сопротивлялась — сопротивлялась уцелевшими остатками сознания. Это была страшная, но короткая битва. Не прошло и нескольких минут, как Флориза совершенно успокоилась, нет, вернее будет сказать, что ее лицо из испуганного стало совершенно безразличным. Это была она. И в то же время это была не она. Девушка неторопливо закуталась в плащ с капюшоном и, выйдя из особняка, твердым шагом пустилась в дорогу.

Чуть позже половины десятого король Генрих II и маршал Сент-Андре выехали из Парижа и, почти сразу же остановившись, спрятались за огромными каштанами на дороге, ведущей в Сен-Дени. Позади леса поджидала карета, дорожная карета, запряженная четверкой крепких нормандских лошадей. Два форейтора уже сидели в седлах с хлыстами в руках, готовые направить упряжку, куда будет приказано. Вокруг кареты гарцевали двенадцать всадников, прекрасно экипированных и надежно вооруженных. Внутри расположились две женщины — две мужеподобные матроны, способные подавить любой мятеж,

любое сопротивление, крепко-накрепко заткнуть рот, из которого может вырваться призыв на помощь.

— Сир, — спросил Сент-Андре, — вы намерены сразу же отправиться с красавицей в Пьерфон?

Король бросил на своего фаворита подозрительный взгляд. Услышав такой вопрос, поневоле решишь остаться в Париже!

— Нам предстоит выдать замуж Маргариту, — сухо ответил он. — Мой кузен герцог Савойский бьет копытом от нетерпения. Я уеду в Пьерфон сразу после свадьбы. И там отпраздную собственную.

— Понимаю нетерпение Железноголового, — насмешливо отозвался Сент-Андре, — и восхищаюсь вашим терпением!

— Замолчи! — приказал побледневший Генрих. — Смотри!

— Куда?

— Вон туда! Этот человек, который приближается к нам…

— Колдун! — вздрогнув, глухо прошептал маршал.

К ним действительно подходил Нострадамус. Казалось, что силы его на исходе, что огромная, нечеловеческая усталость обрушилась на его пле-

чи… Он шел медленно, опустив голову, тяжело дыша. Остановился возле короля, не обращая никакого внимания на Сент-Андре. Генрих сначала молча всматривался в Нострадамуса, удивляясь, что видит его таким, потом не выдержал и спросил, понимая, что тот не заговорит первым:

— Она придет?

— Она идет, — ответил Нострадамус.

Генрих задрожал. Его пылкий взгляд обратился к воротам Сен-Дени.

Прошло десять минут. Королю было тревожно, может быть, даже в большей степени от того, что колдун стоял рядом, чем от напряженного ожидания. Он снова заговорил:

— Вы сказали, что она идет, но…

— Вот она, — просто сказал Нострадамус.

В ту же самую секунду из ворот вышла Флориза. Она миновала мост и твердым шагом, нисколько не колеблясь, так, словно и появилась здесь исключительно для того, чтобы сесть в карету, приблизилась к экипажу, поднялась в него, устроилась на сиденье и почти сразу же заснула.

Все это происходило под раскаты грома, а когда девушка села в карету, на горизонте сверкнула молния. Гроза началась! Черное небо над головой короля будто раскололось, и огненные полосы на

нем были похожи на кровавые следы.

— Господи, тебе не угодно то, что происходит здесь! — растерянно прошептал Сент-Андре.

Король онемел от удивления. До самой последней секунды он не верил в возможность чуда: в то, что Флориза и на самом деле придет сама. Но чудо свершилось!

Он с ужасом всматривался в Нострадамуса. Только гордость помешала ему перекреститься и прошептать молитву об изгнании бесов. Он посмотрел на Флоризу, увидел, как спокойно, с тихой улыбкой на губах, она спит в трагическом свете извергающих огонь небес. И в его мозгу тоже засверкали молнии, не хуже, чем на небосводе. Страсть гремела в нем, подобно ударам грома. По жилам вместо крови потекла раскаленная лава. Он задыхался.

— Пусть ценой моей души, но она будет моей! Колдун, откуда твое могущество? Говорят, тебе помогают адские силы… Пусть так! Если понадобится, я отдам тебе свою душу…

— Я беру ее!. — ответил Нострадамус.

Король бросился вперед. Слышал ли он ответ Нострадамуса, может быть, куда более удивительный и, уж точно, более чудовищный, чем появление Флоризы? Сомневаемся. Он очер-

тя голову бросился к капитану эскорта и двум матронам, восседавшим в карете, быстро отдал распоряжения и сообщил:

— Через три дня я буду в Пьерфоне…

Карета сразу же тронулась с места. Всадники рысью припустились рядом с ней. Генрих смотрел вслед, стоя под теплым дождем, падавшим крупными каплями, до тех пор, пока вся группа не скрылась из вида. Тогда, убедившись в том, что победил, полностью овладев собой и став еще более холодным, чем обычно, он вернулся к Нострадамусу, который все это время не спускал с него глаз.

— Просите все, чего хотите! — резко сказал он.

— Мне ничего не нужно от вас. Ничего. И я в вас не нуждаюсь. Но вы, сир, вы нуждаетесь во мне. Вы собираетесь ехать в Пьерфон. Если вы хотите, чтобы все задуманное вами удалось, я должен знать день отъезда.

— Сегодня суббота… — задумчиво проговорил Генрих. — Суббота… В следующую среду я буду в Пьерфоне!

Нострадамус повторил:

— В среду…

Потом, поклонившись королю со спокойным величием, отличавшим его от всех остальных

людей, маг шагнул в сторону ворот, намереваясь покинуть Генриха. Но король схватил его за руку и воскликнул:

— Вы же обещали мне еще и Руаяля де Боревера!

— Получите. Как девушку.

— Когда? Говорите: когда?

— Скоро. Через несколько дней. Разбойник сам придет к королю…

Едва король, Нострадамус и Сент-Андре скрылись под струями дождя, из глубины каштановой рощи вышел бледный от бешенства молодой человек. Он все видел: как подошел к королю колдун, как появилась и села в карету Флориза, как карета отъехала… Этим шпионом, следившим из засады за происходящим, был Ролан де Сент-Андре. Придя рано утром в Лувр из-за того, что ему надлежало присутствовать в спальне короля, когда тот встает с постели, юноша внезапно наткнулся на двух мужчин в масках, один из которых был его собственный отец, а другой — Генрих Французский. В том, что лица их были прикрыты масками, в общем, не было ничего удивительного: в те времена маски употреблялись едва ли не чаще, чем перчатки. Но куда в такой час направлялись эти господа, которых Ролан

узнал сразу же, без всякого усилия — по росту, по осанке, по костюмам, наконец? Он тайком последовал за ними. Ему удалось проникнуть в каштановую рощу, оставшись незамеченным. И теперь он знал все.

Ролан скрипнул зубами. В этот момент он готов был собственными руками убить короля. Молодой человек, не теряя времени и не обращая внимания на сопровождавшийся страшными раскатами грома ливень, вернулся домой, в особняк на улице Бетизи. А через час он уже догонял карету, в которой увозили Флоризу.

Часть шестнадцатая
ИГРЫ СУДЬБЫ

I. ...И правила этикета

Несколько дней спустя к Нострадамусу явился посланник из Лувра, который принес письмо с сообщением о том, что Генрих II назначает его королевским лекарем. Нострадамус отправился во дворец, чтобы поблагодарить короля за оказанную ему милость, был принят монархом дружески, а охранникам было приказано воздавать колдуну такие же почести, какие полагаются коннетаблю.

Король подтвердил свое намерение завтра, в среду, уехать к Флоризе. А больше Нострадамусу ничего и не хотелось узнать. Он вернулся в свой замок и со свойственным ему удивительным спокойствием стал ожидать наступления дня, который должен был полностью изменить его судьбу, дня, когда суждено было осуществиться его мести. Завтра от его искры вспыхнет огонь! Завтра он натравит Руаяля де Боревера на Генриха II!

Боревер тоже ожидал среды со все возрастающим нетерпением: ведь только во вторник вечером Нострадамус пообещал ему сказать, где же находится Флориза. А до этого момента оста-

валось еще несколько часов…

Что до короля, то он, в свою очередь, просто сгорал от нетерпения: завтра он отправится в Пьерфон! О, какое любовное приключение его ожидает! Он уже не получал никакого удовольствия от игры: страсть все росла и росла в нем.

И, наконец, Екатерина Медичи не меньше всех перечисленных выше ждала среды. Только — с холодным бешенством. Лувр кишмя кишел ее шпионками. Ей, разумеется, было отлично известно, почему и как Роншероль попал в Шатле, было известно и о том, что завтра король уезжает в Пьерфон, чтобы встретиться там с Флоризой.

Она испытывала страшные муки. Если бы королева могла, она сама заколола бы Генриха кинжалом еще до среды!

Если бы вы увидели Екатерину во вторник к вечеру, вы бы сочли ее за призрак. Она удалилась в молельню и даже не стала зажигать свечи. Становилось все темнее, по стенам бродили гигантские тени. Екатерина была с головы до ног в черном, и во мраке было видно только странно бледное пятно ее лица, похожего на трагическую маску.

«Мне нужно увидеться с колдуном!» — подумала королева.

Она прошла коридором и оказалась рядом с

помещением, отведенным для ее новых четырех телохранителей. Екатерина могла постоянно наблюдать за ними, следить за их поведением, слушать их разговоры, укрывшись в маленьком кабинете, примыкавшем к этому помещению, а они даже и не подозревали о его существовании. Королева вошла в этот кабинет.

Официально они состояли на службе в охране Ее Величества. Однако капитан охраны знал их только по именам, упомянутым в контрольном регистре. Им не давали никаких заданий, им не приходилось брать в руки оружия, они не присутствовали ни на каких церемониях. Екатерина приберегала их для личных нужд. Четыре прекрасно выдрессированных пса, спящие у ее ног, готовые по ее знаку броситься, ощерившись, на любого, на кого она только укажет, — такими она хотела видеть своих новых телохранителей.

Как мы уже говорили, у них было собственное помещение, отделенное от женской половины узким коридором. Но Екатерина, знавшая толк в дисциплине, ничуть не боялась нежелательных встреч: она отлично знала, что для всех, кому не положено бывать здесь, коридор шириной в три шага — препятствие непреодолимое. К телохранителям был приставлен специальный

лакей. Его звали Губертом. Но они прозвали слугу Капоном[46] — тогда это прозвище еще не приобрело того уничижительного смысла, какой ему, в конце концов, присвоили.

У них вроде бы и не было никаких прямых обязанностей, но вся жизнь их проходила по военному распорядку. Вот какому. В шесть утра — подъем, молитва, завтрак. В семь — месса в молельне королевы. В восемь — военные занятия, часто — в присутствии королевы. Сначала им дали для этих занятий рапиры с предохранительными наконечниками, затем — нормальные шпаги. В девять — второй завтрак, после него — отдых. В полдень — обед, который обычно продолжался до двух часов. С двух до трех им разрешалось погулять за стенами Лувра, но строго по одному, — вот почему они ни разу не воспользовались этим своим правом. В четыре — полдник (печенья, варенье, испанские вина). С пяти до семи — военные занятия. В семь — ужин (похлебка, кабанье или оленье мясо, объедки с королевского стола). В восемь вечера под руководством четырех придворных дам из Летучего эскадрона — обучение правилам светской жиз-

[46] Примечания: 46
«Capon» — по-французски «трус, малодушный». (*Примеч. пер.*)

ни. Ровно в десять — отбой: они укладывались в постели, гасили свет и начинали дружно храпеть в четыре глотки.

Время от времени по ночам устраивалась учебная тревога. Внезапно начинал трезвонить соединенный шнурком со спальней королевы колокольчик. За пять минут им следовало встать, одеться, вооружиться и выстроиться, пряча запухшие глаза, в оружейном зале, куда приходила произвести им смотр сама Екатерина. Отпущенные на сборы пять минут уходили, кроме того, на проклятия, ругань, брань. Их утешали после этих насильственных побудок только несколько золотых монет, полученных из рук властительницы, если все оказывалось в порядке.

Они стали совершенно неузнаваемы: они стали жирными! Да, это уже не были голодные волки, тощие звери со сверкающим взглядом, бросавшиеся, что ни вечер, на охоту за добычей, какую только можно было найти в том лесу, что звался Парижем. Теперь это были сторожевые псы. А сторожевые псы — всегда жирные…

А их наряды! Их шляпы с перьями! Да-да, с настоящими страусовыми перьями — кудрявыми, свежими и пушистыми! Их переливающиеся яркими красками бархатные камзолы! Их высокие

сапоги из мягкой кожи, сапоги без единой прорехи! У Буракана появился плащ вишневого шелка! Тринкмаль смог бы занять достойное место на одной из картин Веласкеса! Корподьябля одели в лазурный бархат! Страпафар носил кружева! Они были роскошны, они были разодеты с иголочки!

В тот вечер они только-только закончили ужинать. Корподьябль вылил последние капли вина из кувшина в свой кубок и одним глотком опустошил его. Этот кубок, как и три остальных, уже стоявших на белоснежной скатерти, был из чистого серебра. Корподьябль с минуту молча изучал пустой кубок, потом огляделся по сторонам и, видя, что никто не смотрит в его сторону, быстро припрятал его. А как же! Это ведь чистое серебро! Что поделаешь — привычка, инстинкт… Он широко улыбнулся. Его усы при этом протянулись за уши. В ту же минуту, взглянув на стол, он заметил, что и три остальных кубка исчезли: его сотоварищи, действительно не посмотрев в его сторону, все-таки поняли, что он сделал, и — последовали его примеру. Что поделаешь — инстинкт, привычка…

Четыре телохранителя пристально посмотрели друг другу в глаза. Минута прошла в безмолвном восхищении, в наслаждении собственной пред-

приимчивостью и сноровистостью: это же надо — так ловко стибрить кубки! И вдруг произошло нечто странное. Буракан испустил вздох, от которого задрожали пустые бутылки на столе, и медленно вытащил из-под своего прекрасного вишневого плаща только что похищенный им серебряный кубок. Поставил его на стол.

— Зачем, Святой Иисусе, зачем это теперь?

Тут же и остальные три кубка вернулись на свои места. Да. Зачем это теперь? Зачем теперь трудиться и воровать? Зачем? Четыре тяжелых вздоха бурей пронеслись по комнате — так могла бы вздохнуть потерпевшая бедствие порядочность… Этакий ностальгический квартет…

Только друзья размечтались о былых временах, в комнату, как легкий ветерок, впорхнули, шурша шелками и благоухая нежными ароматами, четыре телохранительницы из Летучего эскадрона, четыре продувных бабенки, приставленные Екатериной к нашим храбрецам в целях воспитания, — служанки из «Белой свиньи», если еще помните их.

— Святая Мадонна, — воскликнула шатенка, — вы все еще за столом?

— Ну-ка, быстрее! — скомандовала блондинка. — За работу, благородные сеньоры!

Бывшие разбойники вскочили как ошпаренные, бросая исподтишка на красоток пламенные взгляды… Какие взгляды! В них можно было прочесть все, что угодно: гнев, бешенство, тоску, жажду бунта, все, кроме любви!

А ведь сколько им было обещано! И теперь — ничего, никакого, пусть даже мимолетного, поцелуя! Страпафар, говоря об этом, ругался на чем свет стоит и щелкал ногтем по своим острым зубам. Да, они больше не любили этих девиц, те перестали быть для них прелестными девушками, которых надо завоевать, превратились в проклятых мучительниц, обучающих правилам этикета.

Ах, эти правила этикета! Ай-яй-яй! Господи Иисусе! Теперь им надо учиться ходить, как ходят при дворе, поворачиваться на каблуках, какого черта!

Екатерина прекрасно понимала, насколько полезны ей могут оказаться эти четыре бульдога громадных размеров и без всякой морали. Она хотела, чтобы они повсюду сопровождали ее, предвидя, к каким тяжелым последствиям могут привести происходящие сегодня события. Следовательно, нужно поскорее сделать их презентабельными. Выдрессировать свору диких

псов и превратить их в группу элегантных сеньоров, не применяя никаких угроз. И она их воспитывала! Воспитывала кнутом и пряником. Сейчас была очередь кнута.

В мгновение ока четыре телохранителя выстроились в шеренгу, при полном параде — в шляпах, плащах, с перевязями и рапирами на боку. Девушки приступили к весьма серьезному осмотру. Они на самом деле усердствовали. Каждая намеревалась сделать из своего бродяги великолепного дворянина. Они придирались к любой мелочи: к нарушениям осанки, к проявлениям дурного вкуса, к остаткам варварства в костюмах.

Бывшие разбойники внимательно слушали и послушно выполняли все, что им говорилось, но при этом вытаращивали глаза, и «эти чертовы болтуньи» часто слышали, как из глоток их воспитанников вырываются глухие проклятия. Но они не сердились: всякая работа имеет свои издержки.

— Ну, хорошо, — сказала наконец брюнетка и захлопала в ладоши (ручки у нее были на удивление маленькие и белые). — Теперь перейдем к настоящей работе. Чья сегодня вечером очередь брать урок?

— Господина Буракана, — напомнила ры-

женькая. Буракан жалобно вздохнул, и перья на шляпах его соседей по строю затрепетали. Но это не помешало рыженькой мгновенно выстроить декорацию для занятий. Стол затащили в угол комнаты, кресла поместили в другом углу. И она начала:

— Господин де Буракан, предположим, что вас удостоили чести приветствовать Его Величество (да хранит нас Господь от этого!)… Итак, вы впервые идете на аудиенцию. Вы, господин де Страпафар, сядьте вот в это кресло и не двигайтесь: вы будете королем. — Страпафар подкрутил усы и приосанился, принимая правильную, как ему казалось, позу для монарха. — Вы, господин де Тринкмаль, садитесь здесь, вы будете исполнять роль монсеньора дофина. Вы, господин де Корподьябль, идите туда, сядьте слева от короля. Вы теперь — монсеньор герцог Савойский. Девушки, займите свои места: вы станете изображать Ее Величество королеву, госпожу Диану де Валентинуа и госпожу Маргариту Французскую. А я возьму на себя роль глашатая. Выйдите за дверь, господин де Буракан. Внимание, я объявляю!

Буракан опустил голову так, словно ему должны были зачитать смертный приговор. Рыженькая, стараясь подражать пронзительному голосу ге-

рольда, прокричала:

— Господин шевалье де Буракан!

Никто даже не улыбнулся, все понимали: не до смеха — дело серьезное. Бедняга Буракан знал это лучше всех. Он двинулся вперед, шагая, как носорог, который смертельно боится раздавить яичную скорлупку.

— Послушайте! — завопила разгневанная воспитательница. — Как вы ходите?! Голову выше, черт побери! Грудь вперед, к дьяволу! Смотрите прямо перед вами — на подножие трона! Правую руку — в кулак и на бедро! Почему согнуты колени? А ну, подтянитесь! А теперь вы слишком напряжены! Ладно, подошли… Остановитесь в трех шагах от трона и — приветствие!

Буракан остановился. Впрочем, он бы и не смог идти дальше: рыженькая схватила его за руку. Он поклонился и пробасил:

— Здравствуйте, сир!

— Идиот несчастный! Вы можете подождать, пока король соизволит сам обратиться к вам? Когда Его Величество скажет вам, к примеру: «Господин де Буракан, как я счастлив видеть вас…» — только тогда вы заговорите. Ну, давайте! Приветствуйте короля! Найдите для него приятные слова, отвечающие правилам хорошего тона!

Например, вы можете сказать: «Сир, вы видите перед собой самого счастливого из дворян вашего королевства, поскольку мне оказана высокая честь предстать перед Вашим Величеством!» А теперь, прежде чем удалиться, предложите что-нибудь Его Величеству. Обычно предлагают отдать королю свою кровь, свое имущество… Говорят, к примеру, так…

— Королева! — воскликнула блондинка, вскакивая с места.

Вошла улыбающаяся королева, всем своим видом показывая, что наступило время пряника. Телохранители вытянулись в струнку, как солдаты перед главнокомандующим. Барышни из Летучего эскадрона приветствовали свою хозяйку изящным глубоким реверансом. Королева улыбнулась Тринкмалю, подергала за длинный ус Корподьябля, замерла в притворном восхищении перед Страпафаром, похлопала по щеке Буракана. Они затрепетали от нахлынувших чувств.

Искушать и поощрять «воспитанников», превращая их таким образом в преданных сторожевых псов, готовых отдать за нее жизнь, — это, конечно, была игра. И королева весьма в ней преуспела. Они страстно ею восхищались, они

трепетали перед ней, прежде всего, потому, что это была королева, но в немалой степени и потому, что это была Екатерина как таковая. Они просто не могли видеть ее, не почувствовав священного трепета. По знаку королевы девушки из Летучего эскадрона вышли.

— Дети мои, — сказала тогда Екатерина, — я доверяю только вам одним. Только что я видела, как вы учитесь. Скоро вы будете достойны представления ко двору. По мужеству, силе и ловкости вы стоите двадцати охраняющих меня гвардейцев. По преданности и верности своему слову — всей моей гвардии, если не больше. Сегодня вечером мне нужны в качестве эскорта надежные и решительные люди. Тот, кто меня сопровождает, всегда должен быть готов нанести упреждающий удар кинжалом шпиону. Если кто-то осмелится приблизиться ко мне, нужно сделать все, чтобы этот любопытный отлетел на десять шагов. Если он после этого не сможет подняться на ноги, тем хуже для него. Могу ли я рассчитывать на вас?

— Госпожа королева, — сказал Страпафар, — наши руки и наши сердца — в вашем распоряжении, делайте с нами все, что угодно Вашему Величеству.

— Отлично, — обрадовалась Екатерина. — Я

положусь на вас. Сегодня же вечером я вверяю вам мою судьбу. Пойдемте, мои храбрецы!

И храбрецы последовали за Екатериной, размышляя о том, на каком особом положении они нынче находятся во дворце, где живут в двух шагах от короля, которого совсем еще недавно держали пленником на улице Каландр! Тогда они были тюремщиками короля! А теперь они — телохранители королевы!

Через несколько минут они уже выходили из Лувра…

II. Жизнь и смерть

Мы приглашаем читателя проследовать за нами в рабочий кабинет Нострадамуса. В тот самый момент, когда королева вошла в столовую, где только что отужинали господа Страпафар, Тринкмаль, Буракан и Корподьябль.

Нострадамус, сидя в глубоком кресле, с сумрачной жалостью рассматривал стоявшего перед ним Руаяля де Боревера. Жалость эта была вполне реальной, совершенно искренней, очень глубокой. У Нострадамуса не было никакой ненависти к сыну Мари и Генриха. Если бы он мог спасти юношу, тот был бы спасен… Но Бореверу уже был вынесен приговор. Кем? Самой Судьбой!

«У судьбы есть своя логика, — думал Нострадамус. — Сын Генриха — простое орудие мести, посланное мне судьбой. Было бы нелепо и несправедливо, если бы Роншероль, Сент-Андре и Генрих Французский не понесли заслуженного наказания. Франсуа убили в Турноне. Это я его убил. Яд Монтекукули оказался всего лишь орудием в моих руках. И эти трое должны быть убиты… В таверне под Меленом вместе со мной находились сын Генриха, дочь Роншероля и сын Сент-Андре.

Вот мои орудия...» И сказал вслух:

— Молодой человек, когда вы узнаете, где сейчас Флориза, когда накажете похитителя, когда у вас не останется никаких забот, кроме мести за этого старого бродягу, которого я смертельно ранил...

— Брабана! — вздрогнув, прошептал Руаяль.

— Да, Брабана. Так вот, когда у вас останется только эта забота, сдержите ли вы слово, которое дали умирающему? Ударите ли вы меня этим кинжалом, как я тогда ударил своим Брабана?

Он отдал бы все за то, чтобы Боревер ответил ему: «Да!»

Но Руаяль промолчал. Он закрыл глаза, скрипнул зубами. Его лицо покраснело, потом побледнело.

— Не подстрекайте меня! Я и сам не знаю, больше не знаю, что хочу сделать с вами! То, что произойдет между вами и мной, тогда, когда потребуется, касается меня одного. Поэтому, Христом Богом прошу, не говорите со мной об этом! Вы обещали, что во вторник вечером я узнаю, где она находится. Вот в чем вопрос. И заклинаю вас: не испытывайте моего терпения!

Он испугал бы любого, только не Нострадамуса. Этого человека, стоявшего, вполне возможно,

над жизнью и над смертью, ничто не могло испугать.

— Сейчас я исполню свое обещание. Но вы, со своей стороны, должны пообещать мне не выходить из дома до завтрашнего утра.

Руаяль ничего не ответил.

— Хорошо, пусть будет так, — снова заговорил Нострадамус. — Слушайте. В нескольких лье от Вилле-Котре находится укрепленный замок, который вы легко узнаете по прочным стенам и благородным пропорциям. Название замка — Пьерфон. Вот там, если вам удастся туда проникнуть, вы ее найдете…

Нострадамус внезапно умолк. Руаяля де Боревера больше не было в комнате. Когда молодой человек выбежал во двор, подъемный мост как раз опускался, а Джино вышел навстречу Екатерине Медичи. Одним прыжком Руаяль оказался на другой стороне рва, на улице. Вскоре он исчез, рванувшись в направлении к Ла Аль.

В момент, когда Боревер пролетал по мосту, его на секунду осветили факелы — их держали два лакея, которые, по приказу Джино, явились оказать почести знатной гостье… В то же время на улице кто-то свистнул в свисток. И тогда из темных углов показались тени, которые устреми-

лись вслед юноше.

Это был Лагард! Это были головорезы из Железного эскадрона!

Лагард уже в течение трех дней рыскал вокруг замка Нострадамуса. Это был неисправимый упрямец. Ему позарез нужна была шкура Руаяля де Боревера. Лагард действовал по поручению королевы — важная причина заниматься этим делом с истинным остервенением. Но куда больше для него значило собственное желание мести, и потому на этот раз ему были свойственны особые добросовестность и скрупулезность.

Руаяль де Боревер один, ночью, в полной темноте! Можно ли было пожелать более благоприятных обстоятельств? И вместо того, чтобы удивиться появлению королевы и призадуматься над этим (впрочем, о чем тут было беспокоиться: Екатерину сопровождали четыре дюжих телохранителя), барон бросился за своими людьми. За углом улицы он настиг Руаяля и вздохнул с облегчением. Вытащил из ножен шпагу, вытер ее полой плаща и сказал:

— Внимание!

Восемь наемников тоже обнажили шпаги. Их охватила радостная дрожь. Во-первых, пришло время охоты, убийства, а это всегда было удо-

вольствием для них. А во-вторых, тому, кто в один прекрасный день сможет сказать королеве: «Дело сделано! Вот его голова!» — в тот же день пообещали выдать две тысячи экю.

Руаяль шел быстро. Он был в ярости. Он отдал бы сейчас полжизни за то, чтобы немедленно очутиться лицом к лицу с похитителем. Но кто он? Придется подождать до завтра! Ворота Парижа уже закрыты, их откроют только завтра утром. И только утром он сможет помчаться в Пьерфон.

— Эй, мсье! — раздался за его спиной хриплый голос. — Да-да, вы, сударь! Куда вы бежите так быстро? И, черт побери, вы заняли всю улицу: мешаете мне пройти!

Руаяль обернулся: в темноте сверкнули девять шпаг.

— Ничего себе! — пробормотал он. — Что, дело идет к рукопашной? Черт, черт! Мне давно пора было поразмяться!

В тот же момент девять человек напали на него. Руаяль отпрыгнул, встал спиной в угол, лезвие его шпаги молнией блеснуло в темноте.

— Смерть ему! Он наш, в наших руках! — в один голос воскликнули головорезы Железного эскадрона.

— Это мы еще посмотрим! — буркнул Боревер,

бешено вращая шпагой.

А что же наши четыре телохранителя, превращенные Летучим эскадроном королевы в придворных наемных убийц? Они остановились перед подъемным мостом. И тоже увидели человека, который стремглав пробегал по нему и, казалось, был вне себя от бешенства. Он, не глядя по сторонам, проскочил между ними и даже задел их мимоходом. Они остолбенели. Но Руаяль уже скрылся во тьме за поворотом.

— Проклятие! — проворчал Буракан. — Сдается мне, это его кулак!

— Точно! — радостно откликнулся Страпафар. — Это наш голубчик, наш волчонок, ребята!

— Он, он, верное дело, он! — прошептал Тринкмаль, утирая выступившие на глаза слезы.

— Andiamo! — воскликнул Корподьябль. — К чертям всех баб, к чертям Лувр вместе со всеми королями и королевами! У меня один король — Боревер!

Они хотели было броситься вслед за своим божеством, о котором не переставали говорить все время своего заточения в роскоши. Но, к несчастью, в этот момент приблизился Джино и с глубоким поклоном сказал:

— Такие достойные господа не могут ждать

на улице. Заходите, господа, заходите. Для вас приготовлен ужин на скорую руку. Впрочем, и королева хочет, чтобы вы вошли…

Правда, они согласились не сразу. Немножко поколебались. Но Руаяль был уже далеко, а королева скомандовала… Повесив носы, они прошли по мосту, который сразу же после этого был поднят.

Екатерина Медичи вошла в кабинет Нострадамуса. Маг встал с кресла и, не двигаясь с места, ожидал, пока она подойдет, сохраняя истинно королевскую осанку. В нем не было ни чванства, ни рисовки: к нему пришла не королева, — просто человеческое существо, просто женщина. Не более и не менее, чем несчастная женщина, явившаяся с мольбой. А разве Екатерина и правда не для этого явилась?

— Мэтр, — сказала она, усаживаясь в предложенное ей кресло, — я больше не живу. Ничего из того, что вы пообещали, не случилось. И все-таки я должна верить в ваше могущество, потому что вы показали мне саму смерть, вызвали из небытия Франсуа, заставили его прийти из тьмы Неизведанного и Недоступного…

— А что я обещал вам, мадам?

— Все! — глухо сказала Екатерина.

— Нет, ничего! — возразил Нострадамус. — Я был всего лишь истолкователем. Я говорил вам, что случится. Но ничего не обещал. Я обещаю только в тех случаях, когда могу сам исполнить обещанное. И будьте уверены: всегда держу слово! Вы спросили меня, будет ли царствовать ваш сын Анри. И получили ответ: да, однажды вы увидите его на троне. Так что же — подождите, мадам!

— Но как же король? — невнятно промолвила Екатерина.

— Вам было сказано: король умрет насильственной смертью. И он умрет.

— Когда? — еле слышно прошептала королева.

— До конца месяца это наверняка случится, — с мрачной торжественностью сообщил Нострадамус.

Екатерина не стеснялась обнажить свою душу перед этим человеком.

— Послушайте, мэтр, — быстро проговорила она. — Но если то, что вы говорите, правда, то почему же Лагарду не удалась попытка? Почему у этого негодяя Боревера оказалось достаточно времени, чтобы спастись, у него — приговоренного?

— Вы так ненавидите Боревера, мадам?

— Да. Не только потому, что он спас короля, но

еще и потому, что ему стало известно кое-что, что знали только я и Монтгомери. Вас я не считаю. Кто снабдил этого молодого человека сведениями? Кто наставлял его? Кто ему сказал, что мой сын Анри — не сын короля?

Нострадамус ничего не ответил.

— Хотя это не важно, — продолжала королева. — Важно, что он знает. Этого достаточно. Такие секреты убивают, мэтр!

Она угрожающе взглянула на Нострадамуса, он в ответ слабо улыбнулся.

— Вы бессильны против меня. Давайте лучше вернемся к вашим мыслям. Вам никто и не говорил, что король будет убит Лагардом. Вам было объявлено, что король падет от оружия Монтгомери. Именно так и случится. Повторю еще раз, мадам: в невидимом мире, который руководит всем, что происходит в мире видимом, абсолютно все логично. Нет ничего сверхъестественного. Будет совершенно естественно, если королю Франции нанесет смертельный удар оружие Монтгомери…

— Габриэля! — прошептала королева, проводя рукой по влажному лбу. — Я его знаю. Он никогда не согласится. То, что вы говорите, невозможно. Монтгомери не убьет короля!

— Никто не говорил вам, что Монтгомери убьет короля, мадам. Вам было сказано только, что король падет, сраженный его оружием. И это случится до конца месяца, — со странной убежденностью добавил Нострадамус. — А хотите, я вам скажу еще кое-что?

— Говорите, говорите! — задыхаясь, шептала королева.

— Помните, вы прислали мне шпагу, которая принадлежит Монтгомери? Помните?

— Вы попросили об этом. А что?

— А то, что сейчас эта шпага находится в руках человека, которому суждено убить короля.

Королева страшно задрожала. К ее лицу прилила кровь, оно мгновенно стало багровым.

«Да, это так, — думал между тем Нострадамус. — Я позволил себе слабость помочь судьбе. Я подменил шпагу Боревера, и при нем теперь оружие Монтгомери. Зачем я это сделал? Что это было? Безумие? Но кто знает, может быть, эта подмена была предвидена и желанна? Да, это так, и так и должно было быть. В ином случае я не смог бы объяснить себе внешних противоречий в событиях, которых никакая сила не способна изменить. Генриха не могут убить одновременно и Монтгомери, и Боревер. Только Боревер — ору-

дие…»

— Вам больше нечего попросить у меня, мадам?

Екатерина, казалось, пробудилась от какого-то страшного сна. Она медленно подняла глаза на мага.

— Попросить у вас? Нет… Стоит только вашему предсказанию исполниться, и вы увидите, что такое признательность Екатерины, каково ее могущество. Вы можете изготавливать золото, вы сами мне это сказали. Но вам неизвестны радости деспотизма. Благодаря мне вы познакомитесь с ними… Нет, мне нечего больше попросить у вас. Но с тех пор, как мы впервые с вами говорили, у меня в голове вертится один вопрос. Довольно мрачный. Вы мне однажды сказали, что можно воскрешать мертвых. Я не о том, чтобы только вызвать их тени! Это я знаю. Я видела! — уточнила она, содрогнувшись. — До моего лба дотронулся призрак! И Генрих сказал, что от меня пахнет смертью… Я — о том, можно ли их воскресить во плоти? Не пробовали ли вы когда-нибудь проделать такую операцию, ведь она приравняла бы вас к Богу!

— Нет, мадам.

— Но если бы надо было, вы бы смогли?

— Да, но лишь в том случае, если бы речь шла об очень дорогом мне существе, потому что есть обстоятельство, которое меня отталкивает от этого дела. Тут проявляется моя человеческая слабость. Стоит только подумать об использовании одного из самых необходимых элементов — и все мое существо начинает сопротивляться этому, душу пронизывает ужас.

— Что же это за элемент? — удивилась Екатерина.

— Жизнь ребенка… Маленького, крепкого и здорового ребенка, не старше двенадцати лет, ребенка, рожденного от настоящей любви… Среди тех элементов, которыми я уже обладаю, недостает одного этого. Но никогда я не стану искать его…

— Как? — запротестовала Екатерина. — Неужели вы остановитесь только из-за…

— Ах, мадам, — Нострадамус прервал королеву, не дав ей договорить, причем прервал гневно, что случалось с ним крайне редко, — подумайте, что вы собираетесь сказать мне! Сейчас попытаюсь объяснить. Представьте себе, что это — ваш ребенок. Ваш сын Анри. Он подходит как нельзя лучше. Представьте, что я заберу его у вас. Представьте, что ради того, чтобы оживить труп, я

отниму жизнь у него. У НЕГО!

Екатерина пронзительно закричала.

— Замолчите! — приказала она, вскочив с кресла, выставив вперед руки и нацелившись ногтями в глаза Нострадамуса так, словно он уже пытался вырвать сына из ее объятий. — Замолчите!

— Вот видите, — спокойно сказал Нострадамус.

— Вы правы, — успокоившись, сказала королева. — Это ужасно. Я умерла бы…

— Идите, мадам… И пусть высшие силы хранят ваше дитя, пусть они принесут ему столько счастья, сколько вы ему желаете!

Екатерина склонила голову перед этими словами благословения ее ребенку. Она была королевой… Но она была и матерью!

III. Роншероль

Когда, получив от короля пропуск, Нострадамус подошел к Гран Шатле, куда препроводили великого прево после ареста, на улице было еще совсем светло. Но когда маг переступил порог, когда он проник в тюрьму под названием «Рай», где сидел под семью запорами Роншероль, его окутали ледяным саваном сумерки. Он взял у тюремного надзирателя фонарь и связку ключей, сам открыл дверь камеры и вошел. Узник, лежавший на узкой кровати, прикрыв руками лицо, услышал скрежет отпирающихся замков и, заметив слабый свет, исходящий от двери, понял, что к нему вошел гость, встал и, пошатываясь, сделал несколько шагов.

— Кто это? — спросил Роншероль. — Это вы, преподобнейший отец? Как долго вы не шли!

— Мессир де Лойола не придет, — ответил Нострадамус. — Вы больше не увидите его. Сейчас он на пути в Рим, но сомневаюсь, что доберется туда живым…

— Уехал! — ломая руки, воскликнул великий прево. — Уехал, покинул меня!

— Он хотел спасти вас. Но ему помешал Его

Величество король Франции. Генрих II изгнал монаха из Франции.

— Король! Да-да, так и должно было случиться! Низкий трус, жестокий и коварный властитель, он совершил еще и это предательство! Его Величество! — с горькой усмешкой добавил Роншероль.

— Король всего лишь послушался совета или приказа, который был ему отдан, — спокойно сказал Нострадамус.

Роншероль уставился на гостя округлившимися от ужаса глазами. Он пытался узнать того, кто говорил с ним, почти ничего не видя, он пытался узнать его по голосу — невыразительному, лишенному всякой интонации, бесцветному голосу, в котором узник внезапно почувствовал страшную угрозу. Он хрипло прошептал:

— Но кто, кто оказался более могущественным, чем сам Игнатий Лойола? Кто оказался настолько могущественным, что смог отдать приказ королю Франции? Кто сумел изгнать монаха и довершить мое несчастье?

— Это был я, — ответил Нострадамус.

— Вы? Вы? О, кто же ты, демон, и кто внушил тебе самому желание насладиться сделанным злом? Я не вижу твоего проклятого лица! Но мне кажется, я когда-то уже слышал этот гнусный

голос, от которого леденеет сердце! Кто ты? Что — не осмеливаешься открыть мне свое имя, боишься позора?

Нострадамус, ни слова не ответив, скинул капюшон плаща и поднял фонарь так, чтобы осветить лицо. Роншероль отступил к противоположной стене и пробормотал:

— Нострадамус!

Несколько минут великий прево простоял молча, задыхаясь, с отчаянием вглядываясь в безмятежное, поразительно безмятежное лицо, — только таким и могло быть лицо Мести! В темноте очертания тела терялись, — виден был только бледный овал, казалось, висящий в воздухе. Нострадамус безмолвствовал. Он улыбался. Роншероль молитвенно сложил руки и прошептал:

— Что я вам сделал? Почему вы помешали монаху спасти меня?

— Потому что именно я попросил короля арестовать вас. Потому что именно я заставил короля — при всей его расположенности к вам — отдать приказ схватить вас и бросить в эту темницу. А когда мне удалось одним словом, одним взмахом руки смести вас с пьедестала, было бы абсурдным позволить вам вновь подняться на него.

— Это по вашему наущению меня арестовали! — растерянно бормотал Роншероль. — Да-да! Я должен был, должен был догадаться… С первого же взгляда я почувствовал, что вас надо ненавидеть… С первого же произнесенного вами слова я почувствовал: передо мной — враг… Что я вам сделал? Не знаю, не понимаю… Но вот что я понимаю отлично: если я не убью вас, в один прекрасный день вы прикончите меня! Так что же, Нострадамус? Вы довольны? Скажите! Посмотрите на эту камеру!

Нострадамус неторопливо повесил фонарь на крюк, вделанный в стену, и в камере стало чуть светлее. И только тогда он обратился к узнику и сказал все тем же бесцветным, невыразительным голосом:

— Я мог бы добиться для монаха и более сурового наказания. Но у монаха есть оправдание: он-то, по крайней мере, был искренним. Сейчас начинается его агония, скоро он умрет в отчаянии. Да, я вижу эту камеру… Но я видел и другую — когда-то. Эта вполне сносная. Та, о которой я говорю вам, была ужасна. Потоки воды струились вдоль стен, подобно ледяным змеям. Вода падала с потолка каплями, и каждая капля была — как слеза. Узника приковали к стене цепями, надев

кандалы на лодыжки. Сейчас я расскажу вам, как это было: кандалы были такими тесными, такими проржавевшими, что над ними образовались новые кольца — из плоти несчастного, кровоточащие, причиняющие мучительную боль валики. И так узник прожил несколько месяцев. Когда монах спустился в этот ад, узник поклялся ему, что не сделал ничего преступного. Поклялся спасением души. Бросился на колени, плакал кровавыми слезами. У него был отец… Он умолял монаха разрешить ему спасти отца, обещая сразу же вернуться в свою темницу. Монах молча ушел… Роншероль, послушайте, меня прислал к вам этот несчастный. Разве вы не считаете, что я правильно поступил, лишив монаха всякой надежды, ради которой он жил, разве я не прав, что уничтожил его?

— Но я-то не Лойола! При чем тут я? — растерянно повторял великий прево. — Я-то не сделал вам ничего плохого!

— Это правда, — согласился Нострадамус, но в голосе его прозвучало такое презрение, что Роншероль почувствовал себя раздавленным. — Мне вы ничего плохого не сделали. Вот только я пришел сюда по поручению того узника, о котором я вам говорил. Да, это не вы бросили его в темницу,

в могилу, по существу... Это сделал Лойола. И он наказан.

— Но я-то? Я-то при чем? — задыхался Ронше-роль. — Вы же сами говорите: не я это сделал! Какое отношение ко мне имеют несправедливость и жестокость монаха? При чем тут я?

— И это правда. Вы тут ни при чем. Но вам следует знать кое-что еще. Я совсем забыл назвать вам имя несчастного, который послал меня сюда...

— Не хочу его знать! — взвизгнул Ронше-роль.

— Нет, надо, чтобы вы знали. Этого человека звали Рено.

Ронше-роль почувствовал, как зашевелились волосы на его голове, как выкатились из орбит от ужаса глаза, как мурашки побежали по спине. Это имя! Это имя, которое в течение больше чем двадцати лет он всеми силами старался вытеснить из своего сознания, но оно продолжало отзываться в голове звоном погребального колокола. Это имя обрушилось на него теперь тяжелым камнем. Нострадамус наблюдал за великим прево, величественный и неумолимый, как сама Судьба. Ронше-роль тщетно пытался выговорить хоть слово, но язык не повиновался ему, из груди вырывался лишь слабый хрип. Маг снова заговорил.

— Эта камера, в общем, вполне сносное жилище, я уже говорил… Но я видел другую… Я спустился в нее сразу же, как приехал в Париж… Дал немного золота управляющему Тамплем, и он разрешил мне…

— Тамплем? — выдохнул наконец, кое-как справившись с собой, Роншероль.

— Да, вы не ослышались. Вам это о чем-то говорит? Итак, я смог спуститься в могилу, куда до того поместили несчастную, которая прислала меня сюда. Можно было заплакать от бешенства и от жалости, увидев эту дыру. Как у мужчин, которые все-таки, хотя бы внешне, напоминают людей, могло хватить совести запереть там женщину, молодую девушку? Я все время думаю об этом. И еще вот о чем: как она смогла там выжить, каким чудом? Хотите, я назову вам и ее имя?

— Мари де Круамар!

Роншероль, выкрикнув в порыве отчаяния имя своей жертвы и нелепо взмахнув руками, свалился без чувств.

Нострадамус продолжал стоять неподвижно. Он ждал, когда великий прево придет в себя. Через несколько минут Роншероль действительно зашевелился. Потом открыл глаза и встал на колени. Потом с трудом поднялся.

Он весь дрожал, судорожно сжимая руками виски. Он стучал зубами и бормотал почти неразборчиво:

— Кто этот человек? Почему он говорит, что его прислал Рено? Что его прислала Мари?

Нострадамус скорее догадался о смысле вопросов, чем расслышал их.

А Роншероль внезапно почувствовал прилив энергии. У него ведь железная воля. Сейчас он докажет… Сделав над собой неимоверное усилие, он попытался сосредоточиться на одной мысли: еще не все потеряно, надо защищаться. Но для этого нужно прежде всего узнать, кто на самом деле этот человек. И узник решил признаться:

— Да, я знал Рено. Я знал Мари де Круамар. Вы говорите, что они послали вас ко мне?

— Я пришел по их поручению, — подтвердил Нострадамус.

— Но когда же вы их видели? — жадно выспрашивал Роншероль.

— Я вижу Рено каждую минуту своей жизни. А что до Мари де Круамар, я видел ее несколько часов назад.

«Живую! — с радостью подумал великий прево. — Живую! Значит, призрак, которого мы видели с Сент-Андре, вовсе не был призраком!

Она жива! И он жив! А значит, клянусь адом, сейчас все дело в том, чтобы проявить силу и военную хитрость! Можно выиграть эту битву! Мы еще посмотрим!»

Да, Роншероль был умелым и мужественным бойцом. Он не сдавался. Он дерзко поднял глаза на Нострадамуса, но увидел, что тот по-прежнему спокоен и невозмутим.

— И что же они вам поручили сделать?

— Отомстить! — тихо ответил маг.

— Значит, отомстить? — усмехнулся Роншероль. — Это мы еще посмотрим! Еще один вопрос. Почему вы взяли на себя такую странную миссию? Почему они сами не позаботились о том, чтобы отомстить мне?

Нострадамус сжал мощной рукой запястье узника, наклонился к его уху и глухо прошептал:

— Потому что они мертвы!

Роншероль понял, что этот внешне совершенно спокойный человек играет с ним, как кошка с мышью, которую вот-вот прикончит. Но, собрав последние силы, он выпрямился и бросил в лицо гостю:

— Но вы сказали, что видите Рено каждую минуту своей жизни! Вы сказали, что видели Мари несколько часов назад! Получается, что они

умерли сегодня? Минуту назад?

— Прошло больше двадцати лет с тех пор, как они умерли!

Когти страха снова впились в затылок Роншероля. Он сжался и прошептал:

— Но вы говорили…

— Я говорил, что приехал во Францию отомстить за них.

У Роншероля от столкновения с Неизвестным закружилась голова. Он уже не был в тюремной камере. Он был в комнате Мари де Круамар. В той самой комнате, куда он привел Франсуа и Анри. А в голове бешено звонили колокола — совсем как тогда, на подъемном мосту замка на улице Фруамантель:

«Рено! Это пришел Рено!»

Когда ему удалось снова взять себя в руки и обрести хладнокровие (скорее всего под воздействием воли самого Нострадамуса), он почувствовал себя сломленным, разбитым. Ему оставалось только одно: попросить у этого человека пощады. Роншероль бросился на колени и взмолился:

— У меня есть дочь. Только ради нее, ради того, чтобы спасти ее, мне нужна свобода. Позвольте мне спасти дочь, а потом делайте со мной что вам угодно. Я же говорю вам: у меня есть дочь…

Он рыдал.

— Я знаю, — все так же невозмутимо отозвался Нострадамус. — Ее зовут Флоризой. И я знаю, как вы любите эту девушку. Вы, Роншероль, вы кого-то любите! Судьба вложила в самое ваше сердце оружие, которым я это сердце разобью…

— Что ты хочешь этим сказать? — взревел Роншероль. — Демон! Дьявол! Убей меня! Ну, убей же меня! Но не трогай мою дочь! Сжалься над моей дочерью! Что ты с ней сделал?

Лицо Нострадамуса озарил сияющий свет. Глаза его сверкнули. Голос прозвучал, подобно колоколам, мерещившимся великому прево.

— Я отдал ее королю!

— Пощади! Смилуйся! Я отдам за нее свою жизнь! Беги! Спаси ее!

— Слишком поздно. В этот час, может быть, в эту самую минуту король Генрих II приехал к твоей дочери.

— Отдать ее! — рыдал Роншероль. — Отдать ее королю!

— Да. Тому же человеку, которому ты когда-то отдал Мари де Круамар!

Роншероль упал лицом в землю.

Нострадамус вышел, как всегда, спокойный и величественный, вот только тюремщик, ко-

торому он отдавал ключи, заметил, что руки странного посетителя немного дрожат, а по лицу его струится пот.

Часть семнадцатая
ПЬЕРФОН

I. Побег

А теперь нам придется пригласить нашего читателя вернуться немного назад, в совсем недавнее прошлое. Итак, утро того же дня…

Что делала в это время Флориза? Когда прошло первое удивление, вызванное тем, что она, сама не зная, каким образом, оказалась в никогда прежде ею не виданном старинном феодальном замке, девушка сразу же постаралась вообразить, как развивались события. Она поняла, что ее похитили — то ли король, то ли Ролан де Сент-Андре, — и приготовилась к защите. Она не удостаивала ни словом, ни взглядом двух матрон, неотступно за ней следовавших и не оставлявших ни на минуту без присмотра. Она поклялась, что живая никому не дастся в руки и заставит похитителя отнестись к себе с почтением — будь то даже сам император. Она видела, что выбирать придется между смертью и бесчестьем. И она выбрала смерть.

С этого момента и тоска, и тревога, поначалу мучившие ее, исчезли. Она стала ждать. Ждать храбро, даже с какой-то бравадой. Стоило девушке понять, что она сама стала хозяйкой своей

судьбы, ее охватила непонятная, неизвестно откуда взявшаяся горделивая радость. Но эту радость порой застилало грузное облако печали. И печаль эта доходила до отчаяния, когда она прокручивала в памяти сцену сражения у своего дома, сцену, в которой то и дело сверкала некая шпага… Когда ей вспоминалось имя этого разбойника, имя изгнанника, имя, которое девушка, отказывавшая королю, шептала тогда помертвевшими губами:

— Руаяль де Боревер…

И настала ночь со вторника на среду.

В просторной комнате, примыкавшей к спальне, отведенной Флоризе, болтали две кумушки. Те самые мужеподобные матроны, которым было поручено ее стеречь. Единственный светильник, горевший в комнате, скупо освещал склоненные одна к другой головы этих полицейских в женском обличье, отличительными чертами которых были трусость и способность предать, греховность и корыстолюбие… Но с этими их гнусными чертами мы еще столкнемся, а пока просто познакомимся с ними. Одну из них — ту, что припадала на ногу, — так и звали Хромушей. Другая — с черными усами — называлась Аркебузой. Почему, мы не знаем, но таково уж

было ее имя.

Пробило два часа ночи.

— Наверное, можно лечь поспать, — предположила Аркебуза. — Господи Иисусе, когда я думаю о том, какой знатный молодой сеньор в сорок третьем году… Надо вам сказать, что у меня были черные глаза, коралловые губки и, когда я проходила по улице, все оборачивались… Значит, этот юный барон…

— Совсем, как у меня! — не дала ей договорить Хромуша. — В тридцать девятом у меня были на месте все зубы и обе ноги были как новенькие… Сейчас расскажу! Только, знаете, лучше нам все-таки последить за ней, потому что эта малютка способна сыграть с нами злую шутку. Так вот, это был герцог, герцог де…

— Да-да, последим. И каждая из нас получит завтра в полдень две сотни экю! Я не смогла обойтись с бароном жестоко, потому что у меня же христианская душа. Если бы я не согласилась его утешить, он бы просто заболел, и тогда…

— А мой герцог пронзил бы себя шпагой, если б я не сжалилась над ним! И когда я думаю, что эта малютка не хочет короля…

— Да-да, короля! Ах, король! Король — это король!

Они обе подняли глаза к потолку и хором признали:

— Надо последить! Как следует последить за ней!

— А вы совершенно уверены, — спросила вдруг Аркебуза, — что мы получим наши две сотни экю? У меня нет никакого доверия к этому чертову маршалу!

— Но… Сент-Андре очень богат… Говорят, у него то ли десять, то ли пятнадцать миллионов!

— Миллионы! Ох, миллионы!

— Скажите, дорогая, ну откуда в наше время взять миллионы?

— Хотите заработать один? — неожиданно прозвучал в полутьме мужской голос.

Обе матроны вскочили со своих мест и пронзительно закричали. Рядом с ними стоял мужчина. Как он сюда попал? Где был до сих пор? Каким образом ему удалось войти в эту комнату? Охранницы перекрестились. Но почти сразу же успокоились, признав в нежданном госте сына маршала де Сент-Андре. Нанятые на работу маршалом, они сочли совершенно естественным, что его сыну могло быть поручено передать им какой-то новый приказ.

— Так вы хотите знать, как заработать милли-

он? — нетерпеливо спросил Ролан.

Он был смертельно бледен, взгляд его блуждал, на лбу проступили крупные капли пота. Он сказал: миллион! Он мог с таким же успехом сказать: два миллиона, три миллиона… Все миллионы отца… Оказавшись так близко от Флоризы, он понимал особенно остро всю бесполезность своего богатства, самой своей жизни, если ему не удастся завоевать девушку. А так все-таки рождалась надежда: если я дам тысячу ливров этим двум бабенкам…

Слово «миллион» возникло как бы само по себе, это был шедевр подсознания. Надзирательницы были ошарашены. Они так и стояли, растерянные, и в головах у них кружилась одна и та же смутная мысль: им привалило неслыханное счастье, такая удача, которая своей внезапностью больше всего напоминает катастрофу.

— Да, миллион. Вы разделите его между собой. По пятьсот тысяч каждой.

Они дружно бросились на колени и забормотали молитву.

— Когда мы получим деньги? — охрипшим от волнения голосом спросила Аркебуза.

— Завтра. Через несколько часов. Вы знаете, кто я? Сын маршала де Сент-Андре. Все его сокрови-

ща, о которых вы только что говорили, находятся сейчас в подвалах моего дома. Завтра, в час, который вы сами назначите, приходите ко мне на улицу Бетизи, и там вы поймете, как в наши дни заработать миллион!

Зубы его стучали. Он был смертельно бледен. Почти болен от страсти. Негодяйки, прекрасно разбиравшиеся в людях, по лицу молодого человека, по его удивительной искренности сразу поняли: он на самом деле готов на все. На преступление, на безумство, на великодушие, щедрость, жестокость — на все, что угодно… И одарили его улыбкой.

— Ладно, — согласилась Аркебуза. — Но, понимаете, ведь нужно, чтобы все было именно так, если вы хотите, чтобы мы отдали вам малютку.

— Все будет именно так, — серьезно ответил Ролан. — Вы получите ровно миллион, не меньше.

Отдать Флоризу Ролану! Но он ведь еще ни слова не сказал об этом, даже не намекнул! А они все равно сразу же догадались. Ролан и не заметил, что негодяйки предлагают ему то, о чем он их только собирался попросить.

— Нужно, — сказал он, — привести ее ко мне в таверну, здесь, поблизости, на рассвете.

— А как мы пройдем? Как выйдем из замка? Его

охраняют полсотни гвардейцев.

— Пойдемте, покажу, — улыбнулся юноша. Хромуша осталась стеречь Флоризу. Аркебуза отправилась вслед за Роланом.

Она вернулась через полчаса. Хромуша поджидала подругу по счастью с нетерпеливой тревогой, имеющей обыкновение нарастать от минуты к минуте, когда ждешь какого-то невероятного события. Миллион, обещанный за предательство, да, тут было от чего потерять голову. Но они справились с потрясением и теперь с чистой радостью ожидали этот подарок судьбы. И чувствовали, что умрут, если по какой-то причине лишатся этого миллиона.

На горизонте появились неясные бледно-розовые полосы, все небо еще оставалось темно-синим: начинался рассвет. Они погасили светильник. Аркебуза рассказала о спуске, о подземном ходе, о железной двери, ведущей на дорогу.

— А как мы унесем ее? — спросила Хромуша. — Она так разорется, что…

— Надо, чтобы она пошла сама, — задумчиво откликнулась Аркебуза.

— Понятное дело. Я скажу ей, что передумала, и предложу бежать…

— А она не поверит… Нет уж. Позвольте мне

действовать самой: молодой человек с миллионом объяснил, что надо сказать.

Аркебуза тихонько поделилась с сообщницей своими планами, а потом вошла в спальню Флоризы.

Девушка спала. Сон ее, по всей видимости, был тревожным, но ей хватило мужества заснуть. Левая рука Флоризы свешивалась с кровати — беломраморная обнаженная рука дивной красоты. Правая сжимала рукоятку кинжала — последнего средства защиты.

Аркебуза подошла к постели и тронула спящую за плечо. Та сразу же проснулась и вскочила с кровати.

— Мадам, — сказала надзирательница, — король во дворе замка!

— Король! — вспыхнула Флориза.

— Ну, не во дворе, но сейчас подъедет… Мадам, мне нужно вам кое-что сказать: король обещает нам двести экю, если…

— Несчастная! — с презрением бросила Флориза, пытаясь поскорее одеться, но ей удавалось это с трудом: руки слишком сильно дрожали. А ведь от того, насколько быстро она сумеет собрать свои вещи, зависела вся ее жизнь!

— Пообещайте мне вдвое больше, — прошепта-

ла женщина, — и я помогу вам бежать!

— Бежать! О, бежать! Да-да, скорее! Бежать! Вдвое… Вы получите сколько захотите! Тысячу, две тысячи экю! Мой отец отдаст все…

— Пойдемте, — предложила Аркебуза, накидывая широкий плащ на плечи девушки.

В этот момент Флориза подняла глаза и увидела устрашающую улыбку на лице искусительницы.

— Боже, это ловушка! — закричала она, попятившись. — Ловушка!

— Значит, мне надо сказать тому молодому человеку, который послал меня к вам, что вы отказываетесь идти со мной и предпочитаете дождаться короля? — ехидно спросила Аркебуза и сделала шаг к двери.

— Погодите! Стойте! — растерянно воскликнула Флориза. — Ах, нет… Пусть… Я дождусь его, и он увидит, как может умереть дочь Роншероля!

— Бедный молодой человек… — притворно вздохнула негодяйка.

— Какой еще молодой человек, говорите же, несчастная!

— Его зовут Руаяль де Боревер, и он вас любит, вот и все, что я знаю.

Флориза затрепетала, но она еще колебалась. Ее огромные прекрасные глаза засияли, как звез-

ды любви. Внезапно она успокоилась. Руаяль де Боревер здесь — этого было достаточно. С ней больше не может случиться ничего плохого. Она принялась быстро одеваться, и руки на этот раз не изменили ей.

— Король сейчас поднимется, идемте, идемте!

Флориза укуталась в плащ и приказала:

— Проводите меня к нему.

Было восемь часов утра.

II. Где был Боревер

А когда эта самая ночь, о которой рассказывалось в предыдущей главе, еще не только не закончилась, но только начиналась, как, наверное, помнит читатель, Лагард пустился в погоню за Боревером и настиг его за поворотом улицы.

Мы оставили Боревера в ту минуту, когда он, вжавшись спиной в стену, с пылающими глазами пересчитывал направленные на него шпаги. Девять! Хорошее число. Одно слово начальника — и все девять бросятся с громкими криками в атаку. Тогда еще не вошли в моду молчаливые поединки, ругаться при нападении и защите казалось куда более естественным.

А пока они еще стояли на расстоянии от будущей жертвы и, не стесняясь в выражениях, поливали ее грязью, таким образом, в соответствии со всеми правилами, возбуждая себя для битвы не на жизнь, а на смерть. Боревер, разумеется, отвечал тем же и старался побольнее уколоть противников.

— Ага, вот и господин Лагард со своей сворой бешеных собак! Добрый вечер, лакей из псарни!

— Ну, иди, иди сюда, мерзавец! — прошипел

Лагард.

— Сам иди, пес вонючий! — ответил Руаяль.

— Для тебя готовят хорошенький костер, тебе спалят шкуру, как какому-нибудь жиду или свинье!

— Ага, а вместо поленьев в костер станут подкидывать вас, сволочей!

Начальник Железного эскадрона скрипнул зубами. Он осмотрелся по сторонам и увидел, что его люди только и ждут знака, который позволил бы им перейти в нападение.

— Берите его, — приказал Лагард, — но помните, что он мой!

— А вот и хлыст! — воскликнул Боревер, и шпага его хлестнула барона по щеке.

Лагард вскрикнул, и тут же — эхом — раздался жалобный стон: один из его головорезов тяжело упал лицом в землю. Это был излюбленный удар Боревера, знаменитый, прославивший его удар: описав в воздухе сверкающий полукруг, шпага после «пощечины» начальнику здесь прошлась по чьему-то носу, там — по подбородку, и, наконец, вонзилась прямо в грудь!

— Один готов! — сказал Боревер. — Кто на новенького? Кто напрашивается — вот моя шпага! Ну, давайте!

Восемь шпаг в одно мгновение нацелились ему в грудь, восемь хриплых голосов завопили:

— Ах, так! Сейчас мы доберемся до твоих кишок, котел для свиных потрохов только их и дожидается!

И почти сразу же раздался вздох разочарования: шпаги головорезов воткнулись… в пустоту! Боревер бросился на землю. Через секунду он уже вскочил и — нанес удар. На этот раз оказался вспоротым живот одного из наемников. И Руаяль воскликнул:

— Вам нужны кишки для вашего котла? Берите! Вот и второй!

Их осталось семеро. Они отступили под предлогом того, что надо утереть взмокшие лбы. На самом деле бешенство, смешанное с удивлением и восхищением, парализовало головорезов Лагарда. Человек, которому положено было уже в течение по крайней мере десяти минут валяться мертвым на земле, оказался живехонек! И без единой царапины!

Передышка длилась две или три секунды. Потом, внезапно, пока еще наемные убийцы поджидали благоприятного момента для новой атаки, теснее сплачиваясь, раздался крик:

— Вперед! Дело дошло до вылазки, черт меня

побери!

Руаяль выскочил из своего темного угла, но в ту же секунду исчез в тени, словно испарился, словно и не было. Но «вылазка» обошлась нападавшим еще в одного человека. А Боревер продолжал считать.

— Вот теперь и трое! Кто следующий? — издевался он. Шпага его покраснела от крови, глаза налились кровью, в уголках рта выступила пена.

— Вперед! — прогремел Лагард.

Шестеро бойцов ринулись в атаку… Столкнулись со страшным звоном клинки, вырвались из шести глоток ужасные проклятия, понеслась над улицей грязная ругань, перемежаемая хриплыми вздохами… И вдруг все замерло. Банда, состоявшая теперь уже только из пятерых, отступила. Раздался пронзительный вопль:

— Капитан убит!

Это была правда. Лагард лежал в уличной грязи, из продырявленной груди лилась кровь, он не шевелился. Боревер тяжело дышал. Его плащ был изодран в клочья, оба плеча кровоточили, но он был жив! Он был жив, и в его голосе по-прежнему звучала издевка:

— Чья очередь? Кто хочет научиться удару Боревера?

— Схватим его, а потом отнесем королеве его голову, — предложил один из пяти уцелевших в бойне.

— Да-да… вперед!

Они бросились было впятером на Руаяля, но… неожиданно нападавших оказалось только двое. Трое только притворились, что идут в атаку, а на самом деле использовали момент, чтобы сбежать, и неслись теперь так, будто за ними гнался по пятам сам дьявол! Оставшиеся двое остановились в растерянности.

И тогда Боревер расхохотался. Он выхватил у обалдевших головорезов шпаги, сломал клинки о колено и отбросил в сторону. Он мог бы сейчас схватить противников за бороды, надавать им пощечин, изругать их последними словами, а они — изумленные происходящим, ошарашенные — и не подумали бы защищаться. Боревер хохотал. От этого смеха дрожь пробегала по телу и душа уходила в пятки. Наемники думали: «Вот, значит, он какой, Боревер! Когда идешь брать Боревера, девятерых мало! Сейчас он нас прикончит!»

Он действительно прикончил их, но своеобразно. Боревер вцепился в волосы парочки негодяев, оставшихся от Железного эскадрона, и принялся сталкивать их лбами, приговаривая:

— Получайте свое и убирайтесь! Да-да, убирайтесь к чертям, потому что я вас помиловал!

Стоило ему отпустить свои жертвы, как они стрелой помчались по улице, они улепетывали, как зайцы! Тогда Руаяль наклонился к Лагарду, притронулся к его груди и понял, что смерть довершила начатое им дело.

— Бедный малый! — прошептал он.

И это была единственная надгробная речь, произнесенная над телом ужасного барона Лагарда, прославленного наемника королевы.

Разогнувшись, Боревер обнаружил, что от его шпаги уцелела только рукоятка. Он несколько секунд изучал ее, потом задумчиво прошептал:

— Смотри-ка! Это же не моя шпага!

И точно: это была не его шпага — его оружие осталось в замке на улице Фруамантель. Он сражался шпагой капитана шотландской гвардии… шпагой, присланной Екатериной Медичи Нострадамусу, потому что судьбе было угодно, чтобы король пал от оружия Монтгомери!

«Как это я мог ошибиться?» — подумал Руаяль.

Он покачал головой, пожал плечами и, бросив последний взгляд на трупы, валявшиеся вокруг него, гордой и твердой походкой отправился в обратный путь. Но отнюдь не в замок. Боревер

пошел прямо в тот не часто посещаемый и пользующийся дурной славой кабачок, где когда-то искали для него убежище его четыре телохранителя. Там он наложил на раны повязки с мазью, купленной у цыганок во Дворе Чудес. Там он смог приобрести просторный и удобный плащ и заменить изорванный камзол на новый. Там он выбрал из двух или трех сотен шпаг самую длинную, самую крепкую и самую гибкую — настоящий боевой палаш… Деньги у Руаяля были: Нострадамус щедро наполнил его кошелек. Закончив экипировку, он позаботился о покупке доброго коня и примерно к тому моменту, когда воротам Парижа полагалось открыться, оказался, сидя верхом на своем новом коне, у ворот Сен-Дени.

Путь Боревера не опишешь, для обозначения его скорости не найдешь подходящих слов… Он летел ураганом, на разъезженных, ухабистых дорогах люди видели, как нечто, подобное пушечному ядру, проносится мимо в облаке пыли, иногда успевая заметить отблеск стали от оружия всадника или железа от копыт его лошади. А мысль Руаяля мчалась еще быстрее: она обгоняла его, она улетала вдаль — исступленная, неистовая, необузданная, — она опережала бешеный

галоп коня…

Когда он выскочил из леса, ему померещился впереди на сияющем утреннем небе темный и мрачный колосс, вроде бы поджидающий его. Бореверу показалось, что сердце сейчас вырвется из груди. Он издал торжествующий победный клич, бросил поводья и протянул крепко сжатые кулаки к гиганту. Его сведенное судорогой лицо пылало. Он рычал:

— Нам двоим!

А лошадь продолжала бешеную скачку. Она остановилась только тогда, когда животный инстинкт привел ее к воротам таверны, где был привязан другой конь, ответивший звонким ржанием на появление всадника. В этот момент Бореверу удалось овладеть собой.

— Отлично! — громко воскликнул он, не сознавая, что разговаривает сам с собой. — Здесь я смогу получить сведения об этом разбойничьем логове!

Руаяль спрыгнул на землю, и в тот же момент загнанная лошадь упала, кровь потекла из ее ноздрей…

Боревер резко толкнул входную дверь и ворвался в пустой, безлюдный в эту раннюю пору зал. Казалось, в трактире никого нет, только где-то

наверху слышался шум борьбы. Он принялся звать хоть кого-нибудь. Никто не откликнулся, но на втором этаже шум внезапно усилился, лестница застонала под тяжелыми шагами. Боревер, весь трепеща, прислушался… И тогда раздался ужасный крик, крик женщины, обезумевшей от отчаяния, раздался голос, который он узнал бы из тысячи и узнал еще прежде, чем понял смысл слов:

— Боревер! Ко мне, Боревер!

— Я здесь! — проревел он.

В этот момент распахнулась дверь в глубине зала, даже не распахнулась — отлетела под мощным ударом ноги. Показался Ролан де Сент-Андре. Он, излучающий радость победы, но еще пышущий гневом, двинулся к выходу из таверны, крепко прижимая к себе полумертвую Флоризу. Он ничего не видел, ничего не слышал. Но в ту секунду, когда он ступил в пустой зал, ему показалось, что на него налетел бешеный вихрь и с ясного неба прогремел гром. Он пошатнулся, два или три раза перевернулся вокруг своей оси и откатился на десять шагов… Когда он поднялся с пола, то увидел, как Боревер совершенно спокойно и очень нежно укладывает Флоризу на дощатый настил. Она была в обмороке.

От страха? Нет. От физического напряжения? Нет. От радости!

Когда дверь в зал открылась, ей сразу бросилось в глаза это зрелище: вихрь, пронесшийся по просторной комнате, стремительно бросившийся в атаку мужчина, пламенеющее, как свет молнии среди туч, лицо… Улыбка промелькнула на бледных губах девушки, уверенная, чуть насмешливая улыбка, такая, какую мы помним у нее еще с тех пор, как впервые увидели по пути из Мелена. Флориза прошептала: «Он здесь!» и — потеряла сознание.

Не теряя времени, Ролан с обнаженной шпагой в руке бросился к Руаялю. Он был страшен: взъерошенные волосы, блуждающий взгляд. Он был вне себя от бешенства.

— Так, — серьезно и спокойно отметил Боревер. — Значит, вот оно — продолжение встречи в «Трех журавлях»? Один вопрос: хотите по-хорошему убраться отсюда?

Ролан не ответил, только скрипнул зубами и придвинулся ближе. Благодаря тому, что за несколько лет дуэли стали для него привычным делом, или благодаря высшему инстинкту, он сумел в этот момент изгнать все мысли, кроме одной: надо, просто необходимо убить этого че-

ловека! Он опытным глазом определил наиболее выгодную для себя позицию, откинул на ходу два или три табурета, которые могли бы помешать поединку, преграждая дорогу. Руаяль терпеливо ждал, покалывая кончиком шпаги сапог, но взглядом, по-прежнему излучавшим молнии, он убирал со своего пути, убивал, уничтожал противника. И не сделал ни одного движения, обеспечившего бы ему более надежную защиту.

Соперники встали в позу, шпаги схлестнулись, и Ролан, сжав губы, начал со страшного удара справа. Ему удалось оцарапать подбородок Боревера. Удалось, отскочив в сторону, избежать не менее ужасного ответного удара. Обмен «приветствиями» длился всего лишь две секунды.

После него опять наступило затишье. Ролан, неподвижно стоявший в трех шагах от Боревера, медленно повернул голову и налитыми кровью глазами исподлобья посмотрел на него, как собака, выжидающая наилучшего момента для нападения на врага. И внезапно бросился вперед. В течение минуты были слышны только тяжелое дыхание дуэлянтов и скрежет стали о сталь. Шпаги так и мелькали в руках знатоков своего дела. Атаки, отраженные удары, снова атаки, ответные уколы, «пощечины» сменялись

с бешеной скоростью. Несколько секунд длилась рукопашная схватка. А когда Ролан после нее чуть отступил, собираясь снова рвануться вперед, это ему не удалось: удивительно длинная и гибкая шпага Боревера все-таки дотянулась до его груди и пронзила ее. Рекой полилась кровь…

Но Ролан не упал. Он не бросил шпагу. Он онемел от гнева больше, чем от боли, но по глазам было понятно, какими чудовищными проклятиями он мысленно осыпает своего удачливого соперника. Губы его исказила гримаса, он попятился, а Боревер, оставаясь неподвижным, смотрел на смертельно раненного им человека с любопытством великодушного победителя, который думает о том, чем же теперь он может помочь умирающему…

Ролан отступал, пошатываясь, было похоже, что последним громадным усилием он пытается собрать остатки жизни, еще теплившейся в нем. Внезапно он остановился: увидел рядом с собой все еще лежавшую без чувств Флоризу. И снова его черты исказились злобной гримасой, молчаливой усмешкой, которая сменилась приступом безумного хохота. Взяв шпагу в обе руки, он поднял оружие над головой и — насколько хватило мощи, громко — выкрикнул:

— Ты ее не получишь, как и я сам!

С этими словами он молниеносным движением направил шпагу в грудь девушки. Но внезапно человек и шпага, табуреты, вся комната закружилась, завертелась, все покатилось по полу… Боревер прыгнул на Ролана и обрушил тому на голову рукояткой своего палаша удар такой силы, что его оказалось более чем достаточно…

Битва была закончена полным разгромом. А ведь прошло едва ли более пяти или шести минут с того момента, как Руаяль спрыгнул с коня у таверны. Он обернулся к Флоризе и увидел, что девушка уже пришла в себя, поднялась и торопливо закутывается в плащ.

— Бежим! — сказала она.

Любые слова признательности выглядели бы нелепостью. Она благодарила его всем своим существом…

— Ничего не бойтесь, — тихо ответил он. И еле устоял на месте, такая радость сжала ему сердце. — Теперь нечего бояться!

Она посмотрела ему в глаза, и он побледнел под этим взглядом.

— Я ничего не боюсь, но надо бежать, и побыстрее… — «Если придут люди короля, все пропало», — подумала она. — Бежим! Через ми-

нуту будет поздно!

— Хорошо, мы уедем отсюда, — согласился Боревер. — Но куда вас отвезти?

— В Париж, к отцу, — сказала она твердо.

III. После битвы

А назавтра, в четверг…

Раненый в таверне так и не пришел в сознание. Лишь иногда он шептал какие-то невнятные слова.

Ближе к полудню из леса вырвалось облако пыли: это была группа всадников. Впереди — в десяти шагах от блестящего эскорта — два знатных сеньора. Они болтали и смеялись на скаку.

Это были король Генрих II и его любимец — маршал Жак д'Альбон де Сент-Андре.

За ними — на тяжелых боевых конях, великолепно сидящие в седлах, прекрасно экипированные охранники шотландской гвардии во главе со своим капитаном Габриэлем Монтгомери.

Все обитатели Пьерфона высыпали из домов и побежали навстречу с радостными криками: «Ноэль! Ноэль!»

Генриха II почти сразу же узнали. Закричали сильнее: «Да здравствует король!» Замок, со своей стороны, приветствовал хозяина выстрелами из аркебуз, поднимавшими с земли и деревьев тучи ворон. Флаг с гербом Франции тоже взметнулся в небо над Пьерфоном, и вся кавалькада, перебрав-

шись через ров, въехала в необычайно красивый парадный двор с галереей, украшенной фантастическими гаргульями[47] и ясно говорившей о той роскоши и том великолепии, в каких жили феодальные сеньоры.

Но очень скоро весь этот шум, все это движение, общее волнение замерли. Над замком нависла тяжелая тишина, она перекинулась на его окрестности и, казалось, на всю округу.

Несколько минут спустя группа из пяти или шести офицеров поспешила к находившейся поблизости таверне. С ними были король, маршал и хирург.

Эта группа под водительством врача, промелькнув мимо хозяина трактира и его жены, буквально ворвалась внутрь. Король был белым от гнева. Сент-Андре дрожал. Все поднялись в комнату, где уложили раненого Ролана.

— Сир, — сказал хирург, — вот раненый, о котором я только что говорил. Мое смиренное мнение: этот молодой человек имеет какое-то отношение к событию, беспокоящему Ваше Величество, и его ранение…

---

[47] Примечания: 47

Гаргульи — фантастические фигуры, изображающие демонов и злых духов, украшавшие входные и выходные отверстия водосточных труб. (*Примеч. пер.*)

— Ролан! — воскликнул король, прерывая лекаря.

— Мой сын! — прошептал подбежавший к постели Сент-Андре.

И снова воцарилась тишина, ужасная, мертвая тишина, нарушали которую лишь хриплые стоны раненого. Наконец Генрих II произнес:

— Пусть все немедленно выйдут! А вы, маршал, останьтесь!

Никто не решился ослушаться короля, все быстро вышли из комнаты. Когда король и маршал остались одни, Генрих повернулся к Сент-Андре, и тот увидел, что лицо государя конвульсивно дергается.

— Вот! — воскликнул король с неописуемым бешенством. — Вот, значит, почему я не смог найти в замке Флоризу! Ваш сын похитил ее у меня! Украл! — Внезапно его осенила догадка, и он добавил, накаляясь все больше: — Если вы в этом замешаны, маршал… Если вы осмелились так играть мною, клянусь Богоматерью, ни ваш титул, ни ваши прежние заслуги, ни моя давняя привязанность к вам не помешают примерно вас наказать! Будьте осторожны! В Париже нас ждет палач и…

Он не закончил фразы. Но маршалу и сказан-

ного было достаточно. Сент-Андре побледнел от охватившего его ужаса, однако гордость пересилила страх и придала ему энергии.

— Сир, — сказал он твердо, — вы уличаете в неслыханном и несуществующем преступлении убитого горем отца, стоящего у изголовья умирающего сына! Это недостойно ни короля, ни одного из Валуа!

Впервые в жизни Сент-Андре показал своему монарху, что он не просто знатный дворянин, что он — человек! Его слова задели Генриха за живое. Он протянул маршалу руку, которую тот, снова превратившись всего лишь в придворного, каким, по существу, всегда и был, с глубоким поклоном поцеловал, шепча:

— Ах, сир, вы удостаиваете меня такой чести, чтобы утешить…

— Какая злая судьба! — охватив голову руками, воскликнул король. — Господи! Но ты понимаешь, Сент-Андре, я хочу знать все, все!

— Сир, — ответил маршал, — сейчас вы узнаете правду. Посмотрите: Ролан открывает глаза!

— Отлично! — Генрих скрипнул зубами. — Раз так — допроси его сам! Потому что мне, хоть он и умирающий, не хватит мужества выслушать его и не придушить!

Генрих упал в кресло и принялся тяжело вздыхать, каждый его вздох звучал, как рыдание.

— Ролан, — наклонился к сыну маршал, — ты слышишь меня? Ты узнаешь меня?

— Да, — свистящим шепотом ответил раненый. — И еще я узнаю человека, сидящего вон там…

— Твоего короля, несчастный, твоего короля! Сир, он бредит! — поспешил оправдать сына Сент-Андре.

— Допрашивай его! — сурово приказал король.

— Ролан! Ролан! Наступает самый ответственный момент вашей жизни. Вы готовитесь предстать перед Господом нашим. Заклинаю вас: говорите правду. Кто похитил мадемуазель де Роншероль?

— Я! — ответил раненый.

Он приподнялся в постели: в последние минуты агония, как ни странно, иногда награждает умирающих приливом жизненных сил.

— Я! — диким голосом проревел он. — Да, я! А вот и он! Ах, он отнимает ее у меня! О, негодяй! Он убивает меня! На, получай! Подохнешь, как собака! Нет, это я умираю! Он убивает меня, он убил меня! О, сжальтесь, сжальтесь, бегите за ним, догоните его, арестуйте! Я же говорю: он

украл ее у меня!

— Кто украл? О ком он говорит? — вспыхнул король.

— Боревер! Руаяль де Боревер! — словно услышав его вопрос, откликнулся умирающий.

— Опять он! — в бешенстве закричал Генрих. — О, горе, горе ему!

— Горе… — повторил, заметавшись в последнем приступе агонии, раненый все тем же страшным голосом. — Да, горе мне! Она любит его! Она его обожает, слышите?! А я… А меня… А меня она ненавидит! Она меня презирает!

Ролан сел, протянув вперед руки. Его взгляд пылал. Но внезапно он упал на подушки, вытянулся. Глаза и рот остались открытыми, но все было кончено.

Маршал и король вышли из комнаты. Они спустились вниз по лестнице, сгорбившись, взъерошенные, подавленные…

Десять минут спустя кавалькада галопом скакала к Парижу.

Часть восемнадцатая
СХВАТКА

I. Жилье для Флоризы

В Вилле-Котре Флориза смогла часок отдохнуть в доме одной дамы по фамилии де Туранж: великий прево оказал этой женщине в прошлом году важную услугу, и она считала себя обязанной ему. Дама оказалась признательной, щедрой и — главное! — не слишком любопытной. Она не задала девушке ни единого вопроса: ни по поводу странного состояния ее костюма, ни насчет не менее странного всадника, дожидавшегося у ворот поместья, — ни одного вопроса, хотя весьма странно выглядел этот неожиданный визит вообще. Она просто предоставила в распоряжение гостьи свои шкафы и сундуки, а потом, когда Флориза переоделась и высказала намерение немедленно покинуть гостеприимную хозяйку, приказала запрячь лошадей в свой дорожный экипаж.

В полдень экипаж в сопровождении скакавшего верхом Руаяля де Боревера въехал в столицу королевства через ворота Сен-Дени. Флориза сказала: «Отвезите меня к отцу!» И Руаяль направился в сторону резиденции великого прево, ни на минуту не задумавшись о том, чем ему грозит

появление там. А он ведь рисковал жизнью в еще большей степени, чем в Пьерфоне! Но он думал только о предстоящей разлуке с Флоризой. И если бы даже он точно знал, что во дворе резиденции для него уже воздвигнут эшафот, он все равно поехал бы туда: ведь этого хотела Флориза! Любовь творит и не такие чудеса…

«Вот уже второй раз я спасаю жизнь и честь дочери великого прево, — думал юноша. — Странно, что именно я! Отец, наверное, уже оплакивает ее… Да, вы, тот, кто вешает и сжигает людей на костре, вы, наверное, плачете сейчас, потому что вы ее любите! Любите девушку, которую я и сам люблю больше жизни! Ну, хорошо, не плачьте: вот он я, и вот она… Эй, стража! Держите его! Арестуйте этого разбойника! Так вы прикажете? Ни с места, господа! Стойте, сударь! Потому что сейчас в моих руках не Флориза, в моей руке отличная шпага! Ах, черт побери, вы сами на это напрашивались, адское отродье!»

Он скрипнул зубами.

«Интересно, о чем он думает? Какие мысли его тревожат?» — беспокоилась Флориза, сидя в глубине экипажа, но не спуская глаз с юноши.

Экипаж остановился перед резиденцией великого прево. Руаяль де Боревер спешился. Флориза

задрожала. Ее сердце кричало, совсем как там, у замка Пьерфон: «Не ходи туда, там опасность, там тебя поджидает смерть! Отвези меня, куда хочешь, ведь я принадлежу тебе одному!» Но Флориза была храброй, мужественной и упорной девушкой, она умела заглушить крики своего сердца и прямо посмотреть в лицо опасности. Не потратив ни секунды на колебания, она решила: «Если отец не примет Руаяля как сына, я умру вместе с любимым!»

— Господа, — сказал Боревер, поклонившись двум охранникам, — я хотел бы переговорить с господином великим прево!

— Нет тут больше никакого великого прево, — ответил один из стражников. — Король пока не назначил никого на место сеньора Роншероля…

— А сам господин де Роншероль… — ничего не понимая, пробормотал юноша.

— Квартирует теперь в Шатле! Хотите с ним поговорить — идите туда…

— Арестован! — прошептал Боревер с ужаснувшей его самого надеждой.

Но в ту же секунду за его спиной раздался крик, от которого охватившая Руаяля радость пропала, как не было. Флориза! Флориза все слышала! Флориза дрожала, побледнев от страха, потому что

она-то хорошо знала: из тюрьмы Шатле выходят только мертвыми! Руаяль де Боревер исподлобья взглянул на девушку, потом подошел к экипажу.

— Вы слышали, да?

— Мой отец погиб! — плакала Флориза. — Когда великого прево бросают в Шатле, это делают только для того, чтобы забыть о нем навеки… А если оттуда выходят, то только для того, чтобы подняться на эшафот…

— Великий прево не поднимется на эшафот и не останется в Шатле, — сказал Боревер.

— Но кто, кто помешает уничтожить его? — пролепетала Флориза.

— Я. Через неделю, не больше, ваш отец окажется на свободе. Клянусь вам в этом. Вы мне верите?

Флориза бросила на своего возлюбленного полный страстного восхищения взгляд. Она сжала руки на груди, словно собиралась молиться, и прошептала:

— Верю! О, как я верю вам!

«Силы небесные! — тут же мысленно отозвался Боревер. — Если я и погибну в попытке освободить его, то, по крайней мере, умру с раем в сердце!»

— Как это плохо, как это ужасно! — продолжала

между тем шептать Флориза. — Боже мой, это ведь смертный грех! Выбирать между отцом и им! Да простят меня ангелы господни, но… это его я выбираю! Я помешаю ему отправиться в Шатле, и… и если он все-таки пойдет туда, да, если пойдет, я пойду вместе с ним!

— А пока я займусь тем, чтобы вернуть вам вашего отца, — вдруг спросил Руаяль, — хотите побыть у матери, которую я вам выберу?

— У вашей матери? — встрепенулась Флориза с жадным и очаровательным любопытством девушки, желающей знать все о том, кого она страстно любит.

Боревер вздрогнул и задумчиво покачал головой.

— Моей? — переспросил он. — Нет. Это не моя мать. У меня нет ни матери, ни отца, ни семьи…

— Я, я стану вашей семьей! — воскликнула Флориза. Их взгляды встретились… — Так куда же вы хотите отвезти меня? — спросила она, мужественно справившись с головокружением и первой взяв себя в руки. — К кому?

— К одной женщине, которую я видел всего лишь два или три раза и о которой ничего не знаю. Но могу поклясться собственной душой, что эта незнакомка относится ко мне как родная

мать и что она полюбит всякого, кого люблю я!

Он вскочил в седло и приказал кучеру следовать за собой по улицам Парижа. Вскоре они остановились… Остановились на улице Тиссерандери перед домом Дамы без имени. Ведь Руаяль де Боревер решил отвезти дочь Роншероля не к кому иному, как к Мари де Круамар!

Итак, Руаяль де Боревер спрыгнул с лошади возле дома Дамы без имени и, подав руку Флоризе, помог ей выйти из экипажа. Потом он отослал кучера, не забыв вознаградить того золотой монетой, и карета двинулась в сторону Вилле-Котре. Дверь особняка на улице Тиссерандери отворилась прежде, чем Боревер успел постучать.

— Мирта! — воскликнул молодой человек, увидев стоявшую в проеме девушку. — Сестренка моя! И ты здесь!

— Вас увидели сверху и приказали мне открыть вам, — сказала «сестренка», бросив быстрый взгляд на Флоризу.

— Милая моя Мирта! — не переставал радоваться Руаяль. — Дай я тебя хоть поцелую!

И расцеловал ее в обе щеки. Мирта вздохнула.

— Вам интересно, почему я здесь? — снова заговорила она, пряча волнение. — Пожар в моей несчастной таверне понаделал много шума. По-

ползли разные слухи… Меня стали разыскивать и ищут до сих пор, потому что я вроде бы «оказала вооруженную поддержку» кому-то, кто вам хорошо известен. Оставаться на улице Лавандьер было опасно. И Дама, тоже вам известная, укрыла меня здесь… Но заходите же, заходите, я же говорю, вас увидели из окна и теперь ждут с нетерпением!

Мирта снова вздохнула. Присутствие Флоризы заставляло ее окончательно распроститься с мечтой.

Они вошли, и дверь за ними захлопнулась. Флоризе стало не по себе. Она никак не могла понять, чем вызван этот внезапный глухой страх, этот неясный ужас, змеей заползающий в сердце. Когда она наконец решилась поднять глаза, то увидела на лестничной площадке темный силуэт, показавшийся ей призрачным, похожим на привидение… Но это была живая женщина.

— Мадам, — обратился к ней Боревер, — вы когда-то уверяли меня, что, в какую бы переделку я ни попал, вы всегда поможете мне и защитите меня…

— Да, дитя мое, — сказала Дама без имени, со странным вниманием вглядываясь в лицо Флоризы.

Так могла бы смотреть мать, впервые оказавшись рядом с той, кого полюбил ее сын. Взгляд был полон тревоги, а за тревогой, за обеспокоенностью скрывалась истинно материнская ревность: может быть, единственный вид ревности, способный вызвать уважение.

Мари де Круамар именно так смотрела на Флоризу. Едва она увидела девушку рядом с Боревером, душа ее встрепенулась, она пылко пожелала, чтобы та оказалась достойна юноши. Потому что все существо Боревера излучало любовь. Даме без имени сразу же стало совершенно ясно: Руаяль целиком поглощен этой красавицей, он обожает ее, он готов пожертвовать ради нее всем, даже самой жизнью, он отдает ей себя, как умеют отдавать себя лишь чистые существа, нашедшие свой идеал. И сердце Мари де Круамар облилось кровью.

«Господи, Господи! — безмолвно молила она. — Господи, сделай так, чтобы ее сердце было достойно его! Но почему? Почему? Откуда у меня это безумие? Какое мне дело, в конце концов, до счастья этого молодого человека? Кто он мне? Не знаю… Не знаю… Но чувствую, что, если она окажется недостойной его, я ее возненавижу! Как ненавижу Сент-Андре… Как ненавижу Рон-

шероля…»

Она опустила голову, страдание исказило ее прекрасные черты.

— Мадам, — говорил в этот момент Боревер. — То, что вы сделали бы для меня, — а я верю, что вы могли бы сделать столько же, сколько родная мать…

— Да! Да! — тяжело дыша, повторяла Мари де Круамар, лицо которой осветилось сияющей улыбкой.

— Так вот. Я умоляю вас: сделайте для этой благородной девушки то, что вы сделали бы для меня! Я прошу у вас для нее такой нежности и такой преданности, на какую вы только способны. И если вы поступите так, мадам, вы можете попросить у меня все, что угодно, я отдам все, до последней капли крови, потому что, в общем-то, у меня и нет ничего, кроме собственной крови… Но жизнь человека — это не слишком много, чтобы оплатить подобный долг!

Мари де Круамар протянула руки к Флоризе.

— Как вас зовут, дитя мое? — спросила она ласково.

— Флоризой, мадам. Да наградит вас Бог за гостеприимство, которое вы оказываете мне, — добавила девушка с потрясающей искренно-

стью. — Потому что без вас — куда бы я пошла? У меня больше нет матери…

— Я стану вашей матерью! — пылко сказала Мари де Круамар.

— А что до моего отца, — добавила Флориза, — что до моего отца, то по воле злого и неумолимого рока его бросили в тюрьму… Его, одного из самых могущественных людей при дворе!

— Бедная малютка! Ваш отец в тюрьме? Но в чем же его обвиняют? И кто он?

— Он — великий прево Парижа, мадам. Его зовут Гаэтан де Роншероль. Барон де Роншероль…

У Мари де Круамар в душе словно что-то взорвалось. Она еле сдержалась, чтобы не закричать: «Он любит дочь этого проклятого чудовища!» Ей показалось, что в ее жизни произошла самая страшная катастрофа, какая только может случиться, — куда более страшная, чем та, что она пережила когда-то. Если бы она была матерью Руаяля, она бы не страдала больше. Руаяль влюблен в дочь Роншероля! Будь она проклята! Нет никаких сомнений, дочь достойна отца! Что делать? Как спасти его? Как сказать этому чистому юноше, что за этой любовью может разверзнуться бездна стыда, предательства, отчаяния? Руки Мари похолодели. Горло сжалось от тоски, стало

трудно дышать.

— Мадам, мадам, — испугалась, глядя на нее, Флориза, — что с вами? Отчего вы так дрожите? Вам плохо?

— Нет, ничего, — твердо ответила Мари де Круамар, — все в порядке. — «Как предупредить его? — говоря это вслух, размышляла она. — Как предупредить этого несчастного? Надо немедленно рассказать ему о низости отца этой девочки! Рассказать о его подлом коварстве, о предательстве… Объяснить, что от дочери Роншероля нечего и ждать, кроме такого же коварства и предательства, что она может навлечь несчастье… А я сама? — вдруг подумала Мари, перебивая злые мысли. — Разве я не была дочерью проклятого всеми человека? Если бы Рено оттолкнул меня, приговорил, унизил из-за того, что я — дочь главного судьи Круамара? Что у меня самой был за отец, господи боже мой! Тот, кто послал на костер, тот, кто убил мать моего возлюбленного!»

Она сжала виски ладонями. Но имя Роншероля пробудило в ее душе колокола ненависти, и они еще звучали в ней. Может быть, ужас окажется сильнее всех других чувств? Может быть, она сейчас закричит Бореверу: «Несчастный, отойдите подальше от этой девушки, потому что она

проклята!» Мари поискала юношу блуждающим взглядом. И Флориза тоже обернулась, как будто хотела попросить у молодого человека объяснения: чем вызвана эта боль, чем вызваны столь явные страдания доброй женщины? Но ни та, ни другая не увидели Руаяля. Он исчез. Он тихонько спустился по лестнице и бросился вперед.

«Даже если великий прево сразу же отдаст приказ повесить меня, я должен спасти отца Флоризы!»

II. Месть Нострадамуса

Тот день, среду, Нострадамус провел в тягостных размышлениях. В его душе воцарились сумерки. Он больше не понимал, куда движется. Самые разные чувства вели в нем непримиримую борьбу, и ему казалось, что духи, которые до сих пор вели мага за руку к цели его жизни, к мести, покинули его, отступились.

Его судьба в этот самый момент решалась в Пьерфоне, все было поставлено на кон. Он доверил решение проблемы собственной прозорливости, собственному математическому гению. С присущей ему поистине чудовищной способностью к ясновидению он наметил точки, в которых ему предстояло поразить каждого из его врагов. Вот в каком порядке должны были решаться задачи.

Сначала побольнее ударить Игнатия Лойолу и Сент-Андре.

Уничтожить Роншероля, используя для этого истоки его родительской гордости.

Натравить на Генриха II его сына Руаяля де Боревера, чтобы тот раз и навсегда покончил с ним.

Читатель заметит, что Нострадамус рассматривал Игнатия Лойолу и Сент-Андре как статистов, как второстепенных участников направленного против него преступления. Читатель заметит также, что для Генриха II он приберег вполне плотское и самое страшное наказание, а для Роншероля — удар по его чувствам.

Все было решено, все было понятно, но оставалось одно неизвестное: как поведет себя Руаяль по отношению к Генриху II.

Мы видели, что Нострадамус уже пытался столкнуть их между собой, но великодушие разбойника, помиловавшего короля, отвело от Генриха удар. И тогда маг стал готовить западню в Пьерфоне: Роншероля он устранил от дел и лишил всего его могущества; Флоризу отправил в старинный феодальный замок; королю сказал, где девушка, а Боревера в последний момент спустил с цепи, натравив на похитителя. На Генриха!

Да, Руаяль де Боревер в эту среду, безусловно, прибыл в Пьерфон, но короля-то, короля там не было!

«Кажется, какой-то добрый гений защищает этого молодого человека, — думал Нострадамус. — Но почему? Почему? Руаяль де Боревер,

сын Генриха, должен был стать орудием моего возмездия. Но раз он был дан мне, чтобы послужить справедливости, почему на пути осуществления этой справедливости все время встают препятствия? Значит, в моей собственной судьбе есть какой-то неясный еще для меня самого момент?»

И впервые со времени их первой встречи на дороге из Мелена Нострадамусу пришлось отгонять от себя вопрос, возникавший вновь и вновь, преследовавший его подобно навязчивой идее. И вот каким был этот вопрос — чудовищный по последствиям, которые он мог породить, и совершенно нелогичный, потому что он твердо знал, что Руаяль де Боревер — сын Генриха, — вот каким был этот вопрос:

«Что такое для меня этот Руаяль де Боревер? Почему я плачу, приговаривая его?»

Теперь он смог… нет, не ответить на него, но, как ему казалось, понять самое главное: «Вот она — ослепительная правда: математикой судьбы этот юноша и эта девушка поставлены на моем пути. Не моя вина, если пылающая колесница, подаренная мне той же судьбой, раздавит их, проезжая своей дорогой… Они умрут… Я стану оплакивать их, но ничто не может их спасти…

Бедные дети!»

Нострадамус провел ужасную ночь. Буря чувств, одолевавших его, бушевала до полудня четверга, до часа, когда в его кабинете без предупреждения появился Джино, который всегда возникал ниоткуда, так, словно имел обыкновение проходить сквозь стены или выскакивать из какого-то неведомого люка.

— Ну что? — сразу же спросил слугу Нострадамус. — Где король?

Старичок ответил, потирая руки:

— Ура! На этот раз — полная победа! Король отправился в Пьерфон сегодня рано утром с солидным эскортом под командованием капитана его шотландской гвардии. Альбон де Сент-Андре сопровождает его. Он в прекрасном настроении. Ах, этот славный Сент-Андре! Весельчак Сент-Андре!

— Замолчи, пощади меня — сил нет слушать твою болтовню, — жестко прервал старичка Нострадамус. — Ты узнал, почему Генрих не поехал вчера, в назначенный день?

— Железноголовый! — воскликнул Джино.

— Герцог Эммануэль Савойский? — удивился Нострадамус. — А какое отношение он имеет к этому делу?

— Никакого. Но у него свои дела. И главное из них — женитьба на прекрасной и мудрой Маргарите. Он так торопится, Железноголовый! И как раз вчера утром он устроил своему царственному братцу сцену по поводу задержки с великим событием. Чтобы успокоить его и заставить больше себе доверять, король назначил свадьбу на конец месяца, а Железноголового отправил посмотреть, как готовится ристалище у Бастилии, потому что именно там, хозяин, и будут проходить главные празднества. Потому что главное — это рыцарский турнир! Да-да! Это будет грандиозно, это будет великолепно!

Пока Джино рассказывал, не переставая потирать ручонки, посмеиваться и качать головой, Нострадамус постепенно успокаивался и вновь обретал свою прозорливость. Нет, ничего еще не потеряно. Вполне возможно, что Руаяль де Боревер еще не выехал из Пьерфона. Столкновение между ним и Генрихом II совершенно неизбежно…

— Отлично, — сказал он. — Значит, когда, ты говоришь, пройдут поединки?

— 27-го, 28-го и 29-го этого месяца. Сначала король будет сражаться с Железноголовым, на второй день — с маршалом Сент-Андре, а на тре-

тий — с Монтгомери…

— С Монтгомери! — вздрогнул Нострадамус.

И день продолжался. До самого вечера Нострадамус занимался бесчисленными больными, которые приходили к нему отовсюду.

В это время каждый день в Париже творились чудеса. Глухие начинали слышать. Те, кого мучила злая лихорадка, выздоравливали. Паралитики поднимались и шли. И Нострадамус не ограничивался тем, что вылечивал людей. Он старался их приободрить, утешить. Вот так прошел и этот день.

Вечером, когда Джино отправился запирать двери замка, Нострадамус обнаружил в уголке просторного зала, где он только что принял столько отчаявшихся и подарил им надежду, замешкавшегося последнего посетителя. Несмотря на то, что угол был темным, маг мгновенно узнал гостя.

— Руаяль де Боревер! — содрогнувшись, прошептал он.

— Да, это я, — ответил юноша с холодной враждебностью, с какой всегда говорил с тем, кто смертельно ранил Брабана-Брабантца. — Я пришел попросить вас о двух вещах.

— Это вы! — не слушая, произнес Нострадамус,

голова которого закружилась от пронесшейся в мозгу ужасной мысли:

«Он был в Пьерфоне, он сегодня увидел там короля, испугался и бежал! Это не тот человек, который назначен судьбой! Я жестоко ошибся в расчетах!»

— Это вы! Вы здесь! — охрипшим голосом безнадежно повторил он.

— Ну да, да, я! Я же сказал вам, что у меня к вам две просьбы.

— В чем же они заключаются? — глухо спросил Нострадамус.

Все в нем клокотало. Боревер испугался бы его вида, если бы не был слишком поглощен своими мыслями, чтобы почувствовать адресованные ему ненависть и презрение.

— Две просьбы, и я начну с той, что возникла раньше. Вы убили Брабана, вы заставили меня отступить перед собой, за эти два преступления я поклялся убить вас…

— Вот этим кинжалом! — Нострадамус бросил к ногам юноши оружие, переданное ему в харчевне «Три журавля».

Руаяль поднял кинжал, взялся за клинок двумя руками, поднапрягся и — сломал надвое. Потом злобно швырнул на пол обломки.

— Именно этим! Но, как видите, я раздумал убивать вас! Я вас не убью. Я вас прощаю… А теперь вот что. Вы дали мне клятву, что откроете имена моего отца и моей матери. Время пришло. Я хочу их знать.

— У вас было две просьбы. Я выслушал первую, посмотрим, какова вторая.

— Вторая? Пожалуйста! Великий прево мессир де Роншероль находится в Шатле…

— Знаю. Ну и что?

— Дело в том, — с отчаянием признался молодой человек, — что со вчерашнего дня я брожу вокруг Шатле и не могу проникнуть туда. Одни только стены тюрьмы подавляют. Можно сразиться с десятком или с полусотней здоровенных мужиков — умереть или победить. Но невозможно за несколько часов взять приступом эту крепость. А я хочу — вы слышите? я хочу! — освободить Роншероля. Помогите мне своей магией и располагайте мной как вам будет угодно. Я отдаю свою жизнь за свободу этого человека.

Нострадамус провел рукой по лбу. Он опять ничего не понял. И вновь содрогнулся от приступа бешеного гнева, мало того — его охватил ужас. Он пробормотал:

— Ты хочешь освободить Роншероля? Ты? Ты,

кого он тут же прикажет повесить?

— Да, я, я! — выкрикнул Руаяль. — И пусть он меня повесит! Мне надо, мне необходимо освободить этого человека, потому что я пообещал Флоризе это сделать!

«Надо подумать! — сказал себе Нострадамус. — Хорошенько подумать. Это тот случай, когда нельзя ошибиться. Один неверный шаг — и все пропало! Попробуем наставить этот юный ум на путь истинный… Да, попробуем, и вот оно — средство для этого!»

И произнес вслух:

— Я говорил вам, что вы найдете Флоризу в старинном замке Пьерфон. Почему вас там не было вчера?

— Я был там, — отозвался Боревер. — Я был там ровно в восемь утра.

— И уже вернулись?

— Я вернулся в Париж вчера в полдень.

— Понятно, — усмехнулся Нострадамус. — Вас, которого заставили отступить высокие стены Шатле, еще больше напугали укрепления Пьерфона. Вы показались себе таким маленьким, таким ничтожным перед этим колоссом… Теперь я понимаю, почему вы оставили там ту, кого так страстно любите…

— Я не оставил ее там. Я привез ее в Париж, — не обращая внимания на издевку, просто ответил Руаяль.

— Прибыв в Пьерфон в восемь утра, вы вернулись в Париж в полдень вместе с Флоризой?!

— Да. И это вторая причина, которая заставила меня простить вам смерть Брабана. Вы не обманули меня. Вы сказали, что в Пьерфоне я найду похитителя… И я нашел его — нашел и убил!

— Вы убили похитителя?! — взорвался Нострадамус.

— Убил. Убил Ролана де Сент-Андре.

Нострадамус пошатнулся.

Все было напрасно! Он с таким терпением, какое может дать только жгучая ненависть, так старательно, используя все свои сверхчеловеческие возможности, выстроил здание… Он отправил в тюрьму Роншероля, он препроводил Флоризу в Пьерфон, он подготовил столкновение Боревера с Генрихом так тщательно, что оно стало неизбежным. И все провалилось! Один-единственный неожиданный поступок этого молодого человека — и все казавшееся таким прочным строение рухнуло!

Он всматривался в Боревера со смешанным чувством восхищения и бешенства… И уже при-

кидывал, как на обломках обрушившегося здания его мести выстроить новое, как начать работу заново… Призвав на помощь все свое самообладание, он подавил гнев, сожаления, опасения, которые мешали ему судить здраво, и — начал все с самого начала…

— Значит, ты думаешь, что убил похитителя Флоризы? — спросил он юношу, взяв его за руку.

— Я оставил его умирать на полу зала таверны, куда он привел Флоризу и где я дрался с ним. Это был честный поединок со шпагой в руке.

— Ролан де Сент-Андре был всего-навсего влюбленным неудачником, понимаешь? Как он оказался там? Каким образом доставил Флоризу в ту таверну, о которой ты говоришь, не имеет значения. Но это не он придумал превратить замок Пьерфон в тюрьму для Флоризы, а может быть, и в могилу для нее!

— А кто же? — встрепенулся Боревер.

— Кто? Экое ты дитя! Это мог сделать только очень могущественный человек, достаточно могущественный для того, чтобы бросить в застенок отца, убрав таким образом со своего пути препятствие, не позволявшее украсть дочь!

— Нет! — лепетал молодой человек. — Нет! Король не может солгать! Короли не врут! Генрих

дал мне слово, свое королевское слово, что никогда не станет добиваться Флоризы…

— Ты сам назвал его! Тот, кто приказал отвезти девушку в Пьерфон, до этого пытался залезть в окно ее спальни! Он влюблен в нее до безумия! И располагает всеми возможностями силой отобрать ее у тебя! И, будь уверен, отберет!

— Вы уверены в том, что Генрих Французский сделал все, как вы говорите?

— Джино! — позвал Нострадамус.

— Я здесь! — отозвался возникший ниоткуда старичок. — Я уже здесь. Только что прибыл. Есть новости, хозяин. Наши разведчики вышли из замка и…

— Джино, — прервал его маг, — где король?

— В Лувре, — со странной усмешкой сообщил старичок.

— В Лувре?

— Да. Его Величество вернулся туда усталым и очень недовольным тем, что понапрасну съездил в Пьерфон.

— Говори, говори, Джино… Что дальше?

— Дальше все очень просто. Наш добрый король велел схватить девушку и надежно спрятать ее за толстыми, крепкими стенами своего замка. Сегодня утром он сам приехал туда. И что

же? Пустая клетка! Никакой птички! Птичка упорхнула! А кто открыл клетку? Имя этого наглеца, этого смельчака хорошо известно. Да-да! Хорошо известно всем! Его зовут Руаяль де Боревер! Берегитесь виселицы, берегитесь быть четвертованным, мессир де Боревер! В эту самую минуту, — продолжал Джино, — все ищейки Парижа рыщут в поисках птички и птицелова. Тот, кто найдет птичку, получит сто тысяч экю. Кто сдаст Боревера — тоже сто тысяч.

— Хватит, хватит! — зарычал Руаяль. — Этот человек умрет!

Это прозвучало, как удар грома. Когда его отзвуки затихли, Руаяль де Боревер гордо выпрямился, утер выступивший на лбу пот и тихо, но твердо сказал:

— До сих пор я не знал, что король может нарушить свое слово. Я, разбойник, никогда не опускался до подобного бесстыдства. Я не знал, что король способен насильно заставить девушку отдаться ему. Мне внушали другое: король — это король! Это высшее благородство, высшая доблесть, сама честь! Это цвет рыцарства, это отвага… Вот что такое настоящий король! А этот король умрет, господа! Кто убьет его? Я — разбойник, я — нищий бродяга! Я проникну в его Лувр. Я

подберусь к его трону, и эта рука нанесет только один удар. Без промаха.

— Значит, вы бесповоротно решили убить Генриха Французского? — спросил Нострадамус, и в голосе его прозвучала какая-то ужасающая, какая-то унылая нежность.

Боревер молча кивнул.

— Хорошо, — продолжал маг. — Значит, вы попытаетесь проникнуть в Лувр. Если вас не убьют еще у входа во дворец, вы окажетесь перед дверью в апартаменты короля, где вас непременно схватят гвардейцы Монтгомери… И не пройдет и нескольких часов, как Флоризу отдадут королю, потому что вас, единственного, кто способен защитить ее, уже не будет на этом свете…

Боревер хлопнул себя по лбу. Его взгляд перескакивал с Нострадамуса на Джино и никак не мог остановиться.

— Успокойтесь, — сказал Нострадамус. — Я так хочу… И доверьтесь мне… Вы же мне верите?

— Верю, — ответил Боревер. — Верю, потому что вы ни разу меня не обманули.

— Отлично. Тогда — слушайте! Я клянусь вам именем вашей матери, что приведу вас к королю с оружием в руках…

Боревер хрипло вскрикнул, упал на колени и,

схватив руку Нострадамуса, покрыл ее пылкими поцелуями. Нострадамус, ласково глядя на юношу, отнял руку.

— Когда вы это сделаете? — заикаясь от волнения, спросил Руаяль.

— Джино, на какой день назначен поединок короля с Монтгомери?

— На 29-е нынешнего месяца, — ответил старичок.

— Прекрасно. Руаяль де Боревер, 29-го числа этого месяца я дам тебе оружие, и ты пойдешь на ристалище, чтобы сразиться там с королем Франции за честь твоей дамы сердца. Дитя мое, — добавил он печально, — ты должен знать, что вступишь в этот поединок не только из-за любви. В этот день, Боревер, в твою руку мужчины будет вложен карающий меч судьбы…

— Да будь это даже божий меч, — воскликнул Руаяль, — моя рука не дрогнет! Я подожду дня, который вы назначили… Я буду ждать его с доверием, ведь вы до сих пор никогда меня не обманывали… А теперь я хочу услышать имя моей матери, имя моего отца! Я сказал вам об этом, как только пришел. Это моя первая просьба.

— Душой твоей матери, которая сейчас смотрит на нас с небес и слушает нас, клянусь, что ты

узнаешь их имена в день, когда расправишься с Генрихом Французским.

Металлический отзвук его голоса, когда маг произносил клятву, заставил Боревера задрожать.

— Ладно, подожду этого дня, — вздохнул он. — Но как быть с отцом Флоризы?

— С Роншеролем! — скрипнул зубами Нострадамус. — Ты по-прежнему хочешь, чтобы он оказался на свободе?

— Да. Я обещал это Флоризе. Пусть я должен из-за этого умереть, пусть даже из-за этого сорвется мой поединок с королем, я должен напасть на Шатле. Я не король, я держу свое слово!

Сухой смешок отозвался на его гордые слова. Боревер в гневе обернулся и увидел, как Джино, посмеиваясь, потирает руки.

— Освободить великого прево! — смеялся старичок. — Ха-ха! Это невозможно, клянусь всеми святыми! Невозможно!

— Почему? — нахмурившись спросил Нострадамус.

— Потому что он уже на свободе! — ответил Джино. — Это первое, что сделал король только что, вернувшись из Пьерфона. Он отправился прямо в Шатле, спустился в темницу, где томился

заключенный, то есть господин де Роншероль, и сказал ему: «Мой славный великий прево, прости, что я заставил тебя испытать радости „Рая“… Но представь себе: воспользовавшись твоим отсутствием, один негодяй осмелился похитить твою дочь! Но я, король, не могу допустить, чтобы так обращались с девушкой столь знатного происхождения, с дочерью моего придворного! И потом, это же ужасно, Роншероль, это недостойно тебя: твоя дочь в руках разбойника, бандита! И какого разбойника! Руаяля де Боревера! И я подумал, что единственный, кто способен найти этого проклятого негодяя и схватить его, это ты, мой великий прево! Вот почему я освобождаю тебя. И возвращаю тебе мое расположение. Ты по-прежнему остаешься на своем месте. Иди, мой храбрец! Обыщи Париж дом за домом, камень за камнем, но добудь мне твою… Нет! Добудь мне этого мерзавца, чтобы я мог разорвать его на части! А пока…»

Старичок замолчал и, казалось, прислушался.

— Что — пока? — переспросил Нострадамус.

— Вот вам и ответ. Он на пороге, — сказал старичок, исчезая.

Издалека послышался звук рога.

— Спрячьтесь! — быстро сказал Нострадамус и

подтолкнул молодого человека к двери потайной комнаты. — Спрячьтесь и слушайте!

Прошло две минуты. Затем входная дверь открылась. Вошел человек в сопровождении двух пажей и дюжины гвардейцев охраны. Этот человек был одет с чисто театральным великолепием, а на его небесно-голубом шелковом камзоле сияли вышитые золотой нитью французские лилии. Королевский герольд собственной персоной. Он адресовал Нострадамусу исполненный благородства поклон и возвестил:

— Я, Сюперб-Эшарп, главный королевский геральдист, четвертый в своем роду магистр геральдики, по поручению Его Христианнейшего Величества короля Генриха II, явился к господину Нострадамусу, чтобы приветствовать его и пожелать радости, почестей и процветания! Вам должно быть известно, прославленный ученый, что король Франции испытывает по отношению к вам особое почтение и что Его Величеством отдан приказ великому прево барону Гаэтану де Роншеролю не выказывать к вам ни малейшей враждебности и не держать в уме никаких помыслов об отмщении…

— Передайте королю, что я очень доволен тем, что барону Гаэтану де Роншеролю вернули сво-

боду и расположение Его Величества. Скажите ему, что я ничуть не опасаюсь великого прево. И еще передайте Его Величеству, что впредь не следует уделять столько заботы спасению моей персоны: у меня самого достаточно средств для собственного спасения.

Королевский герольд поклонился и сделал широкий жест, как бы подтверждавший, что он примет к сведению эти слова. Потом продолжил:

— Кроме того, вам известно, что Его Величество король и его великий прево, господин де Роншероль, пришли к выводу о необходимости согласованных действий по поиску вероломно похищенной у отца и у двора Его Величества девушки. Речь идет о достойнейшей Флоризе де Роншероль. Король и великий прево просили меня передать великому Нострадамусу их просьбу применить свою божественную ученость для того, чтобы обнаружить следы этой благородной девицы.

Нострадамус немного поколебался, потом мрачно сказал:

— Если поиски короля и великого прево окажутся тщетными, тогда я сам займусь этим делом, и я найду девушку. Скажите это королю.

Королевский герольд снова поклонился и про-

должил:

— Мишель де Нотр-Дам, вам следует знать также, что король…

— Ищет разбойника, который украл Флоризу де Роншероль, — прервал гостя Нострадамус. — Я это знаю. Так и передайте королю, что мне это известно. Я знаю, что за голову Руаяля де Боревера назначена огромная сумма в сто тысяч экю. Правда ли это?

— Да, правда, — удивленно откликнулся герольд.

— Вот что Его Величество приказал мне передать, верно? А еще король приказал напомнить мне о том обещании, которое я ему дал когда-то: прислать к Генриху II Боревера, — и намекнуть на то, что пришла пора выполнить это обещание. Правда ли это?

— И это правда, — еще больше удивился герольд.

— Так вот, выслушайте мой ответ: 29-го числа нынешнего месяца я пришлю Руаяля де Боревера к королю Генриху II и… и готов поклясться в этом спасением моей души!

Нострадамус сделал поистине королевский жест, показывая этим жестом, что аудиенция закончена. В этот момент он, как никогда прежде,

имел право считать себя ровней Генриху II, потому что тот, в нарушение всех обычаев, направил к магу герольда, что было принято делать только по отношению к коронованным особам.

— Все слышали? — спросил Нострадамус, открывая после ухода герольда дверь Руаялю.

— Да, моя голова довольно высоко ценится! Флоризу ищут… Но я здесь! Клянусь кровью Христовой, пролитой на кресте, клянусь всеми Его ранами, пока я жив, никто не посмеет дотронуться до нее! Это ужасно, — добавил юноша со вздохом, — но теперь мне придется пойти к ней и сказать, что ее отца уже освободили и… и что я тут ни при чем…

Нострадамус положил ему руку на плечо и сказал, не скрывая жалости к молодому человеку:

— Поверьте мне, надо немного подождать… Подождите до 29-го… Если Флориза узнает, что отца выпустили из тюрьмы, ей ничто не помешает немедленно вернуться к себе домой, в его резиденцию. А с той минуты, как она туда попадет, ей не избежать лап короля!

— Но что делать? Что делать?

— Скажите, ей ничего не угрожает в том месте, куда вы отвели ее? Она в безопасности?

— О, да! Я поклялся бы в этом собственной

головой!

— Я вас не спрашиваю, где она. И не хочу этого знать. Пусть остается в этом безопасном месте. Нас отделяет от 29-го несколько дней. Потерпите. Вы спрашиваете: что делать? 29-го вы пойдете к Флоризе и скажете ей, что не только ее отец на свободе, но и она сама свободна от посягательств короля…

— Да-да! — прошептал Руаяль де Боревер. — Свободна от короля! Да! Потому что в этот день я убью его!

«А я в этот день, — подумал Нострадамус с горькой радостью, — я скажу Генриху: «Король Франции, это я тебя убил! Я, супруг Мари де Круамар… Только для того, чтобы убить вас, я воспользовался рукой, которую послала мне сама судьба: рукой Руаяля де Боревера, сир… А теперь — умрите в отчаянии, потому что этот Руаяль де Боревер — ваш собственный сын!»

III. 29 июня

Должен сказать, что та эпоха была беспокойной. Генрих II, сбросив маску, уже намеревался очертя голову броситься на борьбу с еретиками; начинались великие религиозные войны. Чувствовалось, как по всей Франции пробегает дрожь — предвестница громких убийств. И тем не менее при дворе царило безумное веселье. Все неустанно забавлялись, а Генрих подавал пример другим, погружаясь в развлечения даже с каким-то бешенством. Неукротимая страсть к Флоризе, еще подогретая чудовищным разочарованием, которое королю пришлось пережить в Пьерфоне, толкала его на экстравагантные и необъяснимые поступки. Во дворце неустанно танцевали, то и дело устраивали весьма скандальные празднества, гульбища продолжались до рассвета, когда можно было наконец хотя бы попытаться чуть-чуть отдохнуть.

27 июня был подписан брачный контракт между Маргаритой Французской и герцогом Эмманюэлем по прозвищу Железноголовый. Из Лувра праздники распространились по всему Парижу. Рыцарские турниры, которым предстояло

продлиться три дня, начались схваткой, состоявшейся в то же утро, когда состоялось подписание контракта, с таким нетерпением ожидавшегося герцогом Савойским — разумеется, не потому, что он сгорал от любви к Маргарите, а потому, что эта женитьба была чрезвычайно для него выгодна.

Итак, 27 июня участниками турнира стали: сам король, посол Филиппа II Испанского герцог Альба, коннетабль Монморанси (несмотря на свой возраст) и герцог де Гиз. Железноголовый первым вышел на ристалище и стал победителем в поединке с королем.

28-го сначала состоялось сражение между двумя противоборствующими лагерями, потом король бросил вызов маршалу де Сент-Андре, который, будучи куда более угодливым и обладавшим куда менее железной башкой, чем герцог Савойский, галантно уступил Генриху II первенство.

29 июня было последним днем этого памятного турнира. Два первых дня, в общем-то, не представляют для нас никакого интереса, следовательно, не стоит ждать, что мы станем описывать все перипетии поединков. Скажем только, что в течение этих двух дней король носил цвета Дианы де Пуатье: черный и белый. Цвета траура! Ека-

терина Медичи, наблюдавшая за сражениями с высоты галереи, побледнела и сжала губы, увидев это. Повернувшись к стоявшему рядом с ней на положенном месте Монтгомери, она проронила слова, которые прозвучали как отклик на давнишнее восклицание Генриха II:

— Посмотрите на эти цвета! От него же пахнет смертью!

Во взгляде королевы, которым сопровождались ее слова, ясно читался приговор, и увидевшего это капитана шотландской гвардии бросило в дрожь… В то утро огромная толпа принаряженных горожан, поднявшись пораньше, собралась за барьером, огораживавшим ристалище со стороны улицы Сент-Антуан, задолго до начала очередного этапа турнира. Весь Париж явился посмотреть на битву между самыми прославленными рыцарями того времени.

Ристалище вытянулось вдоль оси, которая представляла собой длинную составляющую буквы Т, короткой как раз и была улица Сент-Антуан. Та сторона поля битвы, которая примыкала к Бастилии, была занята трибунами. Та, что выходила на улицу, была, как уже говорилось, огорожена барьером высотой в человеческий рост. Само ристалище представляло собой вытя-

нутую овальную арену длиной примерно в сто пятьдесят туаз[48]. По форме оно очень напоминало наши современные ипподромы.

По обоим краям были поставлены шатры, в которых рыцари надевали свои доспехи. Шатры более или менее роскошные, в большей или меньшей степени разукрашенные, это зависело от положения и богатства владельца. Но одно украшение было обязательным: щит или вымпел с его гербом. Добавим, что шатер Монтгомери стоял подле отеля Турнель, а королевский — напротив.

Трибуны были поделены на три части. В центре выстроили большую ложу, предназначенную для королевской семьи и ближайших родственников. Справа и слева от этой ложи до самого края протянулись две длинные галереи для придворных кавалеров и дам, поблизости располагались бесчисленные мелкопоместные дворянчики, понаехавшие из всех провинций королевства. Каждая из галерей могла вместить до трех тысяч зрителей. Напротив ложи с галереями, иными словами, на противоположном конце ристалища за высоким барьером из прочного дерева толпил-

[48] Примечания: 48

Туаза — старинная мера длины, составлявшая 1,949 м. Интересно, что она применялась для измерения роста рекрутов. (*Примеч. пер.*)

ся простой народ, дополнительно отделенный от знати шеренгой вооруженных алебардами охранников.

А теперь попробуем себе представить ясное летнее утро. Небо цвета бледной лазури — поблекшее от многодневной жары. В лучах совсем недавно поднявшегося, но уже горящего ярким пламенем солнца вырисовываются мрачные темные силуэты башен Бастилии, открытые поверхности которых наводнены свободными сейчас от службы охранниками и тюремщиками. Чуть ниже — фантастический вид на парижские крыши, на которых собрались самые отважные из наблюдателей. Из каждого окна каждого дома, выходящего на ристалище, высовываются любопытные. Еще ниже — прямо за шеренгой стражников с алебардами, за мощным барьером — огромная толпа в разноцветных нарядах. Давайте попытаемся увидеть на ристалище боевых коней, покрытых голубыми, золотыми, пурпурными попонами, в седлах с приподнятыми задними и передними луками, гордо сидящих в этих седлах всадников, сверкающих отполированной сталью, а то и серебром доспехов, всадников в шлемах с опущенными забралами, с развевающимися на ветру перьями султанов,

каждый — с длинным копьем в правой руке, со щитом, украшенным девизом рыцаря, в левой. Попытаемся представить себе галереи: все эти пышные, сияющие под утренним солнцем костюмы мужчин, сказочно роскошные платья дам — все великолепие, все изящество, весь блеск, свойственный искусству одеваться той эпохи. Золото, стекающее ручьями цепочек и ожерелий на облегающие корсажи и атласные камзолы, бриллианты, жемчуга, изумруды, огненным многоцветьем сверкающие на эфесах шпаг, в ушах и на пальцах, колышущиеся шарфы, тысячи горящих предвкушением удовольствия лиц будущих свидетелей зрелища, вызывающего в памяти времена великого культа любви. Представим себе между двумя просторными галереями королевскую ложу, крытую огромным балдахином из отделанного золотой бахромой лазурного бархата с вышитыми на нем золотыми же лилиями. И там, под этим горделиво-величественным тентом, — короля Генриха II, неотрывно следящего за схваткой; герцога Эмманюэля Савойского, поглядывающего на поле боя с высокомерной холодностью; Диану де Пуатье, даже в этот торжественный день не изменившую траурной черно-белой одежде, с которой не расставалась

после смерти отца; Маргариту Французскую; Марию Стюарт, воодушевленную искренней радостью; испанского посла; принца Франсуа — он сидит рядом с Марией Стюарт и смотрит на нее с обожанием; маленьких принцев Шарля и Анри, которые весело кричат и отчаянно хлопают в ладоши… А за спинами членов королевской семьи — посмотрите, какую немыслимо роскошную группу составляют стоящие неподвижно, дабы не потерять величественной осанки, самые важные персоны: пурпурные кардиналы, блестящие маршалы, обер-егермейстеры, главные стольники и виночерпии, самые приближенные к королю и его семье лица…

А когда вы вообразите себе это невыразимо прекрасное зрелище, когда, миновав пеструю толпу, доберетесь до знати, там обратите внимание на изысканно одетого человека, склонившегося над смертельно бледной Екатериной Медичи и похожего на воплощение Судьбы. Посмотрите внимательно! Всмотритесь в его лицо с пылающими глазами, с мрачным, траурным выражением, — какая ужасная, нечеловеческая красота! После этого пышная декорация, окружающая этого человека, покажется вам лишь обрамлением главного зрелища.

Это Нострадамус!

Нострадамус, в эту самую минуту прошептавший прямо в ухо королеве всего два роковых слова:

— Час пробил!

И эти два коротеньких слова громом отозвались в мозгу Екатерины — громом, заглушившим радостные вопли огромной толпы.

Нострадамус, приглашенный в королевскую ложу из особого расположения к нему Генриха II, медленно отступил, бросил взгляд на Монтгомери, потом на Сент-Андре, на Роншероля… Мгновение спустя он исчез.

Схватка на ристалище закончилась. Победители гарцевали перед галереями, они размахивали в знак приветствия копьями, их приветствовали развевающимися на ветру разноцветными шарфами. В этой схватке участвовали герцог де Гиз, два сына коннетабля де Монморанси, Ла Тремуйль, Таванн, Бирон, еще десять знатных господ. Королю удалось еще до этого победить в трех поединках.

Когда отзвучали фанфары и герольды прокричали имена победителей в только что закончившемся бою, Генрих II, охваченный восторгом, вскочил с места и подал собравшимся знак апло-

дировать. Зрелище его опьяняло.

— Клянусь Богоматерью! — воскликнул он. — Ничто не помешает мне выйти на ристалище в четвертый раз! Но на этот раз я хочу, чтобы мне противостоял достойный соперник, не скупящийся на удары!

Он огляделся по сторонам.

— Монтгомери! Теперь мы сразимся с вами!

Екатерина чуть не упала в обморок. Как странно!

Король, да, сам король выбрал из десятков отважных рыцарей того, кого она должна была заставить его выбрать любой ценой! Она огромным усилием взяла себя в руки и прошептала: «Рука судьбы ведет его!» Потом с восхитительной искренностью, подлинным шедевром коварства, вскричала:

— О, сир, умоляю вас, подумайте! Ваше Величество, вы так устали! Разве не так, дорогая герцогиня?

— Разумеется, так, — отозвалась Диана де Пуатье. — Сир, четыре поединка за одно утро — это многовато!

Но король, никого не слушая, уже умчался из ложи, не забыв перед этим сказать:

— Монтгомери, хорошая пробежка восстановит

вам силы. Впрочем, обещанное надо выполнять!

И бегом пустился к своему шатру, чтобы снова надеть доспехи. Монтгомери, пошатываясь, направился к своему. Только тогда Екатерина обернулась назад к четырем представителям своей личной свиты, которые, находясь в темном углу ложи, старались казаться как можно меньше и испуганно таращили глаза. Взгляд, который она бросила на них, был подобен внезапно сверкнувшей черной молнии. Этим взглядом она говорила:

— Внимание! Час пробил!

Четверка бесшумно скрылась. И эти четверо, как, наверное, уже понял читатель, были наши великолепные шалопаи, после дрессировки, которой подвергли их шатенка, блондинка, брюнетка и рыженькая из Летучего эскадрона, старавшиеся без особых промахов сделать свои первые шаги при дворе. Уроки хорошего тона дали свои плоды: теперь Тринкмаль, Буракан, Страпафар и Корподьябль умели ходить, кланяться, прижимать кулак к бедру, красоваться, покручивая ус, в общем, делать все, что предусмотрено правилами придворной галантности. Вот только им до сих пор запрещали разговаривать. Если к ним кто-то случайно обратится, им было приказано просто

поклониться и улыбнуться в ответ.

Они пробрались сквозь толпу к пространству за галереями. Здесь было пустынно. Никто их не видел. Сначала, чтобы стало хоть немножко полегче, они разразились грязной бранью. Потом Тринкмаль призвал сотоварищей к порядку:

— Кончайте валять дурака! Внимание!

— Да, надо делать дело, — горестно сказал Корподьябль. — Но до чего ж огромную свинью подложила нам Екатерина своим поручением!

— Арестовать капитана шотландской гвардии! — воскликнул Буракан. — Слыхано ли такое? Что из этого получится?

— Да к тому же — арестовать сразу после того, как он станет биться на копьях с королем… — задумчиво уточнил Страпафар. — Какая-то чертовщина стоит за всем этим… Нам надо быть осторожнее!

— Хотите, скажу вам, в чем тут соль? — шепотом спросил Тринкмаль. — Я понял из слов блондиночки, что…

Он был бледен и все время осматривался округлившимися от страха глазами. Друзья подошли к нему поближе, чувствуя неприятный холодок в животе.

И он заговорил… То, что он рассказал им, види-

мо, было чудовищно, потому что они, смертельно побледнев, переглянулись.

— Хотя, в конце концов, нас это не касается! — дрожащим голосом подытожил рассказ Тринкмаль.

— И потом — нам здорово заплатили! — добавил Буракан.

— Нам не к лицу отступать! — храбрился Корподьябль. — Мы не такие!

— Поэтому — вперед! — скомандовал Страпафар. — Вперед — и будем настороже!

Обогнув галереи сзади, они направились к шатру Монтгомери!

IV. Руаяль де Боревер

Монтгомери вышел из королевской ложи, бросив исполненный отчаяния взгляд на белокурую головку маленького принца Анри. Он подошел к своему шатру. Он пошатывался. Он чувствовал, как волосы шевелятся у него на голове, как его от головы до пят охватывает нескончаемая дрожь. Ужасные, кошмарные мысли клубились в его мозгу, он, как мог, боролся с ними, но в конце концов уступил:

«Нет! Нет! Я этого не сделаю! Убить короля! Мне надо убить короля! Мне! Екатерина, Екатерина, что я сделал тебе плохого? Почему ты подвергаешь меня такому испытанию? Убить его здесь, на глазах у всего Парижа, перед толпой зевак! Так надо… Если я сейчас не убью короля, он сегодня же узнает, что мой сын…»

— Мессир, — прервал его разговор с самим собой голос щитоносца. — Вас тут кто-то ждет…

Монтгомери вытер лоб тыльной стороной руки. Вошел в шатер и увидел там Нострадамуса… А за Нострадамусом — свои доспехи… От их вида капитана опять бросило в дрожь. И было от чего! Шлем с султаном, кираса, верхние и нижние на-

ручи, перчатки, щит, копье, поножи, наколенные щитки — все это вместо того, чтобы оставаться разбросанным по полу отдельными частями снаряжения, неподвижно, как статуя рыцаря, стояло за спиной мага! Монтгомери подумал:

«Кто-то надел мои доспехи… Кто-то, но не я! Но до чего же похоже, будто это я там стою! Кто это может быть?»

Забрало было опущено. Он не мог видеть лица. Но заметил, что незнакомец судорожно сжимает древко копья. Глаза капитана шотландской гвардии невольно опустились на щит. Его щит! И он снова вздрогнул: на этом щите больше не было ни его девиза, унаследованного от отца, сеньора де Лоржа, ни фамильного герба.

Вместо всего этого в самом центре щита сияло и лучилось какое-то очень странное изображение, непохожее ни на один из до сих пор виденных им гербов: это был крест, на ветвях которого переплетались друг с другом маленькие кружки, а все вместе было заключено в большую окружность. В каждом из маленьких кружков были начертаны какие-то таинственные знаки. Между четырьмя ветвями креста помещались четыре фигуры, представлявшие собой человека, орла, льва и быка.

Монтгомери, тяжело дыша, указал на щит пальцем и хриплым голосом спросил:

— Что это еще за герб?

Нострадамус тоном, который полностью подавил капитана и от которого мурашки побежали по его телу, ответил:

— Это герб Тайны, герб Судьбы, герб Рока. Это герб Высшей Силы, которая предписала Генриху II, королю Франции, умереть сегодня… Это символ Магов… Это знак Розы и Креста!

— Умереть сегодня! — пробормотал Монтгомери вне себя от ужаса. — Но это же будет убийство!

— Нет. В этот момент король уже предупрежден о том, что ему брошен вызов, что его ждет поединок не на жизнь, а на смерть. И если он будет убит, то будет убит в честном поединке, при свете дня, на глазах у всего Парижа, который собрала сюда сегодня сама Судьба.

— Король не примет таких условий! — покачав головой, сказал Монтгомери.

— Уже принял, — ответил Нострадамус. Монтгомери схватился руками за голову. Его бил озноб, несмотря на жару.

В этот момент издалека, с другого конца ристалища, донесся пронзительный звук трубы

королевского оруженосца, который вызывал на арену противника Генриха Французского. Доспехи с грохотом содрогнулись.

— Я пропал! — прохрипел Монтгомери.

— Ты спасен, — спокойно сказал Нострадамус. — Я пришел сюда ради этого. Ты не станешь биться с королем на смерть, не будет и куртуазного состязания. Уходи. Только твои доспехи сегодня станут сражаться с королем. Уходи же. Нет, постой, я не все сказал. У входа в Венсеннский замок ждет хорошая лошадь. Один из моих людей отдаст ее тебе. В седельных кобурах ты найдешь достаточное количество драгоценных камней для того, чтобы жить как знатный сеньор, куда бы ты ни отправился. Теперь уходи. Добирайся до ближайшей границы и оставь короля на произвол судьбы. А если ты не хочешь сделать так, как я предлагаю, то клянусь: я сейчас же выйду на арену и выкрикну в полный голос: «Предательство! Монтгомери не может вступить в поединок с королем! Я обвиняю королеву Екатерину и капитана Монтгомери в адюльтере, в преступлении против Генриха Французского!» Так ты уйдешь? Уходи, если не хочешь быть убитым на месте молнией: гроза вот-вот разразится!

Нострадамус подвел Монтгомери к задней стен-

ке шатра и приподнял полотнище. Указал ему жестом дорогу, ведущую к воротам Сент-Антуан, а оттуда к границе, к свободе… Капитан, едва удерживавшийся на грани безумия, стукнул себя кулаком по лбу и прошептал:

— А мой сын? Мой сын! Если меня выдадут, ему не миновать смерти!

Нострадамус подтолкнул его; бледный, дрожащий Монтгомери переступил порог своего шатра, проскользнул между другими и исчез, двинувшись в сторону ворот Сент-Антуан… Тогда Нострадамус опустил полотнище, обернулся к доспехам капитана и спросил:

— Ты готов, Руаяль де Боревер?

Глухой голос из-под шлема ответил:

— Готов. Если я умру, вы скажете Флоризе, что я хотел освободить ее и что моя последняя мысль была о ней… Идите и прикажите, чтобы объявили о моем выходе на ристалище!

Генрих II уже несколько минут как находился на арене. Его трубы раз за разом с небольшими интервалами бросали вызов противнику, с которым он должен был сразиться. Все собравшиеся на турнир заметили, что король не гарцует, как обычно, а замер в неподвижности неподалеку от барьера. Эта неподвижность производила

столь странное и зловещее впечатление, что толпа умолкла, и над галереями повисла тяжелая тишина. Очень немногие — да и они побоялись бы признаться в этом! — обратили внимание на то, что Генрих держит в руке боевое железное копье с острым наконечником, а не оружие для куртуазного поединка, на конце которого обычно была поставлена кожаная заглушка. И, разумеется, никто и представить себе не мог, каким бешенством и гневом пылало лицо короля под опущенным забралом…

Внезапно дверцы противоположного барьера открылись… Звонкая труба ответила на призывы королевских труб…

Появился Монтгомери!

Доспехи Монтгомери на лошади Монтгомери!

И тут же герольды прокричали о начале поединка. Трубы дали сигнал к бою. Ропот прокатился по толпе любопытных, потом вдруг затих, и воцарилось странное молчание, будто какой-то таинственный дух пролетел над этой возбужденной толпой и навеял ей тревожные мысли. Действительно, все выглядело необычно. Несмотря на призывы герольдов и трубачей, соперники словно застыли. Не меньше минуты они простояли неподвижно, и, наверное, в этот момент — не

подавая голоса, без единого взгляда — их души бросали друг другу вызов на смертный бой, потому что обоих сотрясло одинаковое содрогание.

Но вот они одновременно бросились вперед… За секунду бег их боевых коней перешел в бешеный галоп. Шеи тысяч зрителей вытянулись туда, к арене, — и вот что они увидели.

Две тучи смешались в одну в центре ристалища… Из-за пыли видны только сверкающие, отбрасывающие блики доспехи… И вдруг — страшный удар. Лошади, поднявшись на дыбы, сталкиваются грудь с грудью. Грохочет железо. Сыплются искры. И — страшный крик возносится к небу.

Все кончено…

Поднявшаяся во время короткой схватки пыль оседает на землю. И тогда раздается вой толпы. Крики ужаса. Призывы на помощь. Тысячи блестящих кавалеров с трибун бросаются на ристалище. Роскошно одетые дамы падают без чувств. Проклятия. Мольбы, адресованные Небу: сжалься, помилуй, Господи! Вот что происходит на галереях.

Потому что, когда осела пыль, все увидели: с одной стороны ристалища — убегающую лошадь короля, с другой — идущего пешком к своему шат-

ру Монтгомери, а посреди арены… Посреди арены — Генриха II, лежащего на земле, раскинув руки!

Екатерина Медичи в ту же секунду обернулась к Роншеролю и бросила ему приказ:

— Арестуйте человека, который только что убил короля!

Тысяча — нет, не меньше двух тысяч человек тем временем заполнили арену. Знатные дворяне, гвардейцы, офицеры, дамы, кардиналы… Монморанси, герцог Лотарингский, Гиз, Альба, Феррар, герцог Савойский… Все смешались в одну кучу — испуганные, бледные от потрясения, куда-то спешащие и не находящие в себе ни сил, ни смелости сдвинуться с места. Ужас, охвативший их при виде случившегося, был тем сильнее, что застал всех врасплох. Потрясение — тем больше что каждый в эту минуту думал о своих амбициях, которые, может быть, теперь смогут осуществиться еще скорее. Они толпились на арене, кричали, жестикулировали, некоторые уже собирались в группы, полезные для завтрашней политики, а самые предусмотрительные уже… Да-да, самые предусмотрительные, самые опытные и умудренные придворные уже торопились занять места поближе к Франсуа, пятнадцатилетнему наследнику престола, и тысячи

жадных взглядов уже обратились к Екатерине, отныне — регентше… Какое чудовищное состязание необузданных честолюбий, какая страшная выставка бесстыдства и предательства, какая грандиозная схватка, в которой нет места только одному — чистой совести!

Диана де Пуатье встала — прямая, как струна, — и, как только ей сказали: «Король умер!» — странно улыбнулась, присела в низком реверансе перед Екатериной и вышла, бросив на ходу:

— Что ж, значит, и я умерла тоже!

Сын Генриха II сидел в ложе и смотрел на беснующуюся, кричащую, размахивающую руками толпу, на кружащийся вихрь бледных масок, ищущих нового лица, которое следовало бы принять. Франсуа смотрел и не понимал, что происходит и почему так происходит.

Никто не плакал! Никто? Нет, все-таки двое — только двое! — плакали: мужчина и женщина.

Женщиной была супруга дофина, которого скоро назовут Франциском II. Мария Стюарт.

А мужчина… Он стоял на коленях у тела короля, его трясло от рыданий, он был очень странно одет, а рядом с ним — на песке, в крови — валялся жезл, увенчанный забавной фигуркой… Это был

Брюске, шут короля.

Как только Генрих II упал, на поле в числе первых поспешили выбежать три или четыре придворных врача и среди них — человек лет сорока, с резкими чертами красивого волевого лица, сохранявшего, несмотря на чудовищные обстоятельства, задумчивое выражение. Это был мэтр Амбруаз Паре. Он быстро стащил с головы короля шлем, показалась голова — сочащаяся кровью маска. Волосы, борода — все было в крови. Из широко открытого рта исходили слабые хрипы. А в верхней части этой окровавленной маски зияла глубокая черная дыра: глаза не было, была открытая рана… Копье! Копье Монтгомери! Копье, подаренное капитану шотландской гвардии королевой! Копье вошло в орбиту и выбило глаз…

«Значит, оружие на этом турнире не предназначалось для куртуазного поединка!»

Ужасная мысль пронзила мозг Амбруаза Паре, он едва удержался, чтобы не выкрикнуть пришедшие ему на ум слова, но в тот момент, когда губы его уже шевельнулись, готовясь к крику, врач поднял голову, и его глаза встретились с ледяным взглядом Екатерины. Как суров, как чудовищно суров был этот взгляд!

— Воды! — коротко приказал Амбруаз Паре.

Вокруг засуетились. Принесли воду. Хирург ловкими руками омыл лицо короля, рану, прозондировал ее. Потом быстро наложил легкую повязку, поправил бинты и встал с колен, сказав:

— Прежде всего, нужно отнести Его Величество в Лувр, я сейчас же там буду.

Пока готовили носилки, Екатерина подошла к хирургу и тихим голосом приказала, глядя ему прямо в глаза:

— Только правду! Скорее!

Амбруаз Паре бросил последний взгляд на бледное, как мел, лицо и невнятно пробормотал, стараясь, чтобы никто не услышал:

— Король больше не придет в сознание. Через два часа он будет мертв.

— Ошибаетесь, мэтр Паре! — сказал кто-то совсем рядом с врачом.

Снова взглянув на короля, Амбруаз Паре увидел рядом с рыдающим шутом еще одного стоящего на коленях человека. Этот человек вливал в широко открытый рот Генриха жидкость из только что откупоренного им флакончика.

— Нострадамус! — прошептал хирург.

В этот момент король издал протяжный вздох,

и Нострадамус поднялся.

— Вы спасли его! — в бешенстве зашипела Екатерина, глаза ее пылали, излучали угрозу, она почти выдала себя.

— Нет, — спокойно и холодно отозвался Нострадамус. — Я подарил ему неделю жизни, потому что мне нужно, чтобы он прожил еще восемь дней…

И, пока короля бережно укладывали на носилки, маг твердым шагом двинулся в сторону шатра Монтгомери, окруженного, полностью окруженного вчетверо большим, чем для этого требовалось, количеством лучников. Перед входом в шатер стоял сам великий прево, видимо, еще не решив, надо ли тотчас же арестовать капитана.

Роншероль заметил приближающегося Нострадамуса и задрожал от ненависти.

Нострадамус рукой отодвинул лучников со своего пути и подошел прямо к двери, перед которой плакал щитоносец Монтгомери. Роншероль глухо выругался все с той же ненавистью.

Нострадамус вошел в шатер.

Страпафар, Буракан, Тринкмаль и Корподьябль, сделав круг и пройдя за галереями, остановились у второго выхода из шатра — того, через который

сбежал Монтгомери.

— Подождем здесь, — сказал Тринкмаль. — И давайте помолимся, господа, лично я ужасно волнуюсь, думая о том, что придется арестовать этого капитана гвардейцев. Подумать только, все последние дни в Лувре я только и переживал: а вдруг он схватит нас за шиворот и выбросит оттуда! Спасибо святому Панкратию, все получилось наоборот…

Тринкмаль погладил свою шпагу, складки его жирного брюха колыхались.

В этот момент со стороны ристалища послышался глухой ропот, который становился все сильнее и в конце концов взорвался криком… Обращенные в телохранителей королевы разбойники, побледнев, переглянулись, и их глаза ясно сказали: дело сделано!

— Внимание! — прошептал кто-то из них, и все схватились за шпаги.

Прошла минута… Что творилось на ристалище! Оттуда доносились крики ужаса, вопли, призывы на помощь, громкие мольбы: «Сжалься! Помилуй, Господи!», голоса сливались в один кошмарный вой, в глухой рев толпы… А в шатре звякнула сталь…

— Вот и он!

Они ворвались вчетвером и, зажав в кулаках рукоятки шпаг, окружили живые доспехи, которые в этот момент остановились и застыли — молчаливые, таинственные…

— Господин капитан, — вкрадчиво начал Тринкмаль, — нам поручено… хотя мы и не достойны такой чести… одним словом, мы должны арестовать вас!

Доспехи пошевелились. Заключенный в них человек принялся освобождаться от тяжелых стальных щитков. Полетели на землю наколенники, поножи, наручи… Настала очередь кирасы…

— Пойдемте! — жестко приказал Тринкмаль. — Вам следует подчиниться, монсеньор!

Он протянул руку и тронул Монтгомери за плечо. И в ту же секунду, попятившись, откатился на три шага, почти к стенке шатра, получив между глаз удар такой силы, от которого у кого-нибудь другого голова просто раскололась бы надвое. Трое остальных, взревев: «Ах, так! Он еще дерется!» — ринулись в атаку.

Они бросились вперед и… резко остановились, обалдев от изумления, мгновенно опьянев от радости, не веря своим глазам, потому что внезапно увидели того, кого так долго оплакивали.

Монтгомери снял шлем, швырнул его на пол и воскликнул таким знакомым, таким родным голосом:

— Ну-ка! Ну-ка, идите сюда, мои ягнятки! Подойдите поближе, дворцовые прихвостни! Кто из вас осмелится поднять руку на Руаяля де Боревера?!

— Святые ангелы, это он!

— Святой Бахус, это он!

— Черт побери, волчонок! Наш львенок! Наш голубчик!

— Дьявол меня побери, мсье де Боревер!

А Боревер прогремел, заглушая этот нестройный хор:

— Идите же, идите, арестуйте меня!

Арестовать! Его! Но ведь так и есть! Они пришли сюда ради этого! Ха! Ха! Да они арестуют саму королеву на глазах у всего двора, они арестуют великого прево, и коннетабля, и всех придворных, они…

Все тем же нестройным хором, с выпученными от нежданного счастья глазами, взъерошенные, они повторяли:

— Пусть они явятся! Да, пусть они только придут!

Каким образом Руаяль де Боревер попал сюда, в этот шатер, почему на нем были доспехи Монт-

гомери, по наущению Сатаны или по божьему благословению произошло все то, что произошло, они не знали. Они ничего не понимали и не хотели понять. Они просто чуть не плакали от радости.

И в этот патетический момент в шатер вошел Нострадамус.

Увидев, что маг направляется прямо к нему, Боревер вздрогнул. Никогда еще он не видел чародея таким бледным, никогда еще глаза его так не метали молнии, никогда так ярко не сверкал знак Розы и Креста на его роскошном черном костюме.

Руаяль де Боревер почувствовал, как в его душу проникает какой-то священный ужас, он смотрел, смотрел и видел… сияющий ореол вокруг головы Нострадамуса!

Маг остановился рядом с Боревером и сказал:

— Я пришел, чтобы выполнить обещанное тебе у постели умирающего Брабана… Сейчас ты узнаешь имена твоего отца и твоей матери…

В одно мгновение все мысли, переполнявшие голову Боревера, испарились, исчезли, он забыл даже о произошедшем несколько минут назад на ристалище.

— Кто же мой отец? — прошептал юноша.

— Генрих II, король Франции!

Молодой человек согнулся, будто ему нанесли в грудь страшный удар, в его воспаленном мозгу всплыло одно только слово: отцеубийство! Но почти сразу же перед его внутренним взором молниеносно, как призрак бури, промелькнуло кровавое облако, невыразимо горькая усмешка раздвинула бледные губы, ненависть набатом прозвучала в сердце… Потом он расхохотался и прогремел:

— Так и должно было случиться! Я понимаю! Ах, теперь я понимаю, почему родился в темнице! Почему с самого рождения был предназначен палачу! Почему мой отец, не успел я родиться на свет, пожелал моей смерти! Королевский сын! Да! Я опасен! Еще бы — сын короля!

Он скрипнул зубами, встряхнул головой, словно отгоняя черные мысли. И вдруг на его сведенном судорогой лице появилось выражение неутешного горя. Из налитых кровью глаз потекли слезы. Он тихо спросил:

— А моя мать?

— Ты должен оплакивать ее, как оплакиваю ее я сам… — тяжело вздохнув, так же тихо ответил Нострадамус. — Твоя матушка умерла больше двадцати лет назад…

— Умерла! — в отчаянии воскликнул Боревер.

— Да. Ее звали Мари де Круамар, — сказал Нострадамус.

Душераздирающий крик вырвался из груди рухнувшего на колени молодого человека. Но это не был крик острой боли, горестный вопль. Мари де Круамар! Его матушка! Дама без имени! Та, что теперь заменила мать Флоризе! Нет! Нет! Она не умерла! Она жива! Жива и невредима!

Ему казалось, что он выкрикнул все это, но губы его на самом деле едва шевелились, пока мысли роем кружились в голове. Господи, как хорошо он представлял себе теперь ее полную страданий жизнь! Но теперь у Мари есть сын! Теперь у нее есть он, Руаяль де Боревер! И он сделает все, чтобы исцелить ее боль, утешить ее, вернуть к жизни! И первое, что он скажет ей, будет:

— Матушка, вы отомщены! Король Франции мертв, он убит своим собственным преступлением, потому что Судьба вложила оружие в руку его сына!

Он был растерян, он был вне себя от радости. Ему казалось, что от клубящихся мыслей голова его вот-вот взорвется. Руаяль хотел было крикнуть: «Нет, вы ошибаетесь, матушка жива, она не умерла, нет!» — но, посмотрев в сторону выхода,

он увидел, что Нострадамус уже приподнял полотнище и что он мрачен и угрюм, как никогда прежде. Юноша снова задрожал. «Кто все-таки этот человек? — вдруг подумал он. — Я должен узнать это любой ценой, я узнаю!»

Правда, почему Нострадамус вложил ему в руки копье, чтобы он убил своего отца? Почему говорит, что Мари де Круамар умерла двадцать лет назад? Что это за таинственный путь, по которому движется маг? Куда ведет эта дорога? Руаяль де Боревер поднялся с колен и направился к Нострадамусу. В этот момент тот исчез за отброшенным полотнищем, прошептав только одно слово:

— Прощай!

Юноша в смятении, в полубреду, с перевернутой душой, ринулся было вслед. Но в этот момент полотнище, служившее дверью, снова поднялось, и в шатер хлынули лучники…

Руаяль де Боревер, вмиг придя в себя, вытащил из притороченных к поясу ножен короткий кинжал и бросил на четырех телохранителей взгляд, в котором ясно читалось: «Вы готовы умереть со мной?» Корподьябль, Страпафар, Тринкмаль и Буракан двинулись вперед… Но не прошло и секунды, как чья-то тяжелая рука опустилась

на плечо молодого человека. Руаяль, вздрогнув, обернулся и занес свой кинжал…

— Именем королевы, — произнес схвативший его за плечо человек, — ты арестован!

Рука Боревера бессильно повисла, кинжал выпал из нее, звеня, покатился по земле. Он опустил голову и пробормотал:

— Отец Флоризы…

— Уведите его! — приказал Роншероль.

Часть девятнадцатая
МОГИЛА МАРИ

I. Цареубийство?

Четверка телохранителей рванулись в атаку — Руаяль испепелил их взглядом. Они остановились, замерли в неподвижности, хотя сердца их отчаянно бились от бешенства и изумления. Роншероль заметил четверых мужчин со шпагами наготове и проворчал:

— Кто эти четверо?

— Дворяне королевы! — гордо выпрямившись, ответил Тринкмаль.

Роншероль решил, что они оказались здесь, чтобы вовремя прийти на помощь, — впрочем, это ведь действительно было так…

— Отлично, господа, — сказал он, — можете отправляться к Ее Величеству и успокоить королеву: этот человек схвачен.

Каждый из четверых содрогнулся от бешенства, вся четверка снова приготовилась к нападению. Но Руаяль де Боревер снова удержал их на месте одним только пламенным взглядом и сдавленным голосом подтвердил приказание Роншероля:

— Да-да, отправляйтесь к королеве, успокойте ее… Идите, идите же!

Бедняги были так хорошо выдрессированы, так приучены к немедленному повиновению, настолько привыкли подчиняться каждому слову своего божества, что, попятившись, на цыпочках вышли из шатра — побледневшие, безмолвные, подавленные горем.

А Руаяля де Боревера отвели в Шатле. Всю дорогу Роншероль шел рядом с ним, держа преступника за руку и не сводя с него кровожадного взгляда. Боревера пошатывало. Разрозненные, беспорядочные мысли бились в его мозгу, вытесняя одна другую.

По приказу великого прево Боревера поместили в «Рай»: такова уж была идея Роншероля. Пусть посидит там, где он сам страдал, непрестанно думая о Флоризе. Пусть этот негодяй, которого он ненавидит так же, как Нострадамуса, посидит там и пострадает, тщетно призывая его дочь, которой ему не видать как своих ушей. У извращенных умов бывает своя гнусная логика.

Однако первой мыслью Боревера, как только за ним захлопнулась дверь камеры, была вовсе не мысль о Флоризе. Он подумал: «Как сообщить моей матери о том, что я жив? Как доставить эту последнюю радость Даме без имени?»

И весь день он размышлял только об этом. Фло-

риза в это время существовала для него только как неотделимая и ставшая совершенно своей часть его души. А все мысли были заняты матерью.

Как ни странно это может выглядеть, ему казалось, что он всегда знал, что Мари де Круамар — его родная мать. Ему казалось, что он ничуть не удивился, когда Нострадамус назвал ее имя.

«Как она настрадалась! Почему я не узнал обо всем этом раньше? Чем я теперь могу скрасить это несчастное существование, чем победить ее одиночество? Как, как сообщить ей, что ее сын жив?»

Наступил вечер, и вошел тюремщик. Бореверу сразу же пришла в голову идея, которая посещает всех узников во все времена: подкупить! Он пошарил в набитом благодаря Нострадамусу деньгами кошельке, который носил на широком кожаном поясе, вытащил десяток золотых монет и спросил надзирателя:

— Хочешь получить это?

— Еще бы не хотеть, — ответил ослепленный видом золота тюремщик. — Очень хочу. Но как?

— Найдешь одну женщину, которая живет на улице Тиссерандери и которую зовут Дамой без имени.

— Ничего себе имечко! — усмехнулся тюремщик.

— Уж такое ей досталось. Найдешь ее и скажешь: ваш сын жив, и он любит вас. Его зовут Руаяль де Боревер.

— И все?

— Да. Согласен?

— Давайте ваши денежки! Через час все будет исполнено!

Надзиратель пересчитал монеты и широко улыбнулся. Потом с некоторым почтением поклонился своему узнику и направился к двери. Руаяль стоял неподвижно, уставившись в пол, и думал. О чем? Как только тюремщик подошел к двери, молодой человек одним прыжком нагнал его, преградил дорогу и крикнул:

— Стой!

Тюремщик удивился, но послушался. Может быть, его ласкала надежда на добавку — он же видел, что в кошельке еще остались золотые. Боревер задыхался. По лбу его катились капли пота. Он кричал:

— Нет, не ходи! То, что я поручил тебе, делать бессмысленно! Ты туда не пойдешь!

Тюремщик подумал было, что сейчас у него заберут уже припрятанные десять монет. Он

поморщился и проворчал:

— Клянусь святым Лаврентием, моим покровителем, что все в точности выполню! За все уплачено, и никаких нет помех, чтобы я пошел…

— Заткнись! — взревел Руаяль. — Замолчи сию минуту! На, держи! Бери! Бери все! Вот тебе — только не ходи!

И он высыпал все оставшееся в кошельке золото в услужливо подставленные руки тюремщика, ошалевшего от нежданной радости. Заплатили за то, чтобы пойти и сказать два слова. Заплатили вдвое больше прежнего за то, чтобы не ходить и не говорить. Тюремщик отчетливо понимал только одно: этот узник — сумасшедший, — и от души желал, чтобы всех, кого посадили и посадят, охватило безумие такого же рода. Зная, что больше ничего не светит, он поскорее убежал: а вдруг странному парню еще что-то придет в голову?

А Руаяль бросился на кровать и зарыдал, пряча лицо в ладонях.

«Доставить ей эту последнюю радость! Сказать ей, что сын жив! Что я жив! Зачем? Ведь этим я не радость ей доставлю, я нанесу ей последний удар, добью! Ведь меня вот-вот казнят! А так, по крайней мере, моя мать никогда не узнает, что этот разбойник, которого вздернули на виселице,

был ее сыном! Матушка, моя бедная матушка, вот и все, что я могу для тебя сделать!» На третий день заточения Руаяль де Боревер увидел, как в его камеру входят лучники, сопровождающие двух одетых в черное людей. Один из этих людей оказался представителем королевского суда, которому было поручено допросить преступника, другой — его секретарем и писцом. Первый бросил острый взгляд на узника и, видя, что тот настроен мирно, отослал лучников. Затем, видимо, для полной безопасности, закрыл дверь. Потом, к огромному удивлению Боревера, принялся говорить дрожащим голосом и почему-то очень тихо:

— Вас обвиняют в оскорблении Величества… Что вы можете сказать по этому поводу?

Руаяль де Боревер гордо выпрямился, с горечью взглянул на казавшегося насмерть перепуганным гостя и сказал:

— Это правда! Я признаю, что это сделал. Сам заявляю об этом. Но когда люди узнают, почему на ристалище Сент-Антуан я…

— Тише! Пожалуйста, тише! — умолял представитель суда.

— Когда люди узнают, за что я поразил копьем короля Генриха…

— Он совершенно безумен! — воскликнул его собеседник, обращаясь к писцу.

Тот поднял глаза к потолку и покачал головой, скорбно поджав губы.

— Дорогой мой друг, — снова заговорил представитель суда, — кто с вами говорит об этом, помилуйте?

— Как? Разве меня не обвиняют в цареубийстве?

— Каком цареубийстве? Вы что — совсем потеряли голову? Кто по неловкости, осмелюсь сказать, нечаянно ударил короля копьем на этом проклятом ристалище? Это был господин де Монтгомери, доказательством чего служит тот факт, что, будучи вне себя от горя, достойный капитан сразу же исчез!

Руаяль слушал, не веря своим ушам. Он ничего не понимал. И как ему было понять, что таковы интересы государства и что Екатерина Медичи не хочет, чтобы кто-то заподозрил в свершившемся убийство? И что нужно всеми силами добиваться того, чтобы весь Париж поверил в несчастный случай…

— Как такое могло прийти вам в голову, мой дорогой? — продолжал увещевать посланец королевы все так же, полушепотом. — Если бы вас

обвиняли в цареубийстве, вам давно уже отсекли бы правую руку, вырвали бы язык и подвергли бы казни, разорвав на куски при помощи четверки лошадей… Оскорбление Величества, вот и все, что вам инкриминируется! Но ведь и этого вполне достаточно. Потому что вас следует приговорить к повешению, а перед этим вздернуть на дыбу. Но вместо этого вам просто отрубят голову, как дворянину! И я надеюсь, что вы будете весьма признательны Ее Величеству королеве за оказанную вам милость…

Руаяль де Боревер очень обрадовался, услышав приговор. Смерть от топора казалась ему куда менее постыдной, чем смерть на виселице, и не случайно — таковы уж были взгляды того времени. Юноша подумал:

«Как хорошо! Она не увидит, как мой труп болтается на веревке! Она не увидит моего позора!»

— Итак, вас обвиняют в оскорблении Величества, — продолжал представитель королевского суда, — вас обвиняют в том, что вы обманным путем заманили Его Величество короля Франции на улицу Каландр, в том, что удерживали Его Величество там в качестве пленника, и в том, что угрожали ему… Король обязан своим спасением только собственному мужеству, храбрости и при-

сутствию духа. Что скажете по поводу всех этих обвинений?

В ответ на все вопросы узник только кивал головой. Он признавал все, что от него требовали. Представитель королевского суда удалился очень довольный, в полном восторге от арестанта, которого упорно величал «своим дорогим другом».

Руаяль де Боревер, оглядевшись, понял, что остался один в камере.

Растерянный, абсолютно сломленный усталостью, в полном изнеможении он подумал:

«Она сказала мне, что, если мне придется умереть, она умрет вместе со мной! Что она сейчас делает? О чем думает? Верит ли еще, что всю жизнь я совершал чудовищные поступки? А может быть, она меня забыла? О, матушка, матушка! Почему вас нет здесь, я мог бы поплакать о ней у вас на груди!»

Одно казалось ему, да и было на самом деле, очень странным: ужасная мысль об отцеубийстве, которая прежде сводила его с ума, мало-помалу отступала, пока совершенно не испарилась из его сознания. Ему становилось все труднее и труднее вызвать в памяти образ короля. И даже тогда, когда ему это удавалось, что бы там ни утверждал Нострадамус, ему не приходило в голову напом-

нить себе: «А ведь этот человек — мой отец!»

Он жил мыслями только о двух человеческих существах, только два образа постоянно склонялись к его изголовью, подобно двум ангелам, назначение которых — сопровождать его к эшафоту. Флориза и Мари де Круамар… Его невеста! И его мать!

На девятые сутки ночью за узником явились охранники. Они повели его вверх по лестнице и оставили в просторном зале на первом этаже Шатле. Зал был полон лучников. Узнику еще в камере скрутили руки, связали их за спиной веревкой. Но когда он появился на пороге зала, когда медленно двинулся вперед, к центру, все эти люди, дрожа, отступили, судорожно хватаясь за рукоятки кинжалов и выдавая охвативший их ужас прокатившимся по огромному помещению шепотом:

— Руаяль де Боревер! Руаяль де Боревер!

В глубине зала на возвышении располагались семь или восемь торжественно выглядевших в своих черных одеждах мужчин. Один из них принялся допрашивать узника, на все вопросы он по-прежнему твердо отвечал «да». Другой произнес речь, которая длилась не меньше десяти минут. Потом они все долго совещались,

старяясь говорить как можно тише. И, наконец, дошло дело до приговора, который в переводе с тарабарщины на нормальный язык заключался примерно в следующем:

«Руаяль де Боревер признан виновным в оскорблении Величества. Он приговаривается к отсечению головы палачом на эшафоте, который будет воздвигнут на Гревской площади. Казнь назначается на шестое июля, на девять часов утра».

Руаялю де Бореверу оставалось прожить ровно тридцать шесть часов.

II. Дворяне королевы

Мирта, гречанка по матери, Мирта, выросшая в королевстве его величества Жаргона, по темпераменту была гражданкой мира. Но зато происхождением и нравом — парижанкой. Это значит, что в качестве весьма достойной уроженки большого города она считала своим долгом принимать участие во всех столичных радостях и горестях, во всех развлечениях и всех мятежах. А это, в свою очередь, значит, что, едва услышав о предстоящем турнире, она одной из первых направилась к ристалищу на улице Сент-Антуан. В самой глубине ее души таилась надежда встретить там Руаяля де Боревера. Куда он мог подеваться с тех пор, как привел Флоризу на улицу Тиссерандери?

Итак, Мирта устроилась неподалеку от парадного входа на арену, разукрашенного флажками и вымпелами. Именно через эти ворота проникала на ристалище провинциальная знать, чтобы занять свои места на трибунах. Здесь, в районе живой изгороди, состоящей из двух шеренг великолепных алебардистов, как раз между двумя этими шеренгами и текла в этот день удиви-

тельная процессия, какие при всяком удобном случае организовывались в героические времена французских королей.

Мирта смотрела во все глаза. Вдруг толпа умолкла, затихла. Что случилось? Король, королевы, принцы и принцессы, все самые знатные особы уже прошли на свои места, теперь настала очередь мелких дворянчиков. Что такое?

Толпа снова зашумела, обнаруживая простодушное удивление покоренных увиденной роскошью людей, которые, будучи не в силах скрыть своего восхищения, выражает его весьма громко и внятно. Однако тонкий слух знатока обнаружил бы в этих неумеренно восторженных восклицаниях и изрядную долю самой жестокой критики.

— Хо! Это еще кто? — Ха! Вот тебе и Аймоновы сыновья[49] — все четыре, как один! — Ну, прямо! Разве не видите, это ж старьевщики — только все тряпки на них королевские! — Святая Дева, какие красавчики! — Дайте же мне посмотреть, пропустите! — Ура! Ура!

---

[49] Примечания: 49

Выражение, вошедшее в поговорку. Аймоновы сыновья — это четыре сына графа Аймона, или Гаймона, Дордонского, главные герои одной из знаменитых саг Каролингского цикла, воспевающей их борьбу с Карлом Великим. Возникновение саги относят ко времени ранее начала XII века. (*Примеч. пер.*)

Слушая всю эту разноголосицу, «четыре сына Аймонова» приосанились и стали выглядеть такими горделивыми, такими величественными, что могло показаться, как и сказал кто-то из толпы, будто надетое на них барахло из королевских сундуков возвышает их чуть ли не до ангельского сана. Они раздулись от спеси и готовы были взлететь в небеса.

Но они не взлетели. Четыре никому не известных дворянина, разодетые в пух и прах, продолжали свое движение вперед, следя за каждым своим жестом и за каждым шагом, — их же столько времени учили правильно ходить, бедняжек! И подкручивать ус левой рукой! И держать правый кулак на бедре! Они покрылись испариной, но пообещай им целую империю, они и то бы не согласились нарушить правила этикета…

— Внимание! — сказал Тринкмаль. — Мы при дворе! Внимание!

— Что-то я не вижу ковров! — вздохнул Буракан, которому не нравилось идти по неровной дороге.

— Держись, дурак! — буркнул ему Корподьябль. — Не видишь, что ли, как народ нами восхищается?

— Черт побери, обскакать самих короля и королеву! — воскликнул Страпафар. — Вот это успех так успех!

И вдруг замер на месте, явно не веря своим глазам:

— Вот те на! Это же Мирта! Ну, и как ты поживаешь, пичужка?

Они потеряли голову от радости. Они обогнули шеренгу алебардистов, пробрались к деревянному барьеру поближе к Мирте и облокотились на него. Всей четверкой овладела одна и та же мысль: вот сейчас они наконец-то узнают хоть что-нибудь новенькое о Руояле де Боревере! А Мирта, узнав их, тоже вытаращила глаза от удивления. Народ тем временем зааплодировал этим господам, оказавшимся такими простыми, такими своими парнями. Люди окружили их. Они смотрели и слушали.

— Это вы! — выговорила в конце концов Мирта. — Вы — в таких костюмах! Вы — в свите короля!

— Не короля — королевы, — уточнил Тринкмаль. — Дорогая моя, со времен «Белой свиньи» все очень переменилось. Мы пошли другим путем. Теперь мы — дворяне. Больше того, мы — дворяне королевы.

— Королевы… — повторила Мирта, все еще не в силах поверить своим глазам.

— Ну да. И мы живем в Лувре! — похвастался Корподьябль.

— В Лувре! Прямо в Лувре!

Они в нескольких словах объяснили, что с ними случилось. Мирта, вся дрожа, слушала о волшебном превращении четырех бандитов в телохранителей королевы и думала:

«Зачем, зачем такой сброд мог понадобиться самой королеве? Что за дело им уготовано?»

А они, и не подозревая о подобном коварстве, все рассказывали и рассказывали: какими роскошными блюдами их кормят, в каких роскошных комнатах они живут… Но вот наступил момент главного вопроса:

— А как он?

Он! Увы, Мирта ничего не знала. И четверка тоже. Короче, пришлось расставаться, не получив никаких новых сведений. Разумеется, не обошлось без поцелуев, разумеется, они договорились встретиться с девушкой снова, несмотря на их нынешнее огромное превосходство над нею.

— Нам пора вернуться на свою дворянскую службу, — сказал Тринкмаль.

— Не куда-нибудь, в королевскую ложу, черт

побери!

А потом началась схватка, и все происходило как по нотам. Историческому событию дано было свершиться. Драма начала развиваться по законам, установленным таинственным режиссером, именуемым Судьбой, режиссером, в этот день и в этом месте представленным Нострадамусом.

Мирта не обращала никакого внимания на трагические перипетии турнира — она была слишком далеко мыслями и сердцем, она думала только о Боревере. Она бы ушла отсюда, если бы встреча со старыми знакомыми не возбудила в ней жгучего любопытства. Она, не глядя на ристалище, думала о своем, но внезапный шум, донесшийся с арены, заставил девушку поднять глаза. Крики. Вопли. Мольбы. Вопросы и ответы. Гвалт, беспорядок… Затем по толпе пронесся глухой шепоток:

— Король смертельно ранен! Король вот-вот умрет!

И в эту минуту Мирта заметила вдалеке, около одного из шатров, четырех друзей. Они застыли в неподвижности, словно пораженные громом. Девушка, пробравшись сквозь толпу, направилась к ним. А когда подошла поближе, увидела, что они плачут!

Кого они оплакивали? Короля? Нет, этого не может быть, подумала Мирта, которая прекрасно представляла себе их образ мыслей. И ее сердце дрогнуло: на свете существовал только один человек, которого эти четверо способны были оплакивать. Она побежала вперед, уверенная, что случилось несчастье.

— Что произошло?

— Он арестован!

Мирта побледнела. Губы ее задрожали.

— Арестован? Кто его арестовал?

— Роншероль, — ответил Корподьябль.

Он произнес только одно слово. Но у великого прево душа ушла бы в пятки, если бы он услышал, как этот человек произнес его имя.

— Роншероль?! Да он же в Шатле!

— Был там. Но король приказал его выпустить. Теперь он величайший из великих прево…

Мирта в отчаянии всплеснула руками. Ей показалось, что она вот-вот умрет. Но душа у нее была мужественней и тверже, чем у всех четырех телохранителей королевы вместе взятых. И вся энергия этой души, вся глубокая и давняя нежность, затоплявшая ее, вся боль, которую сейчас испытывала девушка, сконцентрировались на одной-единственной мысли: «Его надо спасти!»

Она велела друзьям рассказать ей об аресте во всех подробностях. Она спрашивала властно. Они больше плакали. Они чувствовали, что видят перед собой надежду, воплотившуюся в этом юном создании, и молча, не сговариваясь, признали первенство Мирты, признали ее главарем. И действительно, она сразу же принялась отдавать приказы.

— Сейчас вы вернетесь в Лувр, раз уж вы там живете. Есть ли средство проникнуть к вам хоть днем, хоть ночью?

— Есть, и очень простое. Надо только сказать страже пароль: «Пьерфон».

— Отлично. Значит, вы возвращаетесь. И ждете от меня новостей. Будьте готовы начать действовать в любую минуту, что бы и как бы я ни сообщила вам. Помните: все ради него!

Мирта убежала. Четверка тоже поторопилась уйти. По дороге они обсуждали случившееся, и то и дело звучала одна фраза:

— Она его спасет!

III. Мать

«Я должна его спасти!» — твердила Мирта, пока бежала в сторону улицы Тиссерандери. Но по мере того, как девушка приближалась к цели, ее охватывало все большее и большее отчаяние. Жестокость положения предстала перед ней с ужасающей ясностью. Да, она должна спасти Боревера. Но как? Как? И когда она добралась до места, отчаянию этому уже не было границ.

Мирта плакала, рыдала, ломала руки. На любой вопрос Дамы без имени она могла ответить только потоками слез. А когда наконец ей удалось выдавить из себя несколько слов, ничего, кроме: «О, мадам! Ему грозит смерть!» — она сказать не смогла.

Но Мари де Круамар вскрикнула, как раненая птица: она все поняла, Она сразу же поняла: речь идет о Руаяле де Боревере, как Мирта совсем недавно поняла, что с ним беда, когда увидела плачущих «дворян королевы». Дама без имени, побледнев как смерть, постаралась не упасть, держаться прямо.

«Да какое это для меня имеет значение? — попробовала она справиться с собой. — Кто он для

меня, этот молодой человек? Всего-навсего тот, кто любит дочку Роншероля!»

А вслух в это самое время дрожащим голосом сказала:

— Бедный, бедный юноша!

Только тогда она смогла заметить, что говорит об этом юноше, об этом совсем чужом, почти не знакомом ей молодом человеке, страдает из-за него так, будто это ее родной сын… Сердце ее было не на месте. Вся ее плоть криком кричала. Но Дама без имени не решилась дальше расспрашивать Мирту, которая рыдала, закрыв лицо руками…

В этот момент отворилась дверь соседней комнаты и вошла Флориза. И ее голос не дрогнул, когда она попросила:

— Мирта, объясните мне, пожалуйста, почему ему грозит смерть и какая смерть…

В комнате дома на улице Тиссерандери находились три женщины, разделенные стеной глухой враждебности.

Для Мари де Круамар Флориза была дочерью Роншероля, виновного в гнусном преступлении, убившем в ней все: любовь, счастье, надежду.

Для Флоризы Мирта была кем угодно, только не сестрой Боревера: влюбленную девушку не

обманешь, ее взгляд проницателен.

Для Мирты Флориза была счастливой соперницей.

— Мирта, вы должны рассказать мне, что произошло…

Мари де Круамар задрожала. В голосе Флоризы звучала такая боль, такая неколебимая стойкость.

Мирта вскочила. Ее глаза пылали. Ее слова были полны пронзительной горечи.

— Так знайте же! — воскликнула она. — Ваш отец — больше не узник Шатле. Король вернул его на должность великого прево.

Флориза вздохнула и пошатнулась. Если ее сердце еще билось, она уже этого не ощущала. Мирта неожиданно и оскорбительно расхохоталась.

— Ну, что — поняли? Нет? Хорошо, расскажу… Великий прево встретился с Руаялем де Боревером… Хватило бы одного жеста, одного взмаха руки, чтобы Боревер оказался свободен, чтобы его жизни ничто не угрожало… Но для этого ему нужно было убить вашего отца — убить отца Флоризы! Понятно? Великий прево схватил разбойника и препроводил его в Шатле. Поняли наконец?

Выпалив все это, Мирта упала и снова задохнулась в рыданиях. Флориза не произнесла ни слова. Она не проронила ни одной слезинки. Она повернулась к Мари де Круамар и тихо, ласково сказала ей:

— Прощайте, мадам. Я очень благодарна вам за гостеприимство. Вы меня не любите. Но я… я люблю вас, потому что он вас любил.

Девушка направилась к лестнице — к той самой лестнице, по которой когда-то поднимался ее отец вслед за дофином Франсуа и принцем Анри, которым собирался вручить Мари де Круамар… Она неторопливо, твердым шагом спустилась вниз. Вот только шла она, как сомнамбула, думая при этом: «Я дала ему слово, и я стану его женой. Я обещала ему умереть вместе с ним, и я умру в ту секунду, как умрет он…»

Мари де Круамар услышала, как за девушкой захлопнулась входная дверь. И тогда ее душа растаяла.

Грудь Дамы без имени вздымалась от сдерживаемых рыданий, а сердце безмолвно кричало: «Доченька! Доченька! Спаси его!»

Так прошло несколько минут. Собрав всю волю, все силы, Мари де Круамар взяла себя в руки и заставила хоть немного успокоиться.

— Ну что ж, — сказала она громко. — Пусть эта девочка, которая только что вышла отсюда, делает что хочет. Она любит вашего брата. Поверьте мне, она способна спасти его…

— Моего брата… — с горечью повторила Мирта.

— Бедное дитя, — прошептала Мари де Круамар. — Он ведь — вся ваша семья, правда? У вас никого больше нет, кроме брата?

— У меня нет никакой семьи, — мрачно сказала Мирта. — У меня нет никакого брата.

— Нет брата? — пробормотала Мари де Круамар.

— Нет!

— А кто же он вам?

— Во всяком случае, не брат!

Мари де Круамар закрыла глаза, она чувствовала, что кровь отхлынула от ее лица, тяжело застучала в ушах.

— Он ей не брат, — громко сказала она.

— Нет, — подтвердила Мирта.

Мари новым огромным усилием преодолела накатившую на нее слабость, причины которой не могла понять. Впрочем, иногда у нее случались приступы дурноты, и она давно перестала волноваться из-за этих мимолетных недомоганий.

Она села напротив Мирты, взяла ее руки в свои, посмотрела девушке прямо в глаза и совершенно естественным тоном спросила:

— Если он вам не брат, то кто же? Кто он вообще такой?

Мирта собралась было ответить, но в эту минуту в комнату вошел Жиль. Бывший тюремный надзиратель Тампля, ставший теперь пожилым человеком лет шестидесяти, казался очень взволнованным.

— Мадам, — сказал он с порога, — только что я, как обычно, обошел все вокруг, и у меня есть важные новости. Роншероль на свободе. Он снова — великий прево и…

— Оставь нас одних! — закричала, не слушая его, Мари де Круамар. — Оставь нас одних!

Жиль очень удивился и минутку помолчал, стоя с открытым ртом. Потом снова решился заговорить и, покачав головой, продолжил:

— И вот что, мадам, мне удалось выяснить. Великий прево хочет узнать, откуда взялся призрак в ту ночь, когда он приходил сюда с маршалом де Сент-Андре…

— Оставь нас! Да оставь же нас в покое! — кричала Дама без имени, по блуждающему взгляду которой было понятно, что она ничего не слы-

шит и не хочет понимать. — Уйди, пожалуйста! Уходи!

— Мадам! Мадам! Вам надо срочно спасаться бегством! Надо бежать отсюда!

— Уходи! Уходи! Неужели ты не понимаешь, что нам надо поговорить о…

Жиль, снова покачав головой, вышел.

— Мадам, — застенчиво заметила Мирта, — но ведь то, о чем только что хотел сказать ваш слуга, это и впрямь…

— Да что он такого мог сказать? — удивилась Мари де Круамар. — Ладно, — уже более жестко продолжила она, — говорите же наконец, вы же видите, что я сгораю от нетерпения.

Мирта вздохнула и стала рассказывать:

— Боревер действительно мне не брат. Правда, мадам, заключается в том, что нас обоих воспитывала моя матушка Мирто и что мы выросли вместе. Поэтому с самого раннего детства я могла считать его братом и на самом деле считала до того дня, пока не заметила, что моя нежность к нему вовсе не похожа на сестринскую. Впрочем, даже тогда, когда я вспоминаю самые далекие времена, мне кажется, что я всегда знала и понимала, что он не брат мне. А умирая, матушка открыла мне правду, она сказала, что нас с Ру-

аялем не связывают никакие родственные узы. Вот и все…

— И все? — повторила Мари де Круамар со вздохом, выдававшим мучительную боль.

Она-то чувствовала, что это далеко не все! И Мирта продолжила рассказ:

— Вы спрашивали меня, кто он такой, мадам… Не знаю. Моя мать тоже не знала. И ни ее, ни меня никогда это не беспокоило. Все, что нам было известно, — это что он родился при весьма печальных обстоятельствах…

Мари де Круамар опустила глаза и сжала руки. Ее нервы были натянуты, как струны. А Мирта между тем добавила:

— Руаяль де Боревер родился в тюрьме…

Мирта не заметила, что при этих словах Даму без имени бросило в дрожь, что ее охватило непонятное для девушки волнение. Она все говорила и говорила:

— Кажется, его появление на свет было весьма нежелательным для некоего очень знатного и могущественного господина, потому что младенца сразу же, как он родился, должны были отдать палачу. Вроде бы дело было в том, что мать Руаяля считали колдуньей. Все это чистая правда, мадам, если не верите, могу поклясться спасени-

ем моей души! Обо всем этом рассказал когда-то моей матушке тот самый человек, которому было поручено отнести ребенка палачу. Его звали Брабан-Брабантец, и он сам подтвердил бы вам все, что я сказала, если бы еще жил на этом свете…

Мари де Круамар встала. Мирту страшно удивило ее преобразившееся лицо. Теперь его благородные черты не искажало отчаяние, наоборот, каждая черточка излучала ослепительное счастье. Казалось, что Даму без имени окружает сияние, и Мирте, которую охватило какое-то почти религиозное чувство, захотелось броситься перед ней на колени, как перед святой.

Мари хотела было пойти в ту комнату, куда удалился Жиль, но она почувствовала, что силы оставили ее, что она не способна сделать и шага. Тогда совершенно изменившимся, звонким, молодым голосом она позвала:

— Жиль! Маргарита!

Бывший тюремщик и его жена Марготт прибежали на зов.

— Как звали человека, которому отдали моего сына, чтобы он отнес мальчика палачу?

— Ее сына! — прошептала потрясенная Мирта. Голос Мари де Круамар дрожал от невыразимой, какой-то сверхчеловеческой нежности.

— Его звали Брабан-Брабантец, мадам, — таким же дрожащим, но уже от удивления и тревоги, голосом ответил Жиль.

— Ее сын! — пробормотала Мирта. Мари повернулась к ней.

— В какой тюрьме, ты говоришь, родился тот, кого ты называешь Руаялем де Боревером?

— В тюрьме Тампль… В подземелье…

Мать протянула руки к распятию слоновой кости, висевшему на стене. Но в то же время, как ее руки медленно-медленно поднимались, колени так же медленно сгибались, и, в конце концов, в то самое время, когда ее полупрозрачные руки почти дотянулись до Христа, она оказалась стоящей перед Ним на коленях.

Бывший тюремщик обнажил голову. Марготт и Мирта перекрестились.

А мать заговорила… Ни Жиль, ни Марготт, ни Мирта не смогли расслышать ее слов, они не понимали, с какой молитвой она обращается к Иисусу, у ног которого распростерлась.

Так продолжалось несколько минут. Голос распростертой перед распятием матери все больше слабел. И по мере того, как слабел ее голос, Мари де Круамар все ниже и ниже опускала голову… Наступил момент, когда она лбом коснулась пола.

И тогда они услышали сначала какой-то почти неразличимый шепот, потом глубокий вздох, наконец, воцарилась полная тишина.

Они стояли неподвижно, только чуть пошатываясь от волнения. Но поскольку Мари де Круамар уже довольно долгое время не шевелилась и не издавала ни единого звука, поскольку не слышно было даже дыхания, Жиль вышел из оцепенения, приблизился к ней, наклонился и, тронув за плечо, позвал:

— Мадам!

Этого легкого и весьма почтительного прикосновения оказалось достаточно для того, чтобы бесчувственное тело упало лицом вниз.

— Она мертва! — закричал бывший тюремщик.

Женщины тоже вскрикнули. Слова Жиля вырвали их из мира собственных тревог, вернули им чувство реальности, и они поспешили на помощь. Мари де Круамар осторожно подняли с ковра, уложили на постель, и Мирта принялась быстро согревать компрессы: ни она сама, ни Марготт не поверили, что Дама без имени умерла. Переглянувшись, они словно сказали друг другу: «Нет, от такой радости не умирают!» Потом, пристальнее вглядевшись в неподвижную

женщину, Марготт каким-то странным голосом окликнула мужа:

— Жиль! Посмотри!

— Ох, — глухо вздохнул Жиль, подойдя к кровати. — Совсем как в 39-м, тогда это продолжалось тринадцать дней.

— И как в 46-м, когда это продолжалось десять дней! — подтвердила Марготт.

— И как в 52-м, когда это продолжалось одиннадцать дней, — добавил гигант.

Мирта, услышав эти непонятные слова, наклонилась над Мари.

— Бесполезно, — сказала ей Марготт. — Она не нуждается в уходе…

Девушка всмотрелась в лежавшую без чувств женщину, и ей показалось, что она смотрит на труп: тело вытянулось и застыло, все члены окоченели, глаза закатились, рот остался приоткрытым, в лице не было ни кровинки… Мари де Круамар лежала как мертвая! Мирта, рыдая, но не зная толком, из-за кого льются эти слезы, из-за покойницы или из-за Боревера, принялась истово молиться:

— Господи, помилуй! — взывала она. — Господь наш Иисус Христос, значит, Ты сжалился над ней, если не захотел, чтобы она присутствовала при

казни своего сына!

Поглядев на поглощенную своей молитвой девушку, бывший тюремщик потихоньку отвел жену в уголок и сказал:

— Ей нельзя оставаться здесь. Сегодня, самое позднее — завтра, в дом явится Роншероль. Но отнести ее на улицу Лавандьер тоже опасно — за тем домом следят. Что делать?

— Может, они сюда и придут, — спокойно ответила Марготт, — но что они ее не обнаружат — это уж точно!

— Хочешь положить ее в потайной комнате? Я об этом тоже думал. Но ведь они весь дом вверх дном перевернут… Могут и туда добраться! Схватить ее!

— Нетушки, — таинственно сказала Марготт. — Я нашла для нее такое убежище, куда никому и в голову не придет за ней явиться!

Жиль задрожал. В этот момент его окликнула Мирта. И между тремя заговорщиками прошло короткое совещание. Говорили они шепотом, изредка поглядывая в сторону кровати, где, вытянувшись, лежала покойная Мари де Круамар.

— Раз уж она все равно — как мертвая… — начала Марготт.

Жена бывшего тюремщика страшно побледнела

нела, и то, что она говорила, вероятно, на самом деле было ужасно, потому что Жиль тоже стал смертельно бледным, а Мирта, стуча зубами, часто-часто крестилась. Когда совещание закончилось, в доме воцарилась такая тишина, какая действительно бывает только там, где находится покойник.

Около одиннадцати вечера Марготт поднялась с сундука, на котором просидела в задумчивости несколько часов, и торжественно произнесла:

— Время пришло!

Мирта содрогнулась всем телом, но сумела сказать:

— Я готова!

Жиль побледнел, но повторил за девушкой:

— Я готов! — И прибавил: — Пойдемте! И да хранит нас Господь!

IV. Своего рода продолжение сцены в Турноне

Теперь нам следует перескочить от того дня, когда Боревера арестовали, к тому, наступившему через девять суток, когда состоялся суд над ним.

В этот самый вечер, около десяти часов, Нострадамус, лежа на восточном диване, спал глубоким сном.

Он был абсолютно отключен от действительности, потому что умел в любую минуту погрузиться в такое состояние — либо при помощи снотворного, либо усилием воли.

Но внезапно маг пробудился: дверь бесшумно отворилась, и вошел Джино. В ту же секунду Нострадамус вскочил с дивана. Глаза его были ясными, ум, как всегда, прозорливым — невозможно было поверить, что этот человек только что спал таким глубоким сном.

Джино поклонился и сказал:

— Дело сделано, сеньор. Молодому человеку зачитали приговор. Ему отрубят голову шестого июля в девять часов утра. Эшафот построят на Гревской площади.

Сообщив магу все нужные тому сведения, старичок исчез — бесшумно, как обычно. По крайней мере, Нострадамус подумал, что он вышел из комнаты. Но на самом деле Джино затаился в темном уголке и внимательно наблюдал оттуда за тем, кого он называл своим хозяином. Острый ум, который мы уже отмечали однажды, светился в глазах старичка. Он больше не усмехался. Он был серьезен и спокоен, только черты лица были чуть напряжены, как это бывает у строгих и беспристрастных судей.

— Приговорен! — глухо повторил Нострадамус, едва ему показалось, что он остался один. — Этот юноша умрет, а мое сердце истекает слезами… Почему? Я хочу спасти его? — Долгое молчание. — Нет, пусть свершится то, что предназначено Судьбой! Раз уж Руаялю де Бореверу выпала участь стать орудием моего возмездия, я должен довести начатое до конца…

Он быстро сделал пару шагов по направлению к двери. Остановился. Прикрыл рукой глаза. Между судорожно сжатыми пальцами просочились слезы. Джино из своего темного уголка жадно всматривался в хозяина и прислушивался к его рыданиям.

Ближе к полуночи Нострадамус явился в Лувр.

Слабость, которая еще так недавно чуть не сломила его волю к отмщению, совершенно испарилась. По дворцу немедленно распространился слух о том, что пришел целитель. Нострадамус попросил о короткой встрече с королевой. С того самого дня, когда Генрих, весь окровавленный, упал посреди ристалища, Екатерина ждала прихода целителя с глухим беспокойством и смутным раздражением: он казался ей подозрительным, она его опасалась.

«Кто знает, а вдруг он захочет спасти Анри?» — думала королева.

Нострадамус появился на пороге почти в ту же минуту, и, пытаясь заглянуть ему прямо в душу, Екатерина спросила:

— Скажите, вы пришли затем, чтобы спасти Его Величество?

— Мадам, — спокойно ответил маг, — никто не может спасти Его Величество.

— И даже вы?

— Тем более я.

— Но вы хотите его видеть? — настаивала королева.

— Так надо, — жестко ответил Нострадамус. Екатерина минутку подумала. Потом глухим голосом заговорила снова:

— Значит, смерть короля неизбежна? Что бы вы там ни думали, я испытываю глубокое горе, нестерпимую боль: я любила его! Но если никто и ничто не может спасти короля, то уж его убийцу наверняка никто и ничто не спасет! Никто и ничто! Клянусь богом!

Произнося клятву, королева медленно подняла руку к распятию.

Нострадамус вздрогнул. Мрачная улыбка тронула его губы.

— Да, разумеется, — сказал он. — Но опять-таки, кто знает, виновен ли Руаяль де Боревер на самом деле?

Королева схватила мага за руку и воскликнула непримиримо:

— Он виновен главным образом в том, что знает: права моего сына Анри на престол могут быть подвергнуты сомнению!

Нострадамус опустил голову. Он понял, что действительно никто и ничто в мире не может спасти того, кому назначена казнь. Однако, почти не осознавая сам хода обуревавших его мыслей, он попытался выдвинуть, как ему показалось, самый убедительный аргумент.

— Мадам, — сказал он, — но ведь есть еще один человек — не говоря обо мне самом, — которому

известно то же самое, что этому несчастному юноше. И тем не менее вы позволили ему бежать…

— Монтгомери? — спросила королева со зловещей улыбкой. — Он далеко не убежит. И он тоже умрет, не сомневайтесь!

— А я? — поинтересовался Нострадамус.

— Вы? О, вы — другое дело… Я знаю, что вы не предадите меня, что бы ни случилось. Пойдемте. Я провожу вас к королю…

Несколько минут спустя Нострадамус стоял у постели, где агонизировал раненый. По приказу Екатерины его оставили одного в королевской спальне.

Король лежал неподвижно, дыхание было совсем слабым, еле слышным, лицо смертельно бледным. За плотной повязкой, наполовину скрывавшей лицо, пряталась и пустая глазница. Другой глаз — без повязки — был закрыт. Нострадамус взял Генриха за руку, приподнял и отпустил ее: рука безвольно упала на постель. Король находился на пороге смерти, сознание и чувства уже покинули его. Нострадамус, скрестив руки на груди, долго смотрел на умирающего…

Вот здесь, прямо перед ним, переживает последний час жизни человек, которому он обязан всеми своими несчастьями! Который сам стал

несчастьем его жизни! Нострадамус, глядя на тихую агонию короля, вспоминал о своей потерянной молодости, о счастье, которым он мог бы наслаждаться, если бы этот человек не встал на его пути. И странная — может быть, даже пугающая — вещь: Нострадамус вовсе не почувствовал при виде умирающего радости, которую наделся испытать. Торжество возмездия ускользало от него. То, что он чувствовал, нельзя было назвать жалостью. Это не была удовлетворенная ненависть. Это было самое ужасное ощущение, какое только может существовать в человеческом мозгу: ощущение полной пустоты! Бесполезности и бессмысленности всех усилий. Чудовищной бессмысленности.

Нострадамус задумался.

«Надо разобраться, — сказал он себе. — То, что со мной происходит, абсурдно, лишено всякого смысла. Это просто невозможно. Я ненавижу этого человека. Я хочу, чтобы он умер, полностью осознав свое преступление и проклятие, обрушившееся на него из-за этого преступления. Но что же со мной происходит? Почему я сейчас не чувствую ненависти? Почему моя ненависть умерла? Умерла? — внезапно содрогнулся он. — Нет, она не умерла! Но между этой ненавистью

и мной стоит какое-то препятствие, какая-то преграда… Что это за странное ощущение?»

Произнося про себя эти слова, он заметил, что плачет! Он заметил, что его ненависть полностью растворилась в этих слезах и что ее заместило совершенно затопившее его ощущение боли… В нем не осталось ни единой клеточки, в которой не отзывалась бы эта страшная боль! А когда он стал искать ее причину, причину боли, подавившей до абсолютного исчезновения все другие живые силы его души, он ясно увидел: эта боль, эти слезы вызваны приговором, вынесенным Руаялю де Бореверу!

«Никто и ничто не может его спасти! — горько повторял себе Нострадамус. — Никто и ничто! Королева простила бы все несчастному юноше, все, кроме того, что ему известна тайна появления на свет ее сына Анри… И сейчас я плачу об этом… Я! Я! Именно тот человек, который привел Руаяля на эшафот! Я оплакиваю его! Я! Я оплакиваю сына короля!»

Суховатый смешок прозвучал совсем рядом с Нострадамусом. Маг обернулся и увидел Джино.

— Зачем ты здесь? — строго спросил он слугу. — И как ты попал сюда?

— Как? Это не имеет значения, сеньор. Зачем?

Чтобы принести вам то, что вы позабыли дома.

Старичок протянул Нострадамусу флакончик, наполненный коричневой жидкостью.

— Эликсир долголетия! — продолжал хихикать он. — Или, по крайней мере, эликсир, который подарит этому умирающему целый час жизни. Ровно час, но ведь больше и не нужно, чтобы насладиться местью, за которой вы гонялись двадцать три года, правда? Час радости за двадцать три года мучений. Ох! Это не так уж много, мэтр! Берите, берите!

Нострадамус продолжал стоять неподвижно, мрачный, как никогда. Старичок вздохнул, подошел к Генриху II, раздвинул ему губы и влил в полуоткрытый рот содержимое флакончика. Потом он поклонился Нострадамусу с обычным для него ироническим смирением и сделал движение к выходу. Но маг схватил старичка за руку.

— Кто ты? — воскликнул он. — Вот уже сколько времени я думаю, тот ли ты человек, каким хочешь казаться!

— Что же вы в таком случае не расспросили насчет меня оккультные силы? — ехидно спросил Джино. — Получили бы точный ответ!

— Оккультные силы! — повторил Нострадамус, проводя рукой по лбу. — Да ты же прекрасно

знаешь, сколько вопросов я тщетно задавал им! Я напрасно спрашивал о том, кто ты. Я напрасно спрашивал о себе самом и о тех, кто был мне близок. Я напрасно пытался узнать судьбу того…

Нострадамус запнулся, трепеща.

— Судьбу этого молодого человека, сеньор? — подсказал старичок. — Руаяль де Боревер скоро умрет. Вот вам и ответ!

— Замолчи! Уходи!

— Ухожу, ухожу… Смотрите, а Генрих-то просыпается… Смотрите!

Нострадамус быстро повернулся к королю. Джино выпрямился. Он бросил на мага долгий и какой-то особенный взгляд, потом скрылся в темном углу спальни. Генрих II действительно выходил из летаргического сна, предшествовавшего смерти. Он чувствовал, как жизнь возвращается к нему, как она накатывает светлыми волнами прилива. Король, приподнявшись на подушках, удивленно и восхищенно осмотрелся по сторонам.

— Как? — прошептал он. — Больше никакой боли? Никаких страданий? Никакой слабости? Боже, я родился заново, я снова дышу! Как такое могло случиться? Ах, вы здесь! — вскричал он, заметив Нострадамуса. — Это вы! Наконец-то это

вы! Раз вы здесь, значит, я спасен!

Нострадамус вернулся к постели. Он смотрел на то, как к королю возвращается жизнь, и чувствовал, что ненависть его возрождается вместе с ней. А король протягивал к нему руки и в упоении бормотал:

— Спасибо, спасибо, вы мой спаситель, спасибо!

— Я ваш судья, — произнес Нострадамус. Король поднял голову и увидел того, кто осмелился так говорить с ним. И зрелище показалось ему столь ужасающим, что в душе воцарился непобедимый, хотя и неосознанный, страх. Генрих невольно потянулся рукой к стоявшему на столике у изголовья кровати колокольчику. Нострадамус кончиком пальца дотронулся до руки, уже готовой схватить золотой колокольчик, — и рука замерла, парализованная этим прикосновением.

— Бесполезно кричать, бесполезно звать на помощь, — безжалостно продолжал Нострадамус. — Вам надо услышать то, что я хочу сказать. У вас остался только час жизни. И этот час принадлежит мне, сир…

— Только час жизни? — пролепетал король. — Только час? Значит, я все-таки умру?

— Да. Когда выслушаете меня.

— Ничтожество! — скрипнул зубами король. — Да, ничтожество! Потому что только ничтожный человек, имея возможность позволить мне умереть с миром в душе, способен явиться сюда, вернуть меня к жизни и заставить наблюдать за собственной агонией! Что я тебе сделал? Кто ты такой?

Генрих больше и не думал о том, чтобы сопротивляться, чтобы звонить. Ему даже в голову не пришло, что прежде, чем умереть, можно позвать на помощь охрану, отдать приказ арестовать мага, раздавить его тяжкими обвинениями. Отчаяние не оставило места даже страху, он почти обезумел от сжигавшего его любопытства. Нострадамус между тем ответил на последний вопрос короля:

— Я уже сказал: я ваш судья. То, что вы отравили вашего брата Франсуа…

Король испустил пронзительный крик, упал на подушки, молитвенно сложил руки и прошептал:

— Сжалься! Помилуй!

— …это меня не касается, — спокойно продолжал Нострадамус. — То, что вы отправили на костер целую толпу невинных людей, меня тоже не касается. Но вам следует знать: это я вложил

оружие в руку Боревера. Это я перед тем, как вы вышли на арену, убедил вас заменить куртуазное оружие острым боевым копьем. Это я доказал вам, что ваш соперник — возлюбленный Флоризы. Это я внушил вам ненависть к нему, как внушил ненависть к вам вашему сопернику. Я хотел, чтобы между вами произошла — совершенно законная — схватка не на жизнь, а на смерть. Я хотел понять, действительно ли вам суждено умереть от удара человека, которого я сам настроил против вас… Случившееся подтвердило справедливость Судьбы!

Король опять скрипнул зубами.

— Да, — сказал он. — Он смертельно ранил меня, а я отдал бы все за то, чтобы убить его. Ох, как ты, наверное, меня ненавидишь, если в момент, когда я стою на краю могилы, напоминаешь о единственной в моей жизни искренней любви и о том, что другой был возлюбленным девушки, которую мне хотелось возвести на престол!

— Значит, вы бы развелись с Екатериной Медичи?

— Да!

— Значит, вы действительно хотели бы жениться на Флоризе де Роншероль?

— Да!

— В таком случае вы, вероятно, ужасно страдаете?

— Да! Да! Да!

Минуту в королевской спальне царила тишина. Потом умирающий заговорил снова:

— Я умираю в отчаянии, это правда, но я умираю отомщенным. Руаяля де Боревера приговорили к смерти, и я надеюсь дожить до минуты, когда мне сообщат, что ему отрубили голову. Он умрет, Флориза тоже умрет. Ах, с какой прекрасной свитой мне предстоит войти в Вечность!

— Отлично, — сказал Нострадамус. — А теперь, сир, вам следует узнать, кто такой Руаяль де Боревер.

— Ну, и кто же он такой? — попытался усмехнуться король, снова садясь в постели.

— Он ваш сын! — бросил Нострадамус, страшный в своем величии.

Генрих II несколько минут выглядел подавленным: у него было столько любовниц, что тот, кто убил его, тот, кого скоро отдадут на растерзание палачу, вполне мог оказаться его незаконным сыном… Он лихорадочно перебирал в уме все свои любовные приключения, всех женщин, которых знал… Он обшарил все уголки памяти… И с особой прозорливостью, которую иногда дает

агония, почти мгновенно проанализировав всю свою жизнь, признался самому себе: нет, такого не может быть! И покачал головой.

— Если бы то, что вы сказали, было правдой, это действительно было бы ужасно. Но вы лжете. Кроме моих законных детей, я никогда не знал никакого сына!

На губах Нострадамуса промелькнула слабая улыбка. Он наклонился к королю и, глубоко вздохнув, прошептал имя:

— Мари де Круамар!

По телу короля пробежала дрожь, он протянул вперед руки, словно желая отодвинуть от себя призрак.

— Теперь вспомнили, не правда ли? — с горечью спросил маг.

— Вовсе не я убил эту несчастную! — пробормотал Генрих.

— Знаю. Ее заколол кинжалом ваш брат Франсуа. Убил ее из ревности.

— Да-да… Это было ужасно! Я так часто раскаивался в грехах моей юности! Вот это правда: мы с Франсуа преследовали девушку… Мы приказали заточить ее в Тампль… Вы плачете?

И впрямь, по щекам Нострадамуса потекли обжигающие слезы.

— Почему вы плачете? Кем была для вас эта девушка?

— Она была моей женой! — ответил Нострадамус. Король прочитал на его лице такую мучительную боль, что, как ни близок был к смерти, как ни удалился душой от всего, что составляет человеческую жизнь, не мог не содрогнуться.

— Простите меня! — прошептал он. Нострадамус покачал головой и сказал:

— Руаяль де Боревер — сын Мари де Круамар. Вы поручили наемному убийце по имени Брабан-Брабантец отнести новорожденного палачу, чтобы тот убил незаконного ребенка. Но наемный убийца оказался милосерднее принца!

— Да-да, припоминаю… Это правда! — признался Генрих. — Я часто думал потом об этом ребенке. Я думал, что он умер…

— И тем не менее вы опасались его появления из небытия! И вот он пришел! Сын Мари де Круамар восстал против своего собственного отца, и это я, я сам привел его к вам!

— Против собственного отца? — тяжело дыша, спросил Генрих.

— Против вас!

— Против меня?! Меня?!. Но я же не отец ему! Слава богу, я избавлен хотя бы от чудовищной

мысли, что пал от руки собственного сына! А я было заподозрил… Нет, если вы говорите, что Руаяль де Боревер — сын Мари де Круамар, он никак не может быть моим сыном, потому что… потому что ни моему брату, ни мне так и не удалось сломить сопротивления этой девушки…

Нострадамус закрыл лицо руками. Он судорожно сжал лоб, словно мешая мыслям вырваться наружу. В этот момент он услышал позади себя смешок. Обернулся и увидел Джино. Впрочем, ему было не до старичка, он даже не обратил на него внимания. Он чувствовал, что падает в бездонную пропасть. Его сердце выскакивало из груди. Он дрожал всем телом…

И в ту же секунду, когда он осознал, с каким грохотом обрушилось столь тщательно возведенное им за двадцать с лишним лет здание Великой Мести, он понял и другое: то, от чего он дрожит, от чего сердце рвется вон из груди, от чего кружится голова, — это радость.

Радость!

Мари не предала его, не изменила ему!

Он забыл, что Мари давно умерла, он забыл, что Руаяль де Боревер вот-вот погибнет под топором палача, он забыл обо всем на свете. Задыхаясь, глядя на короля пылающим взглядом, он схватил

умирающего за руки и хрипло спросил:

— Она не уступила вашим домогательствам?

— Пустите! Мне нечем дышать! — стонал Генрих. — Это конец… Я умираю…

— Одно слово! — хрипел Нострадамус. — Одно только слово!

В угасавшем взгляде короля вспыхнул последний огонек. Он приподнялся, протянул руку к распятию и с просветленным близкой смертью лицом отчетливо произнес:

— Клянусь Богом, перед которым вот-вот предстану, клянусь спасением моей души, что говорю правду: Мари де Круамар умерла незапятнанной. Она не уступила ни мне, ни моему брату. Да будет благословен Господь, давший мне в последнюю минуту это утешение! Прощайте… Супруг Мари де Круамар, я ничем не оскорбил вас… Ребенок Мари де Круамар — не мой сын… Ах, силы небесные, помогите мне! Я…

Король упал на подушки, черты его заострились, лицо застыло навсегда… В душе у Нострадамуса бушевала буря.

«Боже! Но если… если Руаяль де Боревер не его сын… если Мари сопротивлялась до конца… Этот ребенок… Господи! Это дитя, которое я сам отвел на эшафот… Господи, это… это…»

Он не осмеливался! Нет! Он не мог решиться и закончить мысль… Но кто-то рядом ее закончил… Вслух! И этим человеком был Джино!

Старичок подошел к Нострадамусу, тронул его за плечо и сказал:

— Эта мысль, которая тысячу раз приходила тебе в голову и которую ты тысячу раз отгонял от себя, эта мысль верна! Это правда! Руаяль де Боревер — твой сын!

V. Перед могилой

Нострадамус и сам не знал, как очутился в своем замке. У него было смутное ощущение, что там, в королевской спальне, он свалился на ковер, как пьяный. Но почти сразу же, под воздействием какого-то снадобья, влитого ему в рот Джино, пришел в себя. Нострадамус туманно припоминал, что комнату, где скончался Генрих II, наводнили люди, что там собралась целая толпа, что послышался чей-то голос: «Король умер!» — и ему в ответ толпа загремела: «Да здравствует король!»... Потом он оказался за дверью, а затем уже у себя дома.

Боль оглушила его. Он был один. Он хотел побежать на поиски Джино, но сил не было даже на то, чтобы сделать один шаг. Наконец после долгих вздохов, рыданий, неразборчивых криков ему удалось выдавить из себя:

— Джино! Джино!

Старичок сразу же появился. Нострадамусу хотелось накинуться на него с расспросами, но Джино протянул к нему руку, и маг застыл на месте, как пригвожденный к полу. В то же самое мгновение он со смешанным с удивлением испу-

гом заметил, что его слуга странно преобразился. Он вроде бы стал выше ростом, взгляд из привычно насмешливого стал ясным, безмятежным, в нем не светились ни печаль, ни радость, ни какое-либо другое человеческое чувство.

И вдруг Нострадамусу показалось, что где-то когда-то он уже видел это лицо.

— Кто вы? — чуть дыша, спросил он. — Где я видел вас? Как я познакомился с вами?

Джино заговорил. Его обычно пронзительный, резкий голос стал чистым и звучным.

— Нострадамус, — сказал Джино, — ты видел меня двадцать три года назад в подземельях Великой Пирамиды. Я — один из магов — хранителей Загадки. Я — один из тех, кто пытался научить тебя мудрости…

— Учитель! Учитель! — потерянно бормотал Нострадамус.

Он тяжело упал на колени. Джино медленно покачал головой и продолжил:

— Ты скрыл от нас свои проекты мщения, и ты счел себя более могущественным, чем мы. Когда мы одарили тебя той частью реального могущества, которой ты достоин, мы вернули тебя на землю, чтобы подвергнуть последнему испытанию. Нам хотелось понять, сможешь ли

ты восторжествовать над бедными человеческими чувствами, овладевшими твоей душой…

— Учитель! Учитель! — рыдал Нострадамус.

— И для этого мы, сначала приоткрыв путь к свету, надели тебе повязку на глаза. Мы свели тебя с твоим сыном, но не разрешили узнать, что он твой сын…

Нестерпимая боль разлилась по груди Нострадамуса.

— Я сопровождал тебя с первых же твоих шагов после выхода из Пирамиды. Я помогал тебе. Ты забыл, Нострадамус, что главный закон всякой мудрости — закон прощения. Я надеялся, что ты сумеешь подняться над теми нищими чувствами, которые переполняли твое сердце…

Тогда бы ты был прощен. Тогда бы я, взяв тебя за руку, отвел снова к твоим кротким учителям, и ты стал бы равным нам…

Нострадамус, ты остался всего лишь человеком в своем мщении. Мы позволили тебе осуществить твои планы. В то время, как ты считал себя способным читать в человеческом будущем, мы заботливо спрятали от тебя все, что относилось к судьбам тех, кто был тебе дорог, и прежде всего — к судьбе твоего сына…

— Спасите его! Спасите его! — умолял Нострa-

дамус.

— В боли, как и в гневе, ты всегда остаешься человеком… Что для нас значит человеческое существование? Твоя боль — ничто… Твоя месть — ничто… Прощай, Нострадамус!

Нострадамусу показалось, что Джино, не сходя с места, начинает таять на глазах.

Он предпринял сверхчеловеческое усилие, чтобы взять себя в руки, и с отчаянием потянулся к этому ускользающему от него призраку, грозящему с минуты на минуту раствориться в воздухе.

— Раз вы надели мне на глаза повязку, — воскликнул он, — раз вы помешали мне узнать моего сына, раз вы поселили в моем сердце эту страшную боль, дайте мне сейчас хоть маленькую, хоть крошечную надежду, сжальтесь надо мной, помилуйте меня!

Нет, тающее лицо мага не выразило ни надежды, ни жалости… Нострадамусу удалось только расслышать слова, донесшиеся как будто из дальней дали:

— Прах человечества… Прах миров, идущих в бесконечность… Всего лишь прах, который колышется под невидимыми ветрами… Века и тысячелетия, пыль времен… Любовь, ненависть, радость, гнев — прах чувств…

Джино исчез. Нострадамус, пошатываясь, поднялся с колен. Он больше не думал о существе, с которым только что беседовал, ему было все равно, кто он: человек, маг из Великой Пирамиды, дух Добра или Зла… Только одна мысль преследовала его и вызывала ярость: он оказался бессилен и не мог узнать своего сына, а в результате его, ЕГО сына приговорили к смертной казни без права помилования!

«А она! — Нострадамус снова задохнулся в сдерживаемых рыданиях. — Она! Она, которую я сто раз проклинал! Значит, она осталась верна мне! О, боже! Верна, когда ее бросили в темницу, верна под пыткой, верна до последнего вздоха!»

Не меньше часа Нострадамус нестерпимо страдал. Какие это были муки! Но вдруг он вспомнил, что, пусть даже маги Пирамиды лишили его возможности узнать собственного сына, они, по крайней мере, научили его вызывать мертвых из гроба. И ему захотелось увидеть свою дорогую покойницу… Мари де Круамар…

Неимоверным усилием над собой — мы уже много раз доказывали способность Нострадамуса на такие усилия — он добился полной победы над болью. Снова он проявил себя не как простой человек, снова подавил в себе все человеческие

чувства, чтобы сохранить полную свободу духа. Тем не менее, когда он оказался у могилы Мари, его охватила дрожь. Но он преодолел ее, взял себя в руки и принялся истово молиться. Постепенно торжественные слова молитв стали перемежаться с произносимыми твердым и властным голосом заклинаниями, с таинственными призывами, которые должны были помочь духу Мари пробудиться от вечного сна и заставить его явиться.

Мало-помалу лицо Нострадамуса приобретало застывшее выражение, вскоре оно стало похожим на лицо мраморной статуи. Тело его утратило гибкость, жесты напоминали конвульсивные подергивания. Мысль витала в неведомых сферах… Но призрак Мари не появлялся… Могилы, окружавшие Нострадамуса, выглядели все так же мирно, мертвецы спокойно спали под камнями надгробий…

Холодный пот покатился по щекам Нострадамуса. Глаза его почти вылезли из орбит. Все мышцы напряглись. Наконец, совершенно измученный, он упал на колени.

Он вглядывался в могилу с таким сумасшедшим напряжением, какое человек способен перенести только в кошмарном сне. Но часовня над могилой

стояла неколебимо, никакой дух не выказывал своего присутствия…

Вдруг ему показалось, что дверь часовни резко дернулась, Повернувшись на петлях, это движение он ощутил настолько реально, что будто бы расслышал даже легкий скрежет железа… Но ведь часовня была воздвигнута прямо над могилой Мари!

Нострадамус вскочил и всмотрелся в эту дверь, которая и впрямь чуть-чуть приоткрылась. Он хотел чуть-чуть отступить, но оказался не в силах сделать шаг назад, волосы шевелились у него на голове, он хрипло шептал:

— Мари! Скажи, это ты? Это ты?

В это мгновение в проеме распахнувшейся двери показался черный силуэт.

Нострадамус сразу же узнал женскую фигуру: это была Мари, Мари, одетая точно так же, как в ту памятную ночь, когда он, на этом самом месте, хоронил останки матери. Да, те же траурные одежды… Та же осанка напряженно выпрямленной спиной… Те же — будто бессознательные — движения…

Именно такой она всегда мерещилась ему в мечтах и снах. И он прошептал:

— Это сон. У духа, у призрака не может быть

таких четких очертаний. Если бы мне явился вызванный мною дух Мари, у него не могло бы быть такого живого лица, он бы не мог так протягивать ко мне руки… Силы небесные! А как она смотрит на меня! Я сплю! Я сплю! Ах, хоть бы не просыпаться!

Призрак сделал два шага вперед, и Нострадамус совершенно ясно расслышал шелест шелкового платья, легкий шорох шагов на песке.

— Мари! Мари! — закричал он.

— Рено! — воскликнула Мари де Круамар.

В мгновение ока Нострадамус оказался рядом с возлюбленной, обезумевший от счастья, растерянный, так и не понимая, в бреду он или все происходит на самом деле. Нет, никаким сомнениям не было места: она жива! Он схватил ее, поднял на руки, повторяя:

— Жива! Ты живая! О, Мари, Мари! Живая!

Но что происходило в это время в душе самой Мари? Она, казалось, ничуть не удивилась случившемуся. Пережитых ею двадцати трех лет страданий как не бывало. Огромная, ни с чем не сравнимая, какая-то сказочная радость оттого, что она вновь, как когда-то прежде, оказалась на руках Рено, отступила в самые глубины ее души. Она внезапно перестала быть влюбленной

женщиной. Теперь она была только матерью, в эту божественно прекрасную минуту материнские чувства возобладали в ней над всеми остальными, и первыми же словами, которые она прошептала, обращаясь к вновь обретенному супругу, были:

— Спаси его! О, спаси же его!

— Руаяля де Боревера! — охрипшим от волнения голосом воскликнул Рено.

— Наше дитя… Твоего сына!

И она потеряла сознание. Он лихорадочно прижал ее к груди и, не пытаясь разгадать, как и почему произошло такое чудо, даже не понимая, что именно случилось, где он находится, куда направляется, пошел вперед с драгоценной ношей на руках.

— Пойдемте с нами, — вдруг произнес чей-то незнакомый голос, в котором слышались жалость и сочувствие.

Нострадамус остановился, поднял глаза и увидел плачущую женщину и гигантского роста мужчину, смотревших на него с состраданием и любопытством.

— Кто вы такие?

Мужчина ответил:

— Я тюремный надзиратель, который когда-то

охранял Мари де Круамар в темнице Тампля.

А женщина сказала:

— Я жена тюремщика, которая когда-то в темнице Тампля первой взяла на руки новорожденного, ребенка узницы… Вашего сына, мсье!

Часть двадцатая
ЭШАФОТ

I. Накануне казни

Казнь Руаяля де Боревера была назначена на девять часов утра. Накануне ужасного события, около десяти вечера, Нострадамус подошел к дверям Лувра.

— Прохода нет! — объявил ему стоявший на часах гвардейский офицер.

— Даже для меня? — спросил Нострадамус, героически постаравшись улыбнуться и пряча за этой улыбкой целый мир, исполненный страданий и тревог.

— Особенно для вас, мессир. Королева отдала такой приказ.

— Но мне необходимо видеть ее… Это в ее интересах…

— Королева в молельне. Туда нельзя. Уходите, мессир, иначе я прикажу арестовать вас.

Нострадамус в отчаянии оглядел двор, где толпились солдаты, офицеры, какие-то люди в гражданском… Толпа безмолвствовала, и ее молчание казалось угрожающим.

Спальня короля была в траурном убранстве. Генрих II покоился на парадном ложе. В соседнем зале, временно преобразованном в часовню,

молился об усопшем парижский архиепископ, окруженный самыми высшими чинами клира. Вокруг самой постели несли почетный караул двенадцать самых знатных дворян королевства.

Екатерины нигде не было видно. Одни говорили, что она молится в своей молельне. Другие — что готовится к похоронам, которые должны состояться четыре дня спустя.

Правды тогда еще не знал никто. На самом деле Екатерина с необычайной даже для нее активностью занималась организацией регентского правления, которое она должна была осуществлять при юном короле Франциске II. Вдову в траурных одеждах, с которыми ей уже никогда не суждено было расстаться, окружала дюжина советников, из числа которых были предусмотрительно исключены как кардинал Лотарингский, так и герцог де Гиз. Коннетабль де Монморанси, первым прибежавший засвидетельствовать свою преданность свежеиспеченной регентше, уже успел присягнуть на верность Екатерине и предложить свою шпагу к ее услугам. Что же до маршала де Сент-Андре, то он куда-то бесследно исчез…

На совещании присутствовал и сам юный король Франциск II. Но это присутствие было чисто

формальным. Мать едва взглядывала в его сторону и время от времени выходила в свою спальню, где, схватив на руки своего младшего сына Анри, бурно целовала мальчика и шептала ему:

— Ты будешь королем! Все предсказания Нострадамуса сбываются, почему бы и этому тоже не исполниться? Почему? О, сын мой, мое дорогое дитя, ты будешь королем!

Потом она обводила взглядом четырех вооруженных мужчин, приставленных к ребенку, чтобы охранять его, и напоминала им:

— Вы поклялись ни на минуту не оставлять его в эти дни траура и особых волнений…

— Это точно! Мы поклялись своей душой и Христом Богом или, лучше сказать, святым Панкратием! Ничего не бойтесь, госпожа королева, мы присмотрим за Его Высочеством! — отвечал один из четырех телохранителей.

— Вы поклялись убить всякого, кто осмелится приблизиться к моему сыну…

— И, ей-богу, так и сделаем! — вторил ему другой охранник. — Кто захочет войти в эту дверь, пусть уж заранее помолится! Ему костей не собрать, бедняге!

— Вы поклялись умереть за моего сына, если потребуется!

— Ну и умрем, коли понадобится, не сомневайтесь, умрем, мадам… — заверил третий.

— Ну да, — подвел итог четвертый. — Чего ж тут сомневаться!

Успокоенная такими надежными защитниками, королева возвращалась к своим советникам, маленький принц снова брался за игрушки, а Корподьябль, Страпафар, Тринкмаль и Буракан, которых, как мы надеемся, сразу же узнал читатель, продолжали нести свою вахту. Но все четверо были исключительно мрачно настроены. А Страпафар иногда тяжело вздыхал и выражал общие чувства, приговаривая:

— Ай-яй-яй! Бедный наш волчонок!

Нострадамус отказался от попытки проникнуть в Лувр.

Он знал: надеяться больше не на что. Но ведь нужно испробовать все возможности, сделать даже немыслимое! Мари, выжившая, несмотря ни на что, Мари, такая теплая, такая живая, она умрет, если погибнет ее сын!

Меньше двенадцати часов! Да, и двенадцати часов не осталось до момента, когда Руаяля де Боревера казнят! Нострадамус отступил. Сердце его сжала такая тоска, что ему показалось: он вот-вот умрет, хотя и хотел дожить до времени,

когда все будет позади. Офицер с удивлением смотрел, как по щекам прославленного чародея катятся слезы.

— Все кончено! — хрипло прошептал Нострадамус. И собрался уходить. Но внезапно его осенила мысль, которая тут же призвала к действию. Луч яркого света проник в сумерки его души. Он быстро достал письменные принадлежности и начертал на листке пергаментной бумаги:

> «Мадам, я тщетно пытался добраться до вас. Вот, что я хотел вам сказать: совершенно необходимо, чтобы вы присутствовали при казни, которая назначена на завтрашнее утро. Я там буду тоже. Вам надо быть на Гревской площади обязательно: речь идет о счастье вашего сына…
>
> Нострадамус».

Нострадамус написал эти несколько строк только для того, чтобы обеспечить себе возможность приблизиться к Екатерине, возможность сделать решающую попытку. Но когда он закончил письмо, то машинально повторил про себя последние его слова: «речь идет о счастье вашего сына…».

— Ее сына! — глухо прошептал он. — Ее сына! О, какая мысль пришла мне в голову! Джино! Не ты ли сжалился надо мной? Учитель, эта мысль, она послана тобой?

В его взгляде впервые за последнее время засиял огонек надежды. Его охватила странная лихорадка. Протянув сложенный вчетверо листок офицеру, он строго сказал ему:

— Сударь, если вы дорожите своей головой, сделайте все, чтобы это письмо как можно скорее попало к Ее Величеству!

— Не пройдет и двух минут, как королева получит ваше послание, — ответил гвардеец.

Нострадамус ушел. Он шагал широко, от подавленности не осталось и следа. Добравшись до особняка на улице Тиссерандери, он оглушительным голосом позвал:

— Мирта!

Часом позже, после долгой беседы с Нострадамусом, Мирта вышла из дома… Мари де Круамар, стоя на коленях перед распятием, молилась… Нострадамус, склонившись к жене, тихонько прошептал:

— Не станем терять надежды…

II. Невеста приговоренного

В ту же самую ночь, когда Нострадамус в доме на улице Тиссерандери подсчитывал свои последние шансы на спасение сына — ох, до чего же их было мало! — в ту же самую ночь в резиденции великого прево разыгрывалась ужасная сцена.

Около одиннадцати часов вечера Роншероль поднялся в апартаменты дочери, как делал каждый вечер с тех пор, как Руаяль де Боревер привез Флоризу в Париж и она, узнав об освобождении отца, явилась домой. Четверо крепких вооруженных мужчин день и ночь дежурили у дверей апартаментов, их сменяли каждый час, чтобы узнице Флоризе не хватило времени соблазнить кого-то из стражей, а то и всех сразу. В самих апартаментах находились охранницы — четыре женщины, ни на мгновение не спускавшие глаз с пленницы Роншероля, так, чтобы у той и возникнуть не могло мысли о побеге. Окна были забраны прочными решетками. Двери наглухо заперты. Только сам великий прево имел право войти к Флоризе.

— Отец! Отец! Его схватили! Его арестовали! Он в тюрьме! Надо его спасти!

Именно эти слова прокричала Флориза, когда, покинув особняк на улице Тиссерандери, запыхавшись от быстрого бега, добралась до резиденции великого прево. Бурная радость, которую испытал Роншероль при виде дочери, сразу же испарилась.

— Спасти кого? — буркнул он. Самые дурные подозрения прокрались в его сердце, у него даже пропало желание поскорее сжать обожаемое дитя в своих объятиях.

— Того, кто снова спас мне жизнь! Руаяля де Боревера!

Роншероль пробормотал проклятие. Флориза бросилась к его ногам. Пытаясь превозмочь рыдания, она принялась подробно рассказывать отцу о том, как Боревер спас ее от бесчестья и от смерти, о том, что произошло в Пьерфоне, о том, как уже второй раз Руаяль сам захотел отвезти ее к отцу…

Великий прево, не глядя на дочь, мрачно слушал ее бессвязный рассказ, то и дело прерываемый стонами боли и потоками слез. Когда Флориза наконец закончила свою историю, он помог ей подняться, отвел в ее апартаменты и после того, как им были приняты все меры предосторожности, о которых мы уже упоминали,

холодно сказал:

— Разбойнику скоро вынесут приговор. Только одна королева может его помиловать.

— Я пойду к Ее Величеству! — воскликнула Флориза. — Я брошусь к ее ногам, я стану умолять…

— О прощении разбойника, бандита, нищего бродяги! — кипел Роншероль. — Вы влюблены в разбойника! Вы! Моя дочь!

— Да. В самого гордого, самого великодушного, самого храброго из всех дворян на свете, — взволнованно ответила Флориза. — Да. Я люблю этого человека.

Говорить больше было не о чем.

Однажды ночью великий прево, зная, что своим сообщением нанесет дочери жестокий удар, и желая этого, вошел к ней и сказал:

— Дело сделано. Его приговорили. Послезавтра утром ему отрубят голову.

Флориза не заплакала, даже не дрогнула. Вот только стала белой, как мел, и, подойдя ближе к отцу, спокойно сказала:

— Хорошо. Так знайте же: когда он умрет, я покончу с собой. И моим убийцей станете вы. Никто иной.

Роншероль, пошатываясь, вышел из комнаты. От услышанного его ненависть к Руаялю де Бо-

реверу не только не уменьшилась, но возросла десятикратно. Им овладело небывалое даже для него бешенство: мысли путались, он чувствовал, что теряет рассудок от злости.

В день накануне казни великий прево сказал себе:

«Ну что ж, она хочет умереть вместе с ним — пусть умрет! Пусть моя дочь умрет, если так надо… А я… Что ж, и я отправлюсь вслед за ней!»

В таком состоянии духа, в состоянии, близком к безумию, он и отправился в последний раз навестить Флоризу в ту ночь, о которой мы ведем наш рассказ.

Он вошел к дочери, едва часы пробили одиннадцать. Из четырех надзирательниц две спали сладким сном, две дежурили в комнате узницы. К своей огромной радости, Роншероль обнаружил, что Флориза стала куда спокойнее, чем в предшествовавшие дни, что она отлично держит себя в руках.

Девушка подошла к отцу и, не поздоровавшись, спросила:

— Значит, завтра?

Роншероль скрипнул зубами. Все то же самое! Она думает только о нем, об этом ничтожестве, об этом разбойнике! Она решилась на самоубийство

и умрет, храня в сердце образ Боревера!

— Посмотри на часы, — с жестоким удовольствием ответил он. — Стрелке даже не придется сделать полный круг. Еще десять часов — и голова твоего бандита покатится вниз с эшафота…

— Ах, так, — сказала Флориза, покачав головой. — Значит, в девять часов, да? Значит, у вас есть десять часов на то, чтобы все исправить, чтобы предотвратить преступление…

— Преступление?! — зарычал Роншероль. — Какое еще преступление?

— Ваше… За десять часов вы вполне можете спасти вашу жертву. Если вы спасете его, — продолжала Флориза, — вы спасете и меня тоже. Мы все втроем уедем из Парижа: он, вы и я. Вы достаточно богаты. Мы уедем куда-нибудь подальше от этого бесчестного и бесстыдного двора, подальше от тех, кто похищает девушек, подальше от Парижа, и я обещаю, что сделаю вашу жизнь счастливой…

Она повернулась к отцу спиной, подошла к окну и прижалась лбом к прохладному стеклу.

— Только увидеть его! — прошептала она. — Если бы я могла хоть один раз еще его увидеть!

Роншероль смотрел в спину непокорной дочери налитыми кровью глазами. Внезапно ему

пришла в голову мысль об убийстве. Убить ее! Это решение. Это верное решение. Он двинулся вперед. Флориза обернулась и, увидев отца с кинжалом в руке, радостно вскрикнула:

— Ударьте же! Ударьте! Вы, по крайней мере, избавите меня от ужаса ожидания в эти последние часы!

Роншероль отбросил кинжал и укусил себя за руку. Увидев сияющую улыбку дочери, готовой пойти на смерть ради этого чудовища, ради ничтожного бродяги, увидев, что любовь по-прежнему для нее сильнее смерти, он пришел в такое бешенство, что проклятия градом посыпались с его губ.

— Будь ты проклята! Убить тебя? Нет! Ты даже этого недостойна! Я выгоняю тебя! Убирайся из моего дома! Убирайся! Да иди же отсюда! Иди, проклятая, подыхай вместе со своим разбойником! Вон отсюда, потаскуха!

Он распахнул двери. Его караульные, его офицеры стояли навытяжку, с ужасом, к которому примешивалась жалость, наблюдая за тем, как их начальник, их великий прево, шатаясь, подобно пьяному, с налитыми кровью глазами, с пеной на губах, бежит вниз по лестнице. Он уже плохо соображал, что делает на глазах у посторонних, им

овладело одно чувство, одно желание: поскорее избавиться от наваждения.

— Вон отсюда, бесстыжая! Вон отсюда, подстилка разбойника! Вон отсюда, шлюха!

Флориза тоже спустилась по лестнице — прямая, смертельно бледная. Она шла неторопливо, решительно. Когда она оказалась внизу, входная дверь в резиденцию тоже была услужливо открыта настежь.

Девушка переступила порог.

Роншероль мешком свалился на пол. Он лишился сознания.

III. Сен-Жермен-л'Оссерруа

Когда Роншероль пришел в себя, он обнаружил, что находится в собственной спальне, лежит в своей постели. Два человека сидели у изголовья кровати. Он узнал придворных врачей. И только тогда увидел, что рука его перевязана бинтами: ему пускали кровь. Потом он бросил взгляд на часы: оказалось, что уже утро, шесть часов. На мгновение он снова закрыл глаза.

Голова у него кружилась. Беспорядочные мысли, толпясь, сталкивались между собой. Но две или три из них вдруг ясно оформились и всплыли над остальными:

«Я выгнал Флоризу… Где она теперь? Почему я изгнал собственную дочь из отчего дома? Ах, да… Да! Я вспомнил! Разбойник! Все дело в разбойнике! О, боже мой! Шесть утра! Мне нужно успеть вовремя!»

Роншероль быстро спустил ноги на пол и принялся одеваться.

— Монсеньор, — сказал один из докторов, — вам нужно лечь!

— Монсеньор, — подхватил другой, — речь идет о вашей жизни!

И оба, словно стараясь утешить и успокоить его, стали хватать великого прево за руки. Он вырвался. Посмотрел каждому прямо в глаза, ничего не отвечая. Должно быть, взгляд его был ужасен, потому что оба врача попятились. Не обращая на них больше никакого внимания, Роншероль лихорадочно нацеплял на себя одежду. Одевание заняло всего несколько секунд. Потом он спустился во двор резиденции и резко скомандовал:

— Коня! Двадцать человек эскорта!

Десять минут спустя он уже скакал по улицам Парижа. Люди, которым он попадался на пути со своей вооруженной до зубов охраной, не видели в этом ничего удивительного. Великий прево выглядел абсолютно спокойным. Встречные перешептывались:

— Вот господин великий прево! Он направляется к месту казни, на Гревскую площадь…

И действительно, Роншероль двигался в сторону Гревской площади. Он добрался туда довольно быстро. Несмотря на ранний час, на площади было черно от народа: все прибежали посмотреть, как станут отрубать голову государственному преступнику. Два отделения аркебузиров и отделение лучников, собравшись в центре площади, ожидали указаний. Роншероль поделил

аркебузиров на четыре группы, каждая из групп получила задание следить за своей частью послушной толпы и двинулась на место, отгоняя любопытных подальше. Так образовалось обширное пустое пространство, четырехугольник, в центре которого на девять футов над землей возвышался эшафот. Плаха оказалась хорошо видна со всех сторон. Толпа удовлетворенно вздохнула, по ней прокатился шепоток. Затем Роншероль расставил лучников вдоль улицы, ведущей от площади к Сен-Жермен-л'Оссерруа, двумя шеренгами: по этому коридору должны были провести приговоренного. Все приказы он отдавал все тем же резким голосом, они были такими же краткими. Он казался совершенно спокойным… Закончив все свои дела, он отправился в церковь, чтобы там подождать…

За несколько минут до того, как часы пробили девять, толпа любопытных зашевелилась. Перед домом Городского Совета, откуда открывался прекрасный вид на Гревскую площадь, остановились крытые носилки, явившиеся сюда в сопровождении всадников, двигавшихся впереди носилок и позади их. Из носилок вышла женщина, она сразу же исчезла за дверью дома. Под темной вуалью, которой она была окутана с ног до головы,

никто не смог узнать этой женщины. Это была Екатерина Медичи…

Королева вошла в комнату, окна которой выходили на площадь. Одно из них было открыто. Екатерина подошла к нему поближе и уселась в заранее приготовленное кресло, откуда ей было видно все, что делается у места казни, а она не была видна снаружи никому. И прошептала:

— Зачем было так нужно, чтобы я присутствовала при казни? При чем тут счастье моего сына? Как бы мне хотелось, чтобы Нострадамус поскорее пришел!

В эту минуту появился привратник. Он приблизился к королеве и сообщил ей:

— Мессир де Нотр-Дам здесь, и он просит Ваше Величество об аудиенции…

— Пусть войдет! — вздрогнув, быстро ответила королева.

Когда Роншероль вошел в церковь Сен-Жермен-л'Оссерруа, было около семи часов утра. Один из алтарей был задрапирован черной тканью. Огромный неф был пуст, везде царил полумрак. У каждой из дверей храма стояли на страже гвардейцы. Служка зажигал свечи у алтаря.

Роншероль ждал… Он стоял неподвижно… Но если бы кто-то в это время присмотрелся к нему,

то увидел бы, как дрожат его руки — так они дрожат только у дряхлых стариков.

«Я выгнал дочь из дома, — вздыхал он про себя. — У меня больше нет дочери…»

Только подумав об этом, он вздрогнул, глаза его засверкали странным светом и, излучая невыразимую ненависть, остановились на только что вошедшем в церковь и теперь направлявшемся к нему человеке.

— Проклятый маг! — скрипнул он зубами. — Чертов колдун!

Рука великого прево судорожно схватилась за рукоятку кинжала. Нострадамус остановился совсем рядом. Взгляды мужчин скрестились. Они смотрели друг на друга, одинаково бледные, каждый мог бы служить воплощением человеческой боли, и, хотя боль эта была равной по силе, одному было никак не понять другого.

— Зачем ты явился сюда? — прохрипел Ронше-роль. — Пришел поиздеваться надо мной, скажи? Хочешь посмотреть, как я страдаю? Поберегись! Королева, конечно, за тебя стеной стоит… Но я сегодня утром не хочу знать ни короля, ни королевы… Поберегись!

— Вы меня узнаете? — спросил Нострадамус.

— Еще бы я тебя не узнал! — взорвался Ронше-

роль. — Разве не ты вырвал из моих объятий мою единственную дочь, а потом пришел в темницу оскорблять меня? О! Это из-за твоей проклятой науки, которой ты так поклоняешься, нам — мне и Сент-Андре — тогда явился призрак Мари де Круамар!

— Мари де Круамар…

— Ну да! И, наверное, опять-таки из-за тебя имя этого чертова Рено не выходит у меня из головы — так и звенит колоколом!

— Рено! Мари де Круамар! Твои жертвы, Роншероль! Вспомни, вспомни…

Нострадамус выпрямился во весь свой высокий рост. На мгновение в глазах его вспыхнул гнев. Но почти сразу же он снова сгорбился и лицо его приобрело выражение безграничной усталости.

— Я пришел по их поручению, — произнес маг дрожащим голосом. — Роншероль, это Рено говорит с тобой.

— Ну и чудесно! Давай, говори! Раз тебе надо передать мне слова мертвецов, говори какие!

— Это слова прощения, — вздохнул Нострадамус. Великий прево схватился руками за голову, будто пытаясь удержать готовую ускользнуть от него важную мысль.

— Прощения? — пробормотал он. — Ты гово-

ришь, Мари де Круамар прощает меня?

— Клянусь вам в этом! — тихо ответил Нострадамус.

— Говоришь, и Рено меня прощает тоже?

— Да. И я имею право говорить об этом, потому что я и есть Рено!

Роншероль, глаза которого налились кровью, отступил на несколько шагов.

— Ты — Рено? — прошептал он.

— Да. Как я выжил, каким образом оказался здесь — это не имеет значения. Слушай, Роншероль. Слушай хорошенько. Ты разбил мою жизнь и жизнь несчастной женщины. Ты приговорил нас к разлуке, к нестерпимой боли, к сомнениям, подозрениям, к отчаянию, к ненависти… Хочешь все исправить одним, только одним поступком?

— Ах, ты и есть Рено? — с ужасающим смехом переспросил Роншероль.

Нострадамус посмотрел на него и вздрогнул, прочитав на искаженном лице жгучую ненависть.

— Послушай, — продолжил он с мрачной настойчивостью. — Я пришел со смиренной мольбой… Я не хочу думать о твоих преступлениях, я больше не думаю о них… У тебя есть дочь, Роншероль. А у меня есть сын… Сын, которого я

обожаю… Но мой сын… Ах, несчастный! Мой сын любит твою дочь!

— Боже! — содрогнувшись, воскликнул Ронше-роль, в котором пробудилась какая-то неясная надежда. — Ты Рено? И у тебя есть сын? Сын Мари де Круамар, да, да, скажи?!

Нострадамус подтвердил его догадку только кивком головы, у него не осталось сил говорить…

— И ты говоришь, что твой сын любит мою дочь, так ты говорил, да? И в нем — вся твоя жизнь, как в дочери — вся моя жизнь, так?

— Спаси его! — пылко прошептал Нострада-мус. — Спаси моего сына, Роншероль, и благодарность моя будет такова, что та ни с чем не сравнимая ненависть, которую я питал к тебе долгих двадцать три года, покажется слабым, едва заметным чувством по сравнению с моей признательностью, с поклонением, которым я тебя окружу… Только ты один можешь спасти его! Потому что мой сын, Роншероль, этот несчастный, которому вынесли смертный приговор, этот узник, готовый встретить свой последний час, это…

— Руаяль де Боревер! — воскликнул Ронше-роль.

— Да…

Приступ безумного смеха овладел великим прево, его бледные губы искривились, глаза сверкнули адским огнем. Он поднял к небу сжатые кулаки и проревел:

— Вот теперь я понимаю ту инстинктивную ненависть, которую всегда испытывал к этому разбойнику!

Он сделал шаг по направлению к Нострадамусу.

— Я хотел убить тебя! Дурак! До чего же я был глуп, до чего безумен! Я бы только избавил тебя от боли… О нет, живи, живи, мой Рено, живи как можно дольше с мыслью о том, что Роншероль и впрямь мог организовать побег твоего сына и спасти его от смерти, но вместо этого сам возвел его на эшафот! Скоро ты увидишь, как я спасу твоего ублюдка!

Выведенный из себя этой вспышкой непримиримой ненависти, Нострадамус выхватил из ножен кинжал и занес его над головой. Но в то же мгновение рука его замерла в воздухе, ставшие огромными глаза остановились на дверях церкви, которые внезапно распахнулись, пропуская странную процессию…

— Мой сын! — воскликнул Нострадамус.

— Моя дочь! — не веря своим глазам, прошептал Роншероль.

С площади доносился глухой ропот… Внутри храма бряцало оружие, но почти сразу же его бряцание было перекрыто вознесшимися к куполу траурными песнопениями хора. И все эти, казалось бы, несовместимые звуки, все шумы перекрыл торжественный звон погребального колокола, который с вышины возвещал о грядущем несчастье… Процессия двинулась к алтарю. Там были монахи со свечами в руках и с покрытыми капюшонами головами, там были алебардисты, повернувшие оружие острием к земле. Колокол звонил. Священники возносили к небесам свою скорбь словами молитв. Между монахами и алебардистами к алтарю шел приговоренный к казни…

Скрещенные в запястьях руки Руаяля де Боревера были связаны толстой веревкой. Но ноги оставались свободны. Он был в черном шелковом камзоле, с обнаженной головой. Он шел твердым, размеренным шагом, слегка наклонив голову к левому плечу. Он не видел ничего и никого — кроме одного-единственного существа! Он не слышал ничего — кроме одного-единственного голоса! Его глаза сияли таким восторгом, от его

лица исходил такой свет, что те, кто его видел, не смогли сдержать приглушенного возгласа, в котором слышались восхищение мужеством страдальца и жалость к нему. Но он этого даже не заметил. Он даже не оглянулся, он смотрел только в одну сторону — туда, налево, куда была склонена его голова. И тем единственным существом, которое он видел, которое он слышал, была Флориза! Каким образом ей удалось вырвать разрешение присутствовать здесь? Оно было брошено ей как милостыня? Или и в нем проявилась изощренная жестокость королевы? Какая разница? Она была здесь, а это главное… Она шла рядом с приговоренным таким же твердым размеренным шагом, как и он, она тихонько что-то говорила возлюбленному. Она была смертельно бледна, но улыбалась. Иногда она наклонялась, брала в свои его связанные руки и благоговейно целовала их.

— Что вы делаете, Флориза? — шептал Боревер.

— Это руки, которые вернули мне свободу, подарили жизнь, я благословляю их! — отвечала девушка.

И на это на все, словно на свою собственную казнь, смотрел во все глаза Роншероль.

Процессия подошла к задрапированному в

черную ткань с серебряной окантовкой алтарю, влюбленная пара замерла перед ним — так, будто они были женихом и невестой, готовыми поклясться в любви и верности друг другу до последнего вздоха.

— Почему вы хотите умереть? — очень тихо, очень нежно прошептал Боревер. — Такая юная, такая прекрасная… Кто так достоин счастья, как вы? Просто невозможно представить, что вам не удастся забыть этот черный день…

— Когда топор палача коснется твоей шеи, вот этот кинжал пронзит мою грудь. Разве я не поклялась когда-то, что умру тогда же, когда и ты?

Нострадамус каким-то чудом держался на ногах. Все сломалось, все рухнуло, все умерло в нем. Он застыл в неподвижности, но волосы его были взъерошены, а в глазах светился огонек безумия…

— Стража! — закричал Роншероль. — Уведите эту девушку!

— Простите, монсеньор, — сказал офицер, командовавший алебардистами, — но я не могу нарушить приказ королевы.

Роншероль закусил губу, кровь потекла по подбородку. Он двинулся к дочери. Но в этот момент началась месса.

Великий прево вытащил кинжал из ножен. Зазвонил колокольчик. Священник, высоко подняв дароносицу, обернулся к растерянной от всего происходящего пастве. Воцарилась мертвая тишина. Общее молчание нарушал только хриплый шепот разъяренного Роншероля:

— Уходи отсюда! Уходи же!

Опять все смолкло, и тогда в тишине прозвучал другой голос — чистый, звучный, мелодичный. Это говорила Флориза:

— Я, Флориза де Роншероль, перед моим отцом, перед всеми людьми, которые слышат меня, перед Господом Богом, который всегда со мной, заявляю, что беру в мужья до самой смерти присутствующего здесь Руаяля де Боревера…

Роншероль поднял руку. Из глаз его посыпались искры безумия. Губы извергли глухие проклятия. Внезапно он, дико расхохотавшись, вонзил кинжал себе в грудь по самую рукоятку. И сразу же упал навзничь…

Все, кто был в церкви, невольно вскрикнули. Люди Роншероля бросились к нему, подняли на руки, понесли к выходу из церкви. Но они не успели переступить порог храма, когда великий прево, чуть приподнявшись, крикнул:

— Рено! Рено! Теперь ты доволен?

И только после этого испустил последний вздох… Поняла ли Флориза, что произошло? Да и видела ли она вообще молниеносно разыгравшуюся драму? Вряд ли. В том состоянии духа, в котором она находилась, отделенная от собственной смерти лишь несколькими минутами, она жила только ради жениха. Нострадамус видел, как упал Роншероль. Смутная надежда, помогавшая ему до сих пор держаться, несмотря на слова ненависти, брошенные ему в лицо великим прево, окончательно рухнула. Он выскочил из церкви, добежал до Гревской площади, ворвался в дом Городского Совета и потребовал пропустить его к королеве. Оставалось несколько минут до казни…

Месса, которую служили для приговоренного, закончилась. Снова медленно зазвонил колокол. Процессия вышла из дверей церкви тем же порядком, каким незадолго до того вошла в храм. Вот только во главе ее, прямо перед приговоренным встал человек, который дожидался окончания службы за дверью. Он медленным шагом пошел чуть впереди. На его плече сверкал большой топор с острым, как бритва, лезвием.

Это был палач…

Ни Боревер, ни Флориза не видели его. Они ви-

дели только друг друга. И говорили только одно:

— Я люблю тебя!

Процессия, пройдя между двумя рядами лучников, добралась до Гревской площади и остановилась у подножия эшафота. Офицер, командовавший алебардистами, тронул Флоризу за руку, снял шляпу, поклонился и сказал:

— Мадемуазель, вам нельзя идти дальше…

Она ничего не ответила. Но бесконечно грациозным движением обвила обеими руками шею Боревера. Наблюдавшая за всем происходящим огромная толпа взревела. Рыдания, просьбы о помиловании, крики, выражавшие сочувствие, слились в один нестройный хор. У людей лились слезы из глаз, кто-кто кричал, кто-то тихо повторял про себя:

— Милости! Помилования приговоренному!

Влюбленные были так молоды, так красивы, они так гордо встречали неизбежную смерть! Флориза шепнула:

— Прощай, мой возлюбленный супруг, я обожаю тебя!

— Я обожаю тебя! — эхом откликнулся Боревер. Они закрыли глаза, губы их поискали и нашли друг друга, встретились и слились в божественно прекрасном поцелуе любви и смерти… Их первом

поцелуе!

Оторвавшись от Флоризы, приговоренный поднялся на эшафот. Палач подвел его к плахе. Боревер встал на одно колено, положил голову на плаху. Глаза его были обращены к Флоризе. Он улыбался. Он восклицал:

— Я люблю тебя! Я люблю тебя!

— Я люблю тебя! — отвечала девушка, сжимая в руке кинжал. Она тоже улыбалась.

— Помилования! Помилования! — вопили люди, заливаясь слезами.

Палач, взявшись двумя руками за топорище, пристально посмотрел на одно из окон дома Городского Совета. Внезапно в этом окне появилась фигура в черном. Женщина… Екатерина Медичи… Она сделала знак рукой… Знак, позволявший казнить. Острое лезвие занесенного топора блеснуло в воздухе…

IV. Телохранители маленького Анри

Накануне трагических событий, происходивших в то утро, что мы описывали в предыдущей главе, Мирта, выйдя из особняка на улице Тиссерандери, помчалась куда-то выполнять таинственное и, видимо, крайне важное поручение, данное ей Нострадамусом. Дело было около полуночи. Неукротимая решимость читалась на лице храброй девушки. Боль, ревность, отчаяние — все теперь было направлено только на одно, все служило одной цели: спасти Руаяля де Боревера. Мирта собиралась предпринять последнюю, решающую попытку. Она собиралась атаковать Лувр!

Может быть, вы, мои читатели, не забыли еще, что в день рокового турнира Мирта случайно встретилась с Бураканом, Тринкмалем, Страпафаром и Корподьяблем, ставшими «дворянами королевы». Может быть, вы не забыли, что бывшие спутники Боревера по его бурной жизни сказали тогда бывшей хозяйке трактира «Угорь под камнем»:

— Если тебе понадобится когда-нибудь проникнуть в Лувр, достаточно будет сказать пароль, и

тебя сразу же пропустят. Захочешь нас увидеть, стоит только произнести «Пьерфон», и тебя проведут к нам…

Вот о чем Мирта рассказала Нострадамусу в тот вечер. И вот почему Нострадамус, которому не удалось пройти в Лувр самому, отправил туда Мирту.

Итак, королева, как нам известно, проводила переговоры со своими советниками, поручив своим «вернейшим из верных сторожевым псам» охранять маленького Анри.

Время было тревожное. Екатерина опасалась всего и всех. Подозревала каждого. Но сильнее всего ее тревожила безопасность единственно любимого из ее сыновей. Потому нашей четверке пришлось поклясться Богом, спасением собственной души и, помилуй, Господи, отлучением от рая, что, во-первых, они ни на мгновение не спустят глаз с маленького принца вплоть до дня, когда тело усопшего Генриха II упокоится в королевском склепе; во-вторых, они не задумываясь убьют всякого, кто попытается приблизиться к ребенку; в-третьих, умрут, защищая юного Анри, если в том возникнет необходимость…

В силу данной ими клятвы, Тринкмаль, Страпафар, Буракан и Корподьябль вынуждены были

дневать и ночевать в спальне королевы, куда, пока не закончится самая тревожная пора, переселили маленького принца. Анри мирно спал. Его телохранители, то и дело сокрушенно вздыхая, смотрели на посапывающего во сне малыша. Их постигло огромное горе. Они думали только о нем… Они говорили только о нем… И все-таки время от времени зевали от скуки.

— Что за парень! Какая проворная шпага! Первая шпага во всем мире! — вдруг воскликнул один из друзей.

— Приговорен! Мы теряем нашу душу! Королевство теряет главное украшение своей короны! — отозвался другой.

— Господа! — сказал, приоткрыв дверь, дежурный офицер. — К вам эмиссар от королевы!

— Эмиссар? Это еще кто такой? Ну, пускай войдет!

В секунду вся четверка оказалась на ногах. Офицер скрылся. В комнату вошла женщина. Дверь за нею сразу же закрылась. Женщина скинула капюшон плаща.

— Мирта!!! — в один голос, совершенно обалдев от неожиданности, но не скрывая восторга, завопили они.

Они бы еще долго ликовали, но девушка прило-

жила палец к губам и дала им знак успокоиться. Потом, собрав в тесный кружок, окинула всю компанию сумрачным взглядом и спросила:

— Хотите его спасти?

Им не было нужды повторять вопрос дважды. Они не произнесли ни слова в ответ. Их глаза, их мигом изменившие выражение физиономии, то, как они приосанились, как схватились за шпаги, — все говорило «да», кричало «да», вопило о готовности отдать все четыре свои жизни за спасение его единственной. Договоренность была достигнута сразу, и девушка попыталась как можно более коротко объяснить, в чем должна заключаться их миссия:

— Надо сделать вот что. Схватить маленького принца Анри. Вывести его из Лувра до девяти часов утра. Отвести его в дом на улице Тиссерандери (сейчас я вам расскажу, как до него добраться и как туда попасть). Вы это сможете?

— Считай, что дело сделано! — сказал Тринкмаль.

— Да мы убьем саму королеву, если она помешает! — пригрозил Страпафар. — Это ж ради нашего волчонка!

Мирта, сообщив все нужные сведения о доме на улице Тиссерандери, ушла и только напомнила

напоследок:

— До девяти утра! Ни минутой позже!

Оставшись одни, друзья обменялись пылающими взглядами. Одинаковым движением они удостоверились в надежности оружия. Одинаковым движением приблизились к кровати, где посапывал ребенок. Они собрались было… Но в этот момент дверь открылась, и на пороге появилась… королева.

— Все в порядке, — сказала она. — Можете отправляться в свои апартаменты.

Они замерли на месте, оглушенные, растерянные… Они снова обменялись взглядами, говорившими об одном намерении… Никогда еще Екатерина Медичи не была так близка к смерти…

Вернувшись в свою опочивальню, друзья разрыдались. Они провели ужасную ночь, не находя себе места и обдумывая, что же теперь делать. Наступило утро. Рассвело. Часы пробили шесть. Потом семь. Восемь часов! Все в них клокотало. Они обезумели от отчаяния. Совершенно растерянные, они уже подумывали о том, не поджечь ли Лувр, когда внезапно в их комнате появилась Екатерина и, увидев, что они полностью одеты и вооружены, удовлетворенно улыбнулась.

— Мне нужно на час уйти из Лувра, — сказала она. — Стерегите его в мое отсутствие. Будьте бдительны, как никогда!

Королева сама проводила «своих дворян» в комнату, где находился — уже одетый — маленький принц Анри, и, наконец, удалилась. Как раз вовремя, потому что все четверо были вполне готовы вцепиться ей в глотку и удушить.

Эта ночь, такая тяжелая для нашей четверки, оказалась еще тяжелее для Мирты. Девушка провела ее у ворот Лувра, откуда они должны были выйти. К утру Мирта поняла, что все пропало. Раз «телохранители» принца еще не вышли из дворца, значит, им помешало какое-то непреодолимое препятствие. Ей показалось, что она умирает… Она ожесточенно вцепилась зубами в шарф, болтавшийся у нее на шее, чтобы не закричать от боли и отчаяния.

Шарф был ярко-алым. Он был предназначен для того, чтобы можно было подать сигнал. Накануне вечером, надевая шарф на шею Мирты, Нострадамус сказал:

— Надо надеяться до последней секунды. Вы помашете мне этим шарфом, и я пойму, что наша затея удалась.

Потом наступил ужасный момент, когда девуш-

ка услышала гул толпы, собравшейся на Гревской площади поглазеть на казнь. Как они шумели, как кричали! Потом зазвонил колокол… Собирая последние силы, она постаралась представить себе:

«Вот сейчас он в церкви… Вот заканчивается месса… Его повели… Ведут… Он идет навстречу своей смерти!»

Она чуть не застонала громко, ощущая приближение смерти Руаяля, как приближение своей собственной. Закрыла глаза. И вдруг услышала рядом с собой знакомый голос:

— Так вот, девочка моя, все в порядке. Мальчонка у нас. Мы идем.

Не веря своим ушам, она распахнула глаза… И увидела! Она увидела Тринкмаля, увидела Страпафара, увидела Корподьябля! Они быстро шли в сторону улицы Тиссерандери. А впереди всех шагал Буракан… Буракан с мешком на широких плечах!

На этот раз Мирта не сдержала крика. Она сорвала с шеи шарф и, размахивая им, помчалась на Гревскую площадь.

V. Первый указ короля Франциска II

Теперь нам нужно вернуться к тому моменту, когда Екатерина Медичи, сидя у окна дома Городского совета, откуда ей открывался вид на эшафот, приказала пропустить к ней мессира де Нотр-Дама, который только что попросил аудиенции.

«Сейчас узнаю, — подумала она, — почему для счастья моего сына Анри мне необходимо присутствовать при казни…»

Она обернулась и увидела Нострадамуса. Увидела его таким бледным, исстрадавшимся, с таким взволнованным, таким изможденным лицом, что сразу же поняла: сейчас ей предстоит узнать очень странные вещи. Нострадамус встал у окна так, чтобы ему — ему тоже! — было видно все: эшафот, толпу, площадь до самых краев, — и заговорил с королевой. Екатерина заметила, что маг, с трудом роняя слова, даже не смотрит в ее сторону. Он пожирал глазами Гревскую площадь!

— Мадам, — сказал Нострадамус, — я только что из церкви Сен-Жермен-л'Оссерруа. Я видел, как там, у самого выхода из храма, умер ваш великий прево. Господин де Роншероль поразил

себя кинжалом прямо в сердце.

— Ах-ах! — спокойно отозвалась Екатерина. — И почему же он убил себя? Вам известна причина?

— Известна. Он убил себя потому, что его дочь Флориза полюбила того, кого вот-вот казнят, потому, что она объявила об этом перед всеми, кто был в церкви, потому, что поклялась перед Богом и людьми принадлежать своему жениху до самой смерти…

— Флориза? Та малышка, которая приходила ко мне сегодня ночью и умоляла из милости к ней подарить жизнь приговоренному или, по крайней мере, позволить ей умереть вместе с ним?

— Да, мадам.

— Флориза? Та самая девушка, из-за которой мой царственный супруг собирался со мной развестись? Та, которую вы отправили в Пьерфон? В общем, та, которая была моей самой грозной соперницей?

— Да, мадам.

— Значит, она любит этого разбойника. Что ж, они вполне друг друга достойны, — сказала Екатерина, и Нострадамус по ее тону почувствовал, что большего удовольствия ей было не доставить и что наконец-то уязвленное самолюбие коро-

левы удовлетворено. — Отлично, пусть станут супругами в смерти! Навечно!

— Мадам, — предпринял последнюю попытку смягчить ее злобу Нострадамус, — я пришёл попросить вас дать этим детям возможность стать супругами в жизни, а не в смерти. Вы мне многим обязаны. А в будущем вы будете мне обязаны еще большим. Я предоставлю свои знания и всю свою жизнь к вашим услугам. А в обмен прошу только жизнь приговоренного…

— Да почему он вам так дорог? — удивилась Екатерина.

— Потому что он мой сын, — просто ответил Нострадамус, но в этих нескольких словах прозвучала такая невыносимая боль, такая мольба, что даже каменное сердце дрогнуло бы. А Екатерина в ответ бешено замотала головой.

Даже не глядя на королеву, Нострадамус почувствовал, что проиграл. Он понял, что решение Екатерины бесповоротно. Он понял, что она посылает Боревера на смерть не только как хранителя ее тайны, но куда в большей степени — как жениха Флоризы. Он понял, что главная ее цель при этом — уничтожить Флоризу!

Минуты три-четыре они молчали.

В течение этих минут любой, кто смог бы за-

глянуть в душу Нострадамуса, ощутил бы, каким он может быть божественно прекрасным, каким возвышенным в своем горе. Его великий дух, в тот момент почти полностью истощенный, вступил в сражение со слабостью. И это была чудовищная борьба.

А мрачная процессия уже показалась на Гревской площади…

— Мадам, — снова обратился к королеве Нострадамус, и в голосе его не было никакого металлического оттенка, он был мягким, почти нежным. — Мадам, сжальтесь! Спасите моего сына!

Екатерина пожала плечами.

— Не хотите? Ну, хорошо, так слушайте же! Я хотел избежать этой сложной операции… Но раз так надо, придется прибегнуть к ней… Пусть моего сына казнят! Я совершу невозможное: я воскрешу его!

Екатерина вскочила со стула. Резко распрямилась. В сердце ее проник страх, душу терзали ужасные подозрения.

— Значит, это правда? — прошептала она. — Вы умеете воскрешать мертвых?

— Разве я не говорил вам об этом, мадам? Я все проделаю на ваших глазах…

— Да, говорили, говорили, — бормотала королева, утирая капельки холодного пота, выступившего на лбу. — Вы говорили, и я вам верю… Но когда вы мне рассказывали о том, как совершается это жуткое таинство, вы… вы сказали, что для воскрешения мертвеца требуется кровь ребенка… ребенка благородного происхождения… вы сказали, что это должно быть дитя любви…

Приговоренный поднялся на эшафот…

— Так и есть, — ответил Нострадамус. Руаяль де Боревер подошел к плахе…

— Вы еще говорили мне, что никогда не осмелитесь убить ребенка!

— И это правда, — сказал Нострадамус.

Палач обернулся и посмотрел на окно дома Городского совета…

— Клянусь Богоматерью, я хочу проверить, так ли это! — воскликнула Екатерина, приблизилась к окну и подала палачу условный знак.

Нострадамус пылал. Его глаза, его лоб, все его существо излучало ослепительный свет, это было чистое пламя, это был взрыв сверхчеловеческой радости… Там, внизу, на краю площади, он только что увидел мечущийся на ветру, рвущийся из рук Мирты ярко-алый шарф! Он схватил королеву за руку, сделав над собой неимоверное усилие,

все-таки смог выговорить:

— Я решусь убить ребенка, чтобы воскресить моего сына! У меня есть такой ребенок. Он в моих руках. Это ваш сын, мадам! Это ваше дитя! Это Анри!

И упал как подкошенный.

Екатерина завопила нечеловеческим голосом. Потом, не помня себя от страха и отчаяния, высунулась в окно и, размахивая руками, хрипло прокричала:

— Стойте! Остановитесь! Помилование! Помилование! Вы слышите, я помиловала его!

И топор палача не упал на шею приговоренного! И огромная толпа взорвалась радостными криками:

— Это королева! — Она его помиловала! — Да здравствует королева! Виват! — Помилование! — Ура! Ура! — Слава королеве!

Руаяля де Боревера препроводили обратно в камеру дожидаться окончательного решения его судьбы. А Флориза? Как она снова оказалась на улице Тиссерандери в объятиях Мари де Круамар, которая осыпала ее ласками, уговаривала, успокаивала, утешала, вела себя так, будто и впрямь была любящей матерью девушки? Как Флориза попала туда? Только одна Мирта могла

бы объяснить это…

Екатерина Медичи позвала на помощь. Ни за что на свете в эту минуту она не решилась бы оставить Нострадамуса одного. Ее сотрясала конвульсивная дрожь. Гнев, бешенство, ненависть бушевали в ее душе. Но что значили все эти чувства по сравнению с ужасом, который буквально затоплял ее, когда она думала о том, что ее ребенок, ее возлюбленное дитя сейчас полностью во власти этого человека! Его могут убить! Зарезать! Ее сына! Ее малыша Анри! Его драгоценная кровь прольется капля за каплей! О боже, какие адские видения то и дело вспыхивали в ее мозгу!

По приказу королевы два или три придворных врача засуетились вокруг Нострадамуса, пытаясь привести его в чувство. Но их мастерства не потребовалось. Маг очнулся благодаря огромному усилию собственной воли, к нему вернулась вся его энергия, он пристально смотрел на королеву и был в этот момент необычайно похож на архангела, поразившего демона…

Увидев, что Нострадамус пришел в себя, Екатерина набросилась на него.

— Если ты сказал правду, — хрипло шептала королева, и речь ее прерывалась судорожными вздохами, — если ты сказал правду, значит, я

в твоей власти! Ты сильнее меня! Но если ты солгал… О, горе тебе! Если ты солгал, ничто не сможет спасти ни тебя, ни тех, кто тебе дорог! Мы сейчас же отправляемся в Лувр!

— Я и сам хотел вам это предложить, мадам, — спокойно отозвался Нострадамус.

Через четверть часа Екатерина вместе с Нострадамусом и вызванным для бдительного наблюдения за магом солидным эскортом была уже в Лувре. Она бегом взбежала по лестнице к своим апартаментам, пулей ворвалась в спальню. Пусто! В соседних комнатах — тоже! Весь двор принимал участие в поисках: обшарили королевские апартаменты, навестили каждый уголок дворца, все перевернули вверх дном: ни ребенка, ни его телохранителей! Принц Анри бесследно исчез! И «дворяне королевы» тоже!

Королева едва не отдала богу душу. В течение двух часов она боролась с тяжелейшим нервным припадком, из которого никогда и не вышла бы без помощи Нострадамуса. Когда наконец она овладела собой, то немедленно отослала всех суетившихся вокруг нее придворных, приказав оставить ее наедине с Нострадамусом.

— Я побеждена, — призналась Екатерина, сделав над собой видимое усилие. — Верните мне

сына! Говорите ваши условия!

— Мадам, — сказал Нострадамус тем не допускающим возражения голосом, который уже был так хорошо известен королеве, — сейчас вы попросите короля Франции написать обязательство, текст которого я ему продиктую. Он возьмет на себя долг чести, мадам… Однако вполне возможно, что в конце концов король не побоится нарушить эти обязательства и тем самым обесчестить себя. Если такое произойдет, Ваше Величество, если с моим сыном или с его молодой женой случится какое бы то ни было несчастье — послушайте! — что бы вы ни предпринимали против меня, куда бы ни запрятали вашего сына Анри, в какое бы дальнее подземелье ни бросили меня самого, я отовсюду достану вас, мадам! Я использую могущественные силы Неведомого, которые всегда приходят мне на помощь, и я… я… отберу кровь вашего сына до самой последней капли!

— Я верю вам! Верю! — сгорбившись, молитвенно сложив руки, бормотала Екатерина, растерянная, охваченная ужасом, не знающая, что еще предпринять, чтобы спасти ребенка. — Делайте что хотите, только верните мне Анри!

— Прекрасно, — торжественно произнес маг. — Так прикажите же позвать нового короля

Франции!

Вскоре юный король вошел в комнату и с любопытством уставился на Нострадамуса. Екатерина к тому времени уже приготовила на столе перо, чернила и лист пергамента, скрепленный печатью с королевским гербом.

Не глядя на сына, она сказала:

— Сир, вам необходимо написать то, что этот человек сейчас вам продиктует.

Франциск II покрутил в руках перо, которое ему протянула Екатерина, потом задумчиво взглянул на мать.

— Это что же, будет мой первый королевский указ? — спросил он.

— Да, сир, — ответил за Екатерину Нострадамус странно вибрирующим голосом.

— Интересно… Я впервые подпишу какую-то бумагу в качестве короля… Скажите, господин Нострадамус, это делается для добра или во зло кому-то? Потому что для меня это очень важно! Как бы мне хотелось своим первым указом совершить что-то доброе и прекрасное!

Нострадамус низко поклонился.

— У Вашего Величества не должно быть никаких сомнений, — проникновенно, с глубокой нежностью сказал он. — Я клянусь спасением

своей души, что благороднейшее стремление вашей души, сир, будет удовлетворено!

Юного короля тронуло чувство, с которым были произнесены эти слова. Видно было, что мальчик тоже разволновался.

— Господин Нострадамус, — спросил он, — вы ведь были личным врачом Его Величества, моего покойного отца?

— Да, сир…

— Так вот, теперь я назначаю вас своим личным врачом! Пожалуйста, диктуйте!

И Нострадамус принялся диктовать.

«Я, Франциск II, король Франции, свой честью клянусь, что нижеследующее обязательство будет в точности выполнено. Человека, известного под именем Руаяля де Боревера, никто никогда не станет преследовать, допрашивать и тревожить в связи с тем, что он сказал или сделал до сего дня, 6 июля 1559 года от Рождества Христова. Я разрешаю и одобряю бракосочетание вышеупомянутого господина Руаяля де Боревера и благородной девицы Флоризы де Роншероль, выдвигая при этом следующее условие: все состояние,

все движимое и недвижимое имущество, все золото и все деньги отца мадемуазель Флоризы, покойного господина де Роншероля, будут переданы в собственность бедняков города Парижа. Одновременно приказываю полностью отказаться от преследования за любые действия, совершенные до сего дня, людей, известных под именами Тринкмаля, Страпафара, Корподьябля и Буракана.

Такова моя воля, и я подписываю это обязательство собственноручно.

Франциск II, король Франции».

Юный король поставил свою подпись под документом и передал пергамент Нострадамусу.

— А почему вы ничего не попросили для себя самого? — поинтересовался он.

— Сир, — ответил Нострадамус, — должность, которую Вашему Величеству было угодно только что мне доверить, сама по себе послужит для меня надежной защитой.

Король грациозно поклонился Нострадамусу, вышел из апартаментов матери и отправился к себе, чтобы поскорее с гордостью рассказать жене, юной королеве Шотландской, о том, как он подписал свой первый королевский указ.

— Мадам, — сказал Нострадамус Екатерине, едва король удалился, — я отправляюсь за вашим сыном. Очень скоро я верну его вам.

— Как? — вздрогнув, спросила удивленная королева. — Как? Вы идете за моим ребенком, не дождавшись, пока ваш сын окажется на свободе?

— Да, мадам, — поклонившись, ответил Нострадамус.

Екатерина минутку подумала. И, может быть, испытала в этот момент чрезвычайно редкие в ее жизни добрые чувства. Во всяком случае, после этой минутной задумчивости она взволнованно предложила:

— Хотите, останемся друзьями, мессир?

Нострадамус склонился к протянутой ему руке и слегка прикоснулся к ней губами.

— Идите с Богом, — все так же прочувствованно сказала Екатерина. — Но я не стану дожидаться вашего возвращения с Анри. Я сейчас же отправлюсь в Шатле, чтобы вернуть свободу вашему сыну. Я обязана сделать это сама.

Екатерина Медичи сдержала слово. Час спустя после того, как под первым указом Франциска II была поставлена его королевская подпись, мать уже сжимала маленького принца Анри в своих объятиях. А в это же самое время Руаяль де

Боревер, Флориза, Мари де Круамар и Нострадамус, встав на колени у постели в доме на улице Тиссерандери, у постели, на которой покоилось тело убившего себя великого прево Роншероля, возносили к небесам поминальные молитвы о его грешной душе…

Эпилог

Известно, что Нострадамус прожил еще некоторое время в Париже, добросовестно исполняя обязанности личного врача короля Франциска II, а затем и Карла IX. Затем он удалился в красивый провансальский городок Салон, где под могильной плитой в церкви Сен-Лоран и обрел вечный покой. А до этого… Если Господь одарил каких-то мужчину и женщину возможностью познать высшее счастье, то это были Нострадамус и Мари де Круамар… Но какой же дорогой ценой далось им это высшее счастье!

Спустя двенадцать месяцев после описанных в этом романе событий, в памятную годовщину страшного утра, когда они должны были умереть, в той же самой церкви Сен-Жермен-л'Оссерруа, где они объявили себя женихом и невестой, Руаяль де Боревер и Флориза де Роншероль сыграли свадьбу. И надо сказать, что счастье этих детей оказалось лучшим подарком судьбы для Нострадамуса и Мари.

Что до Мирты, то она, по всей видимости, в конце концов утешилась, потому что пять лет

спустя, в 1564 году, она уже была замужем за неким шевалье де Гонессом. В приданое своему супругу она принесла весьма значительную для того времени сумму в сто тысяч экю, которую лично вложил в ее красивые ручки все тот же Нострадамус.

Мы очень долго разыскивали хоть какие-нибудь сведения, способные пролить свет на личность шевалье де Гонесса. И в один прекрасный день удалось разгадать загадку: роясь в довольно древних и вызывающих полное доверие бумагах, мы нашли среди них одну, рассказывавшую о том, что в 1563 году земли Гонесса, вместе с титулом шевалье, были куплены Нострадамусом для человека, настоящее имя которого было Буракан.

Достигнув, таким образом, высокого положения в обществе и будучи очень богатым, Буракан оставался таким же простым и скромным человеком, каким был всегда. Он ни за что не хотел разлучаться с Боревером, в чем его очень поддерживала Мирта, которой ни за что не хотелось жить в разлуке с Мари и Флоризой. Что же до господ Тринкмаля, Страпафара и Корподьябля, они так и прожили всю жизнь холостяками. Вряд ли стоит говорить о том, что и им тоже разлука с Боревером казалась невыносимой и что они

наотрез отказались покинуть своего бывшего вожака. Все они провели вместе немало долгих и счастливых лет, вспоминая о прежних славных подвигах.

Наконец, в заключение скажем, что слава Нострадамуса была безмерной и вполне заслуженной. Удалившись в тихий Салон, он не только продолжал там свои научные исследования и лечил больных. Нет, еще больше, чем когда-либо, он размышлял о том, что даже в наши дни волнует самые дерзкие умы: об истинности человеческих принципов и целей, к которым стремится душа человека.

— Есть только один учитель, который не терпит над собой никакого насилия, — имел обыкновение говорить он. — Высшую магию вы найдете в работе. Работа приведет людей к познанию непознанного, это будет медленный, но верный подъем к вершине духовного знания, еще недоступной толпе, но вершине, к которой стоит стремиться, потому что оттуда одним взглядом можно окинуть Истину во всей ее целостности — единую, бесконечную, нераздельную, ослепительную Истину…

А когда его спрашивали, кто же этот таинственный учитель, который способен привести

человечество к постижению Истины, он с таинственной улыбкой отвечал:

— Этот учитель — Время…

Читатель! Если по капризу судьбы или из-за случайного изменения маршрута вашего путешествия вы окажетесь неподалеку от Салона, нарвите по дороге полевых цветов и положите их у скромной могилы великого Нострадамуса…